



Ибрагим Рахим

**ДАРЮ ТЕБЕ
СОЛНЦЕ**

РОМАН

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафурда Гуляма
1987.

Уз2
Р 27

*Авторизованный перевод
с узбекского Ю. КАРАСЕВА*

Р 4702570200—5 74—87
М352(04)—87

- © «Звезда Востока» № 1, № 2, № 3, № 4, 1985 г.
© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987 г.
(оформление).

ОТ АВТОРА

Как известно, вскоре после опубликования постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» мелиораторы и строители Узбекистана решили помочь русским братьям и взять шефство над Ивановской и Новгородской областями. Центральный Комитет Компартии нашей республики горячо одобрил эту инициативу. Так было положено начало новому хашару.

Почему новому?

Потому что примеров действенной бескорыстной помощи одних советских народов другим советским народам — несть числа.

Разве восстановление, обновление Ташкента, пострадавшего от землетрясения, не было всесоюзным хашаром? Ведь тогда тысячи представителей всех советских республик, множества советских городов поснежили в столицу Узбекистана, чтобы заново ее отстроить, и благодаря братским усилиям русских, украинцев, белорусов, грузин, — тут я должен был бы перечислить чуть не все нации, сплоченные в единую семью, имя которой — Советский Союз — Ташкент стал еще краше, чем прежде. Повинуясь велению сердца, долгу дружбы, и мои земляки поспешили в нечерноземные области России, чтобы принять посильное участие в преображении Нечерноземья. И когда отправились туда первые эшелоны с добровольцами из Узбекистана, я понял: это — моя тема!

Не раз побывал я и в Новгородской, и в Ивановской областях, и сколько же увидел и узнал интересного, близкого моему сердцу, моим тематическим устремлениям, сколько встретил замечательных людей — и местных жителей, и моих земляков.

Их жизнь, их славные дела все с большей неодолимостью вовлекали меня в свой круговорот.

Я не мог не поделиться с читателями своими наблюдениями, мыслями, чувствами, вызванными поездками по землям Нечерноземья, встречами и беседами с покорителями нечерноземной целины.

То, что вышло из-под моего пера, — это в какой-то мере —

но только в какой-то мере! — роман-хроника. Мне хотелось дать читателю представление об этапах преобразования Нечерноземья, о нелегких задачах, которые пришлось решать — вкуче с местными тружениками — мелнораторам и строителям моей республики, об их трудовых свершениях, об ошибках на неторном пути, о препятствиях, которые они преодолевали, о том, что происходило и происходит в Новгородской, Ивановской, а теперь и во Владимирской областях. И, прежде всего, о людях, выполняющих долг братства.

Я писал произведение не документальное, а художественное, и, естественно, его ситуации и персонажи являются плодом авторского воображения, а если иные из героев покажутся похожими на реальные лица, — прошу считать это случайным совпадением.

Не вымышлены в романе лишь названия некоторых городов, вообще географические реалии, а также сам факт узбекского хашара на Нечерноземье.

*О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости.
И пролить свою кровь за тебя я готов!*

Хамид Алимджан.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Второго января тысяча девятьсот семьдесят пятого года самолет, совершивший спецрейс, высадил на аэродроме, окруженном густым лесом и покрытом толстым слоем задубевшего, твердого, как такыр, снега, первый десант добровольцев, прибывших из Узбекистана.

Гостям, смотревшим в иллюминаторы, показалось, что самолет опустился на озеро, скованное белым льдом. Белизна эта искрилась в свете прожекторов, установленных возле наспех сколоченной деревянной трибуны. Искрился и снег, взметенный поземкой, кружившийся в сумеречном воздухе. Самолет подрагивал под порывами резкого ветра. Снежинки роем белоснежных бабочек налипли на стекла иллюминаторов. И, еще не выйдя из самолета, гости поеживались.

В общем-то, снег им был не в диковинку. Некоторым уже довелось побывать в России в зимнее время, и ничего, нужно было только одеваться потеплее. Да и в Узбекистане зимы порой выдавались снежные. И все-таки многих пугала разыгравшаяся снаружи вьюга.

К самолету приставили трап, ветер раскачивал его.

Первым ступил на него Эргаш Кудратов, за ним потянулись остальные.

В глаза им ударили лучи прожекторов, в лица — стужа. Ветер вспенивал снег, напáдавший на поляну, вверх тут и там поднимались белые смерчи.

Всего несколько часов назад, когда «десантники» садились в самолет, лица их оведал теплый мягкий ветерок. А здесь, словно для того, чтобы подчеркнуть контраст между климатом Средней Азии и Нечерноземья, между тем, что они оставили дома и что их

ожидало на земле Ивановской, — их встретили выюга, обилие снега, жгучий мороз.

Кто-то, из более закаленных, усмехнулся:

— Ишь, как жалит! Будто осы налетели.

А Набиджану, который прежде не выезжал за пределы Узбекистана, почудилось, будто в его щеки и уши впилась сотня острых иголок.

Он потер ладонями пылающее лицо:

— Бр-р-р... Какие там осы! Скорпионы...

— Это еще цветочки! — ослабилась Байбеков. — То ли еще будет. Впереди-то весь январь и февраль.

— Спасибо, утешил, — дрожа от холода, сказал Набиджан.

— А ты думал, медом лакомиться сюда приехал?

Они спрыгнули на снег, скрипнувший под ногами, и тут же раздался веселый голос:

— Ребята! Внимание! Нас окружают...

II

Мелиораторов и строителей в первую колонну «десантников» отбирал сам Кудратов.

Это был опытный целинник.

В свое время он участвовал в освоении Голодной степи, строил целинный город — Янгир, потом перешел на джизакские земли, руководил ирригационными работами в пустыне Талимарджан; всегда он был в первых рядах покорителей целины; и после того, как от Мирзачуля — Голодной степи — осталось только название, и на месте бесплодной степи зазеленели-забелели хлопковые поля, закудрявились сады, а пустыня, под напором целинников, отступила, прижалась к Джизакским горам, Кудратов задумался: за что же прийтись теперь? У него была беспокойная душа преобразователя. И когда Центральный Комитет Компартии Узбекистана призвал мастеров ирригации отправиться в Ивановскую и Новгородскую области, чтобы превратить там скудные, заболоченные почвы в плодородные, Кудратов не только с готовностью — со всем пылом своего сердца откликнулся на этот призыв.

Его манили перспективы, которые открыла партия перед Нечерноземьем. Манила работа, вроде бы и привычная, но вместе с тем таящая трудную новизну... Манила высокая цель: добиться для страны, во многом еще нуждавшейся, изобилия хлеба, кормов, мяса, мо-

дока. Ведь в Нечерноземье намечалось создать совхозы именно мясо-молочного направления.

И вот, за несколько дней до отправки на новое место жительства первой шефской колонны, Кудратов сидел в своем кабинете, в управлении Степирсовхозстроя, с трудом втиснув в кресло свое могучее тело, и просматривал пухлые папки с перепиской, различной документацией, списками, относящимися уже к его новой должности... То и дело он ерошил ладонью все еще черные, как смоль, волосы, и хотя его смуглое, округлое лицо выражало сосредоточенность, — видно было, что он волнуется. Все чаще поглядывал он, с нетерпеливым ожиданием, на белый телефонный аппарат, казалось, спрашивая его; ну, что молчишь!? Знаешь ведь, что я — как на иголках...

Мыслями он был в роддоме, где его жена Дилафруз готовилась подарить ему шестого ребенка. Его, конечно, радовало, что у него появится еще один наследник или наследница ему это было все равно; но сейчас он желал лишь одного: чтобы жена благополучно родила. К сожалению, основания для тревоги имелись; когда Дилафруз забирали в роддом, она пристально посмотрела в глаза Кудратову и тихо сказала: «Может, все и обойдется... Но что-то у меня предчувствие нехорошее... Боюсь я...»

Он уже дважды справлялся о состоянии жены; врачи не могли ему ответить ничего определенного; акушерка, находящаяся при Дилафруз, обещала, в случае чего, позвонить ему сама.

Кудратов с раздражением взглянул на телефон. То трещит без конца, а сегодня — словно онемел!

И в это мгновение раздался зовущий, требовательный звонок. Кудратов торопливо поднял трубку:

— Да. Слушаю.

— Это товарищ Кудратов?

— Да, да, я. — Он был уверен, что звонят из роддома. — Не томите душу: родила? Мальчика или девочку? Как сама-то себя чувствует?

Трубка некоторое время молчала. Кудратов был сам не свой от волнения: неужели с женой что-то случилось и ему не решаются об этом сообщить?

На том конце провода послышалось смущенное покашливание, и женский голос мягко проговорил:

— Товарищ Кудратов? Вам звонят из ЦК. Вас ждут. Кудратов достал носовой платок и вытер вспотев-

ший лоб. Он не сразу пришел в себя от растерянности. Надо же, так попасть впросак! Вот уж верно молвится: не говори «восемь», не сосчитав до восьми. С чего он решил, что ему могут звонить только из роддома?

Совладав, наконец, с растерянностью, Кудратов произнес в трубку:

— Я сейчас... сейчас выезжаю. закажите мне, пожалуйста, пропуск.

Он убрал со стола бумаги, взял из сейфа нужные документы и едва успел положить их в папку со списками первых «десантников», как опять зазвонил телефон. Кудратов недовольно нахмурился. До чего же нетерпеливы эти секретарши! Ведь сказал же: выезжает. Рывком сняв трубку с рычага и не удосужившись выслушать звонившую, Кудратов как можно вежливее проговорил: — Простите, но я уже выхожу. Скоро буду у вас.

И опять он не досчитал до восьми, опять попал пальцем в небо! Потому что на этот раз звонили из роддома. Правда, ничего утешительного ему не сообщили. Предупредили, чтобы он потерпел еще немного и не волновался; Дилафруз скоро должна разродиться.

Кудратов снова полез в карман за платком. Легко сказать: не волнуйтесь! Самое страшное в жизни — это неизвестность.

Он и не заметил, как доехал до здания ЦК КП Узбекистана, как поднялся на нужный этаж.

Воображение его рисовало больничную палату с Дилафруз, врачей и сиделок, которые обеспокоенно суетились возле нее, искаженное страданием лицо жены...

Лишь когда он вошел в просторную, светлую приемную, ему удалось взять себя в руки.

За столами, стоящими почти вплитык друг к другу, сидели две женщины средних лет — секретарши; они даже не взглянули на Кудратова, занятые своими делами. Кудратов чувствовал себя неловко. Ему бы следовало извиниться за свой промах перед звонившей к нему секретаршей, но он не знал, с какой из двух разговаривал.

В приемной томились три посетителя, с портфелями на коленях.

Кудратов вздохнул. Значит, сам он попадет еще не скоро. Вполне успел бы по дороге сюда взглянуть в роддом, узнать, что с Дилафруз... И на душе у него было бы сейчас спокойней.

Он подошел к окну, откуда открывалась пестрая панорама Ташкента. Вон Анхор несет свои зеленовато мерцающие воды... Неподалеку устремилась ввысь металлическая конструкция. Оголенные ветви деревьев переплетались в замысловатые иероглифы. А дальше, как на макете, были разбросаны дома, одни — поменьше, другие — повыше. Многие еще достраивались, и тут и там медленно двигались верблюжьи шеи кранов.

Кудратов, казалось, уж наизусть изучил этот пейзаж и все же каждый раз открывал в нем для себя новые детали и черточки. Сейчас же он вообще смотрел на город как бы другими глазами: ведь среди мешанины зданий затерялся роддом, средоточие его мыслей, его заботы и тревоги...

Но вот двери кабинета распахнулись, и из них вышло несколько мужчин с папками под мышками.

Посетители, ожидавшие приема, оживились. Да, теперь их черед, — с некоторой завистью подумал Кудратов. Но одна из секретарш, держа в руках блокнот и шариковую ручку, обратилась к Кудратову:

— Товарищ Кудратов! Заходите, пожалуйста:

Она, видно, ему и звонила. И хорошо, что он поспешил с приездом: если уж его принимают вне очереди, значит, к Кудратову срочное дело.

Торопливым шагом Кудратов направился к дверям кабинета. Разыков, один из ответственных работников ЦК, занимавшийся вопросом Нечерноземья, вышел из-за стола ему навстречу, тепло поздоровался.

В это время зазвонил один из телефонов, и он, извинившись перед Кудратовым, взял трубку. Кудратов старался не прислушиваться к тому, что он говорил; чуть откинувшись на спинку стула, рассеянным взглядом обвел кабинет, который был куда больше приемной, а обставлен — скромно; в нем было много воздуха, света.

Закончив телефонный разговор, Разыков с улыбкой заговорил:

— Перед вашим приходом я просмотрел некоторые статистические данные. Представляете, за последние годы численность населения в нашей республике увеличилась почти на миллион человек. А по всей стране — на пятнадцать миллионов! Судите сами, насколько вырос и спрос — на различного рода товары и, прежде

всего, на продукты питания. Предложение же пока отстает от спроса. Село, которое кормит население и питает сырьем нашу промышленность, не успевает удовлетворять возросшие потребности народа. Поэтому партия и принимает меры, направленные на решение аграрной проблемы, на то, чтобы отдача колхозов и совхозов — была полной и эффективной. Впрочем, не вам мне это объяснять. Уж кто-кто, а вы в курсе всего происходящего.

— В курсе, в курсе. И от всей души поддерживаю меры, о которых вы говорите.

— Я в этом не сомневался. Вам также известно, что одна из важнейших задач, стоящих перед нами, — это преобразование Нечерноземья. Вот уж где, действительно, зарыт богатейший клад, таятся неиспользованные продовольственные резервы. Хлеб, мясо, молоко, овощи, ткани для одежды... Сделать этот клад достоянием народа не так-то просто. Но мы всем, чем можем, обязаны помочь нашим русским братьям.

Кудратов, слушая Разыкова, согласно кивал; тот, вроде бы, не сказал ничего нового; но каждое его слово служило вдохновляющим подтверждением мыслям самого Кудратова. Он весь был — внимание.

— Чем мы, прежде всего, способны поделиться с тружениками Нечерноземья? Нашими знаниями, нашим опытом в области мелиорации. Собственно, не такой уж он и наш, этот опыт. Мы тут — лишь ученики русских. Кто нам вручил ключи, с помощью которых мы отомкнули набитый всяким добром сундук, именуемый Голодной степью? Русские ученые. А у нас, узбеков, есть хороший старый обычай: платить добром за добро. Сейчас нам представилась отличная возможность: делом отблагодарить русский народ за все, что он нам дал. И тут нам пригодится все то, что мы приобрели, поверили практикой — при освоении Голодной степи, которую я назвал бы лабораторией, где ставились смелые эксперименты и получили путевку в жизнь передовые методы ирригации и мелиорации. Так что мы приедем на Нечерноземье не с голыми руками, а во всеоружии опыта. Силенок у нас хватит, чтобы одолеть все трудности, как вы думаете?

— Я уверен: хватит.

— Что ж, значит, пора отправляться в путь первым ласточкам.

— Десант готов к отправке. Вот — списки первой

кочонны добровольцев-целинников, — Кудратов протянул Разыкову папку. — Тут и наши социалистические обязательства.

Разыков пробежал глазами бумаги, удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. Думаю, и наши братья-нечерноземцы останутся довольны.

— Когда же — в дорогу? — возбужденно спросил Кудратов.

— Чем скорее, тем лучше. Ну, скажем, следующий попельдильник вас устраивает?

— Вполне.

— Только, мне кажется, сперва лучше полететь не всей колонне, а небольшому отряду. Во главе с вами, конечно. Выберите из списков — самых лучших. Это и будет наш первый «десант». Договорились?

Разыков, поднявшись, проводил Кудратова до дверей. Крепко пожимая ему руку, сказал:

— Ни на минуту не забывайте, что вы едете в Россию с великой миссией: самоотверженным грудом на землях Нечерноземья еще больше укрепить братскую дружбу между узбекским и русским народами. Вам предстоит создать на этих землях образцовые, опытно-показательные совхозы! За вашей работой будет пристально следить вся страна. Так что придется мобилизовать все свои силы, все умение. И я убежден — наши целинники не подкачают.

— Спасибо за доверие.

— И вот что я еще хочу вам напомнить. Как говорит пословица, сила орла в крыльях, сила человека в дружбе. Дружба наших народов — вот один из могучих источников процветания нашего общества. Вы — посланцы этой дружбы. И это налагает на вас особую ответственность.

— Понимаю. Мы не подведем наших земляков.

— Верю. И от всего сердца желаю удачи «десантникам». Счастливого пути!

Кудратов покинул кабинет Разыкова и в приемной столкнулся с Хакимовым.

Подойдя к Хамиду Хакимовичу, Кудратов впился в него тревожным, вопросительным взглядом. Тот поздоровался с ним, но ничего не сказал. Некоторое время они молча стояли друг против друга, один — взволнованный, другой — спокойный. Наконец Кудратов спросил прерывающимся голосом:

- Что-нибудь с Дилафруз?
— С Дилафруз? — у Хамида Хакимовича удивленно поднялись брови. — Там пока, вроде, все по-прежнему.
— Вы ничего от меня не скрываете?
— А что мне скрывать? Я сам пока в неведении.
— Это правда?
— Честное слово, я вас не понимаю...
— Так почему же вы здесь?
Хамид Хакимович рассмеялся:
— Ах, вот в чем дело! Так меня вызвали. Уезжаю на новое место.
— Куда?
— Сооружать Туямуюнское водохранилище,—он перевел взгляд с Кудратова на дверь, из которой тот вышел. — Судя по всему, вы тоже собираете чемоданы? И куда же держите путь?
— В Иваново. Везу первый десант.

III

Нелегко было Кудратову отобрать людей для этого первого десанта. Желающих было столько, что папки распухли от все новых и новых списков. Было из чего выбирать. Но Кудратов решил ограничиться добровольцами из той колонны, которая уже готовилась к отправке. Счастливчиками, правда, оказались лишь тридцать человек, — четвертая часть колонны. На долю остальных выпало — ждать своего часа...

Принцип отбора у Кудратова был строгий. Прежде всего — не брать женщин! Даже тех, кто числился в опытных специалистах. Даже умелых машинисток и мастериц-стряпух. Конечно, всем им нашлось бы дело на земле Ивановской. Но ведь это — первый десант. Так сказать, разведка. И окажется он в одной из северо-западных областей России в суровую зимнюю пору. Смогут ли женщины выдержать лютые морозы, снежные бури, свыкнуться с условиями, которые поначалу непременно будут трудными, в короткий срок обжиться на незнакомом месте? Некоторые, возможно, и смогут... Однако Кудратов не любил таких слов, как «возможно», «наверно»... Первый десант! Тут все должно быть — наверняка. Поэтому он придирчиво просматривал списки с мужскими фамилиями. В своих заявлениях добровольцы — все, как один — обещали

трудиться в Нечерноземьи, не жалея сил, не отступая ни перед какими препятствиями. Но Кудратов, не сомневаясь в искренности этих обещаний, больше все-таки доверял своей интуиции. Вот, вроде, неплохой работник, но, говорят, поддался злым чарам «зеленого змия». Пусть пока остается дома. Так... А этот? Начальство им не нахвалится: умелый специалист. Но как глянет на женщину — так облизывается, как кот на сметану. Нет, юбочники нам тоже не нужны. О! Вот — работяга. Только пройдет ли испытание холодом? Вкалывал-то всю жизнь — на солнышке... Да, но на каком солнышке! И если уж выстоял под янгиерскими бешеными ветрами, в мирзачульский зной, когда небо обрушивает на плечи и спины механизаторов огненную лаву, — выдюжит и в морозы. В конце-то концов, не на Северный полюс едем и не в Антарктиду. Впрочем, такие и там не подвели бы... Годен — по всем статьям годен!

Вот так обдумывал Кудратов каждую кандидатуру и, наконец, составил список из тридцати человек и передал его на утверждение в Главк. Список одобрили... Но сколько же оказалось недовольных, обиженных! Кудратов еле успевал отбиваться от их наскоков. Особенно туго ему пришлось, когда к нему заявился младший брат жены, Набиджан, паренек энергичный, напористый, к тому же стоявший одним из первых в списке колонны.

— Ну, дорогой зять, не ожидал! — тон его был агрессивным. — Если помните, я ведь чуть не первый из добровольцев. И специальность у меня дефицитная: шофер. Да в Голодной степи нет места, где не оставили бы свои следы шины моего грузовика! И в Нечерноземьи без меня не обойтись. А вы меня выкинули из списка!

Кудратову ничего не оставалось, как только с сожалением пожать плечами: да, ничего не поделаешь, — выкинул...

— Чем же я хуже тех тридцати, которых вы берете с собой? — наступал Набиджан. — Я требую, чтобы меня включили в список первого десанта!

— Набиджан, дорогой, список уже утвержден, — устало защищался Кудратов. — И ты не попал в него по одной причине: в Голодной степи тоже нужны специалисты, мастера своего дела.

— А, демагогия! — махнул рукой Набиджан, — Джизакцы и сырдарьинцы как-нибудь без меня пере-

бьются. Там есть такие палваны, что в одиночку могут поднять целину не только Голодной степи, но и всей Средней Азии! И они пока не рвутся в Нечерноземье. А я хочу испытать свои силы в самых трудных условиях. И никто не может мне помешать. Восстанавливайте меня в списке, товарищ Кудратов.

— Набиджан!... Ну, нет уже мест в самолете. Подожди, пока отправится в Иваново следующая группа.

— Пусть другие ждут. А я ухвачусь за хвост самолета и полечу с вами, не зря я зовусь Набиджаном!

Разговаривая с Набиджаном, Кудратов сидел, как на иголках. Пока не собрались «десантники», ему нужно еще было поспеть в роддом, узнать, как дела у Дилафруз, побеседовать с знакомыми врачами и акушерками. Решительно поднявшись, он бросил Набиджану:

— Никуда ты не полетишь. Я же сказал: жди. Не уйдет от тебя Нечерноземье.

И он поспешно вышел из кабинета.

Дилафруз, слышавшая, что мужа куда-то вызывали, ждала его с нетерпением, однако Кудратова к ней не пустили. Пришлось ограничиться коротенькой запиской: «Был у Разыкова, улетаю в понедельник. Вас будут навешать наши старшие дети. От души желаю благополучно родить — нового человека! До встречи!»

Кудратова продолжали осаждать желающие лететь с первым «десантом».

Комсомолка Гуландом проявила настойчивость, которой мог бы позавидовать Набиджан. Она пожаловала к Кудратову в гостиницу, где он пока обитал с женой, надеясь, что ее поддержит Дилафруз Хакимовна. Однако не застала ни хозяйина, ни хозяйку и с огорчением узнала, что Дилафруз Хакимовна в роддоме, и нечего рассчитывать на ее помощь. Гуландом, однако, упорства было не занимать. Выйдя из гостиницы, она принялась расхаживать по тротуару, поджидая Кудратова, и когда он, наконец, появился, подступила к нему с грозным видом:

— Вы что же, товарищ Кудратов, против равноправия женщин с мужчинами?

— Я — за, за! — улыбнулся Кудратов. — Не зачисляйте меня в феодалы.

— Тогда почему же ни одна женщина не включена в список десантников?

¹ Набиджан — одно из имен Аллаха.

— Как раз потому, что это десант. Еще не было случая, чтобы в десантах участвовали женщины.

— То — на войне. Да и тогда, наверно, участвовали. И хочу вас спросить: неужели в Иванове не нужна моя профессия?

Кудратов хорошо знал эту девушку — прославленного строителя — и поторопился заверить ее:

— Еще как нужна! И не сомневайтесь, следом за нами поедете и вы. Но придется немного потерпеть... Участники первого десанта уже отобраны, список утвержден.

— И в этом списке — ни одной женщины?

— Так уж получилось.

— Плохо получилось. Вы что, снова в ичкари загнать нас хотите?

Кудратов досадливо поморщился:

— Опять вы за свое! Обещаю вам: будете вы в Иванове. Чуть позднее. Я ведь уже сказал: за первыми ласточками туда потянутся стаи добровольцев.

— А я не желаю плестись в хвосте! Мое место — в первом десанте.

Кудратов развел руками:

— Ничем не могу вам помочь.

— А если я обращусь в ЦК?

— Ваше дело.

— Ладно, — тон девушки не предвещал ничего хорошего. — Вот увидите, я добьюсь своего.

Круто повернувшись, она зашагала прочь. Кудратов проговорил ей вслед:

— Ну, что вы все так торопитесь? Как будто вас там халвой будут кормить! Знали бы, что придется вытерпеть первым десантникам: снег по колено, морозы, вьюги. Да трудностей не перечести!

Оглянувшись, Гуландом задорно крикнула:

— Не пугайте меня трудностями! Будь там легко, я бы не поехала!

Но ни Набиджану, ни Гуландом так и не удалось попасть в «Икарус», отвозивший «десантников» в аэропорт.

Когда закрылись двери автобуса, Кудратов пересчитал пассажиров. Все тридцать на месте. Ни один не опоздал.

От звонкой песни, казалось, раздались стены «Икаруса». Так с песней, с шутками, «десантники» и доехали до аэропорта.

На взлетной площадке их уже ждал готовый отправиться в спецрейс самолет «АН-24».

А вокруг самолета уже теснились провожающие. Из толпы выступили вперед карнайчи в бекасамовых халатах, сурнайчи в красных камзолах, литаврнысты в чувстских тубетейках. И взвились к небу звуки музыки: трубные — карнаев, нежные — сурнаев, звенящие — литавр.

Воспользовавшись всеобщим возбуждением, один парень, из провожающих, незаметно смешался с десантниками. По их рядам прошел шепот:

— Ба! Да это же Набиджан!

— Набиджан! Ты с нами?

— Ну, уж если он что решил, так от своего не отступится, — одобрительно проговорил прораб Хасан Байбеков.

В это время возле самолета появился Разыков с сотрудниками ЦК. Увидев их, «десантники» выстроились в две шеренги. Набиджан, как самый высокий, встал первым справа. Кудратов рванулся, было, к нему, чтобы вывести его из строя, но не успел. Единственно, что мог сделать Кудратов, так это показать Набиджану кулак: мол, погоди у меня. Никто его жеста не заметил.

К «десанникам» обратились с напутственным словом:

— Вас ждут трудные, но почетные дела. И мы верим, что вы успешно справитесь с трудностями, проявите упорство и самоотверженность. Мы верим: вашим землякам, вашим родным не придется за вас краснеть. Ну, и республика готова вам помочь всем, чем может. Из республиканского бюджета на освоение Нечерноземья выделены необходимые средства, мы даем вам самую современную технику. Теперь дело — за вами. Докажите братьям-ивановцам, что каждый из вас — истинный покоритель целины, специалист, каких мало. С честью выолните свой интернациональный долг!

— Уж поднатужимся! Не подведем!

— Постараемся работать лучше, чем дома!

— Счастливо оставаться!

Из толпы провожающих «десанникам» желали счастливого пути, успехов в работе на новом месте: каждому их слову дружно, горячо аплодировали.

Проводы достигли своей кульминации. Карнаи за-
трубили во всю мочь, перекрывая даже гром литавр.

Набиджан первым поднялся по трапу и, сложив ру-
ки на груди, поклонился собравшимся.

По аэропортовскому громкоговорителю уже было
объявлено об окончании посадки на самолет, следую-
щий спецрейсом в город Иваново, и «десантники» ус-
пели разместиться в салоне, когда на взлетном поле
появилась Гуландом. Она бежала к самолету, размахи-
вая какой-то бумагой; левую ее руку оттягивал чемо-
дан в клетчатом чехле; она кричала:

— Подождите! Подождите! Я с вами! Вот путевка
ЦК комсомола!

Слова ее заглушил все нарастающий гул моторов.
От вихря, поднятого винтами, полы легкого пальто де-
вушки развевались, как крылья.

Самолет медленно, тяжело двинулся по взлетной
полосе.

Гуландом опустила чемодан на землю; во взгляде,
которым она провожала удаляющуюся машину, чита-
лись растерянность и упрямство.

IV

Улетели... Улетели — без нее...

Гуландом на все лады повторяла про себя эти
слова.

Сотрудники Аэрофлота чуть не силой заставили ее
покинуть летное поле. Очутившись в зале ожидания,
она некоторое время смотрела на табло, где зажига-
лись и гасли красные точки, составлявшие слова и
цифры, потом подошла к справочному бюро и, загля-
нув в окошечко, спросила, когда будет следующий
рейс в Иваново. Из-за шума, царящего на аэровокзале,
она не расслышала ответ. Когда же снова наклони-
лась, чтобы повторить свой вопрос, кто-то из очереди
тронул ее за плечо:

— Ты что, глухая? Сказали же тебе: больше рейсов
в Иваново нет.

Девушка отступила в сторону и, казалось, только
теперь ощутила тяжесть чемодана, который держала
в левой руке. Она оглянулась, и в глаза ей бросилась
надпись: «Камера хранения находится...» Ее словно
приглашали — побыстрее сдать вещи. Что ж, так она
и сделает. И с чувством облегчения Гуландом напра-

вилась туда, куда позвала ее табличка. Освободившись от чемодана, она вернулась в зал ожидания, уселась в свободное кресло. Ах, если бы вместе с чемоданом она могла сдать горечь и досаду, владевшие ею с того мига, как самолет Ташкент — Иваново ушел на взлет! «Десантники» улетели — она осталась. С каким трудом выбила путевку, и вот — сидит в аэропорту, а не в салоне «АН-24», и некого ей винить в этом, кроме самой себя. Растяпа! Надо было поторопиться. Ведь опоздала-то всего на какую-нибудь минуту! Как много, оказывается, значит порой потерянная минута...

В жизни своей Гуландом старалась не упустить ни одной минуты. Все время она то догоняла кого-то, то ускоряла шаг, спеша достичь поставленной цели, свершить задуманное, закончить начатое...

Родилась она в небольшом кишлаке, расположенном у подножья гор, тогда — в Самаркандской области, а ныне — в Джизакской. Отец ее был каменщиком и плотником, и Гуландом радовалась, когда земляки с гордостью показывали ей дома, целиком — от фундамента до крыш — сложенные руками отца. До сих пор они украшают кишлак.

По стопам отца пошли и братья Гуландом. Правда, младшие — Сафар, Баки и Тахирджан — стали ирригаторами, но все равно они строили: каналы, водохранилище, перемещаясь со своими ПМҚ по Голодной степи. Старший же, Эльбой, по всей области славился как искусный каменщик. Как-то он шуточно похвастался перед сестренкой: «Сладить бы минарет из всех кирпичей, которые я уложил в стены домов, так верхушка его коснулась бы неба». И Гуландом, восхищавшаяся мастерством брата, загадала тогда: «Вот вырасту, и тоже построю башню — от земли до неба».

Ей было за кем тянуться... У нее и дяди были инженерами-освоителями голодностепской целины. Так что росла она в семье потомственных строителей, а как молвит пословица — «жеребенок идет по следу коня». Окончив ПТУ, Гуландом приобрела специальность штукатура; вскоре штукатурила уже двадцать четыре квадратных метра в день вместо положенных шестнадцати, работа ее всегда признавалась высококачественной, и имя девушки не сходило с Доски почета. В Янгере, где она трудилась, Гуландом познакомилась с Набиджаном, который не уступал ей в славе. Фотогра-

фии знатного водителя и знатного штукатура по многозначительному совпадению оказались на Доске почета рядом; больше того, получилось так, что они — со своих фото — смотрели друг на друга: он — лукаво улыбаясь, она — с пристальным интересом, словно хотела узнать, что же представляет собой этот красивый парень с темно-каштановыми волосами и чуть удлиненным лицом. Заметив, что иные горожане, останавливаясь перед этими фотографиями, добродушно усмеются и заговорщически переглядываются, Гуландом, зайдя в горкоме комсомола к знакомой девушке, занимавшейся Доской почета, сказала с возмущением:

— Что это ты меня всем на смех выставила? Мы с этим шофером — будто любимся друг другом!

— А что тут плохого? — весело отозвалась та. — Подходящая пара! Да я бы на седьмом небе была от такого соседства! Пригожий ведь паренек, а?

— Посмотреть бы, какой он в жизни. Фотографы-то и уroda могут в писаного красавца превратить...

— Вот и посмотри. На одних ведь стройках работаете.

Гуландом твердо решила про себя: встретиться с этим Набиджаном и своими глазами убедиться, такой ли он, как на фотографии. Ей помог случай.

Уже достроен был Дворец культуры, и Гуландом с подругами штукатурила наружную стену. Работа вот-вот могла застопориться из-за того, что заканчивался раствор, но как раз в это время к стройке подъехала машина, и водитель, высунув из кабины голову, весело спросил:

— Эй, кто тут у вас главная? В извести не нуждаетесь?

— Еще как! — откликнулась Гуландом, не отрываясь от работы.

— Тогда приказывайте — где выгружать.

Гуландом вынуждена была повернуться к водителю, и лицо ее залилось краской. Это был тот, с Доски почета. И в жизни он оказался куда симпатичней, чем на фотографии. Глаза — огневые, зубы снежно блестят в улыбке.

Стараясь не смотреть на Набиджана, совсем потерявшись, Гуландом показала ему, куда надо выгружать раствор, и когда он, опорожнив машину, уехал, крикнув на прощанье: «До свиданья, красавицы!», — долго глядела ему вслед...

С тех пор Гуландом потеряла покой. Если она долго не видела Набиджана, то у нее ныло сердце, а при встречах с ним язык прилипал к гортани, и она не могла вымолвить ни слова.

Иногда она даже жалела, что не походит на иных современных девиц, которые и держатся непринужденно, и за словом в карман не полезут, и готовы даже первыми признаться парню в любви. Гуландом же, при всей своей энергичности, упорстве, обладала еще и такими драгоценными, — а, значит, все реже встречающимися качествами, — как застенчивость, чувство девичьего достоинства.

Так что Набиджан и не догадывался о ее любви...

Когда началась запись добровольцев для работы в Нечерноземьи, Гуландом подала заявление вслед за Набиджаном. Конечно, не только из-за него она решила ехать в Ивановскую область, — так, во всяком случае, убеждала себя сама Гуландом. Но в то же время мелькала у нее робкая мысль, что, может, в далеком краю, где все и все будут на виду, Набиджан обратит на нее внимание и оценит ее по заслугам...

Легко представить ее отчаяние, когда она, добившись путевки ЦК комсомола, опоздала на самолет, и Набиджан улетел без нее!..

И теперь, сидя в зале ожидания, Гуландом мучительно раздумывала, — как же ей все-таки попасть в группу первых «десантников», чтобы работать рука об руку с Набиджаном. Ну, улететь-то она улетит, не сегодня, так завтра. Но надо сказать так, чтобы Кудратов не посмел отправить ее обратно. С путевкой он может и не посчитаться, скажет: не стоило так торопиться, время терпит, дел впереди еще много, хватит на всех... Вот если явиться к нему — ну, к примеру, с отрядной вестью о здоровье Дилафруз Хакимовны! Уж тогда-то Кудратов ее не прогонит.

Задумано — сделано. Из аэропорта Гуландом отправилась в роддом, где, как она знала, находилась Дилафруз-апа. Дежурная сестра, к которой Гуландом обратилась с просьбой — пропустить ее к роженице, небрежно бросила ей: «Подождите!» и ушла. Гуландом показалось, что она отсутствовала чуть не вечность. Вернувшись, дежурная испытующе оглядела посетительницу, спросила:

— А кем вы приходитеесь Дилафруз Хакимовне?

— Я ее младшая сестра, — не задумываясь, солгала Гуландом.

— Сестра... Ну, раз вы ей близкая родственница, — скажу вам правду. Состояние вашей сестры тяжелое. Ей сейчас делают кесарево сечение.

— А что это такое?

— Ну, это довольно сложная операция. Когда роды затруднены.

В более подробные разъяснения дежурная пускаться не стала. Но и того, что она сказала, достаточно было, чтобы Гуландом встревожилась:

— Значит, ее жизнь в опасности?

— Все обойдется. Такие операции делают у нас не впервые, и заканчивались они благополучно. А почему же ваш зять не пришел?

— Он сейчас, наверно, уже в Иванове. Улетел туда с первой группой добровольцев.

— А, знаю.

— Может, вызвать его в Ташкент?

— Пока не надо. Не стоит его беспокоить. А вот ваша помощь роженице может понадобиться. Я сейчас проведу вас к главврачу.

Гуландом получила у главврача разрешение ухаживать за Дилафруз Хакимовной и добросовестно исполняла обязанности сиделки. Первые сутки после операции Дилафруз металась в горячке, бредила; Гуландом не отлучалась от нее ни на минуту. Придя, наконец, в себя, больная с удивлением воззрилась на незнакомую девушку, сидевшую у ее изголовья. Гуландом объяснила, кто она такая и как сюда попала, и, чтобы приободрить Дилафруз-апа, сказала, что находится здесь по поручению самого Кудратова.

В глазах Дилафруз она уловила радость и благодарность.

Дня через четыре, когда состояние Дилафруз заметно улучшилось, Гуландом предложила ей написать письмо мужу:

— Мне уж пора в дорогу собираться, я и отвезу письмо. Сообщите мужу, как ваше самочувствие, как здоровье ребенка.

Дилафруз кивнула:

— Я напишу. Только вы ничего не говорите ему об операции. Он еще не поверит, что со мной все в порядке. Будет переживать. А ему надо беречь силы и нервы. И вот еще что... Пусть напишет — какое имя

дать мальчику. Родилась бы девочка, я бы сама ее назвала. Но у нас — мальчик... Насчет его имени — мужу решать. А вам спасибо за все. И счастливого пути!

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

— Ребята! Внимание! Нас окружают! — весело крикнул Набиджан, когда десантники по трапу, который покачивался под ними, спустились на скрипучий снег.

Вой вьюги заглушил его слова.

А гости, действительно, попали в окружение: в окружение ивановцев, радушных хозяев и будущих товарищей по работе, в окружение приветливых улыбок, сияющих глаз, громких возгласов: «Здравствуйте, друзья!». «С благополучным прибытием!», «Добро пожаловать в нашу область!».

Словно залп из десятка орудий, грянул туш, исполненный духовым оркестром. Девушки с расшитыми полотенцами, перекинутыми через плечи, неся в руках караваи хлеба и солонки, подошли к Кудратову, потом к остальным «десанникам». Те отведали хлеба-соли, к ним хлынула толпа встречающих, незнакомые люди обнимали, целовали гостей так горячо, как будто успели по ним стосковаться после долгой разлуки. Какая-то молодая женщина поцеловала Набиджана, у него вспыхнули щеки, — или просто покраснелся на морозе? Он тепло подумал: это, верно, и есть знаменитые ивановские ткачихи, одевающие всю страну. А откуда они получают хлопок для тканей? Ясно же, из Узбекистана! Это сестренки наши...

Кто-то толкнул его локтем:

— Эй! Заснул, что ли? Выступает их первый.

Лицо человека, державшего речь, показалось ему знакомым. Ну, да, это Кудимов, первый секретарь обкома партии. Слова его звучали отчетливо, внушительно, хотя половину их Набиджан не расслышал из-за ветрового посвиста, скрипа и шуршания снега. Да, чего-чего, а снега тут — навалом, хватило бы на весь Узбекистан. А кто это сменил перед микрофоном Кудимова? Набиджан и эту женщину где-то видел... Да это же Виноградова, одна из зачинательниц движения

«тысячниц!» Слава ее докатилась и до Узбекистана. Широко известно там и имя Рогозиной, выступившей вслед за подругой. Она и землячка Набиджана Султanova частенько навещали друг друга. Да, никак не скажешь, что они прилетели в «чужие» края. Сколько здесь знакомых! Вот уж верно, что Иваново и Узбекистан связаны тысячью незримых нитей. Впрочем, и зримых — тоже: текстиль-то ивановцы производят из узбекского хлопка. Ташкент, столица республики хлопкоробов, и Иваново, столица «текстильной державы», давно уже соревнуются друг с другом. Недаром же в выступлениях ораторов то и дело звучат слова: «дружба», «братство», «спасибо за помощь»...

Воистину по-братски встретили «десантников» в Иваново! Они сразу же почувствовали себя, как дома. Их мысли выразил в ответном выступлении Кудратов:

— Спасибо вам, друзья, на добром слове. Вы говорили о традиционном соревновании между узбекскими хлопкоробами и ивановскими ткачами, — что ж, оно будет продолжаться. Но прибыли мы сейчас к вам с другими целями. Мы откроем новую страницу нашей старинной дружбы, выдержавшей все испытания. Мы присхали, чтобы помочь целинникам Нечерноземья. По-узбекски это называется: хашар.

II

«Десантников» устроили в гостинице, и на следующее утро Кудимов направился туда, чтобы провести узбекских друзей и пригласить их позавтракать.

В гостинице царил тишина — будто в ней никто и не жил. Решив, что гости еще спят, утомленные вчерашней встречей и банкетом, затянувшимся до полуночи, Кудимов подошел к дежурной:

— Здравствуйте, — он замялся. — Я понимаю, гости наши устали, но все же попросил бы вас — разбудить их.

Дежурная улыбнулась:

— Так они давно уже проснулись!

— Вот как?

— Ну, да. Еще и четырех не было, а они уже собрали свои вещи, рассчитались за гостиницу и ушли.

Кудимов, усмехнувшись, покачал головой.

— Видно, они живут еще по ташкентскому времени. Тут четыре часа, там — семь. И куда же они ушли?

Дежурная пожала плечами:

— Чего не знаю, того не знаю. Но со мной они попрощались, сказали, что сюда уже не вернуться.

Хотя Кудимову и досадно было, что он «упустил» гостей, но особенно корить себя было не за что. Кто ж виноват, что ивановская ночь — это ташкентское утро? Ничего, гости постепенно привыкнут к здешнему часовому поясу...

На всякий случай он предупредил дежурную:

— Номера их никому не отдавайте. Думаю, что пока они все-таки проживут здесь.

Однако жить в гостинице «десантники» не собирались.

Они, действительно, проснулись около четырех часов утра. Лишь Кудратов, которого разбудили шаги в коридоре и голоса, попытался снова вздремнуть, но это ему не удалось. Вздохнув, он поднялся, умылся, и не успел выйти в коридор, как столкнулся с Набиджаном. И напустился на него:

— Ты чего не спишь? На улице-то темно еще.

— Так зима, товарищ Кудратов. А на часах уже семь.

— Это на твоих часах! Пора бы уж перевести их на три часа назад. Начинаем жить по ивановскому времени. Мы ведь теперь — ивановцы. Остальные тоже не спят?

— Давно уж на ногах.

— Где же они?

— Внизу.

— Хорошо. Иди к ним. Я скоро тоже спущусь вниз.

Набиджан застал товарищей перед закрытыми дверьми буфета. Он попросил у дежурной ключ, и когда Кудратов появился внизу, все уже теснились в буфетном зале, а Набиджан весело распоряжался:

— Не будем ждать милостей от буфета. Он начнет функционировать лишь через три часа. За это время можно от голода помереть. Так что выкладывайте на столы — у кого что есть. В старые времена люди, находившиеся в пути, делили на сорок ртов одну изюминку. Я вот казы с собой прихватил — угощайтесь.

Поскольку каждый запасся в дорогу домашней снедью, — столы украсились овощами, фруктами, холодной закуской. Байбеков присоединил к этому богатству две сдобные лепешки:

— Вот. Раздели на всех, Набиджан.

— Э, Байбеков, так не годится. Можно быть жадным, но не настолько же! Пошарь-ка в своем чемоданчике, может, еще что найдется. Ага! Что это такое? По-моему, виноград. Нет ничего вкуснее лепешек с виноградом! Давайте-ка его сюда. — Набиджан удовлетворенно оглядел столы. — Так. Можно сказать, дастархан ломится от яств. Жаль, не догадались мы взять термосы с чаем. Ничего, обойдемся пока водопроводной водой. А чай я вам днем вскипячу.

Накануне вечером Кудратов успел осмотреть здание, предназначенное для штаба узбекских «хашарчи». Это был каменный, массивный дом, — правда, нуждавшийся в серьезном ремонте. «Здание — историческое, — сказал сопровождавший его сотрудник горсовета, — и, значит, старое. И, значит, малость уже обветшало. Но мы поможем вам привести его в порядок».

Туда-то Кудратов и повел после завтрака своих «десантников». Хотя здание находилось далеко от гостиницы, в конце проспекта Ленина, — решили идти пешком. Вчера по городу ребята ехали в автобусе и через заледеневшие стекла ничего толком не сумели рассмотреть. А им хотелось поближе познакомиться с городом, где предстояло жить первое время. Незнакомые места лучше всего осматривать не торопясь, оставившись там, где тебя что-то заинтересует, без спешки, в свое удовольствие любясь новыми для тебя пейзажами, архитектурой, историческими памятниками. И, например, туристы, желающие по-настоящему «познавать» Бухару, предпочитают бродить по ней пешком.

Вот и «десантники», шагая по заснеженным скупо освещенным улицам Иванова, жадно глазели по сторонам, задерживались возле некоторых зданий, читали таблички, объясняющие — когда и что здесь было или какой политический деятель жил, работал.

Часто им встречались плакаты с броскими надписями: «Иваново — родина первых Советов!» Они напоминали о героическом прошлом этого города, тогда Иваново-Вознесенска, где еще в 1905 году были созданы первые Советы рабочих депутатов, города, прославившегося размахом стачечного движения, революционными традициями.

И Кудратов с полным правом мог заявить, что здесь каждый дом, каждый камень мостовой, — это история.

Один из «десантников», взглядевшись в табличку на

потемневшем от времени кирпичном доме, воскликнул:

— Ого! Тут, оказывается, работал Михаил Васильевич.

— А кто такой Михаил Васильевич?

— Вот серость! Ты что, о Фрунзе ничего не слышал? Он же наши края от всякой контры освобождал.

Байбеков поторопил ребят:

— Эй, хватит вам возле каждого дома останавливаться. Экскурсия по городу намечена на воскресенье. А сейчас нас работа ждет.

Вскоре «десантники» достигли здания, отведенного под штаб. Окруженное вековыми деревьями, оно выглядело очередным памятником старины. Показывая на него, Кудратов сказал:

— Вот тут будет размещаться штаб, в этом доме мы пока и проживем. Хотя здание и обветшало, но оно еще много лет простоят. Построено на совесть. Ну, и мы, думаю, не подкачаем, на совесть его отремонтируем.

С каждым выдохом изо рта Кудратова вырывался пар. «Десантники» поеживались в своих далеко не зимних пальто. Кто-то разочарованно произнес:

— Ночевка сегодня разве плохая была? Тепло, уютно...

— Ты у нас такой богатый, — съязвил Набиджан, — что у тебя хватит червонцев на гостиницу?

— Так мы в гостинице ночевали? А я думал — в общежитии.

— Так ты неграмотный? Над входом же вывеска: «Интурист». Это лучшая гостиница в городе. Общежитием мы сами себя должны обеспечить.

— Гостиница... — все не смог успокоиться любитель уюта.

— Да, да, ты спал в номере, который занимают капиталисты и разные фон-бароны.

— Набиджан прав, — сказал Кудратов, — мы не туристы, чтобы нежиться в гостиничных номерах. Мы участники хашара. И уже время приниматься за работу. С чего бы нам начать, как считаете?

Набиджан опять не удержался:

— Эргаш Кудратович, я думаю, прежде всего надо развести тут костер. У костра будем греться в перерывах, да и соснуть возле него можно. Наше солнышко он, конечно, не заменит, да мы ведь не за теплом

сюда приехали. Раз уж назвались десанниками, так и жить нам — по-фронтному. Терпя бытовые неудобства и преодолевая трудности.

Кудратов разделил ребят на три группы, каждой дал конкретное задание. Группа, в которую вошел Иабиджан, должна была заняться уборкой здания. Но прежде чем приступить к работе, он решил осуществить свою идею: собрал разбросанные во дворе сломанные ящики, сухие промерзшие ветки, невесть откуда взявшиеся здесь клочки сена и соломы, разный ненужный хлам, сложил все это в кучу и запалил костер. Огонь долго не занимался, а когда, наконец, вспыхнул, то загулял по веткам и доскам с резким потрескиванием, и во все стороны посыпались искры.

Тут как раз и подъехала черная «Волга», даже в сумерках отчетливо выделявшаяся среди снежной белизны. Она остановилась возле здания, и из нее вышел и направился к «десанникам» Кудимов. Поздоровавшись со всеми и крепко пожав руку Кудратову, он с улыбкой проговорил:

— Товарищ Кудратов, сверьте-ка свои часы по Ивановским курантам. До начала рабочего дня — еще пятьдесят девять минут.

— Ну, наши ребята и дома привыкли вставать еще затемно и на работу выходят до первой зорьки. Говорят, дело, за которое принимаешься на рассвете, дает хорошие плоды.

Кудимов дружески хлопнул Кудратова по плечу:

— Молодцы ваши ребята! Вчера, кстати, мне звонил Разыков, сказал, что в первой, «десантной» группе — лучшие целнинники Узбекистана. Вижу: он прав. Ладно, пусть будет по-вашему. Не стану вам мешать. Но помните: если что понадобится, без стеснения обращайтесь ко мне. Мы готовы помочь вам — всем, чем можем.

Кудимов попрощался с «десантниками». Задержавшись возле Кудратова, чуть смущенно спросил:

— Вот вы все говорите: «хашар», «хашар». И в Узбекистане я часто слышал это слово. Что оно означает?

— Как бы вам это объяснить... Если перевести гочно, то это — помощь соседям тем, кому в одиночку трудно построить дом, обработать землю...

— У нас говорят: навалиться всем миром.

— Можно и так. Но смысл понятия «хашар» —

глубже. Это доброта, человечность, взаимовыручка, когда сосед близко к сердцу принимает нужду и беду соседа.

— Интересно, — задумчиво сказал Кудимов и предложил: — Что-то мне расхотелось уезжать, хочется еще вас послушать. Нам ведь теперь вместе жить и работать, и вы, надеюсь, не осудите меня за желание — лучше понять душу народа, который затеял «хашар» на нашей, ивановской земле.

Приблизившись к костру, они уселись на один из ящиков, предусмотрительно расставленных Набиджаном. От костра веяло жаром, и Кудимов расстегнул свою дубленку. Из здания один за другим выходили «десантники» — погреться у огня. В титане, приткнутом к костру, клокотала вода. Набиджан положил перед Кудимовым и Кудратовым широкую доску, предварительно вытерев ее рукавом ватника, принес лепешку, на которой разместил курагу и черный изюм, заварил в чайнике чай, разлил его по пиалам, захваченным из дома, жестом гостеприимного хозяина указал на доску:

— Дастархан готов. Угощайтесь.

Осторожно прихлебывая горячий чай, Кудимов спросил:

— Товарищ Кудратов, вы уж продолжите свою лекцию о хашаре. Просветите меня. Я знаю, у узбекского народа много славных традиций. Судя по вашим словам, «хашар» — одна из давних и наиболее гуманных.

— Да, она дошла до нас из глубины веков. Сколько традиций, обычаев устарело за это время, а хашар — живет и творит чудеса по сей день.

Кудимов бросил в рот несколько изюминок, запил их чаем.

— Прекрасна традиция, выдержавшая испытание временем!

— А почему выдержала!? Потому что рождена — народом, его насущными потребностями и лучшими его качествами. Хашар — это и палочка-выручалочка, и, как бы это выразиться, орудие воспитания масс в духе коллективизма, сотрудничества, сплоченности.

— То есть, он играл роль своеобразного морального кодекса?

— Именно так! Это неписанный моральный кодекс народа. Даже в преданиях феодального периода не отрицалось, что хашар — гениальное открытие, сделан-

ное тружениками-бедняками, голюю перекатной. Сейчас, конечно, и форма, и суть этой традиции видоизменились. Ведь исторические ее корни — в мрачном прошлом, когда народ стонал под феодальным игом, засильем богачей, а хашар помогал беднякам сплотиться, преодолеть нужду, выстоять в борьбе с невзгодами. Да, да, хашар — это дитя нужды, из которой не вылезали наши деды и прадеды. Из народных дастанов, поэтических сказаний мы знаем, что еще сотни лет назад ясаулы бродили по кишлакам и зывали: все на хашар! Поначалу хашар был ограничен узкими рамками махалли, кишлака. Но вот условия, в каких он зародился и существовал, канули в былое, а хашар — остался, на радость всем труженикам, и приобрел новые черты, прежде всего — масштабность.

Набиджан приволок откуда-то охапку хвороста и подбросил ее в костер. Языки пламени пронзили морозный воздух. Кудимов, казалось, уже не замечал жара, он неторопливо подбодрил Кудратова:

— Говорите, говорите...

— Методом хашара были построены и дом моего деда, и кишлачная школа, в которой я учился. Так хашар проявил свою благодатную сущность и до, и после революции, — Кудратов задумался, глядя на огонь. — Так что же все-таки такое — хашар, неизменный и изменяющийся? Если бы вы спросили об этом у отца Набиджана...

— Того вон парня, который поддерживает огонь в костре?

— Да. Так тот ответил бы так: хашар — это арыки и искусственные водоемы, это рукотворные реки, это, наконец, и БФК — Большой Ферганский канал. О нем вы наверняка слышали.

— Да, конечно. Но растолкуйте-ка эту мысль поподробней. Как, кстати, зовут отца Набиджана?

— Хаким-ата. Его предки издавна были мирабами, распределителями воды. Это очень уважаемая профессия. Предания утверждают, что все живое — люди, растения, птицы — пили воду из рук мирабов. А вода у нас — это жизнь. Это царь царей, душа земли. А ее всегда не хватало. Особенно в Джизакской и Мирзачульской степях, где родились многие из тех, кто прилетел вчера к вам. И Набиджан в том числе. Неподалеку от этих степей протекали и реки, и ручьи, но их водой степняки тогда не могли воспользоваться. Впро-

чем, и дехкане, жившие вблизи от рек, тоже испытывали острую нужду в благотворной влаге: ее ведь надо было поднять на поля. А какая в те времена была техника? Теща да кетмень. Но народ понимал: без воды ему не прожить. Бороться за жизнь — значило: бороться за воду. И вот, под руководством мирабов, применяя лишь ручной труд, дехкане рыли каналы, направляли в искусственные русла воды горных родников, прозрачных, как слеза, прорубали в скалах туннели, сооружали на равнинных землях сеть арыков, по которым вода шла на поля, в кишлачные сады, утоляя жажду людей, фруктовых деревьев, пшеницы и хлопка... В этой работе принимали участие все до одного, стар и млад, и это был — хашар. С появлением воды возрасла роль мирабов, каждая капля была у них на учете; соблюдая строгую очередность, они по совести и справедливости распределяли воду меж дехканами, поровну наделяли ею все деревья и растения. Хаким-ата держался возле отца, внимательно наблюдал за его работой, своими глазами видел: с каким трудом доставался людям каждый глоток воды, и когда началось освоение Джизакской и Мирзачульской степей, продолжил дело отца, тоже стал мирабом — только уже колхозным.

Шло время, и вот уже широко развернулись ирригационные и мелиоративные работы, вода ринулась в прежде бесплодные степи по бетонированным каналам и арыкам. Хаким-ата и радовался, и огорчался; ему казалось, что его опыт, его умение — при новых масштабах ирригации — никому уже не нужны. Он ошибался. Колхоз, где он трудился, преобразовали в крупный совхоз, и Хакима-ата поставили во главе отделения. Он горячо взялся за дело, выращивал не только хлопок, но и разбил в колхозе сады, дававшие щедрые урожаи фруктов. А, кроме того, он вырастил целую стаю детей, и, повзрослев, они, как птицы из гнезда, разлетелись по разным уголкам республики. Кстати, дочка его, сестра Набиджана, — моя жена...

— О!

— А старик сидит в своем доме, в кишлаке, и мечтает о том времени, когда будут проложены новые ирригационные каналы.

— Ого! Ваш тесть — специалист.

— Когда-то иные скептики строительство БФК

считали делом неосуществимым. Далекой мечтой... А его проложили — за сорок дней! Да еще в какие годы: когда и техники было — кот заплакал, и война уже подступала к нашим границам...

— И ведь БФК был сооружен методом народной стройки, так? То есть мы опять имеем дело с хашаром.

— Великим хашаром! Шутка ли: в столь короткий срок проложить триста сорок пять километров! Тогда, помню, аксакалы республики Усман Юсупов и Юлдаш Ахунбабаев, как ясаулы в древние времена, призывали — один горожан, другой дехкан: «Все на хашар! Все как один — на хашар!» И никто после этого не мог усидеть на месте. Людей на строительстве канала было — что муравьев. И каждый старался изо всех сил. А вся техника — это кетмени, лопаты, тачки, носилки. Остается добавить, что трудились все — бескорыстно. И вскоре с шумом, плеском помчалась по каналу вода. То-то было радости! Вот что такое хашар. Вот какова его мощь и плодотворность!

Кудратов длинной палкой поворошил головешки в костре, и когда пламя вновь разгорелось, продолжал:

— А как устранялись последствия Ташкентского землетрясения? Это был всесоюзный хашар, в котором участвовали все наши братские республики. Так что же такое хашар, товарищ Кудимов?

И Кудимов, улыбаясь, ответил:

— Хашар — это бескорыстный, самоотверженный, от всей души труд на благо соседа, друга. А ныне, в новых условиях, — и на благо всей страны, потому что взаимопомощь наших народов крепит могущество нашего государства. Так, товарищ Кудратов? И я рад, что костер хашара разгорится и в нашей области.

Он с одобрением посмотрел на «десантников», возившихся в здании и возле него, выносивших из дома мусор, какие-то обломки, сновавших, как муравьи, туда и сюда, и тепло проговорил:

— Ваши парни, я гляжу, способны и горы стереть в порошок или переместить с места на место. Верю, что они и наши болота превратят в поля и сады. И это будут зримые плоды хашара. Так?

— Ну, вот, — засмеялся Кудратов, — я вижу, что в вашем лице приобрел горячего энтузиаста хашара.

— Вы — умелый агитатор. — Кудимов поднес к глазам руку с часами. — О, пора уже в обком. Я бы с удовольствием еще побеседовал с вами, но, как всегда, ждут срочные дела. Не мне вам это объяснять.

Уже садясь в машину, он спросил Кудратова:

— Где будете обедать? Может, в обкомовской столовой? Или в гостинице?

— Вы за нас не беспокойтесь.

— Да, я знаю, — кивнул Кудимов. — В Узбекистане меня потчевали такими блюдами — пальчики оближешь. Вам, наверно, и не по вкусу придется то, что готовят наши повара.

— Нет, почему же. Ужин вчера был отменный. Я ел с аппетитом. Но в дальнейшем мы уж стряпней займемся сами. Хашарчи не должны превращаться в иждивенцев. Мы помощники, а не гости.

Кудимов с шутовой покорностью поднял руки:

— Сдаюсь, сдаюсь! А то вы еще упрекнете меня в том, что я так и не понял — в чем смысл хашара.

— Убеждают не слова, а дела. Что такое хашар — мы постараемся продемонстрировать и в нашей, и в Новгородской областях.

III

Забот у Кудратова было сверх головы, и лишь к полудню он появился у костра, чтобы поглядеть, что успели сделать ребята, и отогреть заочевенные руки. Подозвав к себе Набиджана, сказал:

— С костром — это ты хорошо придумал. Теперь сделай-ка еще одно доброе дело.

Набиджан поклонился, скрестив на груди руки:

— Приказывайте, товарищ начальник.

— Тут неподалеку, первый переулочек направо, — столовая трамвайщиков. Закажи обед на тридцать одного человека. Я с ними договорился. Когда все будет готово, дай мне знать. Я тут тебя подожду.

Отсутствовал Набиджан недолго. Уже спустя несколько минут у здания штаба остановилась «Волга», из нее выскочил Набиджан и принялся выгружать бидоны, судки и посуду. Расставив все это на ящиках, окоружавших костер, он взял никелированный половник и начал бить им по бидону:

— Эй, десант! На обед! На обе-ед!

Видя, что ребята не особенно торопятся, он крикнул еще громче:

— Что вы ползете, как черепахи? Не заставляйте водителя ждать!

Байбеков, приблизившись к Набиджану, перевел взгляд с него на машину и укоризненно произнес:

— Так... Значит, вместо того, чтобы покормить нас в столовой, решил организовать обед на рабочем месте? И даже, гляжу, с «леваком» договорился, чтобы он все сюда привез? А кто будет ему платить? Я не миллионер, чтобы деньгами разбрасываться.

— Ну, да, тебе подавай все бесплатно!

В это время из здания вышел Кудратов. Он слышал разговор Набиджана и Байбекова и поддержал прораба:

— Байбеков прав. Я о чем тебя просил? Заказать обед в столовой. Но не привозить сюда, да еще на «левой» машине.

Набиджан сокрушенно вздохнул:

— Верно говорится: ни одно доброе дело не остается безнаказанным. И я еще ждал от них благодарности! Ты, прораб, верно, думаешь, что все еще находишься в Ташкенте, где каждый, увидев тебя, начинает зазывать: эй, уртак Байбеков, идите к нам, угощайтесь, выбирайте, что вам по душе: жирный плов, самса или шашлык?! Но тут — не Узбекистан, а Нечерноземье. И скажи спасибо, что тебя приглашают на готовенькое, — повернувшись к Кудратову, он уже тише проговорил, — машина обкомовская. Я ее по пути встретил, и шофер узнал меня. А обед послали из обкомовской столовой, по распоряжению Кудимова. Он велел вам передать: мол, хашар — это взаимопомощь.

Мысленно Кудратов поблагодарил Кудимова за внимание и заботу, а вслух сказал, обращаясь к Набиджану:

— Раздавай-ка обед побыстрее, пока он не остыл.

Набиджан вручил каждому по две тарелки, одну глубокую, другую мелкую, в первую наливал наваристый, еще дымящийся борщ, на вторую накладывал по две сочных котлеты. Когда очередь дошла до Байбекова, язвительно проговорил:

— Можешь быть спокоен: с тебя я не возьму не только за машину, но и за обед. Заплачу из собственного кармана.

Но прораба трудно было смутить:

— Хоп! Согласен! А, может, ты и каждый день будешь за меня расплачиваться?

Набиджан пожевал губами:

— Я бы с удовольствием. Но скажут еще, будто я подхалимничаю перед прорабом.

После того, как ребята пообедали, он перемыл всю посуду, отнес ее в машину и, поблагодарив водителя, сказал:

— Скажи в обкоме, чтоб завтра нам ничего не присылали. Еду мы будем готовить сами.

Когда он вернулся, Кудратов повел группу «десантников», работавших во дворе, на склад стройматериалов. Там для них уже были отложены доски.

— Тащите их к штабу, — сказал Кудратов. — Нам их в долг дали. Прибудет наш эшелон — вернем.

От склада до штаба было не так уж близко. Ребята, взвалив на плечи доски, рысцой бежали по скрипучему снегу. Никто уже не жаловался, что мерзнет. Под тяжестью досок, которые клонились то вперед, то назад, Набиджан пошатывался. Байбеков не упустил случая поддеть его:

— Что, не привык пешком-то ходить? А ты вызови такси. Или «левака» поймай.

Набиджан не удостоил его ответом. Он, видно, что-то обдумывал. И внезапно исчез...

Он знал, что товарищи начнут над ним издеваться: мол, не выдержал, сбежал, кишка оказалась тонка. Но это его не остановило. А, пусть болтают, что хотят, но если он что задумал, так от своего не отступится. А идея его состояла в том, чтобы, и правда, найти «такси» для перевозки досок. Еще когда они подходили к складу. Набиджан заметил «КрАЗ», стоявший поодаль от ворот. Решив, что машина тоже пришла за досками, он прошел мимо, но когда возвращался за новой порцией досок, то увидел, что «КрАЗ» все еще торчит на том же месте. Приблизившись к нему, Набиджан услышал храп, доносившийся из кабины. Тут его и осенило. Взобравшись на подножку, он принялся будить водителя:

— Эй, друг! Ты что ж это дрыхнешь на работе? Или действуешь по принципу: солдат спит — служба идет?

Водитель, зевая и протирая тыльной стороной ладони глаза, хмуро проговорил:

— На сегодня я отработал. Примчал за досками, а мне говорят: приезжай завтра.

— Значит, до завтра ты свободен?— обрадовался Набиджан. — Отлично! Может, подсобишь нам перевести доски со склада?

Водитель спросонья соображал, видать, туго; он даже не поинтересовался — кому надо подсобить и куда везти доски; не дослушав Набиджана, замотал головой:

— Э, нет, не выйдет. Я всю ночь вкальвал. Устал, как собака.

— А тебе и не придется вести машину. Я сам за руль сяду. Я ведь тоже шофер. И учти: в долгу не останусь.

В еще сонных глазах водителя «КрАЗа» мелькнуло любопытство:

— А ты кто такой будешь?

— Меня зовут Набиджан, и ты еще не раз обо мне услышишь. Больших дорог-то тут, наверно, не так уж много. И нам часто доведется встречаться.

— Набиджан...— водитель постепенно приходил в себя. — Ненашенское имя.

— Я узбек.

— Постой, постой... Так ты из этих приехавших?

— Вроде бы так.

— А что с твоей машиной? Небось, в снегу застряла?

— Да не обзавелись мы еще машинами. Вон, на себе доски таскаем. Помогли перевезти их, а? За мной не заржавеет.

— Ладно. Залезай в кабину.

Когда «КрАЗ» въехал во двор склада, Набиджан увидел ребят, гнувшихся под тяжестью досок. Спрыгнув на снег, он зычно скомандовал:

— Эй! Остановить ручной труд! Мы живем в эпоху НТР! Грузите доски на машину!

«Десантники» оживились, вскоре кузов машины был до отказа забит досками.

Когда «КрАЗ» со скрежетом затормозил у затухающего костра, за которым никто не приглядывал, первым его увидел Байбеков, высунувший голову из оконного проема комнаты, где он руководил ремонтом. Набиджан, подбежав, отрапортовал:

— Товарищ прораб! Прибыли доски. За эксплуатацию «КрАЗа» можешь не платить, но распишись в по-

лучении стройматериала. Порадуй нас своей витиеватой подписью...

Пока разгружали доски, водитель «КрАЗа», присев возле костра, грел руки над тлеющими головешками. Байбеков, пристроившись рядом с ним, долго мялся, но потом все-таки спросил:

— Скажи, братец, сколько он тебе заплатил?

Шофер глянул на него с сердитой обидой:

— Будь кто другой, я, может, и взял бы калым. А с вас — не возьму.

— Это почему?

— Потому что вы издалека приехали, чтобы помочь нам. К тому же Набиджан тоже шофер. А шофер шоферу — всегда и везде брат. Кто ж с братьев деньги берет?

Когда доски были занесены в здание и аккуратно там сложены, к беседующим присоединился Набиджан. Он подозрительно посмотрел на Байбекова:

— О чём это ты толкуешь с моим братом, товарищ прораб?

— Да вот, хотел расплатиться с ним, а он наотрез отказывается.

— А ты как думал? Шофер шофера в беде не оставит, всегда окажет ему помощь. Заруби это себе на носу, прораб.

В голосе Набиджана звучала гордость. Не удержавшись, он ехидно добавил:

— А вот в то, что ты хотел расплатиться, — ни в жизнь не поверю!

С водителем «КрАЗа» они расстались друзьями.

Уже начало смеркаться, когда все, закончив работу, собрались вокруг костра, который благодаря стараниям Набиджана снова полыхал, рассыпая искры, даря тепло. Ребята так умаялись за день, что сидели молча, потирая слипающиеся глаза. Кудратов, оглядев их, вздохнул. Каждый, верно, думает о своем, о чем — не догадаешься; а его одолевают мысли о детях, оставшихся за тридевять земель отсюда, о Дилафруз, которая лежит в роддоме. Она сказала ему, что чего-то боится, у нее нехорошие предчувствия... Он, Кудратов, не суеверен, но слова жены его все-таки встревожили. У человека, которого увозят в больницу или роддом, чутье обостренное... Что-то томило Дилафруз. И он мысленно воззвал к жене: да минуют тебя все беды, ох, скорее бы получить от тебя хоть какую-нибудь весточку! Кто-то сейчас рядом с тобой?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

До Москвы Гуландом добралась самолетом, а из Москвы до Иванова поездом.

Было раннее утро, когда она вышла из вагона на перрон. Здание вокзала смутно вырисовывалось в еще не рассеявшемся сумраке, но Гуландом показалось, будто в глаза ей ударил резкий свет. Все вокруг словно молоком было залито — Гуландом никогда еще не видела столько снега. Он кружился в воздухе, покрывал белым одеялом перрон, клочьями ваты лежал на крышах домов и вагонов, стоявших на железнодорожных путях.

С минуту Гуландом озиралась растерянно, а потом пошла за толпой, которая вынесла ее на привокзальную площадь. Тут тоже было белым-бело, снег походил на пену вскипевшего в котле молока, только веяло от него холодом. Гуландом, пораженная этим зрелищем, долго стояла, оглядываясь вокруг. Колючие снежинки оседали на ее каракулевой шапочке, на бровях и ресницах, и вскоре завитки каракуля, и брови, и ресницы сделались седыми. Ее обходили люди, спешащие к автобусной остановке, снег выбелил их одежду, и она видела в них себя — как в зеркале. В автобусах горел свет, но сквозь обледеневшие стекла, сквозь кисею падающего снега силуэты пассажиров еле виднелись.

Гуландом села в первый попавшийся автобус и вышла на конечной остановке. И застыла в замешательстве, не зная, куда идти. Одежда и чемодан, на которые налип снег, казалось, стали тяжелее. Гуландом зябко поежилась и побрела по незнакомой улице. Из-за снега, который густо запорошил все вокруг, нельзя было различить ни названия улиц на табличках, ни номера домов. Номера трамваев и автобусов, проносившихся мимо, тоже были залеплены снегом. К трамваям спереди были приспособлены металлические скребки, чтобы очищать снег, заваливший колею между рельсами, и Гуландом подумала: «Прямо ледоколы». Ледоколы она видела на фотографиях и в кино.

Да, только сейчас Гуландом узнала, что такое настоящая зима и настоящий снег. В кишлаке, где она родилась и в городе, где жила, в зимнюю пору тоже иногда выпадал снег, он лежал на ветвях деревьев, де-

лая их похожими на белые гусеницы, на крышах домов, тонким пушистым слоем покрывая землю, но его было мало, и он быстро таял. А бывали и вовсе бесснежные зимы. И это доставляло огорчение детишкам, особенно под Новый год: на елках их развлекали Дед Мороз и Снегурочка, а на улицах ветер вздымал теплую пыль. Зато как же они радовались, когда с неба начинал сыпаться белый студеной пух. Уж в такие дни их нельзя было удержать дома, они с веселым гамом носились по заснеженным улицам, играли в снежки. Гуландом до сих пор помнится, как больно ударили комочки снега по лицу и шее, оставляя на них синяки. Но и она не оставалась в долгу, снежки, которые она лепила, были самыми плотными и твердыми. И никто лучше нее не скользил по ледяным полоскам, которые образовывались на тротуарах и мостовых, никто не мог догнать ее, когда она мчалась с крутых горок на санках.

Гуландом любила снег. И когда впервые услышала о Нечерноземье, то стала мечтать о русских полях, укутанных белыми одеялами, о лесах, где ветви деревьев гнутся под тяжестью снега, а на пышном снежном покрове меж деревьями виднеются следы птиц и зверей.

Конечно, в Иваново она решила ехать не из-за одного снега. По совести сказать, она смутно представляла себе, какой бывает русская зима, ей грезилось что-то белоснежное, искристое, мягкое, а о зимних стужах она и думать не думала. Нечерноземье привлекало ее возможностью показать, на что она способна, — уж там она поработает в полную силу, и никакие трудности ее не испугают! К тому же Набиджан — не могла же она отстать от него. Это вообще было не в ее правилах: плестись в хвосте у других. Потому она так тяжело переживала неудачу, опоздав на самолет, унесший первую группу «десантников». Больше же всего она негодовала на Кудратова: вот упрямый человек, не захотел взять ее с собой! А как с ней разговаривал? Как с капризной девчонкой. Ничего, Гуландом его переупрямила, и нескольких дней не прошло после отлета первого «десанта», а она уже в Иваново. И пусть сыплет снег, пусть мороз жжет щеки, — она добилась своего! Только вот — где искать «десантников»?

Остановив прохожего, который показался ей солидным, Гуландом, запинаясь, проговорила:

— Простите, пожалуйста... Вы не скажете... где тут Нечерноземье?

Прохожий воззрился на нее с изумлением:

— Что, что? Как вы сказали?

Гуландом совсем смешалась, лицо ее залилось краской:

— Извините...

Она уже и сама понимала, что дала маху со своим дурацким вопросом.

Прохожий взгляделся в нее: черные, сочные, как вишни, глаза, брови — как уголь, смуглая кожа лица... Облик явно нездешний. И нетрудно было догадаться, откуда она.

— Может, вам нужны приезжие мелиораторы? Так их штаб неподалеку отсюда. Идите прямо, потом повернете направо, потом — налево. Да вы их сразу увидите: они там дом ремонтируют.

Гуландом поблагодарила прохожего и направилась по указанному маршруту. Снег все валил, мириады крохотных белых жемчужин усыпали тротуар и мостовую, хрустели под ногами. Когда она свернула направо, то увидела двигавшийся навстречу ей снегоочиститель, тяжелый, как бульдозер. Искристые пласты снега, как земля под отвалом плуга, ложились обочь, аккуратной низенькой грядой тянулись вдоль тротуара. Рыхлый ком снега, отлетев от ножа машины, ударил Гуландом по колену, распался, забился в сапожок, холодя ногу. Девушке вспомнилась игра в снежки...

Гуландом выбралась на расчищенную часть мостовой, идти стало легче.

Перед поворотом налево она натолкнулась на ребят, игравших посередине мостовой в хоккей. Ключки и шайба были самодельные. Дети повсюду одинаковы — лица юных хоккеистов горели азартом, слышались громкие выкрики, подстегивающие, досадливые, укоряющие. Ребята так увлеклись, что не замечали подошедшей Гуландом. Некоторое время она стояла, любуясь шумным спектаклем, затеянным ивановской ребятней. И дождалась, что шайба угодила ей в лоб. Кожа, стянутая морозом, чуть заныла. Ребята смотрели на нее с виноватым видом. Она улыбнулась им и продолжила свой путь.

Лишь после полудня Гуландом добралась до здания, о котором говорил ей доброжелательный прохожий. Из трубы, выведенной через окно, от печки-временки, вил-

ся темный дымок. Над дощатой дверью тускло свети-лась лампочка, вокруг которой кружились белые му-хи — снежинки. На куске фанеры, прибитом к двери, красной краской было выведено: «Управление Степир-совхозстроя в Иванове». Гуландом удивилась: как бы-стро освоились здесь ее земляки!.. Уже и к работе при-ступили! Только почему закрыта дверь и поблизости никого не видно? Наверно, все на обеде...

Взгляд ее упал на стену рядом с дверью, где было что-то нацарапано. Она подошла поближе, всмотрелась. Да это первые «десантники» решили увековечить свои имена! «Набиджан... — читала Гуландом. — Байбе-ков... Валиев... Кудратов...» Всего тридцать одна фами-лия. И под ними — дата: 3 января 1975 года. Зна-чит, уже на следующий же день после прибытия в Ива-ново «десант» взялся за дело. Молодцы! Но разве справедливо, что тут нет ее фамилии? Ведь она же догнала первую группу «десантников». Она, значит, то-же — в авангарде наступления на целину Нечерно-земья. И, достав из сумочки пилку для ногтей, Гулан-дом в конце «мемориального» списка решительно на-чертала свое имя.

В это время за ее спиной раздался сердитый окрик:

— Эй! Что ты тут делаешь?

Гуландом, вздрогнув, обернулась и увидела Байбе-кова. Узнав девушку, тот с изумлением воскликнул:

— Вай! Гуландом! Каким ветром тебя к нам за-несло?

— Тем же, что и вас.

— Когда приехала?

— Сегодня утром.

— Ладно. Пошли в помещение.

Прораб провел неожиданную гостью в одну из отре-монтированных комнат, усадил на скамью, сколочен-ную из досок, сунул ей в руки бутылку кефира и пе-ченье.

— Проголодалась, верно?

— Еще как! — вымолвила Гуландом с набитым ртом.

— Может, в столовую сходишь?

Девушка отрицательно затрясла головой:

— Силушек моих нет! Полдня — на ногах. Еле вас отыскала.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились осталь-

ные «десантники». Они остолбенело уставились на Гуландом, а один из них восторженно крикнул:

— Ура! Подкрепление прибыло! Наконец-то среди нас хоть одна девушка!

И все зашумели, приветствуя гостью, расспрашивая ее, как она сюда попала, что нового в Ташкенте.

Когда появился Кудратов, Гуландом замерла... Ей хотелось съежиться, стать невидимой. Но тут же она взяла себя в руки, выпрямилась, смело посмотрела на управляющего. Тот строго сдвинул густые брови:

— Ты как здесь оказалась? По-моему, мы не посылали тебе приглашение.

— Но у меня же путевка ЦК комсомола. Помните, я опоздала на самолет...

— Тогда почему же не вылетела на другой же день? — в голосе Кудратова слышалась ирония.

И тут Гуландом окинула его победительным взглядом:

— Я в роддоме была. Ухаживала за вашей женой.

Это была минута ее торжества. Лицо Кудратова как-то обмякло, в глазах мелькнули радость, тревога, растерянность:

— Ты была с Дилафруз?

— Ага.

— Мне телеграфировали, что она родила. А как себя чувствует? Как малыш?

Гуландом отвечала неторопливо, степенно:

— Самочувствие у Дилафруз-апа приличное. А от арий вашего сына сотрясается родильный дом. Я привезла вам весточку от нее.

И она, вынув из сумочки письмо, протянула его Кудратову. Он так и впился глазами в строчки, криво бежавшие по листу бумаги; почерк жены можно было узнать с трудом; видно, очень она ослабла после родов; буквы пошатывались — будто тоже обессиленные. Перечитав письмо несколько раз, Кудратов поднял на Гуландом потеплевший, смягчившийся взгляд:

— Она точно в добром здравии? Ты меня не обманываешь?

— Зачем мне врать? Это не в моих привычках. Сперва-то, правда, ей несладко пришлось. Но я сидела возле нее, пока ее здоровье не пошло на поправку. Сейчас с ней все в порядке.

— Спасибо тебе, Гуландом.

— Да, Дилафруз-апа просила вас дать имя сыну.

Дочке бы, говорит, сама дала, а сына должен отец называть. Если сейчас имя придумаете — я могу сбежать, отправить телеграмму.

— Не спеши. Тебе отдохнуть надо после трудной дороги. Трудной ведь, да?

Гуландом смолчала. Она не любила говорить о трудностях, которые уже миновали.

«Десантники» горячо поздравили Кудратова с рождением сына, а он сидел, разморенный, счастливый, и легкая улыбка блуждала на его губах. Вот уже шестой ребенок у них в семье. Сын!.. Теперь он отец трех дочерей и трех сыновей. Ах, славно!

Глядя на его сияющее лицо, «десантники» улыбались. Особенно довольна была Гуландом: теперь-то он не прогонит ее! Решив воспользоваться благоприятным моментом, она сказала:

— Товарищ Кудратов, за добрую весть полагается суюнчи.

— Ты права. Я готов исполнить все, о чем бы ты ни попросила.

— А мне много не надо. Включите меня в первую группу «десанта».

Кудратов незло погрозил ей пальцем.

— Ох, хитрюга! Но что поделаешь: дал слово — надо его держать. Считаю, что ты в списках. Штука-тур нам сейчас — ой, как нужен!

«Что ж, ни умения, ни старания этой девушке не занимать, — подумал он про себя. — А не выдержит здешних условий, расхнычется, так всегда можно будет отправить ее обратно. Только не похоже, что она способна хныкать... Такие, как она, рук не опускают, как бы им ни было тяжело».

Он дал указание — выделить ей в доме отдельную комнатушку.

Глаза Гуландом сверкали, как яхонты:

— Эргаш-ака! А как же все-таки назовете малыша?

Набиджан посчитал, что без него тут не обойтись, тем более, что речь шла о его племяннике:

— Я знаю, как его назвать!

Кудратов заинтересованно взглянул на него:

— Как же?

— Целинником!

Все рассмеялись:

— Ну, имечко! Ничего лучше не мог придумать?

— Что гогочете? Имя, как имя, — с оскорбленным видом возразил Набиджан. — Раньше как было? Если отец во время рождения сына находился в пути, то тому и соответствующее имя давали: Сафарали или Юлчи¹. А у зятя родился сын, когда он прибыл осваивать целину Нечерноземья. Разве плохо, если этот исторический факт отразится в его имени?

Кудратов молчал, и видно было, что он не хочет спешить: дать имя новорожденному — дело ответственное. Ведь оно — на всю жизнь...

И он перевел разговор на другое:

— Гуландом! Ты в Ташкенте случайно не видела эшелоны, которые должны отправиться в Иваново?

— Я специально заходила на товарную станцию. Там много эшелонов с надписями: «Узбекистан — Иваново», «Узбекистан — Новгород». И все готовы к отправке. Так что вот-вот должны прибыть.

II

Не успели еще «десантники» подготовить помещения для жилья и склады для хранения материалов, как из Узбекистана начали прибывать эшелоны, о которых говорила Гуландом. Все новые и новые колонны мелиораторов и строителей высаживались на перрон Ивановского вокзала.

И проблема размещения людей и материалов стала самой насущной, первоочередной. Общежитий, которые выделили для гостей ивановцы, не хватало. Кудратов дал указание смастерить там нары в два, в три этажа. Но и это не выручило. Людей приезжало все больше и больше. Спать на нарах им приходилось по-сменному, что представляло для всех явное неудобство. В Ташкент посыпались телеграммы с просьбами, — нет, категоричными требованиями! — о присылке вагончиков для жилья. И в каждой выделялось кричащее слово: «Срочно!» Вагончики, наконец, появились, тут и там в окрестностях Иванова возникли «городки на колесах», но в жилье все равно ощущался острый недостаток. А каждый из приехавших нуждался в уютном, теплом уголке. Морозы все крепчали, над землей, заты-

¹ Соответственно: «путешественник» или «путник».

нutoй толстой коркой льда и затвердевшего снега, носились с разбойным посвистом ветры; против ветра можно было идти только с закрытыми глазами. Посланцы Узбекистана не привыкли к таким злым шуткам погоды. Лица их сделались, как обожженные, руки мерзли даже в рукавицах.

Так как зимой приступать к мелиоративным работам было бессмысленно, да и невозможно, большинство приезжих «бросили» на торфоразработки. До мест, где они велись, от Иванова и от «городков на колесах» было не так уж далеко, машин по дорогам курсировало много, так что ребята добирались туда быстро, без особых осложнений, и трудились на совесть, — к этому обязывал и «шефский» долг, — не зря же они сюда приехали, преодолев тысячи километров! — да и скучно, негоже было сидеть сложа руки. В добровольцы записывались не бездельники, — истинные труженики.

Работа работой, а надо же было где-то и отдыхать. После напряженного трудового дня усталость валила ребят, но не ночевать же на снегу. И Кудратов с ног сбился в поисках выхода из сложившегося положения. Впрочем, он сознавал, что выход был один: строить поселки мелиораторов. С добротными домами, со всеми удобствами, чтобы люди чувствовали: у них есть свой кров, прочный, надежный, и, значит, они тут — надолго...

Легко сказать: строить поселки! Конечно, ивановцы охотно помогли бы своим «шефам», но смысл хашара заключался в том, чтобы все делать — и возводить поселки тоже — не только собственными руками, но и из строительного материала, выделенного Узбекистаном. Только тогда с полным правом можно было заявить, что тружениками республики ивановцам протянута рука дружбы. И в который уж раз Кудратов повторял про себя: они здесь не иждивенцы, а помощники.

«Самоотверженный труд», — это не громкая фраза. Кровь из носу — а они выполняют задачи, которые сами перед собой поставили. И позаботиться о себе тоже должны сами

В Ташкент снова полетели телеграммы с набатным словом «срочно».

Но в пути в это время уже находились эшелоны со стройматериалами. И вскоре на товарной станции Ива-

ново начали скапливаться вагоны, прибывшие из Ташкента, Джизака, Янгьера, Карши, Нукуса и нагруженные всякой всячиной, начиная со стекла и кончая гвоздями. Везли сюда и технику, и вскоре уже во многих уголках Ивановской области можно было увидеть машины и механизмы с фабричным клеймом промышленных предприятий Узбекской ССР. Мелиораторы почувствовали себя уверенней. Им уже было на что опереться, готовя наступление на целину Нечерноземья. В городах Шуя, Кохма и других создавались опорные пункты. На участках, где кипело строительство или уже расчищались площади под мелиорацию, на вагончиках и первых домах, вдоль дорог, которые прокладывали «Целинники», заперсттели надписи, выведенные на узбекском и русском языках на кусках фанеры, на досках, на картоне. «Превратим Нечерноземье в цветущий край!» «На месте болот — высокоурожайные поля!», «Выполнение плана — наш святой долг!», «Перевыполним план, приумножим славу нашего коллектива!».

Фронт работ все расширялся, и Кудратову приходилось мотаться по всей области. Поскольку легковых машин еще не было, оставалось одно: пользоваться в таких поездках самосвалом. Поначалу Кудратов сам сел за руль машины. Но обязанности водителя требовали напряжения и предельной внимательности, и Кудратов скоро убедился, что управление самосвалом лишило его возможности размышлять в дороге. А подумать было о чем... Хотя из Узбекистана все шли и шли эшелоны с техникой и стройматериалами, но грузов требовалось куда больше, их количество пока не соответствовало намечаемому объему мелиоративных и строительных работ. Выход, опять-таки, виделся один: создавать собственную материальную базу, строить завод железобетонных конструкций. Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай. Ждать, пока земляки пришлют все, что нужно, — дело утомительное и неблагодарное. Кудратову надоело нетерпеливо вглядываться в завьюженные дали: когда-то покажется очередной эшелон. Да, надо обеспечивать себя самим. Надо то... Надо это... Все эти «надо» тяжелой ношей давили на плечи Кудратова, именовавшегося уже управляющим треста «Узбекивановострой». Он старался всюду поспеть — и не поспевал. Дополнительные — водительские — функции, которые он сгоряча на себя взял, только мешали ему. Как ни крути, а без Набид-

жана ему не обойтись. И, вызвав Набиджана, он передал неунывающему джигиту руль самосвала, предупредив при этом:

— Только запомни: хоть ты теперь личный мой шофер, работа твоя — не сахар. Водить машину придется и днем и ночью. А условия — сам видишь, какие: тяжелее не придумаешь.

— Мне не привыкать! — беззаботно отозвался Набиджан. — К тому же, как говорится, у пловущих на одном корабле — и участь одна. Всем сейчас несладко. Будьте уверены, товарищ начальник, Набиджан всегда в боевой готовности номер один!

Ему льстило, что он будет возить «самого главного начальника». И Кудратова Набиджан вполне устраивал. Мало того, что он считался «асом» своего дела. Он еще отличался неугомонностью, проворством и общительностью. По роду профессии ему доводилось бывать во множестве мест, встречаться со многими людьми, и он не упускал случая завязать с ними непринужденную беседу, тем более, что язык у него был хорошо подвешен, и он в охотку рассказывал разные истории, выкладывал все, что у него накопилось на душе, делился тем, что успел прочитать, увидеть, и тем, о чем случайно узнал. Если его одолевали сомнения и он чего-то не понимал, — то и в этом случае разговорчивость ему не изменяла, он ничего не умел таить в себе. Увлечшись, он помогал себе жестикуляцией, мимикой; в разговоре участвовали и руки, и плечи, и глаза, даже лоб, на котором то собирались, то разглаживались морщины.

Кудратов любил с ним потолковать. Наверно, еще и потому, что Набиджан всегда был в курсе всех местных новостей, от значительных до пустяковых, собеседники обычно проникались к нему доверием и «под строгим секретом» сообщали ему о делах и ситуациях сугубо интимных, о конфликтах, носящих не только производственный, но и частный характер. От Кудратова он эти «секреты» не скрывал. И то, что «начальник» внимательно слушал его, доставляло ему истинное удовольствие и наполняло гордостью.

Останавливая самосвал перед Кудратовым, он шуточно докладывал:

— Фазтон подан, товарищ начальник!

Усевшись рядом с ним, Кудратов обнадеживающе говорил:

— Ты не смейся, братец. Сам понимаю, самосвал — не лучший вид пассажирского транспорта. Но дай срок, займем мы и «Волгу».

— Ничего! Недаром же говорится: нет коня — хорош и ишак. Я вас с ветерком прокачу!

Когда он ехал с Кудратовым, то никому не уступал дороги. Самосвал мчался, как бешеный. Зимой такая скорость была рискованной: мало того, что на пути то и дело попадались ухабы и рытвины и машина тяжело подпрыгивала, езду затруднял гололед, да и снег, слежавшийся на дорогах, делал их еще более неровными.

Кудратов порой с деланным испугом просил:

— Потихе, братец, не то я рассыплюсь. При такой езде кирпичи в кузове, и то бы в порошок превратились. А человек слеплен из более хрупкого материала.

— Когда я еду медленно, то замерзаю. Руки перестают слушаться, — как руль держать?

Как-то они спешили на железнодорожную станцию. Из Узбекистана прибыл срочный груз, и надо было без промедления освободить от него вагоны, иначе пришлось бы платить немалый штраф железной дороге, да к тому же грузу могли повредить сырость и холод. Набиджан знал, что на станции их с нетерпением ждут. И его озадачил неожиданный приказ Кудратова:

— Поворачивай-ка обратно, братец.

— Обратно? Нам же на станцию надо, сами меня торопили.

— Ты что, не слышал? Поворачивай!

— Какие-нибудь документы забыли? — предположил Набиджан.

— Забыл, но нечто поважнее документов. Ребята-то наши, верно, намерзлись на станции. А облизполком выделил нам полушубки. Вот их надо взять. Высадишь меня у управления, а сам — быстренько за полушубками.

Оставив Кудратова у здания управления, Набиджан сгонял на облизполкомовский склад, погрузил в самосвал полушубки и помчал обратно, но когда поворачивал на Ташкентскую улицу, машину юзом занесло на тротуар, и она завязла в сугробе.

И черт его понес на Ташкентскую...

Впрочем, черт тут был ни при чем.

Новая улица, недавно получившая название «Таш-

кентская» — пересекала центр города. В одном из ее концов находился знаменитый станкостроительный завод, в другом — завод, выпускавший автокраны. Это были крупные промышленные предприятия, и по утрам и вечерам людские реки текли — к заводам и с заводов. Набиджан любил прогуливаться по этой улице, само ее имя напоминало ему о родных краях, да и была она аккуратней, чище, словно даже светлее других. Однажды, вскоре после приезда в Иваново, он увидел тут девушку, которая задумчиво брела по тротуару. Что-то привлекло его в ней, — может, эта задумчивость, может, ладная фигурка, которую плотно облегла шубка. Во всяком случае, поравнявшись с ней, он замедлил шаг и спросил:

— О чем вы думаете, сестрица? Вид у вас такой растерянный, — глядите, как бы какой прохожий вас не сшиб.

Девушка остановилась, с любопытством посмотрела на Набиджана. Глаза ее улыбались, от задумчивости не осталось и следа:

— Спорю — вы нездешний? И, наверно, из Узбекистана?

— Точно. Меня зовут Набиджан. А вас?

— Надежда. Вы недавно приехали?

— С первой группой «десантников».

— Кого-кого?

— Это мы так себя называем. Поскольку прибыли раньше всех.

— Тогда вы скорее первопроходцы, — девушке, видимо, нравилось поддерживать разговор с посланцем далекого Узбекистана. — А кто у вас в группе?

— Мелиораторы, строители.

— Вы, верно, инженер?

Набиджан сокрушенно вздохнул:

— Да нет. Я всего-навсего шофер.

— Что ж, отличная профессия. А инженером никогда не поздно стать. Если вы к нам надолго, то можете поступить в институт, у нас их много. Будете учиться заочно

— Хм... Я рассмотрю ваше предложение.

За разговором они и не заметили, как несколько раз прошли из конца в конец улицы. С тех пор они стали часто встречаться — в основном, после работы. И ощущали какую-то душевную пустоту, когда подолгу не видели друг друга. Набиджан раньше не верил, что

парня и девушку после первой случайной встречи может потянуть друг к другу. Но именно с ним это и произошло, и он понял, что без Надежды ему — не жить.

Вот и теперь, получив полушубки, он поехал не к управлению, а свернул на Ташкентскую, с тайной мыслью повидать прихворнувшую Надежду. А кончилось все тем, что его подвел гололед, и самосвал, ткнувшись в сугроб, осел передней своей частью: видно, угодил в канаву, не заметную под снегом. Двигатель, захлебнувшись, затих. Набиджану еле удалось открыть дверцу кабины, мешал снег.

Мимо медленно проезжали грузовые и легковые машины, на гололеде они вихляли, как неподкованные лошади; Набиджан двинулся по улице в надежде поймать какой-нибудь тягач: уж тот бы выволок его самосвал из сугроба. Но ему не везло, к тому же мороз пробирал до костей. Сидя в теплой кабине, он и не представлял, как холодно снаружи. Сейчас бы любую машину схватить да уговорить водителя, чтобы он искал трактор. Ох, какая стужа! Набиджану казалось, будто в кожу ему вонзаются тысячи игл, будто все лицо его искусано осами. Набрав в горсть снега, он растер им щеки, лоб, подбородок, уши. И, чтобы согреться, ускорил шаги. А машины все проезжали мимо, и Набиджан даже не пытался их останавливать: в кабине обязательно кто-нибудь сидел, а забраться в кузов он не решался: там совсем бы зазяб.

По счастливому случаю Набиджан встретил знакомого водителя, который тоже чуть не бежал по тротуару, похлопывая ладонями по плечам и груди.

— Ты куда, друг?

— За трактором. Тут неподалеку полно всякой техники.

Оказывается, и его машина застряла в снегу. Набиджан рассказал ему о своей беде. Вдвоем идти было все-таки веселее. И скоро они достигли участка, где прокладывалась новая дорога. Мощные экскаваторы черпали своими ковшами и относили в сторону промерзшую почву, перемешанную со снегом. Скреперы заполняли образовавшиеся выбоины грунтом.

Водитель одного из скреперов, увидев попутчика Набиджана, шумно обрадовался:

— Рахим! Век тебя не видел. Где ты пропадаешь?

— Как пропадаю? Вот, пришел же. Да не один. Гляди, кто со мной?!

— Набиджан! А ты что тут делаешь? Где твой персональный самосвал?

— Я на нем за полушубками ездил...

— За полушубками? Где же они?

— В машине. А машина — в канаве. А канава — под сугробом. А сугроб на Ташкентской улице.

— Не переживай, выручим!

Сперва вытащили из снега машину Рахимджана. Поблагодарив скрепериста, отпустили его. Рахимджан усадил Набиджана в кабину, где уже устроился и помощник шофера, все трое тесно прижались друг к другу, и машина покатила на Ташкентскую.

Вскоре и самосвал Набиджана был благополучно вызволен из снежной ловушки.

Каким-то образом о происшедшем прознал Кудратов; разыскав Набиджана, он набросился на него с упреками:

— Какой черт понес тебя на Ташкентскую? Тебе ведь надо было взять полушубки и ехать в управление, а ты вон какой крюк дал.

Набиджан помалкивал, — что ему оставалось делать?

Взгляд Кудратова задержался на Рахимджане и его помощнике, которые расхаживали возле самосвала в новых валенках, полушубках с белыми воротниками, в ушанках, плотно надвинутых на головы.

— А это кто такие?

Набиджан глазам своим не верил:

— Да это настоящий грабеж! Когда это они успели переодеться?

Кудратов, подойдя к ним, сердито спросил:

— Вы откуда? И кто вам разрешил взять теплую одежду?

— Мы — из вашего треста, товарищ Кудратов. Помогали Набиджану его самосвал вытащить, — видно было, что Рахимджан смущен. — Ну, замерзли здорово. Полушубки-то кстати пришлись... Но вы не беспокойтесь, мы их сейчас снимем.

Кудратов похлопал его по плечу:

— Ну-ну... Сразу же: «снимем». Зачем снимать? Эта одежда и предназначена для таких трудяг, как вы. Считайте, что вы проявили здоровую инициативу. Только не забудьте потом расписаться за них. Набиджан! Ну-ка, оденься и ты.

Когда Набиджан с торопливой готовностью надел

на себя полушубок, валенки и ушанку, Кудратов одобрительно оглядел его:

— Ну, вот. Настоящий сибиряк.— Он обернулся к Рахимджану. — Спасибо за помощь. Носите на здоровье подарки ивановцев. — И, забравшись в кабину самосвала, бросил Набиджану. — Теперь гони на станцию.

III

Увидев, что творится на станции, Кудратов почувствовал себя весьма неуютно. Большинство вагонов с надписями: «Янгир — Иваново», «Джизак — Иваново», «Чирчик — Иваново» и с пометками, предупреждающими, что в них срочный груз, стояли на среднем пути с открытыми дверями. Путь этот именовался «штрафным», и открытые двери означали, что необходимо в спешном порядке освободить эти вагоны от груза.

Легко сказать: освободить! На разгрузке работало всего пять человек. Ясно было, что им не справиться с заданием и за несколько дней. Действовали они споро; несмотря на мороз, по вискам катился пот; дежурный же по станции, вместо того, чтобы похвалить, подбодрить их, лишь подгонял бедняг:

— Быстрее, быстрее, ребята! Черт, где же ваше начальство? Ведь ваш трест завалят штрафами!

Заметив приближавшегося Кудратова, он с облегчением произнес:

— Ага, легок на помине, — и накинулся уже на него. — У нас все пути заняты вашими вагонами. А кто их разгружать будет?

— Надо было вовремя сообщить, когда и сколько составов с грузами придут на станцию. Без точной информации трудно что-либо предпринимать. Мне пока еще вещие сны не снятся...

— Так вот, информирую вас: на подходе еще состав из Узбекистана. И все вагоны — пульмановские.

Кудратов схватился за голову:

— Когда же он должен прибыть?

— Часа через три.

Подозвав Набиджана, Кудратов приказал ему:

— Поезжай на объекты и привези людей. Как можно больше. И как можно быстрее. Время не ждет.

Набиджан побежал к самосвалу.

В первую очередь он заглянул на строительную площадку, где уже началось возведение завода железобетонных изделий. Идея Кудратова воплощалась в жизнь. Впрочем, в данный момент как раз не воплощалась... Набиджан застал на площадке лишь сторожа, который удобно устроился перед костром, сложенным из поленьев.

— А где люди? Кто остановил работу?

— Указание главного инженера. Сам посуды: какая работа в такой мороз. Раствор стынет. Рукавицы к металлу прилипают. Не привыкли ваши — строить в такие холода. Плевков и то на лету замерзает...

— И куда же все делись?

— На торфоразработки уехали. Не сидеть же им сложа руки.

Набиджан помчался на торфоразработки. Скликнув ребят, он велел им садиться в кузов.

— Там, кстати, теплая одежда. Можете переодеться. А то на ветру в сосульки превратитесь.

Он помнил, что Кудратов похвалил Рахимджана за «здоровую инициативу».

Но только он собрался тронуться в путь, как появился главный инженер Рахматов. Увидев своих строителей, набившихся в кузов, он закричал:

— Стойте! Вы что, кататься сюда приехали? А кто за вас норму будет выполнять? А ну, вылезайте. Да поживее, поживее.

Парни попрыгали из кузова на снег и цепочкой потянулись к торфяникам.

Набиджан с возмущенным видом подступил к Рахматову:

— Товарищ инженер! Мне приказал управляющий: привезти на станцию подкрепление, а то наши не справляются с выгрузкой. Какое вы имеете право отменять приказ Кудратова? Что же мне теперь, вернуться на станцию и доложить ему, что, мол, Рахматов не отпустил людей? Вы знаете, сколько вагонов торчит на «штрафном» пути? А, говорят, вот-вот еще эшелон прибудет.

Рахматов был человеком понятливым, но из тех, кто любит сваливать с большой головы на здоровую. Он тут же напустился на Набиджана:

— Так что ж ты мне сразу не сказал? Сколько времени зря потеряно.

— А вы мне дали хоть слово вымолвить? Сигнали всех с машины...

— Ладно, сейчас недосуг выяснять, кто виноват. Верни ребят и вези их на станцию.

Набиджан бросился вслед за ушедшими, крича во весь голос:

— Эй! Кр-ру-угом! Поворачивайте обратно!

Никто даже не обернулся. Они уже один раз послушались Набиджана, — и что вышло?

Пришлось Рахматову самому возвращать ребят. По его приказу они снова забрались в кузов самосвала и, пока ехали, успели облачиться в теплую одежду.

Когда они притопали к вагонам, которые предстояло разгружать, дежурный по станции окинул их критическим взглядом и обратился к Кудратову:

— И это все? Жидковато. Вам надо до прихода эшелона опорожнить все эти вагоны, а потом за три часа разгрузить эшелон. Не успеете — пеняйте на себя.

Кудратов тяжело вздохнул. Ребятам, окружившим его, он сказал:

— Я гляжу, вы уже обмундировались? Тогда — быстро принимайтесь за работу.

И просительно посмотрел на Набиджана:

— Придется тебе привезти еще людей. Сам видишь: аврал.

— Слушаюсь, товарищ начальник, — по струнке вытянулся Набиджан. — Куда прикажете ехать?

Кудратов, усмехнувшись, покачал головой: вот шут гороховый! Но на него можно положиться, он и готов, и способен выполнить любое поручение. Если, конечно, по дороге опять куда-нибудь не завернет... Есть в его поступках какая-то непредсказуемость. Вслух же Кудратов проговорил:

— Поезжай в ближайший городок на колесах. Забери оттуда всех, кроме сторожа. Счастливого пути, палван!

— А что делать с оставшимися полушубками?

— Вывали их в какой-нибудь пустой вагон. Пригодятся. Оденем всех, кто будет тут трудиться. Нам обещали еще подкинуть.

Вагончики теснились неподалеку от будущих полей. Вокруг темнели леса. И веяло от них мрачной тайной: никто не знал, какое зверье в них обитает, но поговаривали, что там полно голодных волков. Правда,

ни одного еще не видели. В вагончиках жили парни и девушки, приехавшие из Карши. Да и сами вагончики были оттуда же. Их еще следовало оборудовать и утеплить, но все нужные материалы находились в одном из составов, забивших «штрафной путь».

Перед самым «городком на колесах» машина Набиджана опять накрепко завязла в снегу. Он отправился за помощью к механизаторам, которые прокладывали здесь дорогу. Но, как назло, на месте их не оказалось: ушли обедать как раз в «вагонный» городок. Туда же направился и Набиджан. Услышав за собой рокот мощного «КрАЗа», он оглянулся и обрадованно подумал: «Вот кто меня выручит!» Когда «КрАЗ» нагнал его, Набиджан поднял руку; машина остановилась, из кабины высунулась голова шофера:

— Куда тебе, браток? Если в Приволжск — залезай в кузов. Набиджан объяснил, что стряслось с его самосвалом; водитель с огорчением проговорил:

— Рад бы тебе помочь, да видишь, какое дело: в кабине у меня двое ребятишек, они в школу опаздывают. В деревне у них школы нет, приходится в Приволжск ездить. А это далеко. Ты уж на меня не сердчай. Ребятишки...

Стронувшись с места, он крикнул:

— Вот что, браток, если трактористы не успеют — я на обратном пути вытащу твою машину.

Добравшись до «вагонного» городка, Набиджан увидел мелиораторов, которые, образовав плотное полукольцо, оживленно переговаривались; слышались удивленные возгласы. Кого это они окружили? Верно, зверя какого-нибудь, лису или зайца. А, может, волка? Или медведь сюда забрел. Набиджан, одолеваемый любопытством и азартом охотника, поспешил к толпе, но зверь уже убежал в лес. Оказалось, это был лось. Набиджан наслышан был об этом животном, но вблизи его не видел ни разу, и теперь огорченно хмурил брови: надо же, упустил возможность полюбоваться таким красавцем! С завистью он слушал рассказы тех, кому удалось чуть ли не потрогать лося: тот был доверчив и не боялся людей.

Но сожаление сожалением, а надо было заниматься делом. Старый знакомый Набиджана Хасан Байбеков, из первого «десанта», теперь — начальник ПМК, отрядил тракториста вытянуть самосвал, и когда Набиджан привел машину в городок, то она тут же за-

полнилась ребятами. Они и сами были заинтересованы в быстрой выгрузке вагонов.

Байбеков остался с дорожниками.

Набиджан дал газ, и машина рванулась вперед. Когда она сворачивала на магистральную дорогу, Набиджан заметил трех «голосующих»: белобородого старика в овчинном вывороченном тулупе и низко нахлобученном лисьем тельпаке и двух молодых мужчин, чем-то похожих друг на друга.

— Сынок! погоди! — крикнул старик.

Набиджан, притормозив, спросил:

— Вам куда, отец?

— Нам нужен самый главный ваш начальник, Кудратов. Есть у меня к нему одно дело...

— А вы поговорите с Байбековым. Он сейчас в «вагонном» городке. Вот эта дорога привезет вас прямо к его вагончику.

Старик замотал головой:

— Нет, сынок, я должен поговорить с самим Кудратовым.

— Байбеков тоже начальство. Важные вопросы и он может решить. А товарищ Кудратов сейчас очень занят. Не упрямытесь, отец, послушайте моего совета.

Идя по дороге, указанной Набиджаном, старик со спутниками, — а это были его сыновья, — увидели возле старой полуразрушенной церкви красовавшиеся, словно на выставке, новехонькие трактора «ДТ», «К-700» и другую пропашную технику.

Один из сыновей с гордостью сказал:

— Все это тоже из Узбекистана.

Старик окинул «выставку» любовным взглядом, но в словах его звучало сожаление:

— Да, машины эти — дело рук наших земляков. Только вот место для них нашли не слишком удачное.

— Почему, отец?

— Тут трясина. Сейчас она промерзла, а начнет весна — почва и оседет. Надо поговорить с начальником Байбековым.

«Городок на колесах» встретил путников тишиной: он, казалось, вымер. Старик громко кашлянул, — ни отзвука. Тогда он крикнул:

— Эй, есть тут кто-нибудь?

На этот раз дверь одного из вагончиков открылась, и к прищельцам спустился Байбеков. Он не скрывал своего удивления:

— Откуда вы? Кто вам нужен?

— Салам алейкум, — сказал старик. — Мне нужен начальник Байбеков.

— Валеюкум ассалам, — ответил на приветствие Байбеков. — Чем могу служить, отец?

Он исподволь рассматривал старика. Одежда — по вদেশнему климату. Белая, как снег, борода. Усы блестят, — видно, смазаны салом.

Спохватившись, Байбеков предложил:

— Да вы заходите, заходите в вагон. Холодище-то сегодня какой, а?

В вагончике все расселись вокруг рабочего стола Байбекова. Сыновья старика сняли свои шапки; скрестив руки на коленях, молча глядели на отца. А тот заменил свою лисью шапку чувстской тибетейкой, произнес фатиху, пожелав хозяину счастья в жизни и удач в работе, и только после этого перешел к цели своего визита:

— Начальник, мы к тебе с просьбой...

— Говорите, отец; я готов вам помочь — конечно, в меру своих сил и возможностей. Вы сами-то — кто будете?

— Родом я из Узбекистана, но живем мы тут, в Ивановской области. Зовут меня Бай-ата. А это, — он кивнул на спутников, — мои сыновья. Просьба у меня к тебе, начальник. Возьми их к себе на работу. Я без опаски вручаю тебе их судьбу. Как говорится, мясо твое, кости — мои.

Байбеков испытующе посмотрел на молодых мужчин:

— Кто вы по специальности?

— Мы все умеем делать.

— И трактор водить?

— И трактор.

Бай-ата с какой-то нежной гордостью произнес:

— Верно, начальник, они у меня мастера на все руки. Многому тут выучились, дай аллах счастья нашим русским братьям. Но ведь они узбеки. А ни разу в жизни не видели чайханы, не сидели за дастарханом со своими земляками. Они и язык-то родной знают хуже, чем русский: с кем им тут поговорить? Вот я и хотел бы, чтобы они работали у вас, среди соплеменников...

Скажу откровенно, начальник, — сам-то я из байского рода. Так что эти джигиты — дети бывшего бая.

Но я чашу свою испил до дна. И если была за мной какая вина, — давно ее искупил. Вот, поселились здесь... Участвовали во всех последних выборах. Так что мы полноправные советские граждане, — ты уж не сомневайся, сынок. Паспорта у нас в порядке. А у сыновей в карманах — комсомольские билеты.

Байбеков не знал, что и думать. Встретить в Нечерноземье живого бая, — ну, чудеса! Но ведь парни-то ни при чем. Комсомольцы, с дефицитными специальностями. Для их ПМК они просто клад.

И после долгой паузы он сказал:

— Ладно. Посажу их на трактора.

Старик радостно встрепенулся:

— Спасибо, начальник. Когда им на работу выходить?

Байбеков улыбнулся:

— Надо сначала выполнить необходимые формальности, — он выдвинул ящик стола и достал оттуда анкеты. — Вот, пусть заполнят их. И зайдут в отдел кадров. Я там предупрежу. Им скажут, что еще делать.

Уже вставая из-за стола, Бай-ага сказал:

— Сынок, там возле церкви много вашей техники... Мой совет: поскорее ее оттуда убрать.

— А что такое?

— Место опасное. Болотистое. Подтает земля — беды не оберешься.

— Мы возьмем это на заметку, отец. Спасибо.

После ухода посетителей Байбеков подумал: а славный старик — этот бывший бай. О народном добре печется... Сыновей хочет к землякам пристроить, чтобы они корней не утерjali.

* * *

А на станции в это время полным ходом шла разгрузка вагонов, прибывших из разных городов Узбекистана.

Когда Набиджан привез подкрепление, работа еще более оживилась.

Ящики с керамическими дренажными трубами ребята выносили из вагонов так осторожно, словно в них был хрусталь, столь же осторожно передавали их из рук в руки и аккуратно укладывали на снег. Для Нечерноземья это был один из самых ценных грузов.

Труднее было выгружать крупные пансли, предназначенные для домостроительства; каждую тащили вчетвером, пыхтя, обливаясь потом, стараясь не сбиться с ноги, — иначе тяжелая, громоздкая плита могла накрениться и, того гляди, рухнуть на землю.

Ящики со стеклом приходилось взваливать на плечи; те, кто нес стекло, шли медленно, боясь поскользнуться; Набиджан, присоединившийся к этой группе, весело покрикивал:

— Гляди, не урони! Не то звону будет — на все Иваново!

От крепкого мороза стекла в ящиках чуть потрескивали.

Тяжелее же всего досталось тем, кто разгружал технику. Железнодорожники не позаботились о том, чтобы подготовить подмостки, по которым было бы удобно спускать с платформ трактора и скреперы. Освоители сами сбивали их из досок и бревен, прислоняли к платформам; каждую машину поднимали десятки рук в теплых рукавицах и подтаскивали к подмосткам с такой бережностью, с какой в день свадьбы поддерживают невесту.

Кудратов, наблюдая за разгрузкой, вдруг с удивлением увидел что на снегу валяются тут и там новые полушубки, — словно на городском старом рынке, где спекулянты-перекупщики бойко торгуют одеждой.

Теплая улыбка осветила его лицо. Напрасно, выходит, он тревожился о том, как бы ребята не замерзли во время разгрузки. Все трудились с таким азартом, что не замечали ни ветра, ни мороза; полушубки мешали им, да и жарко в них было, и хашарчи сбрасывали их на ходу — где попало.

Чтобы согреться, Кудратов поднялся на одну из платформ, принялся вместе с ребятами сгружать технику, и вскоре его прошиб пот, как от горячего чая.

* * *

На следующий день, позвонив Кудратову по телефону, Байбеков поведал ему о визите Бая-ата и его сыновей и спросил:

- Так как, брать их на работу?
- Ты-то сам как решил?
- Я? Брать.
- Правильное решение. Они ж советские гражда-

не. А нам позарез нужны специалисты; знакомым же с местными условиями — вообще цены нет!

— Этому Баю-ата о чем-то надо потолковать с вами. Говорит, важное дело.

— А что за дело, не узнал?

— Он скажет! — засмеялся Байбеков. — Ему подавай самого Кудратова!

— Ладно. Выкрою время — встречу с ним.

IV

Наступившая весна только прибавила Кудратову хлопот. Люди и грузы все прибывали, нужно было расселить осwoителей, распределить между ними работу, принять и разместить технику, стройматериалы.

Самосвал, выручавший его зимой, Кудратов уже сменил на газик и без отдыха мотался на нем по всей области.

В одно из воскресений он решил дать себе передышку, отпустил на весь день и Набиджана. «Хоть отосплюсь», — подумал он блаженно. — Вроде бы никто не должен меня беспокоить...»

Но он заблуждался. Утром его разбудил телефонный звонок. Дежурный по станции невозмутимо сообщил:

— Прибыл срочный груз. Вагоны — на штрафном пути.

— Пожалели бы людей, — проворчал Кудратов. — Сегодня у всех — законный выходной.

— Мое дело — поставить вас в известность.

Сладко позевывая, Кудратов выбрался из-под одеяла, и вскоре уже стоял на улице, пытаясь поймать хоть какую-нибудь машину. Но движение в эту утреннюю воскресную пору было небольшое, и лишь спустя полчаса ему удалось сесть в случайное такси.

Вагоны были уже отправлены на запасной путь; разыскав дежурного, Кудратов спросил:

— Что в вагонах?

— Продовольствие.

— Но мы ждали их только завтра! Соблюдается у вас хоть какой-то график? Или — полная анархия?

Дежурный пожал плечами:

— Я тут ни при чем, Эргаш Кудратович. А вагоны требуется срочно разгрузить. У нас некому их охранять. Если что — вся ответственность на вас.

— Ну, да. Железная дорога — ни за что не ответит.

— Я тут ни при чем.

Кудратов только махнул рукой: спорить с дежурным было бесполезно. А железнодорожное начальство, конечно же, отдыхало: воскресенье!

На попутной машине Кудратов поехал в управление. Надо было не медля собирать людей для разгрузки вагонов. Кудратов хотел было сам сесть за руль газики, но вспомнил, что ключи у Набиджана, а Набиджан — бог весть где. Поднявшись в свой кабинет, Кудратов стал обзванивать ПМК и другие подразделения треста; многих, кто ему был нужен, он на месте не застал, но все же удалось кое-кого предупредить об авральной работе, которую навязали им железнодорожники.

После обеда явился Набиджан — он зашел в управление на всякий случай: может, Эргаш-ака у себя... Интуиция его не обманула. Однако, вместо того, чтобы похвалить водителя за сообразительность, Кудратов накинулся на него, как разъяренный тигр:

— Где тебя черти носят? Что я, с ищейкой должен шофера разыскивать?

Упреки Кудратова были несправедливы, но Набиджан давно взял себе за правило: не пререкаться с начальством, особенно — когда начальство раздражено.

Смиренность шурина охладила Кудратова, он буркнул:

— Поедем на станцию! На штрафном пути — вагоны с продуктами.

— Есть на станцию!

Не успел Набиджан выйти из кабинета, как зазвонил телефон. Сообщение, которое передали Кудратову, было не из приятных: неподалеку от ПМК Байбекова случилось ЧП, трясина поглощала трактора...

Чуть не бегом Кудратов спустился по лестнице; поджидавший его на улице Набиджан, как обычно, солдатски четко доложил:

— Фаэтон подан!

— Гони к Байбекову.

У Набиджана вытянулось лицо:

— А на станцию? Ведь продукты испортятся...

— Сейчас не до продуктов, есть дела поважнее. А на станцию наши уже отправились.

— Как скажете...

Набиджан хорошо знал дорогу, которая вела к ПМК, но не любил по ней ездить. Правда, туда прокладывали новую, асфальтированную, закончить ее должны были лишь в будущем году, а пока приходилось пользоваться старой, разбитой, ухабистой. Газик подпрыгивал, как мячик; а тут еще, как назло, хлынул ливень; не прошло и нескольких минут, как дорогу, и до этого-то мокрую, развезло; в иных местах машина, словно утка, плыла по жидкой грязи; вскоре образовались и широкие лужи; газик, перескакивая через них, веером рассыпал брызги, и Набиджан весело думал: «Ну, не машина — прямо амфибия!»

Он не привык долго молчать, все поглядывал на Кудратова: может, зять объяснит ему, к чему такая спешка. Но тот сидел угрюмый, сосредоточенно смотрел перед собой, изредка бросал:

— Побыстрее не можешь?

Набиджан только усмехался: «Куда уже быстрее? Если б я участвовал в авторалли, то уже шел бы на рекорд».

Наконец, он не выдержал:

— Почча! Что там еще наш Байбеков натворил?

Кудратов, казалось, не слышал его. Но если уж Набиджан произносил одну фразу, за ней непременно следовали длинной чередой десятки других:

— Вы зря на меня сердитесь. Сами же сказали: можешь отдыхать. У нормальных-то людей по воскресеньям — никаких забот. Да и сами вы собирались понежиться в постели...

— Кто ж знал, что произойдет ЧП, — буркнул Кудратов.

Глаза Набиджана загорелись любопытством:

— ЧП? Какое ЧП?

Но Кудратов не склонен был продолжать разговор:

— Приедем на место — узнаешь.

Набиджан поддал газу; машина неслась вперед, как горная серна, — быстрыми прыжками.

Увлечшись скоростью, Набиджан чуть не пропустил поворот на проселочную дорогу; пришлось резко затормозить; колеса вращались вхолостую так бешено, что грязь фонтанами летела во все стороны; к счастью, Кудратов был начеку, не то бы ударился лбом о стекло.

Набиджан подал газик назад и свернул на про-

селок. Когда-то по нему могли проехать лишь телега или бричка, — такой он был узкий; но тягачи, тракторы, скреперы взрыхлили его, взбили почву, как маслобойка — масло; дело довершили ливни, превратив проселок в жидкую кашу; грязь ручейками стекала в колеи, оставленные колесами газика. Машину бил мелкая дрожь, мотор от напряжения то взывал, то громко стонал, словно жалуясь на бездорожье. Набиджану невольно вспоминались дороги Узбекистана, прямые, как стрелы, с накатанным, блестящим, как ремень парикмахера, асфальтом. И Кудратов думал: надо в первую очередь заняться дорогами; в будущем году, когда начнется строительство образцовых совхозов и ферм, без добротных дорог не обойтись, да и сейчас без них — мука... Он-то уж это испытал в своих многочисленных поездках.

С грехом пополам они добрались, наконец, до «вагонного» городка. Рядом с ним уже начинали расти дома поселка для мелиораторов.

Вагончики, жавшиеся друг к другу, образовывали аккуратный квадрат. Стандартная планировка... Но каждый вагончик обладал индивидуальностью, зависящей от характера, вкуса, старательности хозяев: у одного — навес над входом, к другому пристроено самодельное крыльцо, иные — перекрашены в яркие цвета... Да и «интерьерами» они отличались: там, где жили семьи, было чисто, прибрано, у холостяков же царил беспорядок.

Набиджан, выйдя из газика, удивленно оглядывался: хотя день был воскресный, в городке — ни души. Кудратов поторопил его:

— Пойди, разыщи кого-нибудь, узнай, где народ.

Лишь в одном из вагончиков Набиджан обнаружил женщину, занимающуюся стиркой. Когда он спросил — где люди, она рукой показала в сторону далекой полуразрушенной церковки:

— Там все. Технику спасают.

Набиджан передал ее слова Кудратову, и у того упало сердце. На площадке возле старой церкви была размещена пропашная техника. Зима для нее прошла спокойно, слой снега, покрывавший площадку, был плотный, глубокий, морозы сделали его и твердым, как камень. Что же могло стрястись теперь? Снег-то уж давно растаял, но до сих пор никаких тревожных сигналов от Байбекова не поступало. Да и Кудратов, не

раз проезжая мимо церкви, мог убедиться: все в порядке.

— Езжай к церкви! — приказал он Набиджану.

Только на месте ему стали ясны размеры катастрофы... Видимо, еще при таянии снега земля здесь стала оседать, а тут пошли дожди, и площадка превратилась в болото, которое и засасывало трактора. Вся ПМК была здесь, на помощь освоителям пришло и население окрестных деревень. Грязь настолько всех облепила, что трудно было различить: где люди Байбекова, где местные жители.

Вокруг тонувших машин были уложены бревна, набросана солома, полусгнивший хворост... Это обеспечивало подход к машинам, но сами они увязли уже по колеса, а громоздкий трактор «К-700» чуть не целиком погрузился в пузырящуюся жижу.

Отделившись от людей, сгрудившихся вокруг тонущей техники, осторожно перешагивая с бревна на бревно, к Кудратову приблизился Байбеков; одежда его была вся в гризи, лицо серое, мокрое... Отдышавшись, он доложил:

— Кроме тех, кого я послал на станцию, все наши — здесь. Пытаемся вытащить трактора из этой чертовой трясины, будь ей неладно.

— Как же вы допустили такое? — строго спросил Кудратов.

Байбеков опустил голову. Он чувствовал себя кругом виноватым. Ведь предупреждал же его Бай-ата, что почва тут болотистая, и это представляет угрозу технике, скопившейся возле церкви. Да и местные жители говорили ему, что, когда здесь возник первый колхоз, то неподалеку от церкви построили коровник, и его поглотило болото. Байбеков только отмахивался: что нам болота, мы ведь и приехали затем, чтобы осушать их, вот проведем сюда дорогу, по ней переправим технику в другое место, а от болота останется одно воспоминание.

Дорогу провести не успели, весна оказалась хоть и запоздалой, но дружной, погода преподносила сюрприз за сюрпризом, и вот — ЧП!

Набиджан, сорвавшись с места, хотел было броситься на помощь тем, кто возился возле увязавших машин, но его остановил окрик Байбекова:

— Стой, утонешь!

К Кудратову подошел Бай-ата, уже знакомый с управляющим, проговорил, осуждающе глядя на Байбекова:

— Я начальника упреждал: негоже оставлять тут технику. Место — богом проклятое...

— Что же вы мне об этом не сказали, когда были у меня? — с укором спросил Кудратов.

— Думал, достаточно, если знает начальник...

— Выходит — недостаточно.

— Эргаш-ака! — у Байбекова дрожал голос. — Мы уже подготовили для этой техники другую площадку. Еще бы несколько дней...

— Хватит, — отрубил Кудратов. — Сейчас не время спорить и оправдываться. Надо трактора спасать...

Он взял из газика комбинезон, который всегда возил с собой, переделал, наказал Набиджану:

— Садись за руль, тоже будешь участвовать в буксировке.

И, переступая с бревна на бревно, направился к месту происшествия.

Спасатели привязывали к тонущим машинам стальные тросы, толстую проволоку; другие их концы прикрепляли к самосвалам, тракторам, грузовикам, стоявшим у самой трясины. Некоторые водители уже завели моторы; колеса буксовали на скользком грунте; из-под шин, как из-под ножа на точильном камне, летели искры; голоса людей терялись в грохоте, скрежете, тарактеньи; берег болота был окутан бензиновым чадом, сквозь него трудно было разглядеть даже церковь, стройную, как тополь.

Кудратов взял на себя руководство спасательной операцией. Он отдавал резкие команды, а у самого кошки скребли на душе. Боже, да что ж это творится! Техника — совсем новая, можно сказать, с иголочки; сколько труда потрачено, чтобы создать ее, перевезти из Узбекистана на Нечерноземье; она могла бы славно послужить узбекским механизаторам, но они пожертвовали ею — чтобы помочь ивановским братьям; и вот, еще не вспахав ни одного клочка здешней земли, не прокопав ни одной дренажной траншеи, она оказалась на волоске от гибели. От этих мыслей темнело в глазах, и сердце готово было разорваться. Вон на том тракторе блестит мокрая от дождя голубая краска, и видна надпись на радиаторе, а колеса ушли в

трясину, а у двух тракторов, находящихся чуть подале-
ше, и радиаторы уже скрылись в болотной жиже...
Пропадет техника — кто даст ему другую? А если и
дадут, то когда еще она прибудет? Да и позволит ли
ему совесть просить новые трактора, скреперы? Ему
ведь с полным правом могут сказать: а куда ж ты сам-
то смотрел? Где гарантия, что ты не угробишь и то,
что тебе выделят дополнительно?

Нет, он не даст утонуть ни одной машине! Вон как
люди стараются; несколько тракторов, уже взятые на
буксир, с чавканьем выползали из болота.

Чтобы быть поближе к спасателям, Кудратов прыг-
нул на доску, соединявшую два бревна, и, поскользнув-
шись, взмахнув руками, рухнул в трясины. На счастье,
он успел ухватиться за бревно.

Байбеков громко закричал:

— Эргаш-ака тонет!

Набиджан, услышавший этот крик, выскочил из ка-
бины газика и кинулся к грядине. Кудратов увяз чуть
не по плечи. К нему уже продвигались по бревнам, рас-
ползавшимся под ногами, несколько человек; Набид-
жан наскоро скрепил проволокой три доски, ступил на
этот хлипкий плот и, помогая себе длинной палкой, ко-
торую нашел на берегу, подгреб к Кудратову. Нагнув-
шись, он крикнул:

— Руку! Руку давайте! И держитесь крепче!

Кудратов обеими руками вцепился в протянутую
ему ладонь, но чуть не утянул за собой Набиджана. На
помощь Набиджану подоспел Байбеков; они вместе
принялись вытягивать Кудратова из трясины, но та не
отпускала его; тогда, Набиджан крепко ухватил зятя
за комбинезон, а Байбеков просунул Кудратову пол-
мышки веревку, обвязал его, только после этого управ-
ляющему удалось выбраться на «плот». Он совсем
обессилел, Набиджан и Байбеков поддерживали его
под руки; в это время их окружили другие спасатели;
с трудом Кудратова доставили на берег.

Он тяжело дышал, лицо было испятнано грязью, о
комбинезоне и говорить нечего: с него стекала черная
вода.

— Давайте я отведу вас к машине,— предложил
Байбеков.

— Нет, я останусь здесь. А вы ступайте к людям.
Спасательные работы не должны прерываться ни на
минуту.

Набиджан уже успел раздеться до трусов, сунул зятю свои брюки, пиджак, рубашку:

— Побыстрее снимайте комбинезон. Вот. Так. Теперь облачайтесь в мой костюм. Ие! Да вы свои ботинки и носки болоту подарили! Ну, и жадное же оно. Погодите, я сейчас сапоги принесу. В машине и плащи есть.

Одежда Набиджана оказалась мала Кудратову, он еле ее натянул на себя. У него уже начали замерзать ноги, когда вернулся Набиджан — с канистрой чистой воды, в плаще, накинутом на голое тело; другой плащ и сапоги он отдал зятю; подождав, пока тот наденет плащ, полил ему воды на ладони; Кудратов вымыл лицо, руки, ступни; обулся в сапоги. Взглянув на Набиджана, у которого из-под плаща торчали голые посиневшие ноги в ботинках, рассмеялся:

— Ну, и видик у тебя!

— Вы за меня не волнуйтесь, у вас не лучше, — утешил его Набиджан.

— Не продрогнешь?

— Наше дело молодое. Хотя у меня, конечно, нет такой закалки, как у вас.

— Закалки?

— Ну, да. Вы ж сегодня закалились, как сталь. Теперь вам не страшны ни дожди, ни морозы.

— Издеваешься над начальством?

— Чго вы, почча! Как бы я посмел!

В это время неподалеку от них остановился газик Кудимова; секретарь обкома вышел из машины и, увидев Кудратова, у ног которого валялась мокрая, грязная одежда, поспешил к нему:

— Что случилось, Эргаш Кудратович?

— Да вы уж, наверно, знаете, Вадим Григорьевич: у нас ЧП. Вот, спасаем технику.

— Я не о технике, а о вас.— Кудимов перевел взгляд с груды лежавшей на земле одежды на Кудратова.— Вы сами на себя не похожи. Что с вами?

— Да ничего особенного.

Кудимов вопросительно посмотрел на Набиджана, тот с большой охотой, несмотря на предупреждающие знаки, которые делал ему зять, поведал о «подвиге» управляющего.

Кудимов осуждающе покачал головой.

— По-вашему, я мог равнодушно смотреть, как гибнет новая техника?

— Но и в болото лезть было незачем.— Кудимов обвел взглядом вязнувшие в трясине трактора, суетившихся вокруг них людей.— Разве такими силами — справиться со спасательными работами? Вы обязаны были известить о случившемся обком.

— Зачем же взваливать свои заботы на чужие плечи?

— Чу-ужие?

— Простите, Вадим Григорьевич, обмолвился. Но вина наша, нам эту кашу и расхлебывать.

— Повторяю: одним вам не управиться.

— Нам помогают местные колхозники.

— Все равно — и этого мало. Нет, товарищ Кудратов, так не годится. Плохо это, когда о том, что у вас произошло ЧП и вы нуждаетесь в помощи, — узнаешь совершенно случайно. Если бы я не заглянул в Приволжск, то так бы и оставался в неведении. До Приволжска уже дошли слухи о вашей беде, — и, как я вижу, слухи несколько не раздутые, — я и повернул сюда. И чему стал свидетелем? Управляющий трестом спасает гибнущую технику, рискуя собственной жизнью! И вообще почему-то надеется только на себя и на Байбекова.

— Я сейчас вызову людей из других ПМК.

— Нет, это я вызову, кого надо, — на подмогу нашим братьям из Узбекистана. И велю еще тягачей сюда прислать. Я сейчас съезжу в Приволжск, сделаю несколько звонков, — Кудимов внимательно, с добродушной насмешкой взглянул на Кудратова. — А вы тут без меня ведите себя примерно; очень прошу — не лезьте на рожон!

Кудратов оскорбленно нахмурился:

— Вадим Григорьевич!

— Не обижайтесь — я от чистого сердца.

Глядя вслед удаляющемуся газику, Кудратов сердито думал: мало того, что им командует ташкентское начальство, — это в порядке вещей, ведь и техникой, и всем необходимым снабжает его Узбекистан; так еще и местное руководство указывает ему — что делать. Как на него Кудимов-то набросился! Ладно, вот вернется, — надо будет поставить его на место. Кто тут, в конце концов, хашарчи, — они или ивановцы?

Но постепенно Кудратов поостыл. Ай, ай, дорогой, — сказал он себе, — не стыдно делёж тут устраивать: это наше, это ваше? Да, техника прислана Узбекистаном,

но работает на ивановской земле, и в том, чтобы она была в целостности и сохранности, и давала максимальную отдачу, — Кудимов заинтересован не меньше Кудратова. У них общая цель, общие заботы. Оба — сыны одной страны, солдаты одной партии, и болеют душой за одно, общее дело. Недаром же он и Кудимов называют друг друга «братьями». И прав Кудимов: не вытянуть им из болота технику без помощи ивановцев.

Успокоившись, Кудратов присоединился к Байбекову, распоряжавшемуся спасателями.

Во главе обоза с соломой прибыл председатель ближнего колхоза, которому в будущем году предстояло превратиться в крупный совхоз, Алексей Васильевич Кучин. Не узнав Кудратова, одетого слишком необычно, он попенял Байбекову:

— Я же вам говорил, место заболоченное, давно надо было убрать отсюда технику. Только промерзшая почва могла ее выдержать.

Байбеков виновато вздохнул. Что ему было возражать? Прав Бай-ата, прав Кучин... Надо было в свое время прислушаться к их предупреждениям. А он пропустил их мимо ушей. И подвела его не только неопытность, но и самонадеянность.

Непрерывно сигналив, объезжая телеги, груженные соломой, подкатил газик Кудимова. И досталось на этот раз от секретаря обкома почему-то ни в чем не повинному Кучину:

— А ты чего дожидался? Наши братья приехали, чтобы помочь нам, — и тебе, твоим колхозникам в том числе. Как же ты их отблагодарил? Только сейчас со своей соломой пожаловал?

— Товарищ Кудимов, — вступился за Кучина Кудратов, — его колхозники давно уж тут работают.

— Всех надо было собрать! Ладно. Сейчас должны прибыть саперы, с ними дело пойдет быстрее.

И, действительно, с появлением саперов работа закипела, — они настелили гать из бревен, веток и соломы, соорудили из досок прочные плоты. Подоспели и водолазы; правда, глубоко опускаться им не пришлось, они лишь подводили тросы под трактора, привязывали проволоку к колесам, погрязшим в жиже; кроме них, никто бы не сумел с этим справиться; погружаться в болото можно было только в резиновых костюмах. Часть техники выволокли на берег тягачи, часть была поднята на плоты. Каждый из спасателей был обвязан

вокруг пояса толстой веревкой; если кто начинал топуть, его вытаскивали на плот.

Когда стемнело, на берегу зажгли костры; на болото направили свет автомобильных фар.

К полуночи все машины были извлечены из трясины; в беспорядке теснились они на твердом грунте, — мокрые, грязные, в черной болотной тине.

Кудимов, поблагодарив всех, кто принимал участие в спасении техники, уехал в Иваново. Кудратов, чувствуя одновременно и облегчение, и гупую усталость, тепло попрощался с каждым водолазом, сапером, колхозником: «Рахмат, рахмат, дорогие, выручили вы нас». Он крепко обнял Кучина:

— Будем считать, что это первое испытание, которое выдержала наша дружба. До новых встреч, — надеюсь, в более благоприятной обстановке.

Вызволennую из объятий трясины технику подтянули к коллектору, полному воды, — ее надо было отмыть от грязи, вычистить; дождь, зарядивший снова, оказался как нельзя кстати; Кудратов не отпускал своих людей, пока каждая деталь не заблестела в лучах фар. Ему чудилось, будто это засверкали десятки улыбок...

— Перегонишь трактора на новое место, — сказал он Байбекову, — тут же сооруди навес, и пусть твои батыры протрут их досуха; надо теперь спасти машины от ржавчины, — помявшись, спросил. — Спиртное у тебя найдется?

Байбеков отрицательно покачал головой. Набиджан, сразу смекнувший, для чего понадобилось спиртное, проговорил с широкой улыбкой:

— Почча, у меня в машине целая банка меда. Надежда снабдила. Мед — лучшее средство от простуды!

— Тогда тебе поручение: всех, кто промок, напои чаем с медом. Пусть на ночь укутаются потеплее. А с утра — в город, в баню. — Кудратов посмотрел на начальника ПМК, вздохнул. — Ах, Байбеков, Байбеков... К советам надо прислушиваться. Из-за тебя мы чуть не потеряли всю пропашную технику.

Впрочем, узнав историю этих мест, Кудратов сменил гнев на милость.

Оказывается, еще до революции один из иваново-вознесенских фабрикантов приобрел за бесценок заболоченную землю и решил расположить на ней имение. Понадобились рабочие руки. Кто-то из доброхотов по-

советовал новоявленному землевладельцу: «Если хочешь привлечь сюда народ — возведи церковь. Будет церковь — будет паства. Из крестьян, естественно. Они и приведут землю в порядок, а бог им поможет». Церковь вознесла к небу золоченые кресты, фабрикант стал сдавать в аренду земельные участки, крестьяне, страдавшие от безземелья, клюнули, было, на эту удочку, но болотистая почва не поддавалась обработке, бог отказывал в помощи, и люди начали покидать фабрикантские угодья: гиблое место!

В память о фабриканте осталась лишь заброшенная церковь.

Почва все более заболачивалась. Правда, когда неподалеку организовался совхоз «Заветы Ильича», — колхозники попытались освоить землю возле церкви. Но хозяйство было маломощным, у него не хватило средств на мелиоративные работы.

Земля пришла в полное запустение.

Но как раз пустырь вполне подходил для размещения техники, временного, как полагал Байбеков.

— Недаром, однако, говорится: нет ничего более постоянного, чем временное.

Занятый другими, более неотложными делами, Байбеков промедлил с «переселением» тракторов, в которых пока не было нужды.

И это чуть не закончилось катастрофой.

Вызвав в трест Байбекова, Кудратов не стал его еще раз отчитывать, а сказал:

— Болото входит в твой участок освоения. Твой ПМК его и осушать. Или превратить в водоем. Прокладывай дороги. Окультуривай землю. Уж постарайся сделать так, чтобы здесь не осталось ни одной трясины. Ведь это угодья будущего совхоза. Не забывай об этом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

В узбекской семье старший сын — первый помощник, надежная опора родителей. Ему достается и большая часть родительских забот, внимания, любви. Он отмечает день рождения или какое-либо важное событие в своей жизни, — устраивается пышный той. Он женится, — родители не жалеют средств на свадьбу, приглашают столько родичей, знакомых, соседей, что еле

умещаются в комнатах дома и во дворе. Все — ему, все — для него...

И Хамиджан не избегал счастливой участи, ожидающей старшего сына. Он был баловнем семьи; отец, Хаким-ака, души в нем не чаял: но, конечно, как человек мудрый, понимал, что во всем нужно чувство меры, что если родительская забота благотворна для сына, помогает ему встать на ноги, то забота излишняя, чрезмерная может и изнежить, испортить его. Он любил повторять: «Воспитание ребенка начинается с момента его рождения». И еще в бешике Хамиджан познал и отцовскую ласку, и отцовскую строгость. Когда же он начал говорить, научился отличать черное от белого, стал сознавать — что можно делать, а что нельзя, — Хаким-ака взял его под свою постоянную опеку, старался приобщить к добрым народным традициям и обычаям. «Ты не только мой сын, — внушал он Хамиджану. — Ты — дитя человеческое. И должен чаще бывать среди людей». Он стал брать с собой сына на различные торжества, на свадебные тои, даже на поминки. Присутствие детей на свадьбах, по вековой традиции, вообще считалось в порядке вещей. Никто не говорил им, что ози, мол, не доросли до того, чтобы веселиться вместе со взрослыми; наоборот, маленьким гостям оказывалось всяческое внимание. Ведь сама свадьба — это то начало, которое продолжается — рождением детей.

То, что Хаким-ака повсюду таскал с собой Хамиджана, одним было по душе, а у других вызывало насмешки: «Еще можно понять, когда ребенок за материнскую юбку держится. Но негоже мужчине уподобляться наседке, за которой бегают выводок цыплят». Хаким-ака не обращал на эти пересуды внимание: «Пусть болтают, что хотят. А я хочу, чтобы глаза сына вбирали в себя как можно больше. Чтобы он познавал жизнь — с детства. И следовал достойным примерам. Птенец учится полету еще в гнезде».

Когда Хаким-ака вернулся с войны, Хамиджан уже посещал школу. Возвращаясь с занятий, он обязан был отчитываться перед отцом: как прошли уроки, вызывал ли его учитель и о чем спрашивал, что им задали на дом. И мальчика это не тяготило; он сердцем чувствовал, что отцом движет не придирчивость, а забота о его успехах, о его будущем.

Если рассказ Хамиджана удовлетворял отца, тот

разрешал ему поиграть с Шукурджаном, с соседскими ребятами или — вместе со старшей сестрой Дилафруз — повозиться во дворе. Хамиджан предпочитал двор. Он в охотку ухаживал за фруктовыми деревьями: поливал землю под ними, обрезал лишние ветки, собирал плоды. Чаще всего он пропадал в винограднике. И ему казалось чудом — когда маленькие ягодки, под воздействием влаги и солнца, превращались в крупные, сочные, сладкие...

В семье Хакима-ака родились еще четыре мальчика и одна девочка — Манзура. Тут уж Хамиджан взял над ними шефство. И они всюду тянулись за ним, как цыплята за наседкой.

Всех радовало, что Хамиджан рос таким серьезным, заботливым, старательным.

После того, как он уехал учиться в Ташкент, отец возложил его обязанности на Шукурджана, как старшего среди оставшихся братьев. Но куда ему было до Хамиджана! Его влекли игры, забавы, и часто, забыв о малышах, он носился по пыльным улочкам кишлака со своими сверстниками. Хаким-ака сердито хмурил брови: «У, шалопай! Не в брата пошел...»

А Хамиджан в это время грыз гранит науки, любовался на «пятерки», появлявшиеся в его зачетке, и закончил Политехнический институт, получив диплом инженера, — диплом с отличием. Как и всегда, он не посрамил честь своего рода, мать и отец нарадоваться на него не могли. Особенно отец: ведь Хамиджан, если уж на то пошло, продолжил дело своих предков, которые были мирабами.

Новоиспеченный инженер дома пробыл недолго; и не отдохнув толком, отправился в Голодную степь, где принял участие в создании нового целинного совхоза. Приобретя здесь кое-какой опыт, присоединился к основателям Каршинской степи. Его заметили; стали поручать все более сложную и ответственную работу. А однажды, вызвав в министерство, предложили:

— Ты не против, если мы переведем тебя на новый объект?

— Какой именно?

— Будешь сооружать Туямуюнское водохранилище. Перспективнейшая стройка!

Новое назначение обрадовало не только самого Хамиджана, но и его отца, старого мираба Хакима-ака. По всей республике — в Бухарской, Самаркандской,

Андижанской областях — возникали огромнейшие водохранилища, рукотворные моря. Теперь к ним прибавится еще одно: Туямуюнское. И все они дадут жизнь новым хлопковым плантациям, садам, бахчам, — как же не ликовать сердцу мираба! Изобилие воды в его родном краю всегда было и его целью, и самой заветной мечтой.

— В добрый путь, сынок! — напутствовал он Хамиджана. — И не забывай одно: где бы и на какой бы должности ты не был, — прежде всего, оставайся Человеком. Это самая высокая должность на земле!

Впадина, где должно было раскинуться новое водохранилище, напоминала очертаниями верблюжью шею, потому это место и называлось Туямуюн.

Поднявшись на один из холмов на берегу Амударьи, которую предстояло перекрыть, Хамиджан огляделся вокруг. От края до края земли простиралась мертвая выжженная степь. Справа — пустыня на территории Туркменин: песок, солончаки, пожухший бурьян, — бескрайний желтый океан, поблескивавший под палящими лучами солнца. Слева — нетронутая Хорезмская целина. Веками летнее беспощадное солнце плавало эти пески. А почва тут была плодородная, и если напоить ее водами Амударьи, то она даст хорошие урожаи и хлопчатника, и фруктов, и пшеницы, и овощей. Так думал Хамиджан, и у него сладко шемило сердце... Ведь и от него зависело: какой быть здесь земле.

Путь воде на эту землю преграждали холмы; мысленно Хамиджан сравнил их с верблюдом, лежавшим на бесценном кладе; Амударья терлась о его живот, гладила шею, клокотала у его морды...

Амударья... Как только ее не называли: бешеная, коварная, капризная, своевольная... Хамиджан смотрел на нее, любясь переливами цветов: вода то отливала желтизной, то сверкала, как крупницы золота, то становилась свинцово-серой...

С тех пор, как Хамиджан помнил себя, Амударья не раз выказывала свой крутой нрав: то меняла русло, сминая своими волнами посевы на полях, затопляя сады, то с ревом выходила из берегов, все круша на своем пути, разрушая города и кишлаки. От нее всего можно было ожидать.

И в то же время она была дехканам не только врагом, но и другом, помощницей, кормилицей. И к недобрым эпитетам, которыми ее награждали, с пол-

ным правом можно было добавить и другие: щедрая, великодушная, спасительная... Ее воды, поднятые насосами на окрестные равнины, текущие по каналам и арыкам, орошали поля и сады, и сколько уже пустынных степей, прежде бесплодных, превратились в цветущие оазисы!

А в скором будущем Туямуюн начнет копить и хранить ее живительную влагу.

Амударья, грозно размывавшая берега, пробиваясь здесь через узкую «верблюжью шею», хоть и неохотно, а смирялась; и трудно было найти более удобное место для перекрытия могучей реки. Чудилось, сама природа позаботилась о создании здесь «плацдарма» для атаки на реку, — чтобы можно было пустить ее воды на пустоши Туркмении и Хорезма, на пастбища Каракалпакки.

Чем подробнее знакомился Хамиджан с рельефом здешней местности, тем все больше убеждался, — как удачно выбран участок для сооружения плотины, электростанции и водохранилища. Когда он поделился своими соображениями с начальником строительства, тот вручил инженеру проектную документацию со схемой отводных каналов и сказал, как о деле решенном:

— Тебе, Хамид Хакимович, поручаются все ирригационные работы.

Сделавшись «начальством», он не напыжился, как это бывает с иными честолюбивыми людьми, не стал выглядеть солидней, и изменился лишь в одном: острее почувствовал, какая ответственность легла на его плечи. Может, поэтому он стал серьезней, вдумчивей; больше всего его заботило — как бы не подвести тех, кто доверил ему масштабное дело и не ударить лицом в грязь перед специалистами и строителями, которые ему подчинялись. Если он в чем не мог разобраться, то не стеснялся советоваться и с начальником строительства, и с такими же инженерами-ирригаторами, как он сам, и с опытными мирабами, которыми славился Хорезм: ведь там еще издавна умели рыть каналы и с помощью чигирей поднимать воды Амударьи.

Обогадившись нужными сведениями, Хамид Хакимович исправил кое-что в проекте и успешно завершил прокладку двух отводных каналов, длиной по два километра, подготовив тем самым условия для перекрытия реки.

Это была горячая пора. Созданная в Туямуёне железнодорожная станция оказалась загруженной до предела; сюда прибывала строительная и ирригационная техника; экскаваторы, тягачи, подъемные краны, бетономешалки, «КрАЗы», электросварочная аппаратура. На берегах каналов скапливались металлоконструкции и строительные материалы, предназначенные для возведения плотины и гидроэлектростанции. Судя по маркам, красовавшимся на различных изделиях, в сооружении Туямуёнского водохранилища принимала участие вся страна.

В тот день, когда должно было начаться перекрытие Амударьи, к туямуёнцам приехал Разыков. Он внимательно обследовал фронт работ, побеседовал со специалистами, водителями самосвалов, трактористами, и только после этого обратился к Хакимову:

— Хамид Хакимович, каналы вы проложили в короткие сроки. Это хорошо. Но выдержат ли они напор воды после перекрытия Амударьи?

— Выдержат, — уверенно пообещал Хакимов, — Убежден: выдержат.

Но на душе у него кошки скребли.

Он взглянул на часы: десять ноль ноль по-ташкентскому времени. Пора начинать... Взмахнув рукой, отдал команду:

— Приступайте!

Зрелище было впечатляющее. С холмов, с берега в воду рушились каменные глыбы, этот каменный поток должен был преградить путь речному потоку. И чем прочнее, выше становился завал, тем больше ярилась река. Она, как тигр, набрасывалась на падавшие в нее глыбы, металась в бешенстве из стороны в сторону, вспененные волны взмывали вверх, рассыпая каскады брызг — Амударья в эти моменты походила на рассерженного плюющего верблюда. И, наконец, словно признав свое поражение, она с грозным ревом ринулась в правый и левый отводные каналы. Хакимов даже глаза прикрыл и, прижав руку к сердцу, шептал беззвучно: «Милые, не подведите! Не подведите!»

Но все обошлось, как он и заверял. Каналы приняли бурлящие потоки воды и повели их в обход площадки, где должны были строить ГРЭС.

После того, как Амударью смирили, Разыков спросил у Хакимова:

— Тут вы свое дело сделали. Где теперь собираетесь работать?

Тот пожал плечами:

— Куда направят, туда и поеду.

— Другого ответа я от вас и не ждал. А что бы вы сказали, например, насчет Нечерноземья?

— Пошлют — не откажусь, — внешне спокойно произнес Хакимов, но заметно было, как у него загорелись глаза.

Не прошло и нескольких дней, как его вызвали в Ташкент, в Министерство водного хозяйства, и непосредственный «шеф» инженера Баймухамедов сказал:

— Вашим новым местом работы будет теперь Новгородская область. Не возражаете?

По лицу Хакимова было видно, что он не только не возражает, но и рад новому назначению.

Баймухамедов удовлетворенно кивнул:

— Я знал, что вы согласитесь. И заранее дал указание оформить ваш отъезд. Так что упаковывайте чемоданы. Да, я думаю, жену вам лучше вызвать, когда вы оглядитесь и устроитесь на новом месте.

— Вы правы.

Баймухамедов, сочтя разговор законченным, крепко пожал руку Хакимову и многозначительно произнес:

— Вы, надеюсь, представляете, какие вас ждут трудности и как ответственна ваша будущая работа. Удачи вам, Хамид Хакимович!

II

Жене Хакимова, Сумбуле, уже было известно, что мужа направляют на работу в Нечерноземье, она только не знала, в какую именно область.

В свое время, окончив Педагогический институт, она работала вместе с Хамиджаном в Голодной степи, а когда он уехал в Карши, поселилась в доме его родителей, стала учительствовать в начальных классах кишлачной школы.

Сумбулу нельзя было назвать красивой, но зато ей не занимать было обаяния; с лица ее не сходила улыбка, глаза лучились добротой. Хаким-ака и его жена нахвалиться не могли своей невесткой; ее от души любили и соседи, а уж о детях и говорить нечего: они чуть не боготворили свою учительницу, с нетерпением

ждали ее уроков, а когда она уходила из школы, всем классом провожали ее до дороги.

В тот день, когда из Ташкента должен был вернуться Хамиджан, Сумбула не пошла в школу. Хотя и не хотелось ей никуда уезжать из кишлака, она принялась собираться в дорогу. Вызов мужа в министерство означал одно: пора ехать.

Ее ученики, видя, что Сумбула-апа все не приходит, заволновались. Она никогда еще не опаздывала на свои уроки. И когда в классе появился другой учитель и сообщил, что Сумбулы-апа сегодня не будет, ребята наперебой загомонили:

— Почему? С ней что-нибудь случилось? Она заболела?

Учитель поднял руку, призывая класс к тишине, и сказал:

— С ней все в порядке. Но она уезжает от нас. Далеко-далеко. В Нечерноземье. Вы же, наверно, слышали, что наша республика вызвалась помочь русским братьям в преобразовании Нечерноземья?

Ребята были наслышаны об этом и понимали, какое это важное дело, но это служило им слабым утешением. Еле дождавшись окончания уроков, они шумной гурьбой поспешили к дому любимой учительницы, но, не решаясь войти, приникли к окнам. Сумбула гладила одежду; рядом виднелись раскрытые чемоданы.

— И правда, она уезжает, — грустно констатировал один из учеников.

Притихшие, ребята направились к входу в дом.

В глубине айвана, утонув в мягком кресле, Хаким-ака читал свежую газету. Неожиданно он с возмущением крикнул:

— Дочка, Сумбула! Нет, вы только поглядите!

Школьники, испугавшись, спрятались за углом дома. А Хаким-ака все никак не мог успокоиться:

— Да что же это такое творится! Бога они не боятся!

— Чего это вы о боге вспомнили? — сварливо спросила его жена, Мухтасар-ая, выходя из комнаты.

— Ну и нравы, упаси господи!

— О чем это вы?

— Да вот, — он потряс газетой. — Тут написано... Послушайте, Сумбула! В Америке один старик женился на двадцатилетней внучке своей третьей покойной жены, у которой была дочь от первого брака. По всей

форме был составлен брачный документ. И таким образом молодая стала мачехой своей родной матери, а та ее падчерицей. Ну, дела!

На айване появилась и Сумбула:

— А что вы удивляетесь, отец? Типичный «брак по-американски». О таких вещах и пишут под рубрикой — «Их нравы».

В это время ребята, выбежав из своего укрытия, ворвались на айван и окружили свою учительницу. Она посмотрела на них с недоумением:

— Что случилось? Разве с вами сегодня не провели уроки? Я же послала записку директору, предупредила, что сегодня не смогу прийти.

Ребята зашумели:

— Нам никто, кроме вас, не нужен...

— Не оставляйте нас, Сумбула-апа!

У некоторых на глазах заблестели слезы.

В эту минуту во двор быстрой походкой вошел Хамид Хакимович. Сумбула поспешила навстречу мужу. Кинулись к нему и ребята:

— Дядя Хамид! Не увозите от нас Сумбулу-апа!

Он строго взглянул на них:

— А кто вам сказал, что она уезжает? По-моему, вы рано подняли панику. А ну, марш по домам!

Ребят как ветром сдуло.

Теперь Сумбула с недоумением посмотрела уже на мужа и хотела его о чем-то спросить, но ей помешал Хаким-ака, спустившийся вместе со своей старухой с айвана:

— Сынок! Ну, что? Куда тебя посылают?

— Как раз в те места, где вы воевали, отец. В Новгородскую область. Помните, вы мне рассказывали? Старая Русса, Шимск, Парфино...

Старик закивал:

— Да, да, там шли кровопролитные бои, в которых и я участвовал. Да не только я и отец нашей Сумбулы. Так ведь, дочка? Мы все служили в одной дивизии. — Тень пробежала по его лицу. — И многие наши товарищи остались там навсегда...

После паузы Хамид Хакимович проговорил:

— Мы уж постараемся, чтобы труд посланцев Узбекистана тоже стал им достойным памятником.

— Да, та земля их кровью полита.

— Мы возродим ее к жизни, отец!

— Верю, сынок. Только помни: хоть война и кончи-

лась, а следы ее там остались. Она и до сих пор дает о себе знать.

— Как, отец? — Сумбуле сегодня, казалось, суждено было испытывать лишь одно чувство: недоумения. — Ведь минуло уже больше сорока лет.

— Да, больше сорока... — Лицо старика опять затуманилось. — Но что с того? Сколько земли-то там необработанной? Пустоши, болота... Они и таят в себе опасность. Куда ни ступи, — бомба перазорвавшаяся, или снаряд, или мина. Так что ты, сынок, будь осмотрительней. Осваивать такую землю — все равно, что на врага в атаку идти. Всякие сюрпризы могут ожидать.

В глазах Сумбулы мелькнуло испуганное выражение:

— Куда же это мы едем! — она перевела умоляющий взгляд на мужа. — Боже, ну, почему вас посылают туда, где всего трудней и опасней? Как будто для ирригаторов мало работы в родной республике. Разве уже закончилось освоение Джизакской, Каршинской степей? А сколько еще надо построить водохранилищ, каналов, новых совхозов! А пустыни? Да на все это жизни не хватит...

Хакимов вздохнул:

— Я гляжу, моя женушка осталась такой же наивной, как в юности...

— Я что не так сказала?

— Да нет, дел у нас и дома, действительно, невпроворот. Но место коммуниста — там, где он нужнее всего. А я — коммунист. И сейчас в моих знаниях и опыте нуждается Нечерноземье. И не так уж там опасно; отец-то в этих местах с войны не бывал; уж верно, вся гадость, о которой он говорил, давно извлечена из земли и обезврежена.

— Дай-то бог. Но твоя правда: коль затевается большой хашар — как остаться в стороне? Миллионы-то тонн хлопка — кто помогал нам вырастить? Русские братья. Да и многим мы им обязаны. И нет в мире ничего хуже черной неблагодарности, — произнося эту тираду, Хаким-ака мешал узбекские слова с русскими. — Поезжай, сынок. Вон и наша Сумбула, хоть и уговаривает тебя остаться, а сама уж тоже в дальний путь готовится. Сам видел, как она свои платья наглаживала...

— Ну, уж нет! — вскинулась свекровь. — Нечего ей сейчас с места срываться. Что они там, оба на чемоданах будут спать? Пускай сын пока один едет.

Хамид согласно кивнул

— Вот и Баймухамедов мне сказал: сперва сам устройся, потом уж жену вызывай.

— Вздор! — рассердился Хаким-ака. — Твой Баймухамедов говорит так, потому что они не позаботились о том, чтоб подготовить жилье для специалистов. Но негоже из-за этого мужу и жене разлучаться. Куда иголка, туда и нитка.

Сумбула благодарно взглянула на свекра. В самом деле, до каких же пор ей и мужу жить в разлуке, общаться только с помощью писем? Она Хамиджана месяцами не видит. То он в Карши, то в Туямуюне. А теперь вот — Новгород. Опять ей, значит, оставаться одной,— вроде как соломенной вдовой. Да и ему хватит уж жить по-холостяцки. И пускай там, в этом Нечерноземьи, и трудно, и опасно,— тем более она должна быть рядом с мужем. Муж и жена, говорят, единое целое. Вот она и поедет с ним, чтоб это целое не разбилось опять на две отдельные половинки.

— Я уж почти уложилась,— в тоне Сумбулы не чувствовалось особой решительности, но говорила она о своем отъезде, как о чем-то само собой разумеющемся. — Может, разыщу там могилу отца... Хоть могилке поклонюсь.

Но и свекровь не думала отступаться от своего:

— Не торопись, дочка. Придет срок — поедешь. А Хамиджан за это время все подготовит к твоему приезду. Что ж в воду-то лезть, не зная броду...

— Нет, мама, — уже тверже сказала Сумбула,— как молвит пословица, у плывущих на одном корабле — одна участь. Куда муж, туда и я. Что с ним будет, то и со мной.

— Молодец, дочка! — одобрительно воскликнул Хаким-ака. — Муж и жена должны быть вместе.

Хамид Хакимович не знал, что и делать: как говорить, оказался меж огнем и водой. Он не мог не считаться с желанием жены, с требованием отца. Но прав и Баймухамедов: если он заберет с собой Сумбулу, то где они на первых порах будут жить? А главное — что там Сумбуле вообще делать? Ведь в школе она преподает узбекский язык. Кому в Нечерноземье нужна эта ее специальность? Ирригаторам и строителям из Узбекистана? Так они все грамотные,— кто со средним, а кто и с высшим образованием. А быть только домохозяйкой Сумбула вряд ли согласится. Не по ней это, да и не может

она не понять, что Нечерноземье нуждается в рабочих, а не в гостях.

И все же по здравому размышлению Хакимов решил взять с собой Сумбулу: не в силах он был противиться ни ей, ни отцу.

— Ладно. Собирайте вещи, женушка. Недаром молвится: бояться воробьев — не сеять просо. Рискнем. В крайнем случае вы всегда можете вернуться домой.

Лишь свекровь, Мухтасар-ая, никак не могла свыкнуться с мыслью, что невестка, свет ее очей, верная помощница, упархивает из-под ее крыла. И все причитала:

— Ой, бой, Сумбула-хон, и вы меня покидаете? К тому, что Хамиджан дома почти не живет, я уж притерпелась. Но хоть вы со мной оставались. А теперь тоска меня загрызет...

— С вами Хаким-ака. Да и я буду навещать.

— Из такой-то дали?

— Так не на перекладных мне оттуда добираться, а самолетами летать. А для них нет расстояний.

Мухтасар-ая ничего не оставалось, как смириться с отъездом и сына, и невестки.

— Ладно, дети. Счастливого вам пути, — она не могла сдержать слез. — Берегите себя. И одна у меня к вам просьба: пишите чаще бедной своей матушке...

III

Когда Хамид Хакимович и Сумбула прибыли в Новгород, — в области уже полным ходом велись мелноративные и строительные работы. Были организованы шесть ПМК — передвижных механизированных колонн, которыми руководило управление «Узбекновгородстроя». Ему было предоставлено новое здание в центре города. Работники управления считали, правда, что оно спроектировано неудачно: крохотные комнаты, узкие коридоры...

По одному из таких коридорчиков, еще пахнущему свежей краской, Хакимов и Сумбула, — он впереди, она сзади, — прошли к кабинету, к дверям которого была прикреплена табличка: «Управляющий Н. Ю. Юлдашев». Войдя в кабинет, они поставили в угол свои чемоданы и приблизились к столу, за которым сидел управляющий.

Хамиду Хакимовичу не доводилось прежде встречать-

ся с Юлдашевым, но он достаточно был наслышан об этом человеке. По специальности инженер-строитель, Юлдашев у себя на родине участвовал в сооружении нескольких крупных ирригационных объектов. Зарекомендовал себя как умелый, знающий специалист. И неожиданно — «сбежал» в Ташкент. Впрочем, слово «сбежал» в шутку употребляли его друзья. На самом же деле были соблюдены все необходимые формальности; Юлдашев уволился честь по чести и начал работать в Ташкенте. Это случилось после Ташкентского землетрясения. И в пострадавшую от стихийного бедствия столицу Узбекистана Юлдашева властно позвало чувство долга, желание включиться во всесоюзный хашар. Он возводил новые, добротные дома для ташкентцев, оставшихся без крова, внес немалую лепту в восстановление «потрясенного города». А когда увидел, что Ташкент сделался еще краше, чем прежде, то счел свою миссию законченной и стал думать — за какое бы взяться новое дело, масштабное и полезное? В это время развернулась работа по преобразованию Каршинской степи. Юлдашев туда и подался, полагая, что нет цели благородней, чем превращение пустынной степи в оазис, наподобие Ферганского. И горячо, опять-таки по велению сердца, взялся за строительство каналов. Их именно строили, а не рыли; строили с применением современной техники, прогрессивных методов труда. И если прокладка БФК начиналась со взмаха сотен кетменей, то нынешние каналы рождались на заводах, производивших бетонные плиты и лотки. И когда, наконец, вода с журчаньем устремилась по бетонным искусственным руслам, Юлдашев испытал два чувства: исполненного долга — и неудовлетворенности. Да, он все сделал, чтобы привести воду в Голодную и Каршинскую степи. И не жалел сил, возрождая Ташкент. Но все-таки он оказывался везде тогда, когда работы уже велись; а ему хотелось испытать себя в деле, которое начиналось бы «с нуля», быть первопроходцем — как те целинники, которые еще в 1920 году приступили к освоению Мирзачуля. Тогда, по декрету Ленина, прибыл на станцию Сырдарья Туркестанской железной дороги поезд из далекой Росени, от него отцепили вагон, из которого высадились инженеры-ирригаторы, агрономы, врачи, учителя, присланные — чтобы помочь узбекскому народу в упрочении Советской нови на его земле. Их радостно ветречала толпа дехкан. И вот эти землепашцы, мирабы, мастера-строи-

тели и принялись, рука об руку с русскими специалистами, поднимать голодноостепенскую целину.

Как Юлдашев завидовал им!

И как только он услышал, что республика посылает специалистов-ирригаторов осваивать Нечерноземье, то одним из первых выразил настойчивое желание отправиться в Ивановскую или Новгородскую область.

Поскольку к той поре он уже успел завоевать прочный авторитет талантливого строителя, то ему охотно пошли навстречу.

И вот он — управляющий крупным трестом, в его распоряжении — миллионы рублей, разнообразнейшая техника, горы строительных материалов; и задача перед ним грандиознейшая: освоить тысячи гектаров заболоченных, запущенных земель.

Сидя перед Юлдашевым, Хамид Хакимович смотрел на него с уважением и любопытством. Ведь Хакимова назначили его заместителем. И хотелось «вглядеться» в характер этого человека, понять, смогут ли они сработаться, найти общий язык.

Обычно Юлдашев был скуп на слова. Но ему не терпелось побольше узнать о своем новом помощнике. И он придирчиво расспрашивал Хакимова о его жизни, работе, о семье, из которой он вышел, о том, где ему довелось побывать, о перипетиях его ирригаторской деятельности.

Ответами Хакимова он, казалось, остался доволен; извинительно улыбувшись, сказал:

— Вы уж не обижайтесь, что я замучал вас расспросами. Наверно, подумали: ну, не строитель, а прямо следователь! Но ведь нам предстоит вместе работать. И естественно желание — поподробней познакомиться с вашей биографией. Скажу прямо: я рад, что именно вас ко мне прислали.

Покосившись на Сумбулу, он спросил:

— А у вашей жены какая специальность?

— Она учительница.

Юлдашев с трудом скрыл свое разочарование:

— М-да... — он повернулся к Сумбуле. — Вы, верно, к нам не надолго? Посмотреть, как муж устроится, какая работа и какие трудности его ждут?

— Нет. Я — насовсем.

Юлдашев, закусив нижнюю губу, помолчал немного, потом, поднявшись, подошел к занавесу, закрывавшему чуть не всю стену за его письменным столом.

— Хамид Хакимович, я уж сразу хочу ввести вас в курс дела.

У Юлдашева уже вошло в привычку—всех «хашарчи», направленных в его распоряжение, будь то инженер или тракторист, знакомить с размахом мелиоративных и строительных работ, которые велись или должны были развернуться в Новгородской области. Для этого он заказал крупномасштабную карту, где художник отметил все объекты, входящие в ведение «Узбекновгородстроя».

Вот и теперь он отодвинул в сторону занавес, и изумленному взору Хакимова открылась карта, дававшая четкое представление — где и что предполагалось сделать. Площади, предназначенные под освоение, выделялись белыми пятнами. Они составляли четвертую часть всей новгородской земли. Строительные объекты были помечены кружками с рисунками-значками внутри: подъемный кран обозначал будущее промышленное предприятие, корова—ферму, дети с книжками под мышкой—новый поселок... В нижней части карты был указан объем работ.

На «белых пятнах» и возле каждого кружка — нарисованы флажки с цветами Узбекской ССР.

И начертаны названия ПМК, которым надлежало работать на том или ином объекте,— «Ташкент-1», «Ташкент-2», «Ташкент-3» и так далее.

Хамид Хакимович и Сумбула долго стояли перед картой, оживленно переговариваясь. Юлдашев, наслаждаясь произведенным эффектом, подождал, пока они в достаточной мере изучат все данные, и, предложив им сесть, проговорил:

— Хамид Хакимович, должен вас предупредить, что кабинет ваш пока занят. С жильем у нас очень туго. Даже мой кабинет по ночам превращается в общежитие. Вам тоже первое время придется ночевать в управлении. Для вашей жены мы выхлопочем местечко в гостинице, но самое большое — на несколько дней. Гостиницы тут забиты туристами. Ну, а днем вам вздохнуть будет некогда, это уж я гарантирую. Я дам вам машину, ознакомьтесь с положением на объектах, с работой ПМК.

— А как вы оцениваете их работу?

— Сами, сами все увидите.— Юлдашев задумался.— Я все не могу забыть — как нас встречали! Музыка, цветы,— уж не знаю, где их взяли. И взгляды, полные

благодарности и надежды... Да, видно было, что от нас ждут многого. В нас верят. И мы обязаны оправдать эти надежды и доверие. И еще... Мы, узбекские строители и ирригаторы, — ученики первых покорителей целины, прехавших в Мирзачуль из России в двадцатом году: Владимира Федоровича Булаевского, Сергея Михайловича Курбатова, Евгения Ивановича Озерского... Велик наш долг перед ними! И освоение Нечерноземья — это и дань их светлой памяти. Представляете, какая на нас всех лежит ответственность? Я только здесь ощутил — как она давит на меня... Такое чувство, будто за всем, что ты делаешь, следят миллионы глаз...

Да, новгородцы, как и ивановцы, встретили посланцев Узбекистана торжественно, веря, что они исцелят их бесплодные земли. И это была не слепая вера. У себя в республике ирригаторы и мелиораторы доказали, что их профессия — это высокое искусство, слившее в себе и достижения современной науки и техники, и приемы, испытанные веками, доставшиеся им в наследство от предков.

И в первые дни, даже месяцы Юлдашев был настроен оптимистично. Трудности его не пугали — их хватало и в Узбекистане.

Однако чем дальше, тем отчетливей он понимал, что тут им придется потяжелее. И погода, и обилие болот, топей, кустарников — все было грозно непривычным. Талант Юлдашева пыльным цветом расцвел в Узбекистане — все давалось легко еще и потому, что его окружала знакомая с детства обстановка. В новых же условиях он немного растерялся — в чем, впрочем, не отваживался признаться даже самому себе.

— Да, ответственность... — повторил он. — Меру ее все тут понимают. И работают не за страх, а за совесть. Но все здесь не так, как у нас в Узбекистане. Вот осень пришла, — вы сами убедитесь, как она отличается от узбекской. Дороги развезло. Наши люди работают по колесу в грязи. Солнца часто и не увидишь: тучи, дожди. У нас в это время еще тепло, а тут — бр-р... Сырость, промозглость. Простудиться — легче легкого. Так что в здешних условиях труд наших освоителей — это подвиг! Да, да, подвиг!

Хакимов к последним словам управляющего отнесся с некоторым сомнением. Уезжая в Новгород, он настраивал себя отнюдь не на героические свершения, а на обычную будничную работу. И, конечно, заранее предполагал,

что Новгородская область — это не Хорезмская и не Сырдарьинская.

Взглянув еще раз на карту, он попросил:

— Вы разрешите мне кое-что перерисовать, чтобы легче было ориентироваться в поездках?

— Что за вопрос! — Юлдашев пододвинул ему чистый лист бумаги. — Чертите схему, это никогда не лишне.

Сумбулу удалось устроить в одноместном номере новой гостиницы «Садко». Пока Хамид Хакимович находился в разъездах, она знакомилась с новгородскими памятниками старины. Город весь дышал историей, и на осмотр его достопримечательностей уходило немало времени.

Уж тем более не приходилось скучать Хакимову.

Он объехал многие ПМК, его восхищал вид освоенной, обработанной земли, поднятой зяби.

Однако многое и огорчало. Некоторые трактора стояли без действия и без присмотра. Видел Хакимов и запчасти, валявшиеся в грязи. Создавалось впечатление, что техника брошена на произвол судьбы.

Как-то днем Хамид Хакимович остановился возле трактора, завязшего в раскисшей земле посреди поля. Радиатором он был повернут к дороге, словно ждал помощи оттуда.

Хакимов оглянулся. Вокруг ни души, но из-за густого кустарника доносился ровный гул тракторов.

Возможно, туда и пошел водитель беспризорного трактора?

Но и за кустарником его не оказалось. Здесь работали лишь три машины, а две — без хозяев — торчали на опушке небольшого леса.

Как объяснили Хакимову, водители всех этих «загорающих» тракторов вчера уволились, а их сменщики еще оформлялись на работу, так что наступил период «междущарствия».

Подобную же картину Хакимову довелось наблюдать и в других ПМК — на строительстве животноводческих ферм, при проведении мелиорации.

Оказавшиеся без дела механизаторы толпились возле контор начальников ПМК, стояли в очередях к кадровикам, держа в руках «бегунки» и командировочные удостоверения, и хотя им предстояло возвратиться на родину, лица у них были какие-то скучные: ведь они сходили с дистанции, так и не достигнув финиша...

Хакимов, в одной из ПМК, заглянул на склад зап-

частей — они лежали в беспорядке, никто их не охранял, многие успели покрыться ржавчиной...

От этого безрадостного зрелища сжималось сердце...

Вернувшись в Новгород, Хамид Хакимович поспешил в гостиницу, к жене. На город уже опустились сумерки, Сумбула сидела у себя в номере, переполненная впечатлениями. Хакимов вошел без стука, хмурое выражение лица говорило, что он чем-то расстроен.

— Устали? — ласково спросила Сумбула.

— Да, чертовски устал, — слишком охотно согласился Хамиджан, и Сумбуле показалось, что у него просто нет желания делиться с ней своими огорчениями и заботами.

Она все же решила узнать, что же послужило причиной его дурного настроения.

— А, может, меня собираются выселить из гостиницы? Вы не переживайте, я могу ночевать где угодно.

Хамид Хакимович вздохнул:

— Гостиница тут ни при чем. — Ему все-таки надо было излить душу. — Все куда серьезней.

— Что-то я прежде не замечала, чтобы вы вешали нос, столкнувшись с трудностями.

— Трудности здесь особого рода... Мне не хотелось бы на первых же порах ссориться с Юлдашевым.

— А вы не ссорьтесь.

— Но если я выложу ему всю правду о том, что видел, — боюсь, вряд ли это ему понравится.

— Он не любит правды?

— Как знать... Собственно, причин для конфликта нет. Я ездил по объектам по его же поручению. Он, наверно, хотел, чтобы я взглянул на все «свежим глазом». И ему, возможно, нужна как раз правда. Что ж, скажу все, как есть. Делу от этого — только польза.

— А все, действительно, обстоит так уж плохо?

— Ну, как сказать. Ребята-то наши в свою работу всю душу вкладывают. Но имеются три обстоятельства, которые многое сводят на нет. Вот на них я и обязан обратить внимание Юлдашева. Если мы не наведем порядок во всей деятельности треста, то пятилетний план нам не выполнить, сама идея хашара будет опорочена, и всем нашим благородным порывам — грош цена. Прямо не знаю, как ему все это объяснить...

— По-моему, он человек честный и мягкий.

— О нем говорят: мягко стелет, да жестко сплет. Самолюбив. И слишком уверен в себе. Оно и неудивительно: ведь со всеми заданиями справлялся успешно.

— Вы тоже, по-моему, выговоры не получали...

Хакимов усмехнулся:

— А, может, и я и самолюбив, и самоуверен?

— Пока не замечала.

— Мы редко виделись в последнее время...

...Хамид Хакимович застал Юлдашева склонившимся над какими-то бумагами. Увидев Хакимова, тот сгрел их со стола, сунул в ящик. Поднявшись, прошел за стол, обставленный стульями для посетителей и участников совещаний, и сел напротив своего заместителя.

— Ну, как, Хамид Хакимович, довольны своим путешествием? — взгляд его был испытующий, напряженный. — Не измотали вас дороги? Они, как вы, наверно, заметили, не такие, как в Голодной степи.

— А, ничего страшного. Мы их благоустроим.

— Жду рассказа о ваших впечатлениях.

— Побывал я во всех ПМК. С людьми поговорил.

— На что же они вам жаловались?

— Почему жаловались? У них вполне законные претензии к руководству треста.

Юлдашев взял карандаш, положил перед собой блокнот, хмурясь, посмотрел на Хакимова:

— Какие же?

— Если суммировать все, что я наблюдал, о чем услышал, то можно выделить три, так сказать, недуга, которыми страдает наше большое хозяйство...

— Я слушаю, слушаю вас.

— Это — текучесть кадров, бесхозяйственность, иждивенчество...

— Ну, такие разговоры для меня не новость, — Юлдашев захлопнул блокнот и отодвинул его в сторону. — Ваши жалобщики не учитывают тех условий, в которых нам приходится работать.

— Почему не учитывают? Но ведь мы же знали, что условия тут будут особые, специфические. И к ним надо как-то приспособливаться, а не сваливать все на них. Возьмем, к примеру, трактора. Они ведь новехонькие, а сколько раз уже выходили из строя? Это ли не бесхозяйственность? А причина в том, что слишком часто меняются трактористы. Не успеет человек приехать сюда и сесть за руль трактора, как машину надо уже передавать другому. Когда тут заниматься профилактикой?

— Согласен, текучесть кадров — большое зло. Но разве от нас что-нибудь зависит? Из Узбекистана ме-

ханизаторов командируют к нам самое большее на три месяца.

— Значит, надо думать о том, как закрепить кадры. Требовать людей на более долгое время.

— А! — с какой-то безнадежностью махнул рукой Юлдашев.

— Я все-таки считаю, что в наших силах изменить положение. Люди не должны чувствовать себя здесь временными работниками. Но даже если они приезжают и на два-три месяца, — разве нельзя добиться, чтобы они рачительней относились к технике? Вы спорт любите?

— При чем здесь спорт?

— Видели, наверно, эстафетный бег? Каждый его участник до конца выкладывается на своем этапе, чтобы поскорей передать эстафетную палочку товарищу по команде. У нас тоже — что-то вроде эстафеты. Пусть пока командировки короткие, но все вместе они складываются в длительную, непрерывную командировку. Представим себе, что это просто многосменная работа. Ведь на заводе, передавая смену, рабочий старается, чтобы его станок был в полном порядке. Такое же чувство ответственности мы должны воспитывать и в наших «командированных». Нет, с халатностью нельзя мириться.

— Что ж, будем постороже наказывать виновников.

— А, может, главный виновник тут — иждивенческие настроения некоторых руководителей? Посудите сами. Из республики на каждый трактор присылают столько запчастей, что их с лихвой хватило бы лет на пять. Но вместо того, чтобы беречь технику, вовремя ее ремонтировать, руководители колонн — да и треста — торопятся ее списать, как пришедшую в негодность, и шлют в Ташкент слезные телеграммы с просьбами прислать новую технику. Сколько же можно спекулировать на том внимании, которое уделяют Нечерноземью наши ЦК и Совет Министров? И все это вредоносно влияет на психологию механизаторов. Мол, чего церемониться с техникой — ее у нас навалом.

Юлдашев, слушая Хакимова, раздраженно стучал карандашом по столу.

— У вас все?

— Если нужно, я составлю подробную докладную.

— Не нужно.

Юлдашев встал, возвратился на свое место за пись-

менным столом и с обидой и недоумением проговорил:

— Это что же получается? Сколько уж времени мы тут работаем и не слышали ни слова упрека, — я не говорю о завзятых ворчунах, которые вечно чем-то недовольны. И вот явился в качестве моего заместителя товарищ Хакимов, и оказывается — все у нас из рук вон плохо!

— Я так не сказал.

— Вся ваша обличительная тирада к этому сводится. По-вашему выходит, что у нас тут куча недостатков, на которые руководство смотрит сквозь пальцы.

«Именно так, — подумал Хакимов. — Теперь мне открылся еще один недуг, товарищ Юлдашев: ваши терпимость и благодушие. Критика-то вам не по душе...». А вслух произнес:

— Почему куча? Всего три, правда, весьма серьезных. Мне думается, нам надо так перестроить работу, чтобы делать как можно больше, а требовать и получать как можно меньше. Республика наша не дойная корова, от которой можно кормиться в свое удовольствие. Там техника тоже нужна. Министерства же с кровью ее от себя отрывают.

— А мне думается, — сквозь зубы процедил Юлдашев, — что вы просто устали, потому вам и видится все в черном цвете. И наслушались всяких кляузников. Вам надо отдохнуть, поразмыслить на досуге обо всем беспристрастно и объективно. Завтра я сам вас вызову.

Он погрузился в чтение бумаг, давая понять, что разговор окончен, и Хакимов может быть свободным.

После ухода Хамида Хакимовича Юлдашев отложил бумаги — все равно никак не мог сосредоточиться — и, откинувшись на спинку кресла, задумался. Да, подложили ему свинью с заместителем... Не успел приехать — и уж занялся критиканством. Критиковать легче всего. Посмотрим, как ты запоешь, когда на своей шкуре испытаете все тяготы здешних условий.

В это время задребезжал телефон. Юлдашев поднял трубку — звонил Баймухамедов из Ташкента. Справившись, как идут дела, он поинтересовался:

— Как там Хамид Хакимович? Уже приступил к работе?

Помявшись, Юлдашев сказал:

— Видите ли... Мне кажется, он еще не созрел для

должности заместителя управляющего. За меня не беспокойтесь: сколько уж времени обходился без заместителя — обойдусь и дальше. А Хамиду Хакимовичу надо сперва, как говорится, пороха понюхать. Если вы не будете возражать, я пошлю его начальником ПМК, которую возглавлял Марданов. Да, да, тот, что подорвался на mine. Надо укрепить этот участок. И товарищ Хакимов поднаберется опыта... Знаю, что опыта ему не занимать. Только одно дело — Узбекистан, а другое — Нечерноземье. Поверьте, я эту разницу на каждом шагу ощущаю...

Они поговорили еще немного, и Юлдашев с чувством удовлетворения положил трубку на рычаг.

На следующее утро он вызвал к себе и Хакимова, и Сумбулу. То, что он попросил прийти их вместе, удивило супругов. Может, какая закавыка с гостинницей? Сумбула и так уж прожила там дольше договоренного срока. Интересно, что ж им собирается предложить Юлдашев. Снимать комнату? Или на примете есть постоянное жилье?

Когда Хакимовы уселись, Юлдашев быстро взглянул на Сумбулу, — та даже поежилась под этим взглядом, — и обратился к Хамиду Хакимовичу:

— В министерстве ведь не советовали вам приезжать с женой?

— Какое это имеет значение? Решающее слово, я думаю, за мной. А я так считаю: коль уж прибыл сюда надолго, так и жена должна быть рядом.

— У плывущих на одном корабле — одна участь, — поддержала мужа Сумбула.

— Ладно. Будь по-вашему. Я коснулся этого вопроса лишь по одной причине: жить-то вам придется не в Новгороде.

Хамид Хакимович вскинул бровь:

— То есть?

— Видите ли... — Юлдашев выдавил из себя улыбку. — Только не подумайте, что я мщу вам за критические замечания! Нет, я хочу как лучше — и для вас, и для треста. У нас выбыл из строя начальник ПМК Алимджан Марданов. Сейчас он в Ташкенте, в больнице, но даже если и поправится, то вряд ли ему разрешат сюда вернуться...

— А что с ним?

— Он отправился, так сказать, в рекогносцировку: осмотреть земли, которые должна была осваивать его

ПМК. Ну, и... — Юлдашев покосился на Сумбулу и кашлянул, — напоролся на мину. Несколькими осколками его серьезно поранило.

— И часто у вас тут... мины взрываются? — спросила Сумбула.

— Обычно мы принимаем меры предосторожности. Прежде чем передать тот или иной участок ПМК, его «прочесывают» саперы. Тут ведь война прошла. Да, кстати, Сумбула-хон, — Юлдашев несколько оживился, — ведь ваш отец здесь сражался.

— Да, — кивнула Сумбула.

— Он участвовал в боях за Старую Руссу, которая несколько раз переходила из рук в руки. Я видел его фотографию в здешнем музее.

— Мой отец тоже тут воевал, — вставил Хакимов, — вместе с тестем, в составе двести сорок третьей дивизии.

Глаза Юлдашева потеплели:

— Значит, вы оба — дети воинов, защищавших Новгородскую землю... Что ж, ее и сейчас можно назвать полем битвы. Отцы ваши дрались за нее, наши добровольцы-хашарчи возрождают ее к жизни. И это тоже — бой. Как видите, не обходится и без жертв...

Он испытующе посмотрел на Хакимовых; Сумбула и бровью не повела; Хамиджан всем своим видом показывал, что ему все это хорошо известно, и он знал, на что идет.

— Но мы отвлеклись, — продолжал Юлдашев, — Хамид Хакимович, как вы отнесетесь к моему предложению — возглавить ПМК, оставшуюся без начальника? Думается, вам полезно будет «пообтереться» на живой работе, поближе и конкретно познакомиться с теми местными условиями, о которых я говорил... А там видно будет. Как, согласны?

Хакимов пожал плечами:

— А почему бы нет? Сидя в кабинете, нужного опыта не наберешься и полного представления о сложившейся обстановке не получишь. Извините, товарищ Юлдашев... Это я — вообще...

— Значит, это камень не в мой огород? — хохотнул Юлдашев. — Ох, и опасный вы человек, Хамид Хакимович. Видно, переняли у отца бойцовские качества... — он повернулся к Сумбуле. — Так как, товарищ Хакимова, вы и сейчас готовы разделить с мужем его участь?

— А зачем бы иначе мне приезжать сюда?

Сумбула держалась спокойно, уверенно.

— Э, не скажите! Чтобы повидать Новгород, люди сюда со всех концов света приезжают. Это ведь такая же сокровищница старины, как наш Самарканд. И для педагога, вроде вас, Новгород — это настоящий клад.

Сумбула поспешила перевести разговор в другое, менее коварное русло:

— Товарищ Юлдашев, неужели же из Узбекистана сюда присылают только мужчин, а женщин совсем нет?

— Почему нет? Есть. С вами — четверо.

— Кем же они работают?

— Одна — врач, другая — медсестра, а третья — и повар, и уборщица, и санитарка, и прачка... Если бы не они, мы Марданова и потерять могли бы. По существу, наши женщины спасли ему жизнь.

— Вот видите!

— Пока я не вижу, какое вы найдете здесь себе применение...

— Поживем — увидим.

— Что ж, и то верно.

Очутившись на улице, Хакимовы некоторое время шли молча. Хамиджан, хмурия брови, думал о чем-то своем. «Обижен, наверно, на Юлдашева, — решила Сумбула. — Еще бы, не успел приехать, а его уж понизили в должности».

— Видать, не по нраву вы пришлись Юлдашеву, — сказала она сочувственно. — Не взял он вас своим заместителем.

— Какое это имеет значение? — отозвался Хакимов любимой фразой. — Говорят, нет маленьких и больших ролей, есть хорошие и плохие актеры. Так и тут. Разве дело в должности? По мне, это даже к лучшему, что Юлдашев назначил меня начальником ПМК. Там больше самостоятельности, и твоя работа — на виду. Постараюсь доказать, что мелиораторы — это, действительно, лекари земли.

IV

Проводив Хакимовых, Юлдашев задумался. «Да, крепкий орешек этот Хамид Хакимович. Рубах-то износил поменьше, чем я, а ершится; все не по нему, ко всему готов придрататься. И ведь не скажешь, что он распалился по молодости: ему уже почти сорок, опыта и знаний — хватает. Может, как раз поэтому у него такой независимый характер. Только независимость для

заместителя управляющего отнюдь не лучшее лекарство. Нет, правильно я сделал, что отправил Хакимова в ПМК. Пусть покажет себя на самостоятельной работе...»

Юлдашев встал, подошел к окну. По тротуару, удаляясь от здания Управления, шли, тесно прижавшись друг к другу, Хамид Хакимович и Сумбула. Хм... И жена — из того же теста, что и муж. Потому, верно, и потянуло их друг к другу. Говорят, у них до сих пор нет детей... Что ж, одних супругов эта беда разводит, других еще больше сближает. И что он напустился на Сумбулу? Ну, не могут они друг без друга. И слава богу.

Снова устроившись за столом, Юлдашев продолжал размышлять над выводами, к которым пришел Хакимов после поездки по объектам. И так — три «недуга». Один из них — текучесть кадров. А что тут поделаешь? Она, эта текучесть, как бы запланирована с самого начала. Ведь при отправке мелиораторов, строителей, механизаторов в Нечерноземье и предусматривался короткий срок командировок. Да и можно ли привязать людей к здешней земле на более длительное время? Бытие определяет сознание. А бытие таково: посланцам Узбекистана все тут внове, все незнакомо, даже трудности — особого рода. И, естественно, ребят тянет домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Хм... В гостях... Да разве они здесь гости? И не выбрал ли ты себе, товарищ Юлдашев, удобную позицию: раз бытие определяет сознание, то я тут ни при чем, не в моих силах и возможностях что-либо изменить?..

Ладно. Проблема закрепления кадров на новом месте — достаточно сложная проблема, и с маху ее не разрешить.

Но вот подсчет фактов бесхозяйственности — разве Хакимов не прав? Трактора, действительно, слишком часто выходят из строя. А почему? Потому что машина у водителя — как бы во временном пользовании. И срабатывает психология временного работника: трактор — не мой, что за ним особенно ухаживать? Не все, конечно, так небрежно относятся к вверенной им технике... Но отдельные факты — налицо, а против фактов, как говорится, не попрешь.

О чем он еще говорил, несостоявшийся заместитель? Да, об иждивенчестве. Ну, тут он перегнул палку...

Юлдашев достал из среднего ящика стола общую тетрадь, которую называл «железной книгой». Туда он, день за днем, заносил все факты, цифры, все мелочи, связанные с деятельностью треста. Тетрадь — она являлась как бы бесстрастным свидетелем того, что делал Юлдашев, о чем просил, за что корил или хвалил своих подчиненных, какие проводил или намечал провести мероприятия, что говорилось на различных совещаниях и летучках...

Он медленно переворачивал страницы, вглядываясь в записи, которые, казалось бы, знал наизусть. Но сейчас он воспринимал их по-новому. Черт-те что! Эта тетрадь — была на стороне Хакимова! Сама она оставалась бессловесной, но цифры и факты сами говорили за себя: вот, гляди, разве это не бесхозяйственность, обусловленная текучестью кадров, иждивенчеством? А вот на этой странице разве не подтверждается правильность высказываний Хакимова?

Юлдашев насупился... Верная его тетрадь — союзница этого критикана? Нет, поглядим другие бумаги.

Он обложился папками с документами, телеграммами, письмами, ответами на них.

Что у нас здесь? Ага! «Срочно пришлите», «Прошу срочно отправить в адрес треста, «у нас острая нужда в том-то и в том-то». ...М-да, не слишком ли много таких вот просьб и требований? И ведь все они удовлетворялись. Его трест ни в чем не знал отказа. Все, о чем он просил, без проволочек выделялось, находилось, погружалось в вагоны, отправлялось, в нужные сроки прибывало... Получалось, что республика, и правда, их избаловала. Как это сказал Хакимов? Получать — как можно меньше, отдавать — как можно больше... Что можно возразить против этого девиза?

И он ведь не успокоится, этот придира; как знать, может, он и еще что обнаружит, взяв под свою руку ПМК; и начнет бить в набат, будет по каждому поводу теревить его, Юлдашева, а в случае конфликта — нажалуется в Ташкент.

Юлдашев знал: таких, как Хакимов, укротить невозможно. Что же делать? Отрицать очевидные факты? Нет, черное в белое не превратишь; на верблюда хоть ковер накинь — все равно видно, что это верблюд.

Он просидел в управлении до поздней ночи, но так ни до чего и не додумался.

Спал он тревожно, его мучали кошмары, в одном из снов Хакимов заносил над его головой «железную книгу», и хохотал торжествующе, и вдруг, обернувшись Ходжой Насреддином, с хитреньким блеском в глазах говорил: «Ие, да вам в больницу пора, вас недуги одолели, недуги, недуги...»

Утром, явившись в Управление, Юлдашев снова начал листать «железную книгу», ворошить бумаги... Многое в них подтверждало правоту Хакимова. Да и сторонники у него найдутся... И в чью пользу склонится тогда чаша весов? Нет, он сам должен предупредить возможное развитие событий. В данном случае лучший способ защиты — нет, не нападение, а покаяние. Ну, да, ему приходится руководить людьми в тяжелых, непривычных условиях; а все намеченное, запланированное хотелось сделать как можно успешней и быстрее; да, поначалу они переборщили с запросами; но им, Юлдашевым, руководили самые благие намерения; если же он в чем и промахнулся, то готов нести ответственность...

Вот так он и напишет в Министерство.

И только приняв это решение, Юлдашев заметил, какой сегодня свежий, солнечный день. Яркий свет рвался в окна, заливал радужными волнами кабинет.

Управляющий прошелся взад-вперед, разминая затекшие плечи, подставляя лицо теплым лучам солнца.

И когда он вновь сел на свое место, положив перед собой чистый лист бумаги, перо его «паркера» словно само собой побежало — слева направо, слева направо, выводя четкие строки...

В начале своей докладной записки Юлдашев поблагодарил Министерство за его щедрость, за то, что оно ничего не жалело для мелиораторов, вот уж полгода «лечащих» новгородские земли, и обеспечивало трест всем необходимым. Далее шло хорошо продуманное покаяние. И тщательно отмеренная доза самокритичности. В конце же записки Юлдашев отмечал, что причина завышенных требований и пока еще малой отдачи — в текучести кадров: «Многие из командированных приезжают сюда, словно в гости, и уезжают, так сказать, не попрощавшись. Это служит немалой помехой стабильно-четкой, без огрехов, работе на землях Нечерноземья».

Поставив свою подпись, Юлдашев с облегчением откинулся в своем кресле. Так. Дело сделано. Что бы те-

перь ни предпринял Хакимов, — у него, Юлдашева, совесть чиста. Дело — за Министерством. Пусть там поломают голову, как справиться с «текучестью кадров»... Но и им, освоителям Нечерноземья, придется теперь поднапрячься: надо подготовиться к тому, что Ташкент поскупее будет отпускать им технику... И потребовать от всех ПМК более бережливого отношения к той, что у них имеется, так сказать, на сегодняшний день.

Да, сейчас многое будет зависеть от работы каждой ПМК. И уж пусть не сетует товарищ Хакимов, если с него будут спрашивать за все — предельно строго. Не плохо, кстати, предупредить его об этом.

Сейчас он, наверно, уже добрался до места своей новой работы. Что ж, отправим ему небольшое письмо-цо, подбадривающее — и кое-что разъясняющее. Пусть видит, что Управление проявляет заботу о нем.

«Учтите, Хамид Хакимович, — писал Юлдашев, — что теми тремя недугами, о которых вы — отдаю должное Вашей объективности и пронципальности — говорили, особенно поражена именно Ваша ПМК. Выражаю уверенность, что Вам удастся от них избавиться. Я и назначил Вас на должность начальника этой ПМК, зная, что на Вас можно положиться, что Вы не только покончите с недостатками, но и сделаете вашу ПМК примером для других. Если же она будет плестись в хвосте, — пеняйте на себя. С Вас — особый спрос...»

Юлдашев был доволен собой: он считал, что одним выстрелом убил двух зайцев: выставил себя в выгодном свете перед Министерством — и поставил на место Хакимова.

Он подошел к окну, взглянул на затопленную солнцем улицу, и ему вдруг почудилось, что он видит на тротуаре удаляющиеся фигуры Хакимовых; они шли рука об руку, с гордо выпрямленными спинами...

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Вскоре после того, как Хакимов вступил в новую должность, он и Сумбула отправились на кладбище с братскими могилами, расположенное за Старой Руссой.

Уже вечерело, и солнце, исполнив свой дневной долг, укладывалось на покой. Горизонт окрасился прощальным заревом — цвета красной меди. А потом начало медленно смеркаться.

Супруги остановились перед одной из братских могил. Легкий ветерок шевелил рыжую прядку вечного огня. Узкое пламя то клонилось долу, то тянулось вверх, освещая фамилии павших героев, высеченные на большом мраморном надгробии. А вокруг самой могилы трепетали на ветру крохотные факелы из камышинок, пропитанных растительным маслом. Слышалось тихое потрескивание, как будто огоньки перешептывались друг с другом.

Сумбула с напряжением вглядывалась в надписи на плите. Среди множества фамилий были и фамилии ее земляков. Рахманов... Махмудов... Раджабов... Адылов...

Адылов. Может, это ее отец? С уверенностью это нельзя было утверждать, потому что отсутствовало имя погибшего. А людей с фамилией «Адылов» в Узбекистане много.

В «похоронке», которую получила семья Сумбулы, говорилось, что ее отец пал смертью храбрых при взятии Старой Руссы и захоронен в братской могиле близ города. Та ли это могила? Тот ли Адылов?

Вполне возможно, что тут покоится прах ее отца...

На мраморной плите, примыкавшей к надгробию, лежал букет алых роз, несколько бутонов еще не раскрылись. От цветов веяло тонким нежным ароматом. Местные жители розы не разводили, и эти явно были привезены издалека, и не в поезде, а самолетом, — иначе уже увяли бы. Кто их привез и так заботливо украсил ими могилу?

И кто расставил здесь камышинки с алыми шапочками? За вечным огнем следили жители Старой Руссы. Но такие вот маленькие огоньки в изголовьях могил с древних времен светятся лишь на узбекских мазарах.

Сумбула смотрела на эти трогательные огоньки, и глаза ее влажно блестели. Хамид Хакимович тоже еле сдерживал слезы. Но мужчине не подобало плакать над могилой героев. Их хоронили под залпы винтовок и автоматов, без слез и причитаний. Строгой торжественности, которая здесь царила, более приличествовали не скорбные всхлипы, а молчаливая клятва живых: **быть**

верными памяти погибших воинов, свято хранить — мир, счастье, свободу, за которые они пролили кровь, отдали свои жизни.

И, как солдат в строю, Хамид Хакимович выпрямился, вскинул голову.

А языки пламени перед надгробьем все металась под порывами ветра, то выгибаясь, то вытягиваясь, то приныкая к мраморной плите.

Вернувшись в город, Хакимовы наведались в местный краеведческий музей.

Молча постояли они перед портретами знаменитых полководцев — Ватутина и Черняховского, перед стендом, посвященным памяти легендарного Мусы Джалиля, боевой путь которого начинался под Старой Руссой.

Многие экспонаты музея свидетельствовали о том, что здешние жители, и горожане, и колхозники, до сих пор не прекращают поиски, стремясь установить имена тех, кто дрался с фашистами в этих местах и уснул вечным сном в этой земле. Особое старание проявляли юные следопыты.

Это радовало и Сумбулу, и Хамида Хакимовича. Как знать, может, кому и удастся разыскать точное место, где похоронен отец Сумбулы.

А пока она чуть не каждое утро навещала братскую могилу с надгробьем, где высечена была фамилия — «Адылов». И все удивлялась: кто же изо дня в день зажигает здесь фитильки-камышинки? Не успевают истлеть одни — появляются другие...

В одно из этих посещений Сумбула увидела возле могилы, под молодой березкой, пожилого мужчину в новом бекасамовом халате. Он приветливо поздоровался с ней:

— Салам алейкум! Вы тоже из Узбекистана — я угадал?

— Валейкум ассалам. Да, я узбечка.

Задав традиционные вопросы о здоровье, мужчина спросил:

— В этой могиле кто-нибудь из ваших родных?

— Возможно — отец... Твердо я в этом не уверена.

А у вас кто?

— Да нет, мои близкие, слава богу, все живы. Меня попросил поклониться этой могиле сосед-инвалид. Он похоронил тут своих боевых товарищей... А я сюда приехал проведать своих сыновей. Они мелиораторы.

— Этот букет вы положили? — Сумбула показала на уже привядшие розы.

— Нет, цветы привезли студенты, строящие совхоз «Ташкент». Я думаю, каждый, кто приезжает в эти места, обязательно побывает у братских могил. Это долг сердца. О павших героях мы всегда должны помнить.

— Да, — кивнула Сумбула. — А вы не знаете, кто огоньки у могилы зажигает? Это наверняка кто-нибудь из наших земляков.

— В одной ПМК работает медсестра — не знаю ее имени... Каждый четверг вечером она и расставляет тут камышинки. Говорят, муж ее ушел на третий день после свадьбы. Последнее письмо, которое он прислал молодой жене, пришло из Старой Руссы. И «похоронка» — отсюда же. Замуж она так больше и не вышла и жила одной мечтой: поехать туда, где погиб и похоронен ее муж. И когда наши хашарчи отправились в Новгородскую область, она уговорила их взять ее с собой. Долго она искала могилу мужа — и, представьте себе, нашла! И работать устроилась в ПМК, которая поближе к могиле. Ее часто можно здесь увидеть... Да, вот пример женской верности.

Сумбула задумчиво смотрела на алые лепестки пламени, колыхавшиеся на камышинках. Они походили на капли крови, пролитой воннами, которые обрели здесь вечный покой.

«Это тоже — вечные огоньки, — сказала себе Сумбула. — Мы не дадим им погаснуть».

С тех пор, приходя сюда, она приносила свежие цветы и заменяла погасшие огоньки горящими.

II

Хакимовы поселились на окраине Старой Руссы, заняв небольшую комнату в уцелевшей от войны половине кирпичного дома. В других комнатах жили специалисты, работавшие в ПМК. Собственно, «жили» — это громко сказано. Являлись они домой лишь поздней ночью, чтоб только переночевать. И уходили на рассвете, не успев даже прибрать постели.

Сумбула терпеть не могла беспорядка и грязи. И, оставшись в доме одна, она убирала во всех комнатах, наводила там чистоту. Отличаясь проворством, с уборкой она справлялась быстро, а поскольку любила и умела стирать, — готовила на всех жильцов завтрак и ужин.

И все равно ей некуда было девать свободное время. Тогда она принялась и белье стирать — не только мужу, но и всем мужчинам. Те поначалу чувствовали себя неловко: получалось, что они возложили на жену начальника ПМК всю черную работу: она и за горничную, и за прачку, и за повариху. И когда она забирала у них грязное белье, они смущенно бормотали: «Не нужно, Сумбулахон. Мы как-нибудь сами». Однако же были довольны, получая свои рубашки, простыни, наволочки свежевывстиранными, аккуратно выглаженными. И вскоре сами стали складывать свое, как они выражались, «барахлишко» в определенном месте, откуда Сумбуле удобно было его брать.

Покончив с хозяйственными хлопотами, она спешила к мужу — в «штабной» вагончик, где он корпел над какими-то расчетами, или в поле, по которому медленно двигались трактора с корчевателями, дренажные агрегаты, и рокот моторов плыл в сыром воздухе...

— Может, я могу чем помочь?

Хамид Хакимович смотрел на нее с ласковым упрямством:

— Чем, женушка моя дорогая? Будете командовать механизаторами? Так они уже получили задание. Уточните план работ, который я составляю? Боюсь, вы в нем не разберетесь...

— Ну... Обед вам сварю, — неуверенно предлагала она.

— Сумбула, у нас уже построена столовая, там нас даже пловом кормят. Неудобно мне питаться отдельно от моих ребят. Идите домой, отдохайте.

Приходилось подчиняться. Но только отдыхать Сумбула не привыкла. Живя в кишлаке, она была занята с утра до вечера: школа, проверка ученических тетрадей, книги... Да еще надо было подсобить свекрови. День пролетал незаметно. А здесь ее томило безделье, и она все искала, какую бы еще пользу принести — ну, не всей ПМК, так хоть соседям.

Однажды, когда муж в очередной раз отправил ее домой, она перемыла полы и окна во всех комнатах.

Стекла прозрачно блестели, в комнатах прибавилось света, но длилось это недолго: зарядили дожди, и поползли по стеклам мутные подтеки...

Да, погода здесь не радовала. Разве можно было сравнить здешнюю осень с узбекской? В небе копошились грязно-серые тучи, обычно после полудня начинал

лить дождь и чаще всего не прекращался до утра. И тоже был непохож на дожди Средней Азии — веселые, проливные, с крупными каплями, которые звучно шлепались о землю. Здесь же дождевики были мелкие и тесно лепились друг к другу, так что казалось, будто все вокруг затянуто влажной студеной пеленой.

Трактористы в разговорах с какой-то гордостью и восхищением вспоминали «свои» грозы:

— У нас уж дождь если хлынет — так хлынет! Струи — стеной стоят, будто небо на тебя целое море опрокинуло. По земле вода бежит потоками. А тут что? Моросит, моросит, и конца этому нет. Дождь — не дождь, а и сам промокнешь до нитки, и все вокруг им пропитано... Вздохнешь — в легкие водяная пыль набивается. Тоска зеленая...

— Ничего, — подбадривал их Хамид Хакимович. — Не был бы тут влажный климат, незачем нам было бы сюда ехать.

— Вот-вот, мы почву осушаем, а небо влаги подбавляет.

— Какое это имеет значение? Закрытый дренаж — штука надежная. Все лишнее с полей выведет. Моей жене такая погода даже нравится. Устала она от нашей жары...

— Может, вы тут насовсем останетесь, Хамид-ака?

— А что? Подумаем над этой идеей. Во всяком случае, затяжные дожди — это еще не повод, чтоб рваться домой.

— Разве мы рвемся?

— Э, меня вы не обманете. Вижу: дождаться не можете, когда кончатся ваши три месяца. А почему бы вам не остаться еще на один срок? Уж если взялись помочь нашим русским братьям, так надо каждому сделать как можно больше. А что можно успеть за два-три месяца? Вы даже лишены радости — увидеть плоды своего труда, окончательный результат. Один дома скажет: я из земли камни выворачивал, кустарники выкорчевывал. Другой — что он дренажные трубы прокладывал. Третий — что планировал эту землю. А кто сможет похвастаться, что он участвовал в освоении земли — от нуля до готовой пашни? Что он не только дом — целую совхозную улицу выстроил? То-то...

Многие задумались над этими словами Хакимова.

А насчет Сумбулы он был прав лишь частично. Поначалу она, и правда, обрадовалась осенней прохладе.

Дома она задыхалась от жары и мечтала о тени — с дуновением ветерка. В Старой Руссе она нашла и тень — от туч, постоянно висевших над землей; столь желанный ветерок овеивал ее лицо. Она чувствовала себя посвежевшей, бодрой. Но тучи все ползли по небу, как серые черепахи, и все чаще сеялся дождь, мелкий, противный. Ветер горстями швырял в лицо холодные липкие капли. И Сумбуле все это стало надоедать. Да, вздыхала она, в жизни ценится то — чего в данный момент не хватает. На родине ей не хватало прохлады, а сейчас она скучала о зное, которым дышало ее родное небо. Дефицит — он и есть дефицит. Хорошенького, как говорится, понемножку. Искроземье же оказалось слишком уж щедрым на дожди и холод.

И куда бы ни шла Сумбула, она брала с собой зонт. И не выпускала его из рук даже тогда, когда прибирала братскую могилу, которую посещала в любую погоду.

— Привыкайте обходиться без зонта, Сумбула, — пенял ей муж. — Над вами же все посмеиваются. Чуть дождь накрапывать — вы уже за зонт.

— Ничего себе «накрапывать»! Да мы скоро здесь в жидкое тесто превратимся.

— Не по душе вам дождь — сидите дома. Там и тепло и сухо.

— Вы-то мокнете под дождем...

— Ну, у меня работа такая. Тут как в спорте: матч состоится в любую погоду.

Хакимов весело, ободряюще улыбался жене и исчезал за дверью.

Он все меньше времени проводил в «штабном» вагончике. Не дело это, говорил он себе, отсиживаться в тепле, когда чуть не все работники ПМК — в поле.

И Хакимов шел к механизаторам, наблюдал за их работой, помогал советами, в минуты краткого отдыха и «перекуров» беседовал с ними по душам. Он старался добиться, чтобы каждый проникся сознанием: пусть сам он приехал сюда на короткий срок, но ПМК работать на этих землях — годы и годы и ни на миг нельзя об этом забывать. Небрежно обращаться с вверенной тебе техникой — это значит подвести и тех, кто потом тебя сменит, и республику, призвавшую на «хашар» лучших своих сынов, да и ПМК, которая строит планы на будущее — в расчете на твоё рвение, твою добросовестность, твою заботу о сохранности машины, создан-

ной твоими земляками — не для того ж, чтобы она несколько месяцев поработала, а после по твоей вине встала «на прикол».

Ну, а нерадивым доставалось от него на орехи; да и не только от него — любой производственный орех тракториста или экскаваторщика, не ценящих звание «хашарчи», Хакимов выносил на суд его товарищей.

Воспитывая расхлябанных, опирайся на лучших, — такому девизу следовал в работе с людьми Хамид Хакимович. Он сразу выделил среди механизаторов Дмитрия Дуданова и Эльчи Марданова, сына бывшего начальника ПМК — работников талантливых, инициативных, энергичных. Вот уж на кого во всем можно было положиться — и особенно в трудной обстановке, в сложных ситуациях.

Бригаду трактористов, возглавляемых Дудановым, Хакимов разместил в заброшенной деревушке, которая числилась «бесперспективной». Хакимова возмущало само это слово: «бесперспективная». Да, больше тридцати лет назад по этим местам прокатился огненно-стальной вал войны. Многие дома были сожжены, разрушены. Земля — начинена неразорвавшимися минами и снарядами; саперы сделали все, что от них зависело, но извлечь и обезвредить все эти опасные «хлопушки» им не удалось. Больше половины жителей деревни погибло в войну: одни на фронте, с другими расправлились оккупанты. Оставшиеся в живых покинули горькое пепелище...

А как здесь было красиво! Вокруг — хвойные леса, вода озер чиста, как летнее небо над Узбекистаном. От воздуха, напоенного запахом разнотравья, сосен, елей, кружилась голова. Правда, немалую площадь занимали тут болота, но это не смущало Хакимова. «Вот осушим их, и деревушка затеряется среди полей, лугов с сочной травой, земля даст добрые урожаи ржи, овощей, кормовых культур; и деревня восстанет из пепла, разрастется, примет в новые дома, которые мы построим, и прежних своих жителей, и новоселов. Какая ж она «бесперспективная»! Да перед ней, если мы не пожалеем сил, такие перспективы откроются, — дух захватит!»

Обведя рукой деревню с немногими уцелевшими домами, Хакимов сказал Дуданову:

— Вот тут, Дмитрий, вы и расположитесь со своей техникой. Отсюда и двинете в наступление на болота. Срежете кустарники, распланируете землю, подготовите

ее для закладки осушительных систем, вспашете—и сдадите, уже окультуренную, новым хозяевам.— Помолчав, он ворчливо произнес: — Бесперспективная... М-да...

Дуданов глянул на него недоумевающе.

Механизаторы пригнали в деревню три трактора, два бульдозера и скрепы, создав там, таким образом, машинный парк, и с утра приступили к освоению «бросовой» земли.

Днем погода стояла ясная, а к вечеру начала портиться, на землю пала роса, подул пронизывающий ветер, резко похолодало, и в предчувствии ненастья притихли птицы, оставшиеся на зимовку или еще не успевшие улететь...

Выйдя следующим утром на работу, ребята двинулись: трава, листва деревьев, густой кустарник на берегу Шелони — все блестело от инея. Радиаторы, кабины, крылья машин, камни, тут и там разбросанные по земле, покрылись тонкой ледяной коркой.

Еще не закончился октябрь, а уже дохнуло зимними холодами.

Эльчи Марданову предстояло ночное дежурство, и ничего хорошего это ему не сулило. Он не ожидал, что так рано может нагрянуть зима. У себя в эту пору он разгуливал в одной рубашке, в крайнем случае — в пиджаке или свитере. В Нечерноземье он отправился в конце лета, не взяв с собой теплой одежды. Уехал, в чем был. Откуда ему было знать, что тут в октябре холодно?

Все улеглись спать, а Эльчи расхаживал между машинами, оставленными у опушки леса. Ветер и мороз все усиливались, пробирали до костей; Эльчи кутался в свою легкую одежонку; ему казалось, что тысячи иголок вливаются в тело. Ветер обжигал лицо, пальцы на руках скрючились от холода.

Впервые он один на один встретился с русской зимой. А ведь еще октябрь... Что же дальше-то будет? Об этом он боялся и думать.

Сумрак быстро сгущался, во тьме слабо мерцали огни далеких деревень. А там, где оставили свою технику экскаваторщики, вспыхнули два луча: видно, дежурный включил фары одного из экскаваторов.

Что ж, и Эльчи последует его примеру. Свет фар, правда, не согреет, но все веселей будет

Два ярких световых столба пронзили ночь. Из темноты выступили контуры тракторов, бульдозеров, скре-

перов... Эльчи поднес ладони к горячей фаре, по пальцам разлилось тепло — вместе с острой болью.

В стане экскаваторщиков мохнатой розой заалел костерок. Сообразительный там дежурный, подумалось Эльчи. А он чем хуже? Сейчас он тоже разведет костер и согреется возле него.

Эльчи вдруг почувствовал голод. Желудок словно сжался, засосало под ложечкой.

Терпи, Эльчи, терпи! — уговаривал он сам себя. — Ты ведь внук солдата и сын солдата. На войне-то и ле-ду, и отцу, наверно, похуже приходилось. Может, в одну из ночей, когда они сидели в окопах, дул такой же свирепый ветер, а мороз был еще покрепче, и сводило желудок от голода — на фронте-то, отец рассказывал, и мерзлую конину доводилось иногда есть... А их еще смерть подстерегала на каждом шагу... Неужели ж они покорно отдавались во власть холода, страха, тоскливого ожидания гибели? Ну, нет, они оба были не робкого десятка! И наверняка не сдавались перед трудностями!

Из рассказов родных Эльчи знал, что его дед, Кадыр-арбакеш, в первые же дни войны, доставив на хлопкозавод колхозный хлопок, посадил на арбу своего сына, Алимджана, сказал, что теперь ему возить хлопок, и ушел на фронт. Выполняя отцовский наказ, Алимджан не за страх, а за совесть трудился в колхозе, а когда достиг призывного возраста, то сам поспешил в военкомат.

Кадыр Марданов воевал на Северо-Западном фронте, сапером, а Алимджан Марданов — на Украинском, танкистом.

Дед Эльчи погиб под Старой Руссой. Отец был тяжело ранен в боях за Будапешт и вернулся в родной кишлак инвалидом второй группы, с грудью, увешанной орденами и медалями.

В тот же год он женился, жил с женой в любви и согласии, огорчало их только то, что у них долго не было ребенка. Но спустя одиннадцать лет после свадьбы Миннавархон родила Алимджану сына. Оба были на седьмом небе от счастья, и дали сыну имя солидное, величественное: Эльчи, что в переводе на русский значило: Посол.

Окончив кишлачную школу, Эльчи, как и отец, стал работать в колхозе трактористом.

Алимджан Марданов одним из первых откликнул-

ся на призыв — помочь русским братьям в освещении Нечерноземья. И уехал в Новгородскую область.

В редких письмах к сыну он сообщал, что воюет с болотами, зарослями кустарника и камнями на той земле, которую полил своей кровью дед Эльчи — Кадыр-ака.

Затем долгое время от него не было ни весточки. Эльчи и мать встревожились. Когда они, уже не зная, что и думать, позвонили в министерство, им ответили, что Алимджан Марданов находится в больнице, но уже выздоравливает. А вскоре он сам постучал в двери своего дома.

Теперь он был не только инвалидом Великой Отечественной, но и инвалидом труда.

Он стоял рядом с экскаватором, когда ковш задел мину. Машиниста защитила кабина, а Алимджана ранило осколками. Больше тридцати лет пролежала в земле его судьба...

Это произошло неподалеку от того места, где сейчас дежурил Эльчи.

После возвращения отца Эльчи несколько дней был молчалив, задумчив... Часто где-то пропадал.

Однажды он пришел домой возбужденный и с порога выпалил:

— Мама, отец! В Новгород отправляют молодежно-комсомольский отряд. Я тоже еду.

Глаза Миннавархон наполнились слезами. Эльчи подошел к ней, обнял, оправдывающимся тоном проговорил:

— Я уже в списках, мама. Теперь ничего не поделаешь. Останусь — дезертиром себя буду чувствовать.

Миннавархон только вздохнула с всхлипом:

— Ох, сынок! Что ж ты с нами даже не посоветовался?

— Вы меня не отпустили бы, мама.

— Ты уже взрослый. Я могу только просить тебя, а неволить не вправе...

В разговор вмешался Алимджан:

— Пусть едет. Ему уже почти двадцать — в эти годы мужчины сами решают свою судьбу. Но смотри, сынок, если ты решил заменить отца — береги честь своего рода!

Миннавархон ничего не оставалось, как пожелать сыну счастливого пути. Сердце ее кровью обливалось — ведь там, куда ехал Эльчи, было опасно, его отец испытал это на себе... Но она крепилась.

Когда Эльчи прибыл в Новгород, его направили в отцовскую ПМК и назначили сменным механиком в бригаду Дмитрия Дуданова.

III

Эльчи оглянулся по сторонам. Площадку с машинами освещали огни фар, а дальше, вокруг, черной стеной стояла кромешная тьма. И холод жалил, как скорпион. Но юноша помнил отцовское напутствие: «Береги честь своего рода!» В этих местах работал отец. Сражался дед. Вот уж кому черные, холодные ночи должны были казаться бесконечными. А дед не унывал, не отчаивался, бил, гнал врага. И Эльчи не ударит лицом в грязь перед старшими Мардановыми!

Что ж это он стоит, подставляя лицо леденящему ветру? Надо набрать хвороста. В лесу его достаточно. Обходя валуны и спотыкаясь о камни, Эльчи двинулся к высвеченным фарами деревьям. Откуда здесь столько камней? Река, что ли, когда-то протекала? Или простиралась озерная гладь?

Только Эльчи вступил в лес, как наткнулся на ворох подгнившего хвороста, который лишь сверху был влажным от дождей и росы. Он приволок хворост к месту своего дежурства, достал из кармана газету, которую прочел еще днем, и спички, к счастью, оказавшиеся сухими. Костер вспыхнул от первой же спички. Пламя пустилось в веселый, задорный пляс. Эльчи присел перед костром на корточки, в лицо ему ударил жар; он вытянул вперед заочевенные руки; пришлось потерпеть, пока не прошла боль. Тепло разморило его, неодолимо захотелось спать.

Э, нет, сказал он себе, так не пойдет. Если он заснет, то кто же будет поддерживать огонь в костре? А погаснет костер, так он в ледышку превратится.

Сходив в лес, Эльчи принес еще охапку хвороста, подбросив его в костер. Языки пламени взметнулись вверх, ярко осветив все вокруг. И только тогда Эльчи увидел рядом с собой воткнутую в землю дощечку с надписью: «Осторожно! Мина!» Ее, видимо, оставили в свое время наши саперы, ушедшие вперед с наступающими частями.

Эльчи отпрянул в сторону, какая-то неведомая сила толкала его в спину: беги, беги! Кто его знает, мо-

жет, мины взрываются от сильного жара? А от этой костер совсем недалеко.

Эльчи преодолел страх; стоя, растерянно глядел на дощечку. Что же ему делать? Ведь кто-нибудь из его товарищей может и не заметить предупреждающей надписи. Наедет на мину колесами трактора — и все, крышка. Нет, надо обезвредить эту пакость, пока не пришли ребята. Достаточно того, что его отец сделался калекой — не по своей вине.

Эльчи, правда, не умел обращаться со всеми этими «сюрпризами», оставленными фашистами, так, как его дед Кадыр-ата, Кадыр-сапер. Уж тот знал «подход» к каждой мине, бомбе, каждому неразорвавшемуся фугасу и снаряду... Эльчи, конечно, в этом деле полный профан. Но голова-то у него на что? Чтоб только тубейку подерживать? Когда нет опыта и знаний — вырывает соображение...

Набрав побольше хвороста, Эльчи обложил им то место, где затаилась мина. Потом сбегал к машинам и приволок канистру с бензином. Плеснув немного на хворост, он поставил канистру возле, бросил в него зажженную спичку и изо всех сил припустил к оврагу, отмеченному им еще до темноты.

Пламя занялось дружно, враз. Эльчи лежал в овраге, плотно прижавшись к земле, и не мог видеть, как разгорается костер, но мысленно представлял: вот пламя с гудением взметнулось ввысь, как алое, раздуваемое ветром, полотнище, языки его поползли к канистре, вот уж они лизнули ее... И как раз в этот миг раздался оглушительный взрыв, уши у Эльчи заложило, на него посыпались комья земли, мелкие камни, даже в овраге стало светло от яркого зарева, взлетевшего к небу, и долго еще раскатывалось эхо, отражаемое зубчатыми стенами лесов...

Эльчи из предосторожности еще некоторое время оставался в своем укрытии: а вдруг мина не одна, и за первым взрывом последуют другие? Но наступившая тишина казалась прочной, незыблемой...

Выбравшись из оврага, Эльчи подошел к месту взрыва. Там зияла глубокая воронка, а вокруг были раскиданы раздробленные камни, тлеющий хворост.

Эльчи вдруг почудилось, что он — на фронте, рядом с дедом... И тот одобрительно хлопает его по плечу: молодец, джигит, сразу видно — внук сапера.

Ведь эхо, прокатившееся над полями, было эхом войны...

В воронке уже начала собираться вода. Влаги тут хватало...

Когда Эльчи, в напряженном ожидании, лежал в овраге, его прошиб пот; тем чувствительней теперь был холод, легко проникавший сквозь одежду, цепляющийся все тело... В довершение ко всему повалил снег, ветер крутил белые влажные хлопья, они залепляли глаза, забивались за воротник. Фергана, Фергана, — где твоя синь, тепло, ласковые ветерки? Эльчи совсем продрог, у него зуб не попадал на зуб. Но он вновь и вновь внушал себе: терпи, для тебя снег и мороз — дело преходящее; это деду и отцу на фронте от них некуда было деться, а ты, как только рассветет, очутишься в тепле и уюте...

Вдали, сквозь ночной мрак, замерцали два огонька; они приближались, становясь все ярче; послышался глухой рокот, лязг гусениц; и вот уже рядом с Эльчи остановился танк «Т-34», — с него давно сняли орудию, он долго торчал в овине возле деревушки, этой реликвией войны, пока Хакимов не приспособил его для путешествий по самым труднопроходимым местам, которых тоже было в избытке. Танк без труда расправлялся с зарослями кустарника...

Спрыгнув на землю, Хамид Хакимович бросился к Эльчи:

— Что тут стряслось?

Совсем замерзшего парня била крупная дрожь.

— Н-ничего...

Хакимов посмотрел на свежую воронку:

— Как это ничего? Тут же взрыв был. Что взорвалось?

— М-мина...

— Сама?

— Я ее... поджег...

Хамид Хакимович только помотал головой:

— Ну, парень...

Он подозвал приехавшую с ним медсестру и велел ей тщательно осмотреть Эльчи. Она тоже дрожала от холода. Эльчи отступил из света фар в сторону:

— Нечего меня осматривать. Я цел и невредим.

Он рассказал Хакимову о случившемся. Тот сунул ему в руки ватные брюки и теплую куртку, которые предусмотрительно прихватил с собой:

— Надевай. Ты уж, наверно, зелоденел, товарищ минер... И поехали в деревню.

— Мое дежурство еще не кончилось. Да и работка теперь для меня есть — видите, тут все разворочено.

— Ну, ну... — Хакимов окинул Эльчи теплым взглядом. — Ладно, скоро уж рассветет. Я попрошу ребят пораньше сюда прийти.

Когда Хакимов и медсестра уехали, Эльчи, которого мороз не так уже дожимал, сел за руль бульдозера, засыпал воронку землей, заровнял весь участок.

Снег все падал, укутывал землю в белос одеяло. Когда стало светать и вышла на работу первая смена, от ночного взрыва не осталось и следа. Ребята, наслышанные о том, как Эльчи «дал жару фашистской мине», удивленно озирались: может, их обманули? Повсюду лежал ровный слой снега.

Эльчи объяснил им:

— Тут уже прошелся бульдозер. А мину я, правда, нашел и взорвал, чтоб она никого не изувечила. Я ведь внук сапера...

Теперь можно было и отдохнуть.

Эльчи направился к деревне через «поле Марданова» — впервые это название он услышал от Хамида Хакимовича. Этот участок земли ПМК успела освоить, когда ею руководил Алимджан Марданов. На месте осушенных болот, пустоши, поросшей мелкоколесьем, еще весной раскинулись поля, на которых осенью выросли овощи и немного льна. Особенно уродился лен как раз на «поле Марданова»; правда, его еще не весь убрали, выпавший снег примял нежные мягкие стебельки. У Эльчи защемило сердце. Он знал, что лен так же бесценен, как и хлопок. Нагнувшись над крайним рядком льна, Эльчи стал освобождать полеглие стебли с маленькими коробочками из-под снега; в это время на тракторе с прицепом подъехала группа колхозников, они споро принялись за уборку. Эльчи остался помогать им.

В течение нескольких дней, в свободное от работы время, Эльчи приходил на поле, названное именем его отца, чтобы вместе с колхозниками спасать лен, засыпанный снегом, а порой приводил своих товарищей. «Уж если мы на хашар сюда прибыли, — сказал он, — так нам до всего должно быть дело. Освоение освоением, но и уборка урожая — тоже наша забота. Наше

место там, где в нас нуждаются. А рабочие руки тут повсюду нужны».

Колхозники горячо благодарили ребят за выручку.

Снег таял, снова ложился на землю, холода сменялись потеплением, потом слякоть подмерзала; осень не хотела уступать зиме, но та вела планомерные атаки, и победа осталась за ней.

Но ПМК и зимой не свертывала работы.

Однажды, когда Эльчи вместе с другими мелиораторами занимался прокладкой подземного дренажа на участке, распланированном еще осенью, к ним прибежал парень из бригады, корчевавшей кустарники:

— Эльчи! Мы на мину наткнулись. Лежит, ждет тебя...

Эльчи засмеялся:

— Ну, ты дашь! Да что я в этом понимаю?

— Сам же говоришь: я — внук сапера...

— Знания и опыт по наследству не передаются,— возразил Эльчи.

Но ведь осенью взорвал же он мину и заставил всех уверовать в его «саперский» талант. Что же, теперь признаться, что все ошибались в нем? Ну, а будь на его месте — нет, не дед, а отец, тоже не знакомый с саперным делом,— заставил бы уговаривать себя? Нет, отец откликнулся бы на просьбу и сделал все, что в его силах. Не в правилах Мардановых — отступать.

Эльчи видел обидное для себя огорчение в глазах «гонца»; нахмурив лоб, решительно проговорил:

— Ладно. Пошли.

Миновав участок, где соседняя бригада рыла дренажную канаву, Эльчи и его спутник добрались, увязая в снегу, до места корчевки. Выяснилось, что немцы, отступая, оставили здесь несколько противотанковых мин, даже не успев закопать их. Видимо, и части, преследовавшие фашистов, спешили — и проглядели металлические коробки, прятавшие в себе смерть.

— Не приближайтесь к минам, — строго предупредил Эльчи. — Работайте пока подальше от них. А ночью мы их взорвем...

IV

Проводив всех на работу, Сумбула, как обычно, прибрала комнаты и взялась за стирку. У нее было легко на душе, она невольно напевала светлую, грустную ме-

лодию, и эта песня словно уносила с собой все тревоги, горечь разлуки с родным краем, скребущие сердце заботы...

Не успела Сумбула вынуть белье из таза, как до нее донеслись следовавшие один за другим взрывы, от грохота которых задребезжали стекла и затряслись двери.

После того, что произошло с Мардановым, Сумбула панически боялась каждого взрыва: а что, если на этот раз беда случилась с ее мужем?

Вот и сейчас, услышав буханье, похожее на частые раскаты грома, Сумбула побелела от страха. Боже, опять эти мины! А Хамиджан как раз собирался пойти в поле, где корчевали кустарник. Почему она отпустила его одного, не последовала за ним? Уж она бы уберегла его от несчастья.

Ослепленная тревогой и страхом, Сумбула не сомневалась, что ее муж, как и Марданов, подорвался на mine. С криком «О, я несчастная, горе мне, горе!» — она, в чем была, бросилась к дверям, задев таз с бельем, стоявший на табурете. Таз опрокинулся на пол, но Сумбуле было не до того, она выскочила на улицу и помчалась туда, где, по ее догадкам, находился Хамид Хакимович. Ветер трепал ей волосы, осыпал их снегом, снежные хлопья летели навстречу, густым слоем облепив платье.

Когда она была уже почти у цели, снова раздалось несколько взрывов, оглушивших ее. Она побежала быстрее, но у дороги, пересекавшей поле, ее остановил окрик:

— Стой! — Путь ей преградил солдат. — Туда нельзя.

Она умоляюще взглянула на него:

— Почему нельзя? Мне надо...

— Вы что, не слышите? Саперы взрывают мины.

— Но там мой муж... Хамид Хакимович... Он жив? С ним ничего не случилось? Почему вы молчите?

Солдат только пожал плечами: откуда ему было знать, кто такой Хамид Хакимович?

Сумбула, еще больше взволнованная, ринулась дальше; солдат что-то кричал ей вслед, но она его не слышала.

На ее счастье саперы в это время, взорвав все собранные мины, обследовали миноискателями новые участки.

Хамид Хакимович следил за их опасной работой, стоя рядом с командиром.

Еще вечером он узнал, что Эльчи и корчевщики надумали проявить самодеятельность, грозящую непредвиденными последствиями, и, задав им взбучку, приказал покинуть поле с минами, а сам вызвал саперов. Если уж за последнее время его ребята несколько раз натыкались на мины, то следовало тщательно прочесть эти места.

Внезапно командир тронул его за плечо:

— Поглядите-ка... Что это за женщина сюда бежит?

Хакимов не сразу узнал в приближающейся женщине, с ног до головы облепленной снегом, свою Сумбулу. Она подбежала к нему, запыхавшаяся, с бледным лицом. Но глаза ее сияли:

— Слава богу! Вы живы. Живы!

Она, не отрываясь, смотрела на мужа и дышала уже не так тяжело.

Хамид Хакимович окинул ее недоуменным взглядом:

— Что с вами, Сумбула? Почему вы так легко одеты? Даже пальто не накинули... Боже, а на ногах только тапочки! Что стряслось? Уж не воры ли в дом забрались? Может, за вами кто гнался?

— Да ничего не стряслось, дома все в порядке, — поспешила успокоить его Сумбула.

— Тогда почему же...

— Я за вас испугалась. Как услышала взрывы... Такого страха натерпелась... Перед глазами у меня — Марданов... А ну как, думаю, и с вами беда? Но, слава богу, вы целы и невредимы... Как гора с плеч...

— Ох, и паникерша вы, Сумбула. Знаете солдатскую поговорку? В одну воронку бомбы дважды не падают. Таких роковых совпадений, чтобы два начальника одной и той же ПМК от мин пострадали, в жизни не бывает. Успокойтесь...

Он достал из кармана носовой платок, осторожно вытер жене лицо, ласковым движением пригладил ее волосы, потом, сев на заснеженный валун, стянул свои резиновые сапоги, оставшись в шерстяных носках.

— Вот. Переобуйтесь.

Сумбула всполошилась:

— А как же вы? Ведь простудитесь?

— Простужусь, так за мной есть кому ухаживать. А вот кто о вас позаботится, если вы сляжете? — Хакимов укоризненно покачал головой. — Как же вы вы-

шли из дома в таком виде? Не могли одеться потеплее?

— Ох, не до того мне было...

Разговаривая с женой, Хамид Хакимович снял с себя шапку и полушубок:

— Отряхнитесь как следует. И наденьте вот это.

— А как же вы? — опять спросила Сумбула.

— Я ведь не в домашнем платье.

Не сдержавшись, Сумбула обняла мужа, крепко прижалась к нему. Хамид Хакимович погладил жену по спине:

— Ну, ну... Успокойтесь. Все в порядке.

А сам с нежностью думал: вот сумасшедшая, надо же — пробежать такое расстояние по снегу в легком платье и тапочках.

— Да, да. Вы живы, — сказала Сумбула. — Вы живы, и я счастлива.

— А вы вот можете заболеть, — Хакимов нахмурился. — И в этом я буду виноват. Да, да, я. Мне надо было предупредить вас утром, что я вызвал саперов, и если будут взрывы, то не надо пугаться. Тут в освоение земли входит и ее разминирование... Когда я пришел, саперы уже работали.

— Говорят, военные с зарей просыпаются...

— Служба у них такая. Вот понадобилась нам помощь саперов — они уж тут как тут. Я просто поражаюсь их оперативности, высокому профессионализму, смелости. Ведь когда они возьмется с минами, то все время на волоске от гибели. Война отсюда ушла больше тридцати лет назад, но сколько еще осталось в земле неразорвавшихся мин, снарядов, бомб! Один неосмотрительный шаг, неосторожное движение — и даже опытного сапера ничто не спасет. Недаром же они говорят, что сапер ошибается лишь один раз...

В это время к ним подошел офицер с солдатом. Взяв из рук солдата шинель и сапоги, офицер протянул их Хакимову:

— Вот, возьмите. Правда, размер слишком большой. Другого не было.

Шинель, действительно, оказалась великовата; смущенно кашлянув, Хамид Хакимович сказал:

— Ничего, сойдет. До дома как-нибудь доберусь... Спасибо вам большое.

А Сумбула смотрела на мужа с восхищением: ей казалось, что ему очень шло военное обмундирование...

Дома Хамид Хакимович и Сумбула переделались во все сухое. Сумбула все льнула к мужу, все вглядывалась в его лицо; со стороны можно было подумать, что они встретились после долгой разлуки. Вздохнув, она проговорила:

— Боже, мне все кажется, что вы чудом спаслись от верной смерти. Теперь-то я уж никуда не отпущу вас одного. Слепой лишь однажды теряет свой посох. Я не хочу ему уподобляться. Ох, у меня сердце упало, когда я взрывы слышала...

— Нет, Сумбула, — покачал головой Хакимов, — если вы будете за мной ходить, как на привязи, так нас все на смех поднимут. Да и нечего вам в поле делать.

— Тогда найдите для меня какую-нибудь работу.

— Нет пока ничего подходящего. Дайте срок, вот наладятся у нас дела, обживемся, тогда подумаем и о вашем «трудоустройстве». А сейчас... Лучше бы вам возвратиться домой, Сумбула. Старики бы обрадовались. Они уж, верно, соскучились по своей невестке.

— Они и по вас скучают. Что же, вам тоже отсюда уезжать?

С Сумбулой было трудно спорить. Еще бы: учительница. За словом в карман не полезет. А Хамид Хакимович давно решил: во что бы то ни стало отправить Сумбулу к родителям. Не место ей тут. Дел у него сверх головы, и не всегда все шло гладко. Юлдашев наседавал на него, требуя ускорить темпы работ, но сам и не пытался помочь. Хакимов понимал, что управляющий не может простить ему резкой критики, и своим отношением к нему словно говорит: раз ты такой прыткий, тяни свой воз сам, и уж не сетуй, если тебя будут критиковать. Узнав об «инициативе» Эльчи, взорвавшего мину, Юлдашев пришел в ярость: «Еще одно такое ЧП — и вам несдобровать, дорогой Хамид Хакимович». Слава богу, что он, Хакимов, вовремя удержал парня от новой «инициативы».

В данной ситуации пребывание здесь Сумбулы для него только помеха. Надо, чтоб она уехала. Но начнешь настаивать на этом — она обидится. Оставалось одно: уговорить ее, заручиться ее согласием.

— А знаете, Сумбула, — сказал он задумчиво, — мне мои старики сегодня снились. Мать такая печальная. Где-то, говорит, наша Сумбула, я уже извелась без нее...

Сумбула понимающе улыбнулась:

— Продолжайте, продолжайте...

— Да, молвит, обещала она навещать нас, а уж зима на исходе — доченьки все нет... О чем-то она еще говорила — я запомнил.

— Это верно, — кивнула Сумбула. — Не сдержала я своего обещания. Но и меня надо понять: как же я могла покинуть вас в такое трудное время.

— Тут, как я подозреваю, всегда будет трудно.

— Так мне, значит, еще долго отсюда не выбраться...

— Сумбула! Старикам тоже нелегко. Столько детей, а рядом никого нет.

— Но ведь они мудрые, добрые люди. И наверняка сознают, что здесь я нужней. И дети ведь не по своей воле их оставили. Работа! Вы же сами передавали мне слова Хакима-ака: мол, каждый джигит не только сын своего отца, а дитя человеческое... Разве и сам Хаким-ака не служил людям беззаветно и преданно?

Чувствуя, что бессилён опровергнуть доводы Сумбулы, Хамид Хакимович ненадолго задумался, а потом предложил:

— Хотите, я расскажу вам одну историю? В ней ни капли выдумки.

— Притча какая-нибудь? С моралью?

— Говорю же: быль. Так слушайте... Было у старика и старухи семеро детей. И так повелось, что каждый праздник они встречали всей семьей. За дастарханом не стихало веселье. И вот однажды, под Новый год, старики накрыли дастархан, ломившийся от всяких яств, и стали, как всегда, поджидать детей. Первым явился старший сын. Наскоро перекусив, он сказал: «Вы не обижайтесь, но мы с женой встречаем Новый год у тещи. Ваша невестка должна помочь своей маме». Только его и видели. Затем пожаловал средний сын со своими друзьями. Они попробовали всего понемножку, сын сунул в сумку все, что можно было туда положить, и сказал: «Думаю, вы не обидитесь, если я встречу Новый год в компании. Мы уж давно условились». Только они ушли, как появился будущий зять: «Вы извините, но на новогоднее торжество собралась все наши однокашники, так что я заберу вашу дочку с собой, нас ждут...» Так — кто куда — разошлись все дети, и за праздничным дастарханом остались лишь старик со старухой.

— И встретили Новый год в одиночестве? Неужели ж никто из соседей к ним не наведалься?

— Так им перед соседями не хотелось позориться... Закрыли они двери, опустили шторы на окнах, включили телевизор, пустили на полную мощность радиоприемник, немножко выпили, немножко поели и стали произносить тосты, звонко чокаясь пустыми фужерами и хлопая в ладоши — будто это гости аплодировали удачным здравиям. Случайные прохожие, минувя их окна, из которых доносился шум, с завистью думали: весело тут встречают Новый год! И соседи стеснялись к ним зайти: и так там полно гостей... Вот так и прошла новогодняя ночь стариков, имевших семерых детей...

Сумбула пристально взглянула на мужа:

— Если это и правда невыдуманная история, так она произошла в вашей семье. Я угадала?

— Да, Сумбула, угадали. Отец тогда молча переживал обиду, а мама долго не могла прийти в себя. Сколько она себя помнит, всегда вокруг жизнь кипела. И никак она не может привыкнуть к одиночеству.

— Намек понят,— сказала Сумбула.— Только почему на мне свет клином сошелся? Почему Манзура не может пожить у матери? Дочь ведь ближе, чем невестка...

— Вы же знаете, что мама любит вас больше, чем Манзуру.

— И все же Манзура может меня там заменить. А жену мужу не заменят и десять сестер.

— Сумбула, ну почему вы не хотите меня понять? Зима кончается, и на меня столько навалится работы... И тут уж вы ничем не в силах мне помочь.

— Хотите сказать: только мешать буду? — Сумбула вздохнула.— И почему Юлдашев поручил вам самый трудный участок? Ох, недолюбливает он вас...

Хамид Хакимович надолго замолчал. Сумбула забеспокоилась:

— О чем вы думаете?

— О других ПМК. О том, как им тяжело приходится...

VI

Задачи у ПМК, созданных в Новгородской области, были такие же, как и у тех, какими руководил Кудратов: строить завод железобетонных конструкций и жилье для мелиораторов, а потом — центральные усадь-

бы новых совхозов, сооружать животноводческие комплексы, кроме этого — помогать колхозникам в проведении весенне-летних полевых работ, а главное — подготавливать землю под будущие урожаи.

Самое главное оказалось и самым трудным.

Для того, чтобы окультурить землю Нечерноземья, необходимо было очистить ее от всякой взрывоопасной пакости — страшного наследия минувшей войны, выкорчевать кустарники, мелкий березняк, осинник, сосняк, убрать из почвы остатки корней, а с поверхности — камни, направить всю воду болот и трясин в дренажные колодцы. И только после этого землю планировали, вспахивали, а когда нужно — и удобряли.

Более того: мелиораторы Узбекистана обязались вырастить на освоенных землях первый урожай колосовых, овощей, кормовых трав — перед тем, как сдать эти земли колхозам и совхозам Нечерноземья.

На новгородских полях влажность почвы значительно превышала норму, к тому же климат здесь был дождливый. Собранную воду, однако, можно было даже пить — не то что мирзачульскую, горькую от избытка соли.

— Вода тут пресная, чистая. Если ее хранить в прудах и впадинах, то потом — в засушливую пору — ее можно будет вернуть на поля, использовать для полива, — сказал однажды Юлдашев Хамиду Хакимовичу. — И еще: при осушении здешней земли мы можем использовать опыт, накопленный в Голодной степи, но использовать творчески, применительно к местным условиям.

Хамид Хакимович не мог не отдать должное мудрости Юлдашева. Голодностепскими мелиораторами, после долгих изысканий, был разработан метод закрытого дренажа; он вполне подходил для земель Нечерноземья, но с одной поправкой: если почва в Голодной степи в зимние месяцы не замерзала, — замерзал порой лишь ее верхний слой, то в Новгородщине, например, минувшей зимой земля промерзла на глубину около полутора метров. Учитывая это, приходилось менять схему установки керамических труб, да и механизаторы должны были приспособливаться к новой обстановке, строить свою работу по-новому.

Нелегко было и психологически перестроиться: в Узбекистане целинники привыкли бороться за воду,

тут же борьба шла с излишками влаги. По сути, это была уже смена профессии.

Дополнительные трудности создавались и погодными условиями. В небе постоянно теснились тучи, их караванам, казалось, не было конца; зимой они сыпали снегом, весной и летом проливались дождями.

Вот и эта весна выдалась дождливой. Не проходило дня, чтобы на землю не обрушивался ливень.

И люди, и машины увязали и в болотной жиже, и в грязи, образовавшейся от обилия осадков. Но поскольку все заранее было учтено, работа продвигалась успешно — хотя и медленно.

На расстоянии в двадцать метров друг от друга с натужным ревом двигались трактора, прокладывая магистральные арыки. Плуги погружались глубоко в грязь и жижу, и даже моторам мощностью в пятьдесят пять лошадиных сил трудно было их тянуть.

Короткие керамические трубы, по которым собранная влага шла в коллекторы, приходилось размещать вручную — больно уж это была тонкая и сложная операция.

Но как бы то ни было, а землю осушали, и урожай она сулила богатый.

Площади освоенных земель все увеличивались, но и «заказов» на осушение становилось все больше. ПМК Хакимова предстояло провести дренажные работы еще на полутора тысячах гектаров заболоченной пустоши. Нешуточное дело!

Одновременно ПМК занималась и ирригацией. Вроде бы это было привычной, но и тут делалась поправка на разницу условий — в Узбекистане и Нечерноземье. В Голодной и Каршинской степях воду на поля подавали при помощи бетонных лотков, потом она попадала в ок-арьки, в междурядья. Здесь же в засушливую погоду для полива полей использовались дождевальные установки. Чтобы обеспечить их водой, следовало скопить ее в арыках или колодцах и по трубам направить на поля. В трубы воду перекачивали насосами «Анджанка».

Пока, впрочем, нужды в искусственных дождях не было — хватало и обычных. С лихвой хватало.

С размахом велось строительство. Самым дорогим подарком новгородским братьям должно было стать создание двух образцовых совхозов молочно-животноводческого и овощеводческого направления.

Хакимовской ПМК достались, пожалуй, наиболее трудные участки, и не всегда ей удавалось справляться с заданиями.

И пошады от Юлдашева Хакимов не ждал...

Однажды, вызвав Хамида Хакимовича и просмотрев сводки, Юлдашев насмешливо проговорил:

— М-да, успехи весьма скромные... Каковы же причины этого, а? Текучесть кадров или бесхозяйственность?

Хакимов молча проглотил упрек, а Юлдашев перешел на приказной тон:

— Не увеличите темпы работ — пеняйте на себя.

— Я не хочу оправдываться, — как можно спокойней сказал Хамид Хакимович. — Но на одном энтузиазме землю не освоишь. Вы же знаете, еще при Марданове техника ПМК нуждалась в ремонте. По мере сил и возможностей мы кое-какой ремонт произвели. Вернули в строй часть тракторов и дорожных машин. Но у нас не хватает запчастей.

— Колонна ваша уже получила годовую норму и запчастей, и техники. Требовать больше, — Юлдашев иронически усмехнулся, — это уже, простите, иждивенчество.

— Но примите во внимание условия, в каких мы работаем, — не сдержался Хакимов. — Сколько мин! И каменистая земля для машин не подарок...

— Так, теперь и вы заговорили о специфике местных условий, — в глазах Юлдашева мелькнуло злорадное торжество. — Что ж, вы правы, эту специфику нельзя не учитывать. Только... Когда я ссылался на тяжелую обстановку, что вы мне ответили? Во всех смертных грехах обвинили! Я, кстати, послал в Министерство соответствующую докладную записку. В результате — Баймухамедов затянул петлю на нашей шее. Ищите, говорит, и используйте внутренние резервы. Довольно иждивенчества. А я вправе теперь и от вас потребовать: обходитесь внутренними резервами! Ни один лишний трактор, ни одну лишнюю запчасть я не могу вам выдать. И хотел бы, да не могу. Потому что Министерство тоже на них скупится. Оно ведь не дойная корова, верно?

Нет, ни слова не забыл Юлдашев из их давнего разговора! Что мог возразить ему Хамид Хакимович? Управляющий бил его — его же оружием.

Вернувшись в ПМК, Хакимов собрал специалистов,

я все долго ломали голову: что еще можно предпринять, чтобы восстановить покалеченную технику, уложиться в график работ? Выяснилось, что «внутренние резервы», о которых говорил Юлдашев, до конца исчерпаны. Тогда Хакимов отправился в соседние колонны и где уговорами, где нажимом, где посулами: мол, выручайте, братцы, а мы потом в долгу не останемся, — добыл необходимые запчасти; это позволило ему отремонтировать еще несколько тракторов, скреперов, бульдозеров.

Но тут по нему ударила «текучесть кадров». Многие механизаторы и строители, отработавшие свои сроки, начали собираться в обратную дорогу. Удерживать их Хакимов не имел права... Лишь с десятков людей, на которых подействовала его горячая агитация, согласились остаться. Это уже было победой, но не решающей.

Новые освоители все не приезжали, а те, что прибыли, не могли сразу приступить к работе: немало времени уходило на оформление в отделе кадров, да и Юлдашев, который должен был после этого подписать соответствующий приказ, не всегда действовал оперативно.

А дни шли...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Дни летели...

Кудратову казалось, что он не успевает отрывать листки календаря.

Не только дни — месяцы проносились с реактивной скоростью.

Но это были месяцы, наполненные созидательной работой, борьбой с трудностями, неудачами и победными свершениями, и когда Кудратов мысленно оглядывался назад, то удивлялся: сколько же они уже сделали!

Он давно заметил: когда ты ничем не занят — ну, к примеру, в законный отпускной срок, то время тянется медленно, черепашьям шагом, к концу отпуска уже чудится, что прошла вечность, а вернешься до-

мой, и нечего вспомнить; время, уползшее в прошлое, словно сжимается, и уже такое ощущение, что миновала не вечность — а миг; если же ты каждый день живешь полнокровной жизнью, и одно срочное и важное дело набегаёт на другое, и ты постоянно — в хлопотах, то дни мелькают, как деревья за окном мчащегося вперед экспресса, и хватаешься за голову: ба, уже год промелькнул; но когда начинаешь памятью перелистывать страницы минувшего, то видишь: как же насыщен событиями этот год; мнилось: всего миг сверкнул быстрой кометой, а оказывается — он вобрал в себя столько, что и не охватить мысленным взором; и яркая его содержательность словно растягивает его — в памяти — в длинную цепь свершенного, преодоленного, воплощенного в явь...

Дотяни бездельник хоть до глубокой старости — жизненный его путь все равно краток, потому что позади — пустота; по-настоящему долго живет лишь тот, кто всего себя отдает труду, творчеству, порученному делу.

Вот и у Кудратова на Нечерноземье — дни летели. Энергичный, расторопный, мобильный, он раньше снисходительно-недоверчиво усмехался, когда кто-нибудь жаловался, что ему «голову некогда почесать». Сам он умело распределял свое время, и его доставало Кудратову и на работу, и на совещания, и на раздумья.

И лишь очутившись в Ивановской области в непривычных условиях, в сумятице навалившихся на него забот и дел, каждое из которых было наиважнейшим и срочным, он понял, что такое настоящая замотанность, когда и впрямь недосуг «голову почесать».

Зимой, например, он долго не мог выбрать свободной минутки, чтобы ответить на письмо Дилафруз и поздравить Атаджана, — такое имя, в конце концов, дали сыну, — с днем рождения. Утром он клятвенно обещал сам себе, что возьмется за письмо днем, в обеденный перерыв, но ему не удавалось и пообедать; оставалось уповать на вечер — уж тогда-то ничто не помешает спокойно расположиться за столом и поведать Дилафруз о своем житье-бытье; так нет, и вечером отвлекали насущные дела; и за письмо он смог сесть лишь спустя неделю.

Дни летели, и Кудратов и не заметил, как наступила весна. Вторая весна на земле Ивановской...

Подумать страшно: прошло целых полтора года! Ну, почти полтора. У Кудратова, впрочем, было иное ощущение: всего полтора года. И хотя, действительно, за это время многое было сделано, завершено, но Кудратова грызло чувство неудовлетворенности: сделанное — это лишь малая часть того, что он обязан сделать; зима выдалась, честно говоря, не такая уж хлопотная; зимой особенно не развернешься; зато теперь придется поднажать, работы — он это знал по прошлому году — будет невпроворот.

Как знал и то, что весна здесь — понятие весьма условное.

День сделался длиннее ночи, в Узбекистане в эту пору на полях уже зеленеют дружные всходы, а тут землю еще не начинали пахать, — она не оттаяла; и почки на деревьях не спешили раскрыться.

Кудратов живо представил себе свой сад в Джизаке весенним утром.

Он не уставал любоваться чудом цветения, повторяющимся из года в год. Вот и сейчас весна волшебным образом изменила сад, и Кудратову казалось, будто он видит распахнутые бутоны роз, урюковое дерево, еще недавно усеянное красными почками, и вдруг — с первыми солнечными лучами — вспыхнувшее бело-розовым цветом. Видит — глазами своих детей и жены, которые, конечно же, радуются в эти дни обновлению природы.

Впрочем, он редко давал волю воображению; это было непозволительной роскошью; его ждали неотложные дела и заботы, и взору представал реальный — такой неброский и унылый — пейзаж Нечерноземья.

Все свое время Кудратов посвящал подготовке к весенним работам.

Особенно его заботило все, что было связано со строительством нового совхоза — «Гулистан».

II

Из Ташкента прибыла группа изыскателей — сотрудников института «Средазгипроводхлопок». Прибыла со своей техникой и инструментами, на которых стояли фабричные клейма ташкентских промышленных предприятий.

В задачу изыскателей, представлявших различные

специальности, входило тщательное изучение земель на территории будущего совхоза. Все данные они должны были представить проектировщикам. Так что от них зависело: когда и где будет заложен фундамент первого совхозного дома.

Изыскатели устроились в городке, расположенном на берегу Волги. Из окон пятистенной избы, приспособленной под штаб, видна была великая русская река; по ней величественно плыли белые пароходы, стремительными шилохвостами с перьями из пены проносились «Кометы» и «Метеоры», неторопливо, с лентой двигались тяжело нагруженные баржи.

Многие из изыскателей до этого пленительные волжские пейзажи видели лишь на картинах Левитана или на репродукциях. Им более привычна была бескрайняя панорама пустыни, залитой палящим солнцем. Теперь же, соприкоснувшись с русской природой, они наслаждались ее красотой — скромной, неяркой после Узбекистана, но исполненной живой поэзии. Особенно поразила их Волга, со спокойным достоинством катившая свои воды меж зеленых берегов...

Кудратов, как и другие, насмотреться не мог на знаменитую реку, но его — мелиоратора — Волга привлекала и как источник чистой воды. Территория, осваиваемая его трестом, включала в себя пятьсот гектаров поливных земель. Да и жителей будущего совхоза нужно было обеспечить питьевой водой.

А сроки поджимали, и было решено: отказавшись от прокладки нового искусственного русла, перебросить волжские воды в район освоения по старому каналу Волга — Уводь.

Кудратов поручил изыскателям обследовать этот канал. Спустя несколько дней они с огорчением доложили, что никогда еще не встречались с такой запущенностью: за каналом, видно, никто не следил, он зарос травой и тиной, превратился в обиталище лягушек.

«Вот уж воистину бесхозяйственность! — удрученно думал Кудратов. — Как можно было такое жизненно важное, дорогостоящее сооружение довести до безобразного состояния?! Ведь водой из канала пользуется и население Иванова... Черт его знает, чего тут больше: беспечности или головотяпства? Впрочем, это близкая родня...»

Ему припомнилось — как чиста была вода в кана-

лах и арыках, которые сооружая он в Голодной степи. В них разводили специальные породы рыб, уничтожавших водную растительность, ряску, этот мусор водоемов.

Возможно, рыбы-санитары или «чистильщики рек», как их называли, тут не приживутся. Но есть ведь и химические способы очистки загрязненных вод...

Все эти замечания Кудратов заносил в особую тетрадь, которую можно было бы озаглавить: «Как удовлетворить нужды будущих жителей «Гулистана».

Столкнувшись с трудностями и почвоведы, изучавшие характерные особенности, как бы шупающие пульс здешней земли. Ее «состояние здоровья» оставляло желать лучшего. В диагнозе значилось: неровность почвы, заболоченность, обилие камней, торфяников. А наряду с этим было немало земли, страдавшей от безводья. Почти двести пятьдесят гектаров пребывали заброшенными после торфоразработок.

И ведь все это, по мнению почвоведов, была земля добротная, способная — если ее должным образом обработать — дать щедрые урожаи самых различных культур.

Изыскатели отправили в ташкентские лаборатории тысячи почвенных проб. Результаты их проверки, заключения специалистов оказались более чем обнадеживающими.

Кудратов, не довольствуясь выводами изыскателей, и сам вдоль и поперек исходил территорию, на которой должны были раскинуться угодья «Гулистана».

И после окончания изыскательских работ, встретившись с только что назначенным директором будущего совхоза, сказал:

— Заявляю с полной ответственностью: у вас тут нет бросовых земель. Есть — заброшенные. И мы все силы приложим, чтобы превратить их в культурные. Вот увидите, земли «Гулистана» будут самыми урожайными в Ивановской области!

— Придет, значит, и на нашу улицу праздник?

— Не сомневайтесь, придет.

— Как я мечтал об этом!

У нового директора, Алексея Васильевича Кучина, была примечательная биография.

Еще не родившись, он остался сиротой: отец умер, когда он еще не появился на свет.

Советская власть позаботилась о том, чтобы маль-

чишка не погиб от голода. Позднее Кучин любил говорить, что он и Советская власть — земляки: ведь первые Советы были созданы в Иваново-Вознесенске.

Впрочем, он был сыном не города, а деревни. И всю свою жизнь провел в крестьянском труде.

От Советской власти он получил землю, но у него не было ни тяглогового скота, ни орудий, чтобы как следует ее обработать. На одном клочке он выращивал картофель, на другом ячмень, на третьем капусту, большую же часть земли занимал луг, на котором паслись корова и козы. С грехом пополам ему удавалось прокормить себя и мать.

Когда начали организовываться колхозы, Алексей первым подал заявление с просьбой принять его в артель. Председатель оргкомитета внимательно взглянул на парнишку:

— Кто написал тебе заявление?

— Я сам.

— Красивый у тебя почерк.

— Я в школе лучше всех учился, — похвастался Алексей.

— Трудно, небось, было — и учиться, и хозяйство вести?

— А ничего.

— Крепкий мужичок! Ну, раз ты и грамоту знаешь, и крестьянский труд тебе знаком, — назначим мы тебя секретарем колхозного правления.

Правление, правда, на первых порах и состояло лишь из председателя да секретаря.

Коллективное хозяйство не сравнить было с единоличным. Вступившие в колхоз крестьяне почувствовали явное облегчение. Но колхоз был маломощным, руководить им было нелегко, председатели менялись чуть не каждые полгода, вскоре не осталось ни одного колхозника, который не побывал бы в председательской должности.

Перед самой войной на этот пост выбрали Кучина.

Ох, и тяжело же ему пришлось, когда грянула война! В колхозе и в мирное-то время мужчин было — раз, два и обчелся, а тут и последние ушли на фронт, — не взяла только Алексея Васильевича. По настоянию колхозниц, против его воли, Кучина оставили в тылу. «Бабий председатель», — называли его в шутку. Горькая это была шутка, и Кучин на нее не обижался. В подчинении у него были, в основном, солдатские вло-

вы, матери, сестры, и совесть не позволяла ему заставлять их работать до седьмого пота. Он выделил женщинам участки, которые не так трудно было обрабатывать, и выращивали они там культуры, не требующие усиленного ухода и быстро созревающие. О севообороте и думать не думали; свободной земли имелось достаточно, засевали ее выборочно. Не хватало ни техники, ни удобрений... Рассуждали так: есть крыша над головой — и ладно, есть на столе какая-никакая еда — и хорошо...

Но, вынужденно мирясь с таким положением, Алексей Васильевич жил горячей надеждой на то, что придет пора, когда и Нечерноземье порадует Родину добрыми урожаями.

Конечно, после войны хозяйствовать стало легче. Но до расцвета Нечерноземью было еще далеко! Сколько колхозников не вернулось с войны... А так как по всей стране недоставало рабочих рук, а жизнь в деревне многих не устраивала, — то молодежь начала уходить в города. Так осиротевшая земля пришла в запустение...

Но вот вскипел в нечерноземной полосе всенародный хашар. И надежда, согревавшая сердце Алексея Васильевича, превратилась в уверенность: жить, наливаться соками земле Нечерноземья! И родную его деревню ждет светлое будущее.

Нет, не деревню, а родной край. Хилый его колхоз как раз доживает последние дни. Вместо разрозненных деревень вырастет здесь агрогород, разбросанные тут и там плодородные клочки земли сольются в просторные поля, жалкие скособочившиеся хлевы заменит современный животноводческий комплекс.

И ему, Кучину, доверено руководство будущим совхозом... Дух захватывало от перспектив, которые перед ним разворачивались!

Потому он не просто внимательно, а с жадностью слушал Кудратова.

Передавая материалы, полученные от изыскателей, проектировщикам, Кудратов сказал:

— Подготавливая проект, вы должны учесть не только содержащиеся здесь данные, но и нужды, чаяния колхозников — будущих рабочих совхоза. Попробуйте связаться с проектировщиками новгородского совхоза «Ташкент», может, они нашли оптимальные варианты...

— Мы с ними в постоянном контакте. Но в их условиях можно использовать голодностепский опыт, а у нас — нет. Тут надо что-то свое придумывать... Но вы не беспокойтесь. Уж коли нам поручено спроектировать образцовый совхоз, то уж мы постараемся, чтоб и проект был образцовым. Это решение всего нашего коллектива.

— Желаю вам удачи!

Десятки специалистов от зари до зари, иногда даже ночами, без выходных корпели над проектом. Когда, наконец, был готов первый вариант, его отвергли сами проектировщики.

— Дороговато, — поморщились экономисты.

— Многовато архитектурных излишеств, — вынесли свое суждение архитекторы, — рабочим совхоза нужны удобства, а не роскошь.

— А почему не запланировано использование местных материалов? — спросили строители.

Второй вариант отклонило ивановское руководство. «Почему коттеджи располагаются по двум параллельным линиям? Это не поселок, а кишка. Конечно, немало у нас деревень, состоящих из одной улицы. Но это ведь современный агрогород! И еще. Хорошо, конечно, что предусмотрено использование кирпича, черепицы... Но у вас в Узбекистане дома отделываются мрамором. Вот бы и здесь так... Чем мы, в конце концов, хуже?»

В третьем варианте был учтен опыт строительства Янгьера, совхозных поселков в Голодной степи, — естественно, с поправкой на климат Нечерноземья, с его суровой зимой, частыми дождями. На чертежах гармонично разместились крупнопанельные дома, украшенные русским и узбекским орнаментами, двухэтажные и одноэтажные коттеджи, торговый центр, здания почты, клуба, школы, детсада и яслей. По обеим сторонам широких улиц — цветники. На центральной площади — памятник Ленину.

Проект пришелся по душе ивановскому руководству, но не вызвал энтузиазма у Кудратова и его ближайших помощников. Верно, точь-в-точь такие дома были построены в первых голодностепских совхозах, и они радовали взгляд, но рабочие остались недовольны: рабочие-то они рабочие, но связаны с землей, и естественно их желание обзавестись скотом, птицей; а где всю эту живность держать? В этом плане ива-

новцы вряд ли отличаются от мирзачульцев. И надо пойти им навстречу.

Появился четвертый вариант, где, кажется, уж все было предусмотрено.

Его послали в Ташкент, вскоре он вернулся с замечаниями.

Проектировщики трудились не покладая рук над следующим — окончательным, как они полагали — вариантом. Правда, стоимость строительства по этому проекту возрастала до двадцати пяти миллионов рублей, но зато, кажется, он всех должен был удовлетворить. В пятом варианте воплотились последние достижения инженерной, архитектурской мысли. Предполагалось даже сооружение водохранилища — на миллион кубометров воды.

Ознакомившись с проектом, Кучин радостно потер ладони:

— Отлично! Я уже ощущаю дуновение ветерка, которым веет с водохранилища. Ласкового такого... Это ветер дружбы, а, товарищ Кудратов? — он внимательно взгляделся в чертежи. — Не представляю, к чему тут можно придаться. Дома современного типа. С центральным отоплением, газовыми плитами, ваннами, горячей водой... Захочешь что купить — магазины рядом. Отдохнуть потянет, как говорится, культурно, тоже не надо в город ехать, клуб, кино — все под боком. Золотое кольцо украсится еще одной достопримечательностью, только не исторической, а наоборот: деревней будущего!

Из Ташкента на имя Кудратова пришла телеграмма: «Проект обсудим на месте вылетаю Разыков».

«М-да, — подумал Кудратов, — рано мы успокоились. Разыков из тех, кто семь раз отмерит — раз отрежет. Пока он все не увидит своими глазами, пока досконально не разберется в каждой мелочи, — проект не утвердит. Как бы все наши труды не пошли прахом...»

III

Сойдя на землю с трапа самолета, Разыков обнял Кудратова и засыпал его вопросами — о здоровье, о работе, о настроении ребят, осваивающих Нечерноземье.

— Я привез полный самолет приветов! Вам — от всех друзей, от Дилафруз-хон и особый — от Атаджана. Все живы-здоровы и вам желают всего самого-самого хорошего...

Разыков, как всегда, был приветлив, мягок, добродушно весел.

— Как вам летелось? — спросил Кудратов.

— О, я и не заметил, как мы долетели. И, верите ли, нисколько не устал.

Кудратов ждал, что Разыков заговорит о проекте, но тот спросил:

— Где сейчас ваши люди работают?

— В четырех районах. Одни продолжают строить поселки мелинаторов, другие подготавливают площадку для нового широкого наступления на здешнюю целину. В прошлом году наши мелинаторы неплохо поработали.

— Я знаю. Где находится самое крупное из ваших подразделений?

— Возле Шуи. Там заканчивается сооружение завода железобетонных конструкций, идет ремонт и наладка дренажной техники, насосов, мелинаторы вышли на поля...

— Вот туда и поедем.

— Это далекоовато. Советую сначала подкрепиться, чайку попить.

— Я уже завтракал в самолете. Может, вы голодны?

— Нет, я тоже успел перекусить.

— А ваш шофер?

— Тоже.

— Тогда — по коням!

Когда они вышли из здания аэровокзала, к ним подбежал Набиджан.

— Здравствуйте, товарищ Разыков. С приездом!

— О! Кого я вижу? Набиджан? — радостно удивился Разыков. — Ты, значит, теперь начальство возишь?

— Не повезло, товарищ Разыков. — Набиджан лукаво покосился на Кудратова. — Лучше иметь дело с тяжелейшими грузами, чем с моим начальником. Совсем загонял.

Когда они выехали за пределы города, Разыков, полуобернувшись, стал смотреть на открывшийся сельский пейзаж. Сначала тянулись пастбища, но скота на них не было видно, и оттого они имели довольно уны-

лый вид. Потом начали сменять друг друга леса, озера, болота, но больше всего было земли, густо заросшей кустарником.

— Это уже владения Рахматова, — сказал Кудратов. — Его ПМК поручено освоение этих пустошей. Неприглядная картина, а?

— Уточним: пока неприглядная.

Не доехав до города, Набиджан свернул на проселочную дорогу. Несколько дней стояла теплая сухая погода, за машиной вился серый шлейф из пыли. Пыль, вздымавшаяся из-под передних колес, мешала что-либо разглядеть...

Вскоре газик миновал ворота обширного двора, огороженного бетонными плитами. До слуха пассажиров донеслась нежная узбекская мелодия; ее выводили мужские и девичьи голоса.

В этом дворе располагался машинный парк ПМК, рядом достраивался завод железобетонных изделий.

Вот там-то строители, не зная, чем заняться, завели песню...

Только Разыков и Кудратов вышли из газика, как к ним приблизился Рахматов. Он был мрачнее тучи.

— Что, опять простаиваете? — спросил Кудратов.

— Так если болезнь не лечить, она то и дело будет давать о себе знать. И превратится в хроническую... Уже превратилась!

— Что же это за болезнь? — поинтересовался Разыков.

— Железнодорожники нас все время подводят. Как будто им неизвестен местный климат! Сильные морозы, частые дожди сокращают строительный сезон. Дорога каждая минута! А железная дорога не торопится с подвозом стройматериалов. И вот сейчас стоят погожие дни, только бы строить, — но и работа тоже стоит.

Сооружение завода, которому предназначалось стать промышленной базой для развертывания мелиоративных работ, должно было по плану завершиться в июне этого года. Мелиораторы с нетерпением ждали его продукцию. Металлические конструкции и другие строительные материалы отправляли сюда Джизак, Чиназ, Ахангаран. На рабочем столе Рахматова лежала кипа телеграмм с успокоительными словами: «Груз отправлен», «Металлоконструкции погружены в вагоны». Но эти вагоны с бесценным грузом, в котором так нуждались строители завода, застревали в пути: железно-

дорожникам выгодно было сбить их в большие составы, а на это уходила уйма времени. Вот из-за этого-то и расстраивался Рахматов. И злился на транспортников: что за люди — им и горя мало, что по их вине строители, шефы Нечерноземья, вынуждены сидеть сложа руки.

Рахматов всей душой болел за дело, которое ему поручали. И когда ему вставляли палки в колеса, — нервничал, выходил из себя. Иные «доброжелатели» советовали ему: «Да не принимай ты все так близко к сердцу; в каком деле обходится без неполадок. Гляди, гипертонию наживешь, а там недалеко до инфаркта». Он с таким злым презрением взглядывал на непрошенных советчиков, что те умолкали.

Рахматова раздражал беспорядок, — трудностей же он не боялся. Он родился в Ташкенте, там прошла его юность, там же он закончил Институт инженеров железнодорожного транспорта. И когда его спросили, где бы он хотел работать, новоиспеченный инженер, горожанин до мозга костей, твердо ответил:

— Только в степи! Там, где осваивается целина.

Председатель комиссии по распределению выпускников воззрился на него с удивлением: странно, с чего это железнодорожника повлекло в степь?

Степей в то время осваивалось немало: Голодная, Джизакская, Каршинская, Язъяванская, степи Каракалпакии... Рахматов обзавелся картой этих ударных фронтов пятилетки и всегда носил ее с собой. Про себя он уже бесповоротно решил, куда поедет: туда, где труднее всего, и когда председатель комиссии попросил его уточнить — в какую же из степей предпочитает он получить направление, то, не задумываясь, сказал:

— Только в Каршинскую!

Тогда там только еще начинала создаваться целая хлопковая держава, от которой ждали больших урожаев «белого золота».

Рахматов, руководивший освоением целины в Ульяновском районе, вбил первые колышки в том месте, где потом возник четырнадцатый совхоз, участвовал во всех стадиях превращения пустынной степи в плодородные поля и цветущие сады, снял даже первый урожай хлопка с этих полей и лишь после этого передал и угодыя, и центральную усадьбу вместе с другими службами руководству нового совхоза, а сам принялся

за освоение более обширного и «трудного» степного массива.

Он упорно шел дорогой освоителя, и дорога эта закономерно привела его в Нечерноземье.

Тут-то он убедился, что с настоящими трудностями до сих пор еще и не сталкивался.

Поднимать целину — везде нелегко. Но Рахматов и представить себе не мог, как тяжело будет преобразовать земли Ивановской области...

Не говоря уж обо всем другом, много сил, времени, материалов потребовало сооружение подземного дренажа. Необходимо было уложить огромное количество керамических труб. В прошлом году их не хватило, — Узбекистан не успел в должной мере обеспечить ими мелиораторов. Большие надежды возлагались теперь на завод, который строил Рахматов, причем мелиораторами не только Шуи, но и всей области. И не считать, сколько у Рахматова накопилось заказов на трубы и другие керамические и бетонные изделия.

Но недаром молвит пословица: когда ищешь в списке — ничего не найдешь. Конец весны радовал теплыми днями, строители горели желанием поскорее подготовить завод к пуску, и на тебе — из-за железнодорожников бездельничали.

Только и оставалось, что утешаться песней...

— Не дело, что строительная бригада превратилась у вас в самодеятельный хор, — сказал Разыков. — Концертную программу в месячный отчет не включишь. Если уж не поступили вовремя стройматериалы — найдите своим людям другую работу.

— Я жду вестей со станции, — ответил Рахматов. — Не придут до завтра вагоны с материалами — pošлю ребят на корчевку кустарника.

Кудратов, словно вспомнив что-то, покусал губы и пристально взглянул на инженера:

— Думаю, им и сегодня найдется, что делать. Ведите-ка их к котловану панельного завода.

Рахматов пожал плечами:

— Не понимаю, зачем. Начало строительства завода запланировано лишь на следующий год, проект еще в Ташкенте, здесь пока только котлован вырыт.

— Ведите, ведите. Я знаю, что говорю.

— Запомните, товарищ Рахматов, — поддержал управляющего Разыков. — Нельзя, чтобы люди, приехавшие сюда работать, били баклуши. Безделье — раз-

вращает. Сегодня ваши строители песни распевают, завтра начнут искать выпивку...

— Выходит, чем бы ни занять людей — лишь бы занять? — строптиво возразил Рахматов.

Кудратов усмехнулся:

— Я гляжу, хоть котлован рядом, но вы давно туда не заглядывали. Понимаю: некогда было. Но сейчас-то свободного времени более чем достаточно. Так что пойдете-ка к котловану.

Инженер решил больше не перечить начальству: ладно, к котловану, так к котловану, хотя и там делать нечего.

Однако, когда вместе с Разыковым, Кудратовым и бригадой строителей Рахматов очутился у края котлована, у него вытянулось лицо. Котлован был до краев завален городскими отбросами и мусором со стройки, которую вела ПМК.

Кудратов показал рукой на эту свалку:

— Нет, говорите, работы? Вот и займитесь очисткой котлована. Завтра я пришлю в подмогу вам экскаватор.

Лицо инженера сделалось красным, как свекла.

— Уж от кого-кого, а от вас я такого не ожидал, — с осуждением и горечью сказал Разыков. — Вы же представитель технической интеллигенции, — он интонацией подчеркнул последнее слово. — Так вам ли не заботиться о культуре труда? Сроки, объем проделанной работы — это все важно, но не менее важна и культура строительства. Куль-ту-ра. А то посмотришь иногда на стройплощадку: беспорядок, кучи всякого хлама, подъездные пути черт-те знает в каком состоянии, не пути, а полоса препятствий. Зрелище, доложу я вам, малоэстетичное.

У Рахматова был совсем убитый вид. Понимая его состояние, Разыков мягко взял его под руку, прошел с ним несколько шагов.

— К вам это, к счастью, не относится. Вот только этот котлован...

— Мы уберем все, — поспешил заверить Рахматов.

— Это будет тем более кстати, — медленно, веско проговорил Разыков, — что к строительству панельного завода вам, думаю, следует приступить уже в этом году.

— А как же проект?

— Поторопим проектировщиков.

— А стройматериалы, рабочая сила?

— Мы всем вас обеспечим. В панелях-то ведь и сейчас острая необходимость?

— Острейшая, товарищ Разыков! Вся область — в новостройках.

— Значит, завод надо ввести в строй как можно скорее. В конце лета к вам прибудет студенческий стройотряд — тысяча двести человек. Вот вам и рабочие руки.

Рахматов скривил губы в невеселой усмешке:

— Прибудет — и тут же убудет. Знали бы, как я устал от этих смен: сегодня — одни, завтра — другие. Сколько уж людей перебивало в нашей ПМК! Слава богу, своих ребят я уговорил не уезжать, пока они не достроят первый завод.

— Вот это славно! Молодцы! — обрадованно воскликнул Разыков, и, посерьезнев, добавил. — Однако проблема закрепления кадров в Нечерноземье, — достаточно сложная. Будем решать ее сообща.

Присоединившийся к ним Кудратов с упреком сказал Рахматову:

— А насчет студентов вы зря. Польза от их работы немалая. Видели бы вы, как трудились они прошлым летом в Новгородской области, — любо-дорого смотреть!

Кудратов с ревнивым интересом следил за всем, что происходило в «епархии» Юлдашева, старался быть в курсе как их успехов, так и неудач. Особенно — успехов. Для него было делом чести — не отставать от земляков, работающих на новгородской земле. И он сожалел, что газеты и радио не уделяли достаточного внимания трудовым свершениям мелиораторов и строителей, приехавших из Узбекистана, тому, с какими трудностями они встречаются и как их преодолевают.

Все же ему удавалось выудить нужную информацию, и он спешил поделиться ей со своими боевыми соратниками:

— Слушали сегодня радио, друзья? Новгородские-то хашарчи нас обставили: в совхозе «Ташкент» уже заложили фундамент первого дома.

— Байбеков! Читал местные газеты? В Шимском районе наши начали школу строить.

— Просмотрите, товарищ Рахматов, вот этот номер «Совет Узбекистони». Только что пришел. По темпам освоения целины мелиораторы Хакимова опережают

вашу ПМК. Возьмите это себе на заметку — и сделайте практические выводы.

IV

Кудратову показалось, что Разыков недоволен положением дел в рахматовской ПМК. Он молчал, и выражение его лица было озабоченным.

Разыков действительно испытывал огорчение, но вызвано оно было справедливыми сетованиями инженера. И сердился он — на себя. «Мы отправляем в Нечерноземье грузы и даже не удосуживаемся поинтересоваться, а получили ли их наши освоители? Забьем вагоны техникой и стройматериалами, и спокойно почиваем на лаврах, мол, помогли строителям и мелиораторам. А те мечутся в ожидании позарез нужного груза, застрявшего в пути. Где, по чьей вине он застрял — мы не знаем. Вернее, и не пытаемся узнать».

Когда они уже очутились в Шуе, Разыков обернулся к Кудратову:

— На других объектах — тоже задержки с доставкой грузов?

— Железная дорога всех мучает.

Разыков задумался, нахмутив лоб, потом спросил:

— Откуда здесь можно позвонить в Ташкент и в Москву?

— Лучше всего из горкома.

— Поехали туда.

Кудратов посмотрел на часы:

— Рабочий день кончился. Впрочем, там должен быть дежурный.

В горкоме действительно они застали лишь дежурного и сторожа. Разыков предъявил дежурному свой документ, объяснил, что ему нужно. Тот готовно подвинул ему телефонный аппарат:

— Вот, звоните по ВЧ.

Удобно расположившись за столом, Разыков соединился сначала с Ташкентом, потом с Ивановым, а затем стал обзванивать все города, поставившие Ивановской области строительные материалы. Всем он говорил одно и то же: груз, отправленный в Нечерноземье, так туда и не прибыл; просьба выяснить — где он застрял, кто в этом виноват.

Ему удалось связаться и с министром железнодо-

рожного транспорта, тот, на счастье, оказался на месте.

— Ваше ведомство вставляет нам палки в колеса,— сказал Разыков. — В колеса — в буквальном смысле этого слова. Многие наши грузы, сверхважные и сверхсрочные, задержались где-то между Узбекистаном и Ивановом. Это ставит наших освоителей в очень трудное положение. Убедительная к вам просьба: разобраться с этим и принять необходимые меры. Тоже, как сами понимаете, срочные.

Его попросили не класть трубку, и Разыков слышал, как он по селектору вызвал центральную диспетчерскую и потребовал немедленно выяснить, в каких пунктах находится в настоящее время груз, отправленный из Узбекистана в Ивановскую область. Не прошло и нескольких минут, как откликнулись станции, где стояли составы с оборудованием и стройматериалами, предназначенными для ивановских хашарчи. Приказали дать всем этим составам зеленую улицу.

Закончив разговор, Разыков обратился к Кудратову:

— Вопрос решен положительно, скоро все опоздавшие составы придут в Иваново. Готовьтесь к разгрузке.

Поблагодарив дежурного горкома, он вышел вместе с Кудратовым на улицу и попросил:

— А теперь покажите мне общежития мелнираторов. Мы не сможем закрепить здесь кадры, если не создадим для них оптимальные бытовые условия. Как у вас с этим?

— Если учесть, что мы здесь всего лишь год с лишним, — то дела обстоят неплохо. Люди Рахматова расселены по квартирам в самой Шуге, до работы им отсюда недалеко. Для освоителей из других ПМК построены поселки. Некоторые, правда, еще строятся... Но расстояние до них немалое, а время уже позднее...

— Хорошо. Поверю вам на слово. Тогда — возвращаемся в Иваново.

Разыков хмурился:

«Странно, — думал Кудратов, — мы тут работаем не покладая рук, а похвалиться, вроде, и нечем. Тут прорехи, там недоделки. И то сказать: взяли-то гору сдвинуть с места! Освоить Нечерноземье — это не волос из теста вытянуть. Строительство, мелниротивные

работы... Создание новых образцовых совхозов... Кстати, почему Разыков так и не вспомнил о проекте «Гулистана»? Хотел ведь обсудить на месте... Значит, есть у него и к последнему варианту проекта какие-то претензии... Какие?..

Но в дороге Разыков принялся расспрашивать Кудратова: какой объем работ уже выполнен его трестом, что и по каким причинам они еще не успели сделать; особенно его интересовали планы на будущее. Кудратов подробно обо всем рассказывал, Разыков внимательно слушал. Потом кивнул одобрительно:

— Ладно, я вижу, вы здесь не сидели сложа руки. А какие у вас первоочередные нужды?

— Самая главная — в рабочей силе.

Разыков усмехнулся:

— Ну, судя по тому, что я видел у Рахматова, свободных рабочих рук у вас более чем достаточно.

— Если б не подвели железнодорожники...

— В любом случае наши хашарчи не должны допускать ни минуты простоя! Вот, допустим, завтра к вам приедет еще две-тысячи освоителей. Вы сможете всех их обеспечить работой?

— Товарищ Разыков, работы на всех хватит! Мы начали жилое строительство еще в двух городах. Пошлем туда приезжих. Уж поверьте, без дела они не останутся.

— А где вы их расселите?

— Жилье они для себя сами будут строить. А пока — хорошо было бы, если бы местные власти выделили им общежития. Поговорите об этом с Кудимовым, а?

— Поговорю. Какие у вас к нему еще просьбы?

— Видите ли, просьбами мы стараемся ему не докучать. Сам-то Кудимов все время спрашивает, не нужно ли нам чего-нибудь. Но я как-то сказал ему: не в гости мы сюда приехали, а на хашар. А это значит, что не они нам, а мы им должны помогать...

— Хорошо сказали. Смысл хашара — именно в бескорыстной помощи друзьям и соседям.

Они въехали в Иваново, когда куранты показывали двенадцать часов ночи. И тут их нагнала черная «Волга», она громко сигналлила, прося их остановиться. Это была машина Кудимова.

Газик притормозил, машины оказались рядом, из них одновременно вышли Кудимов и Разыков, шагну-

ли навстречу друг другу, крепко обнялись. Они не раз виделись в Ташкенте, и однажды Разыков привел Кудимову узбекскую поговорку: первый раз встретились — знакомые, второй раз — друзья, третий — родственники.

Сейчас их объятья по праву можно было назвать братскими.

Кудимов с упреком глянул на Кудратова: уж вы-то, мол, могли бы поставить меня в известность о прибытии своего «шефа»; тот, оправдываясь, проговорил:

— Товарищ Разыков нагрязнул — как снег на голову... Я сам узнал о том, что он решил нас проведать, когда самолет был уже в пути. А из аэропорта мы поехали прямо в Шую.

— Да, да, знаю. Там мне и сказали, что вы умчались в Иваново. Еле вас нагнал... — Кудимов жестом пригласил Разыкова и Кудратова в свою машину.

Завязалась оживленная беседа, она коснулась и проекта строительства совхоза «Гулистан».

— Мне хотелось бы самому взглянуть на место, отведенное под центральную усадьбу совхоза, — Разыков вопросительно посмотрел на Кудимова. — У вас не найдется времени — поехать туда вместе с нами?

— Охотно поеду! Буду здесь завтра ровно в восемь утра. — Кудимов улыбнулся, — только не забудьте перевести стрелки своих часов. А то товарищ Кудратов долго жил у нас по ташкентскому времени...

— А для работы это только полезно, — весело откликнулся Кудратов. — Раньше встанешь — больше успеешь. Дни-то у вас, особенно зимой, короткие, как овечий хвост.

V

Утром, когда все усаживались в газик Кудимова, к Кудратову подбежал Набиджан и, сунув ему в руки объемистый узелок, шепнул:

— Вот, положите на сиденье. Это Надя приготовила. А в термосе горячий чай.

Кудратов сел рядом с водителем, а Кудимов и Разыков сзади. Коротая время в дружеской беседе, они обсудили и важные вопросы, в том числе о размещении студентов, приезжающих на кашар из Ташкента. Заметив, как это волнует Разыкова, Кудимов не стал

откладывать дело в долгий ящик; остановив машину у длинного здания, он вышел вместе с гостем. До недавнего времени здание это служило казармой, но занимавшая его воинская часть переехала в другое место, и дом было решено передать в распоряжение Управления местной промышленности. Его уже начали приводить в порядок. Разыскав по телефону одного из руководителей Управления, Кудимов сказал:

— Очень вас прошу — уступите помещение Кудратову. Мы вам подыщем другое. Да, да, это я вам твердо обещаю. А нам надо проявить гостеприимство по отношению к узбекским братьям. И еще одна просьба: продолжайте ремонт и произведите отделку — на высшем уровне.

— Ремонт мы сами займемся, — успел вставить Разыков.

— Об этом не может быть и речи, — безапелляционным тоном заявил Кудимов. — Хашар — дело взаимное. — И проговорил в трубку. — Вы знаете что такое хашар? Ладно, я вам потом подробно объясню, но считайте, что ваши рабочие здесь — на хашаре.

Дальнейший путь пролегал по дороге, которая в старину соединяла древние русские города, а сейчас стала частью «Золотого кольца». Дорога была неровной, машину подбрасывало на рытвинах и ухабах, но Разыков и Кудимов так увлеклись разговором, что не замечали тряски. На одном из поворотов газик подскочил, переезжая колдобину, и Разыков ударился затылком о металлический прут, поддерживающий брезент. В это время сбоку, у дороги, мелькнул указательный столб с надписью на дощечке: «Совхоз «Гулистан». Разыков попросил водителя пригормозить. Кудимов обеспокоенно взглянул на него:

— Что, сильно ушиблись?

— Да нет, со мной все в порядке. Тут ведь как раз перекресток?

— Да. И нам — направо.

— Если вас не затруднит — выйдем на минутку.

Когда все выбрались из машины, Разыков привел своих спутников на плоский холм, окруженный с трех сторон лесами. Отсюда, как на ладони, виднелись дуга и поля, меж которыми, пропадая вдаль, ровной узкой лентой вилась дорога.

— Вот здесь, — несколько торжественно произнес

Разыков, — мы построим совхозную чайхану — в лучших традициях нашего национального зодчества. — Он раскрыл папку, прихваченную из машины, и достал фотографию макета будущей чайханы. — Вот, смотрите, это макет, над которым потрудились наши архитекторы. А место для чайханы выбрали проектировщики — как, неплохо? Драгоценному камню, говорят, нужна достойная оправка. Предположим, что камень — это чайхана, и лучшей оправы для него не сыщешь! Окрестности тут такие — глаз не оторвешь. Сам макет скоро привезут его авторы.

Кудратову макет на фото напомнил чайхану «Голубые купола» на Ленинском проспекте Ташкента, только здешняя, судя по всему, должна быть еще красивей и просторней. А Кудимову, когда он разглядывал фотографию, представились бирюзовые купола самаркандских памятников древности, резьба по ганчу, которую он видел в Хиве.

Кудратов потянул носом воздух:

— Мне уже чудится запах шашлыков, плова, самсы...

— Узбекский шашлык я уже здесь пробовал, — сказал Кудимов. Видя недоумение на лицах узбекских друзей, пояснил. — Живет неподалеку один узбек... Нет, нет, он не из ваших хашарчи. Старик — зовут его Бай-ата — давно уж у нас поселился, у него двое сыновей. Вот он иногда и продает шашлык — совсем по дешевке, ему просто нравится угощать русских узбекским, я бы сказал, деликатесом.

Разыков повернулся к Кудратову:

— Вы знаете этого старика?

Тот утвердительно кивнул:

— Да. Больше года назад с ним познакомился. Любопытная фигура!

Пересказав историю Бая-ата, он добавил:

— Старик все добивался разговора со мной. Он уже прижился на ивановской земле. Да и сыновья здесь выросли.

— Где они трудятся?

— Сейчас — в ПМК Байбскова. А прежде — на торфоразработках. Бай-ата с женой получают пенсию.

Проселочная дорога вывела газик на небольшую возвышенность, откуда открывался хороший обзор. Разыков внимательно оглядывал окрестности. С одной стороны чернел густой лес, с другой зеленели пастби-

ща, остальную площадь занимали торфяники с уже выработанным торфом, чуть подалее застойно блестела жижа болот.

— Мы стоим как раз в центре будущего совхоза, — сказал Кудратов.

— Что ж, место выбрано удачно, — Разыков еще раз обвел глазами лес, пастбища, болога. — Воду возьмете из Волги?

— Да, она придет по старому каналу. Газ нам даст Иваново, электричество — соседние районы.

— Так. А с помощью дренажной системы вы осушите вот эти болота и торфяники?

— Тут еще немало и каменной земли. Она тоже подлежит освоению.

— А где соорудите водохранилище?

— Северо-западной чайханы.

Затем Кудратов показал, в каких местах предполагается построить те или иные комплексы, административные и другие здания. Ни слова возражения от Разыкова он не услышал, и это обнадеживало. Осмотрев все, Разыков поинтересовался:

— Откуда собираетесь получать строительные материалы?

— Надеюсь, мы все-таки успешно завершим строительство завода, на котором вчера были. Кирпич нам обещали поставлять из Лермонтова. Все остальное должно прибыть из Узбекистана.

— Можете быть уверены: прибудет, и скоро. — Разыков повернулся к Кудимову. — Вы знакомы с проектом «Гулистана». Как, устраивает он вас?

— Мы с членами бюро райкома внимательно изучили проект. И единодушно его одобрили. Таких хозяйств на нашей земле еще не было... И центральная усадьба, и все комплексы — соотносены с требованиями современности. Более того, это совхоз завтрашнего дня!

Кудратов решил, что пора развязать узелок, врученный ему Набиджаном. Там оказались пирожки со всевозможной начинкой: из мяса, картошки, капусты, даже из кураги с яблоками. «Большая мастерица эта Надежда, — тепло подумал Кудратов». Разлив из термоса чай по пиалам, он протянул одну Кудимову, другую Разыкову:

— Угощайтесь. Шампанское разопьем, когда уложим здесь первый кирпич... — он вопросительно взгля-

нул на Разыкова.— Естественно, если проект строительства совхоза будет утвержден...

Разыков рассмеялся:

— Ох, Эргаш Кудратович, давно у вас вертелся на языке этот вопрос, а? Что ж, могу вас успокоить: последний вариант проекта кажется вполне приемлемым. Тем более, что и местное руководство — «за». Давайте-ка сюда ваши припасы... Мы здорово проголодались.

Расположившись за дастарханом, расстеленным прямо на земле, все принялись жадно уплетать пирожки, испеченные Надеждой. Разыков вдруг спохватился:

— Что ж это мы: сами пьем-едим, а водителя забыли позвать, — он поднялся, подошел к водителю кудимовского газика, вытиравшего машину, и пригласил его «к столу». — Отведай-ка, братец, пирожков, узбекские девушки отменно их готовят.

— А вот и ошиблись! — воскликнул Кудратов. — Автор пирожков — одна ивановская девушка, Надежда. Подозреваю — невеста Набиджана.

— О! — радостно удивился Разыков. — Так наши джигиты здесь и невестами успели обзавестись?

— Чего-чего, а невест у нас хватает, — улыбнулся Кудимов. — На одном текстильном комбинате работает свыше десяти тысяч женщин и девушек. Выбор богатый. И учтите: калыма мы за наших невест не требуем.

— Обижаете, брат, — Разыков принял оскорбленный вид. — Калым и у нас изжит. — Помолчав, он добавил. — Почти...

Когда они уже заканчивали скромную трапезу, сдобренную шутками, Разыков, посерьезнев, проговорил, обращаясь к Кудимову:

— На днях придут пятьдесят вагончиков для строителей совхоза и мелиораторов. Где их можно будет разместить?

Кудимов показал рукой в сторону леса:

— Видите, вон там — старая церковь? Она одна и осталась от села, вокруг нее пустырь. Лучшего места для «вагонного» городка не найти...

— Хоп, — кивнул Разыков.— Быть по сему.

Весь следующий день Разыков провел среди участников хашара. И с кем бы он ни разговаривал — задавал один вопрос: «В чем нуждаетесь?» Ни разу он не спросил: «Как работаете? — результаты труда и мелиораторов, и строителей были, как говорится, налицо.

Прощаясь с Набиджаном, шутливо заметил:

— Не забудь и меня пригласить на свадьбу!

Когда самолет скрылся из вида, Кудимов обратился к Кудратову:

— Вот так и надо: все решать на месте. От этого куда больше толку, чем от обмена телеграммами и телефонных разговоров.

— Да, — подтвердил Кудратов, — это в правилах товарища Разыкова: убедиться во всем самому — и оперативно принять необходимое решение. Главное же — он не бросает слов на ветер. Лишнего никогда не обещает, но уж то, что пообещал, непременно выполнит.

Так случилось и на этот раз: прилетев в Ташкент, Разыков растормошил все организации, имеющие касательство к освоению Нечерноземья, и вскоре в Иваново полетели телеграммы из разных городов Узбекистана: «погрузили в вагоны», «отправили», «принимайте», «встречайте»... Набиджану, возившему Кудрагова то в аэропорт, то на железнодорожную станцию, некогда было вздохнуть.

В воскресенье, когда горячка, связанная с приемом людей и грузов, несколько спала, он попросил у своего зятя выходной. Его ждала Надежда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

В приподнятом настроении Набиджан шагал по выложенному кирпичами тротуару Ташкентской улицы. Тротуар был узким, и обычно прохожие, следовавшие в противоположных направлениях, задевали друг друга плечами и локтями; разминуться тут было трудно. Сегодня же Набиджану казалось, будто улица раздалась, стала просторней, и дома утопали в золоте солнечных лучей, и окна сверкали, как драгоценные камни. То ли, действительно, денек выдался под стать душевному состоянию Набиджана, то ли все окружающее виделось ему в радужном свете, потому что сердце его было исполнено предчувствием счастливых минут. Мир прекрасен — когда на душе светло...

И в другие-то дни, идя по этой улице и приближаясь к дому номер двенадцать, Набиджан радовался: вот сейчас в окне на втором этаже он увидит Надю,

она, улыбаясь, помашет ему рукой, сбежит вниз, и они, взявшись за руки, отправятся в кино, или в клуб трикотажников, или просто погулять...

Но сегодняшний день был особенным: Набиджану предстояло познакомиться с матерью Нади, Пелагеей Ивановной. Больше года уже Набиджан встречался с Надей, но домой она его ни разу не позвала, словно чего-то боялась, а, может, хотела сперва увериться в серьезности чувства и своего, и Набиджана. И вот, наконец, он получил долгожданное приглашение, и вскоре окажется в комнате, где живут Надя с матерью. Надя уже успела многое рассказать Набиджану о своей матери, он представлял Пелагею Ивановну отзывчивой, радушной, мягкой, лучащейся добротой, и его нисколько не насторожили слова, оброненные Надеждой: «Мама у меня золотая женщина, и не обращаешь внимания, если она по простоте душевной скажет или спросит что-нибудь... ну, не то и не так...»

Падя из окна увидела Набиджана, уже открывавшего дверь; быстро спустившись по лестнице, она за руку потянула его наверх:

— Идем, идем. Мама ждет тебя.

Набиджан успел сунуть ей букет:

— Вот. Это тебе. По спецзаказу присланы из Узбекистана.

— Спасибо...

Падя уткнулась лицом в цветы, вдохнула тонкий нездешний аромат, с нежной благодарностью взглянула на Набиджана.

Они вошли в квартиру, и Набиджан остановился в растерянности. Паркетный пол в прихожей сверкал, будто политый хлопковым маслом. В комнатах, наверно, еще чище... А он — в запыленных сапогах... Набиджан начал, было, стягивать их, но Надя поторопила его:

— Не задерживайся. А то мама бог знает что вообразит.

Тогда Набиджан, не долго думая, достал из кармана брюк носовой платок и наскоро протер им сапоги, от голенищ до подошв. Только после этого он следом за Надеждой шагнул в комнату.

Пелагея Ивановна сидела на диване у окна, задернутого белоснежными тюлевыми занавесками, и вялала.

Набиджан коротко поклонился:

— Здравствуйте, магушка.

— Здравствуйте. Что ж вы на пороге-то топчетесь? Заходите, будьте, как дома.

Она внимательно разглядывала гостя. Что ж, парень приглядный, и костюм на нем добротный. Она перевела глаза на его сапоги, и Набиджана бросило в жар. Конечно, ей не по праву, что он ввалился в аккуратно прибранную, сверкающую чистотой комнату в своих сапожищах! Ведь у них, в кишлаке, не принято входить в комнаты в той обуви, в которой пожаловал с улицы. Рассердилась, наверно, потому даже и не привстала навстречу гостю: поздоровалась с ним, не сходя с места.

Набиджан все мялся в дверях, и Надежда, выручая его, сказала:

— Мама, познакомься, это тот самый Набиджан, о котором у тебе столько рассказывала.

— Проходите, садитесь, — повторила Пелагея Ивановна. — В ногах правды нет.

Надя усадила Набиджана за стол и многозначительно посмотрела на мать. Та положила на диван свое вязанье и, с трудом передвигая ноги, перебралась в кресло, оказавшись напротив гостя. Снова окинув его цепким взглядом, спросила:

— Сами-то вы откуда?

— Мама! — с упреком произнесла Надежда. — Я же говорила тебе. Он из Узбекистана. Приехал осваивать Нечерноземье.

— Да, да, говорила. А как ваше имя? Мне дочка назвала, да я забыла.

— Набиджан.

— Набиджан... А по-нашему, по-русски что это значит?

— Ну... просто имя.

— Учились где-нибудь?

— Закончил у нас в кишлаке десятилетку. Потом поступил на курсы шоферов. Работаю водителем.

В дотошных расспросах Пелагеи Ивановны Набиджан уловил какую-то непонятную неприязнь, да и разглядывала она его слишком уж пристально.

Надежда, слушая ответы Набиджана, удивлялась его скованности. Парня трудно было узнать. Куда только девались обычные его непринужденность, веселость, юмор? Он сидел неподвижно, словно одеревенев, лицо было напряженным, в голосе прорывалась хрипотца

волнения. Что это с ним? Растерялся, попав в непривычную обстановку, оробел под пытливым взглядом Пелагеи Ивановны, засыпавшей его вопросами? А, может, это и не робость вовсе, а почтительная стеснительность, которую в Узбекистане, как слышала Надя, младшие испытывают перед старшими? Но мамато хороша! Видит ведь, что гость смешался, чувствует себя не в своей тарелке, — что ж она не отстает от него? Вот — новый вопрос:

— А чем ваши родители занимаются?

— Мама! — опять не сдержалась Надежда. — Я же все рассказывала.

— А ты помолчи! Мне ведь не двадцать один год, как тебе. В моем возрасте всего не упомнишь. Ты лучше чай приготовь, попотчуй гостя, чем бог послал.

— Спасибо, я утром пил чай. А вот вы попробуйте дыньку, которую я принес. Хорезмская!

Вскочив со стула, Набиджан взял дыню, оставленную им в прихожей, прошел в кухню, где Надя заваривала чай.

— Чай — после дыни, — сказал Набиджан, вроде бы обретая обычную уверенность. — Дай-ка мне нож, я ее разрежу.

Как только нож, разрубив паутинку кружевного узора, покрывающего желтую кожу дыни, вошел в ее мякоть, по кухне, проникая и в комнату, распространился дразнящий аромат лета...

Отведав дыню, Пелагея Ивановна даже зажмурилась от удовольствия:

— Боже, вкусная-то какая! Так и тает во рту...

— Это дыня из Ургенча, — пояснил Набиджан. — Но мои родители тоже такие выращивают. — И, как бы отвечая на вопрос, заданный Пелагеей Ивановной некоторое время назад, добавил: — Отец мой из дехкан. Мама тоже.

— Из дехкан? — не поняла Пелагея Ивановна.

— Ну... по-вашему — это крестьяне, земледельцы.

Довольная тем, что беседа между матерью и Набиджаном стала более непринужденной, Надежда сказала:

— Мама, возьми еще ломтик. Такой сладкой дыни ты, наверно, в жизни не ела.

Пелагея Ивановна с нерешительностью смотрела на дольку, которую положил перед ней Набиджан.

— Говорят, много-то дыни нельзя есть. Не то, того гляди, желудок разболится...

— Да что вы! — возразил Набиджан. — Какой от дыни вред? В ней витамины и глюкоза, все только полезное.

— Нет, нет. Хорошенького понемножку, — Пелагея Ивановна вытерла губы накрахмаленной салфеткой. — Не в том уж я возрасте, чтоб сладким злоупотреблять. Доедайте вы с Надей, молодым-то желудкам все не в тягость.

Набиджан улыбнулся:

— Напрасно отказываетесь, Пелагея Ивановна. Мой отец иногда съедает за день по пять-шесть таких дынь.

Пелагея Ивановна уставилась на гостя чуть ли не с ужасом: боже, неужели отец у него такой обжора? Ей, правда, кто-то говорил, что в Средней Азии иные только о том и думают, как бы брюхо набить, но она этому не верила: мало ли что люди болтают! Оказываюсь, не такое уж это вранье... И она осторожно спросила:

— Я слышала, у вас есть люди, которые съедают за один присест целого барана — со всеми потрохами. Ваш-то отец — может так?

Набиджан даже поперхнулся дыней. Переглянувшись с Надей, проговорил:

— Люди-то везде разные встречаются. В газетах писали, что в Америке один парень, на спор, больше сотни пирожных съел. Рекорд поставил!

Надя, в охотку уплетавшая дыню, одобрительно посмотрела на Набиджана. Кажется, он тут освоился. А за мать ей было неловко. Нет, она не осуждала Пелагею Ивановну: что с нее взять, простая женщина, всю жизнь прожила, не выезжая за пределы своей области, и книг прочла не так уж много. Об обычаях народов Средней Азии — все их представители были для нее «азиатами» — она имела самое смутное представление. В основном, оно сложилось после посещения городского исторического музея, где на фотографиях и рисунках, отображавших борьбу дехкан с басмачеством, одежда бедняков являла собой жалкое зрелище: рваные халаты, разбитые сапоги, а у басмачей были зверские, лоснящиеся физиономии. Музей этот был организован по инициативе Михаила Васильевича Фрунзе, жившего и работавшего в Иванове; благодаря ему

попали туда и экспонаты из Туркестана. На Пелагею Ивановну они произвели неизгладимое впечатление... По ним она и судила о жизни и быте «азиатов».

Так что Надежде не в чем было винить свою мать, но опасаясь, что Набиджана могут обидеть ее слова, сказанные по простоте души и неведению, она сочла нужным вмешаться в разговор:

— Мама! Ну, что вы такое говорите? Все не можете забыть наш поход в музей? Тогдашняя жизнь узбеков и сегодняшняя — это небо и земля! Тогда, вон, все узбечки в паранджах ходили, помните фотографию? А сейчас узбекские девушки работают на фабриках и заводах. Разве вы, мама, не знаете, что ткачихи Ташкента соревнуются с нашими?

— Знаю, знаю. Так что из того? Что ж мне, и спросить ни о чем нельзя? Спрос, говорят, не беда.

Набиджан кивнул:

— Верно. Вы не стесняйтесь, спрашивайте. Я все вам разъясню.

Немного помолчав, Пелагея Ивановна любопытствовала:

— Я слышала, у вас там многоженство. Сколько жен у вашего отца?

— Мама! — с возмущением воскликнула Надежда.

— Да что я такого сказала? Разве грешно спросить о том, чего не знаешь?

Набиджан, вместо того, чтобы обидеться, широко улыбнулся:

— Погоди, Надя. Я отвечу. — Он поднял вверх указательный палец. — Одна! У отца моего — за всю жизнь — была одна единственная жена — моя мама.

Долго еще продолжалась эта своеобразная викторина. Иные вопросы матери заставляли Надежду краснеть. После ответов Набиджана она смотрела на него с нежностью и восхищением.

Ей все-таки не нравилось, что мать так придиричива к гостю. И у нее были причины для такого недовольства... Набиджан же, хотя его тоже кое-что смущало, проявил во время своего весьма ответственного визита завидное терпение.

Пообедав, Надя и Набиджан отправились бродить по городу, залитому солнцем, — редко в этом краю бывала такая погода.

Вернулась Надежда лишь к вечеру.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Кудратов посмотрел на листок календаря. Конец весны... И день — такой памятный. Ровно двадцать шесть лет назад отец Кудратова пышно сыграл свадьбу сына, Эргаша, пригласив на нее чуть не всю махаллю. Жених, окончив прошлым летом институт, уже работал, невеста училась на третьем курсе. Ах, как она была хороша тогда! И улыбка не сходила с ее губ: скажет слово — а улыбнется десять раз. Ее ничего не стоило рассмешить. Двадцать шесть лет прошло, а тот день так и стоит перед глазами, словно все случилось только вчера... После свадьбы молодожены отправились в горы. Сколько тогда там было цветов! Они собирали тюльпаны, колокольчики, Эргаш засыпал ими Дилафруз! А она смеялась...

Дилафруз долго сохраняла молоджавость. Но хлопоты по дому, забота о детях, да и само время — крали у нее красоту, беспечность, улыбки, а после рождения Атаджана, которое чуть не стоило ей жизни, она как-то сразу сдала; Кудратов убедился в этом, когда в начале зимы побывал дома, увидел жену и сына. Дилафруз, пока он был с ней, и виду не подавала, как ей худо, но улыбалась через силу, и под глазами лежали тени; к тому же она сильно исхудала...

Как-то она чувствует себя сейчас? В письмах она ни на что не жаловалась, и по телефону ее голос звучал бодро, но мужа обмануть ей не удавалось, он понимал, что бодрость эта наигранная...

Надо написать ей, поздравить с годовщиной свадьбы... Кудратов пододвинул к себе лист бумаги, взял ручку, вывел первые фразы... Ему было что сказать Дилафруз, но нужные слова не приходили на ум. К тому же с улицы доносились громкие сигналы: это Набиджан торопил своего зятя, ведь сегодня на «байбековской» территории должно было произойти «историческое событие». И Кудратов закончил свое короткое послание просьбой: «Дилафруз, дорогая, постарайтесь приехать ко мне со всеми детьми».

У подъезда его поджидал газик; Кудратов велел Набиджану заехать на почту, отправил письмо; снова сев в машину, приказал:

— Поезжай быстрее!

Он редко в пути подгонял Набиджана; наоборот, одергивал его, когда тот проявлял излишнюю лихаческую удаль; но сегодня ему хотелось побыстрее оказаться на месте, где белел колышек с дощечкой, на которой было выведено — «Гулистан». Кстати, это имя будущему совхозу дали сами ивановцы. Другой совхоз, уже по инициативе узбекских освоителей, получил название «Дружба».

После несильного дождя асфальт глянцеви́то поблескивал под солнцем; темная лента дороги, уходившая вдаль, напомнила Кудратову Анхор, до краев наполненный вешними водами.

По одну сторону дороги чернел лес, упирившийся в небо верхушками деревьев и похожий на невысокую нескончаемую зубчатую горную гряду. По другую — уже освоенная земля, перемежавшаяся с обширными болотами, опутанными стеблями растений, о которых Кудратов имел весьма смутное представление.

Ивановцы гордились своими лесами; местная древесина ценилась на мировом рынке на вес золота, славились и изделия из нее. А на месте болот Кудратов уже видел поля, на которых изумрудно переливались всходы пшеницы, ржи, зелень овощей и луга с сочной травой. Долго лежали эти земли, задыхаясь в цепких объятьях кустарников, в гнилостной жиже трясины, но вот пришли сюда люди, и рокот мощных тракторов, дренажных агрегатов, задорные голоса освоителей пробудили эту землю от душной мертвенной спячки. Скоро вся она станет плодородной, и дары ее украсят общенародный дастархан.

Кудратова радовало, что грядущим изобилием земли Ивановщины будут обязаны и труду посланцев Узбекистана.

Сегодня они заложат первый кирпич в один из домов, которые — тоже в скором времени — вырастут вдоль улиц центральной усадьбы совхоза «Гулистан». Кудратов давно уже решил, что героями этого торжественного дня должны стать первые «десантники», прибывшие в Иваново больше года назад. Сейчас они работали в разных уголках области, в соответствии со своими специальностями, но нынче, по указанию Кудратова, все они должны были собраться у колышка с названием будущего совхоза.

По пути Кудратов надумал заглянуть в поселок мелнораторов и строителей, где не был почти месяц.

«Байбековцы» уже успели благоустроить поселок — неважно, что когда-нибудь они его покинут: в будущем он предназначался для одного из отделений совхоза. Возможно, останется здесь и кое-кто из освоителей.

С тех пор, как тут возник сперва «вагонный» городок, а потом поселок, в трех семьях уже появились новорожденные. К некоторым из мелиораторов приехали жены с детьми. Одна из них сидела на скамеечке возле дома в окружении трех малышей, успокаивая то одного, то другого.

— Что, детскую площадку еще не соорудили?

— Достраивают. Только сейчас все в совхозе.

Она так и сказала: «в совхозе», — как будто он уже существовал.

— Сами вы откуда?

— Из Каршинской степи, — женщина посмотрела на малышей. — Там-то с ними и забот не было. Сами знаете: первым делом строили ясли и детсадики. Ребятишки уж привыкли к этому. А тут матерям приходится с ними сидеть. Слава богу, это ненадолго. Байбеков уж и воспитательницу подобрал.

В остальном же в поселке было все, что нужно людям: небольшой клуб с читальным залом, медпункт, баня, столовая.

Утром Кудратов перекусил наспех и сейчас почувствовал, что голоден. Позвав с собой Набиджана, он вошел в столовую. Время еще терпело.

«Шеф-повар», Махфуза, встретила гостей с шумным радушием:

— Ох, вот не ждала, что вы к нам пожалуете. Чем же мне вас накормить? У меня только шавля — от завтрака осталась. Может, зажарить кролика? Вчера Байбеков принес его с охоты.

— Нет, нет, не утруждайте себя. Давайте шавлю.

— Есть и помидорчики, из Узбекистана прислали.

— Давайте и помидорчики.

Набиджан в это время разламывал лепешку.

Когда Махфуза подала им на стол шавлю и салат из помидоров, Кудратов спросил:

— Как, сестрица, довольны едой наши хашарчи?

— А что ж, кормлю их вволю. К здешней пище они так и не привыкли, требуют национальные блюда, ну, теперь-то все имеется, чтобы их приготовить.

Кудратов и Набиджан с жадностью набросились на еду, а Махфуза, стоя возле них, продолжала:

— Помните, Эргаш-ака, вы пришли как-то, когда столовая еще в вагончике ютилась, а я пловом не могла вас угостить? Сейчас у нас два небольших казана, и морковь, и лук регулярно поступают. Плов в меню — постоянное блюдо, — она сокрушенно вздохнула. — Ох, знала бы, что вы зайдете, настряпала бы чего-нибудь вкусного.

— Шавля ваша тоже хороша.

— Эргаш-ака, когда чайхана будет готова, возьмете меня туда поварихой?

— А как же, обязательно.

— Уж я такими мантами вас накормлю — пальчики оближете! А когда ее построят?

— Вот заложим сегодня первый кирпич и сразу приступим к строительству самых важных объектов: яслей, детсада, чайханы. Вы ее макет видели?

— Видела, видела. Такая красота! А пекарню с тандыром постройте?

— Разве без пекарни люди могут обойтись? А для нас главное — нужды и интересы жителей будущего совхоза.

— И скоро все это появится?

— Это уж зависит от Байбекова.

— Ну, чайхану-то он быстро закончит.

В этом не сомневался и Кудратов, он знал, как любит начальник ПМК, а теперь и начальник строительства совхоза узбекские национальные блюда. Ведь он вырос в степи, и работал в степи, сооружая каналы, возводя поселки, и просто не мыслил себе жизни — без вкусного плова, сочного шашлыка, жаркой шурпы... Над приготовлением плова он любил поколдовать сам и, бывало, заходил для этого на кухню к Махфузе.

Из поселка мелиораторов Кудратов поехал к «колышку». Там, возле фундамента первого дома, уже толпились люди и среди них — все «десантники».

Взяв из стопы аккуратно сложенных кирпичей верхний, Байбеков сдул с него пыль и протянул этот первый кирпич Кудратову. Тот уже нагнулся, чтобы положить его в основание дома, как вдруг раздался голос Набиджана:

— Постойте, Эргаш-ака! Такое событие, как закладка первого кирпича, должно происходить в торжественной обстановке.

Все выжидающе уставились на него, а он, покачав

поднятой ладонью: мол, минуту терпения, — вынес из газика портативный магнитофон, поставил его на кирпичи, включил, лента закрутилась, и послышались звуки карнаев и сурнаев, шум толпы, потом кто-то произнес: «Митинг считаю открытым», и тут Набиджан нажал на кнопку, остановив ленту, и удовлетворенно сказал:

— Вот, геперь можете продолжать.

Толпа возбужденно загалдела:

— Ну, силен!

— Когда это ты успел записать?

— Ох, приятно вспомнить!

Набиджан был доволен больше всех: хорошо, что он догадался записать на магнитофонную ленту «исторические моменты» проводов «десанта» в Ташкенте и встречи его в Иванове.

— Слушай, — обратился к нему Байбеков, — а то, что сегодня происходит, ты запишешь?

Набиджан пожал плечами:

— Если только техника не подведет... Попробую.

Вслед за Кудратовым кирпичи, зачинавшие стену, положили участники первого «десанта».

В это время к месту закладки со стреляющим грохотом примчался мотоцикл, и на землю соскочили парень и девушка; парень был незнакомый, а в девушке все узнали Гуландом. Подойдя к Кудратову, она проговорила с обиженным видом:

— Без меня начали!

— А ты не опаздывай, — буркнул Байбеков. — Сама виновата.

— Мне надо было в Иваново съездить. Хорошо, что меня подвез товарищ из обкома комсомола. — Гуландом кивнула на своего спутника.

— Да что ты так сокрушаешься? — сказал Набиджан. — Бери кирпич — и клади.

— При чем тут кирпич! Я вот что привезла.

Она подала Кудратову длинный футляр, тот открыл его, извлек свернутый в трубку лист меловой бумаги, пробежал глазами первые строки: «Дорогие незнакомые друзья — будущее поколение!» На лице его отразилась растерянность:

— Как же мы про это забыли!

— А что там такое? — спросил Байбеков.

— Письмо к будущему поколению.

— Хм... Полагаете, мы эти дома на века строим?

— На века, не на века... Но — надолго. Уж, во всяком случае, не временки ладим.

— И куда ж теперь девать это письмо? Не ломать же фундамент.

— Зачем ломать? Просверлим отверстие.

Байбеков все ворчал:

— Надо было заранее озаботиться. В проекте дома ваше письмо не предусматривалось...

— Оно — от всех нас. Я сейчас прочитаю его, и каждый поставит под ним свою подпись. Ты — тоже. — Кудратов сделал приглашающий жест рукой. — Товарищи! Подходите поближе. Слушайте, — и начал громко читать: «Дорогие незнакомые друзья — будущее поколение! Мы приехали в эти края из солнечного Узбекистана по призыву партии и комсомола, по велению наших сердец, чтобы преобразить здешнюю землю, построить на ней современные поселки — такие, как вот этот. Мы уверены, что позднее он превратится в крупный агрогород. Друзья, ради того, чтобы приблизить светлое Завтра, создать в стране изобилие продуктов, укрепить ее могущество, мы и работаем здесь не покладая рук. Мы знаем, что наш труд — лишь малая крупица, скромный вклад в общенародное дело. Но из зерен и состоят полновесные урожаи. И если от земли, которую мы осваиваем, и вам будет прок, — значит, мы жили и трудились не зря. От всего сердца приветствую вас, дорогие друзья, участники хашара на Нечерноземье. 1976 год».

Пока Кудратов зачитывал письмо, Байбеков позвал бетонщиков, и они подготовили в фундаменте ложе для заветного футляра.

Когда все подписались под обращением к будущему поколению, Кудратов положил письмо в футляр, запечатал его сургучом. Бетонщики аккуратно водворили его в отверстие, которое потом зацементировали.

— Не забудьте прикрепить к дому табличку с соответствующей надписью, — наказал Кудратов Байбекову.

Кто-то из строителей шутливо заметил:

— Эх, орудия бы сюда — чтобы отметить это событие артиллерийским салютом!

В руках у Набиджана уже был фотоаппарат:

— Эй, все ко мне! Встаньте так, чтобы кирпичи были видны. Потом я каждому дам по фотографии —

на память. Одну тоже куда-нибудь закопаем, чтобы наши потомки смогли полюбоваться на улыбающиеся физиономии строителей совхоза «Гулистан». Теснее, теснее, все должны попасть в объектив. Так. И улыбайтесь! Вот так, молодцы.

Когда он шел к газнику, чтобы спрятать там фотоаппарат, его остановила Гуландом:

— Набиджан! Может, меня одну снимешь?

Какая-то беспомощная улыбка блуждала на ее губах, щеки от смущения были алыми, как мак. Но Набиджан не заметил ее необычного состояния, тон его, как всегда, был шутливым:

— Хочешь, я сфотографирую тебя на фоне мотоцикла? Ие, а где же твой «товарищ из обкома»? Неплохой парень, верно? Голубые глаза, русые волосы... Сразу видно, что из этих мест.

На лицо Гуландом набежала тень:

— Все насмехаешься...

— Что ты, Гуландом! Мне парень понравился. И вы вместе здорово смотрите. Позови его, я сниму вас... ну, хочешь — на фоне первых кирпичей. И когда-нибудь эту фотографию поместят в музей, как историческую... Кстати, ты нас не познакомила. Как его зовут?

Гуландом готова была расплакаться. Боже, неужели Набиджан ничего не видит, ничего не понимает? Она так спешила сюда — и не только из-за письма, но и чтобы встретиться, поговорить с Набиджаном. Думала, и он ей обрадуется. А у него все шуточки на уме. Дался ему ее спутник. Он, что же, считает, что Гуландом не случайно с ним приехала? Вот глупый.. Да никто ей не нужен, кроме... кроме...

Не дождавшись от нее ответа, Набиджан небрежно произнес:

— Ну, не хочешь с ним фотографироваться, не надо.

У Гуландом задрожали губы:

— Послушай... Что ты к нему прицепился?

— К кому?

— Ну... кто меня привез. Ты вспомни, что говорил на комсомольском митинге в Янгиере!

— А что я говорил?

— Говорил, что без наших русских братьев мы не смогли бы ни Голодную степь освоить, ни многое другое сделать...

— Золотые слова! Я и сейчас готов их повторить. И завтра, и послезавтра. Готов записать в свою тетрадь красными буквами: русские — наши старшие братья, сама история поставила их во главе дружной семьи советских народов, а с историей — не поспоришь...

— А я начинаю думать, что на языке у тебя одно, а на уме другое.

— Это почему же?

— А чего ж ты о нем: русые волосы, голубые глаза...

Набиджан расхохотался:

— Вот чудачка! Похвалу посчитала насмешкой. Да будь я девушкой, я бы приглядел себе именно такого парня.

— А из девушек какую бы приглядел?

— А я уже сделал свой выбор, — посерьезнев, сказал Набиджан, — Надеждой ее зовут. Только она не блондинка, а шатенка. А глаза — голубые. Хочешь, я вас познакомлю? Уверен, вы подружитесь.

У Гуландом потемнело в глазах. Она испытывала такое чувство, будто на плечи ей свалился мельничный жернов и пригибает, пригибает ее к земле... Она повернулась и, ничего не видя перед собой, пошатываящейся походкой направилась к темневшему невдалеке сосновому лесу.

Набиджан с недоумением смотрел ей вслед.

Гуландом сознавала, что ее неожиданный уход удивит не только Набиджана, но и всех, кто сейчас участвовал в праздничном митинге, посвященном закладке первого кирпича. Кстати, и ее спутник приехал из Иванова, чтобы выступить на этом митинге. Ей тоже следовало там быть. Но она ничего не могла с собой поделать. Неожиданное признание Набиджана острой болью отозвалось в ее сердце, мысли путались, ей хотелось побыть одной — и никого не видеть, ничего не слышать... Если утром она так рвалась побыть рядом с Набиджаном, то теперь, даже помимо желания, ноги ее несли — подальше, подальше от него! Боже, она еще на что-то надеялась! Думала: вот придет она на Нечерноземье, они будут работать рука об руку, часто встречаться, и он выделит ее среди других, оценит силу ее чувства... А он, выходит, и внимания на нее не обращал!

Очутившись в лесу, Гуландом обессиленно опустил

лась под сосной на кучу сухих игл. Обхватила руками голову. Боже, как она обманывалась... Набиджан казался ей таким красивым — пропади пропадом его красота! Ангелом и шайтан может оборотиться... А как речь его лилась — заслушаешься! Будь проклято его сладкоречие!

Гуландом испуганно оглянулась, как будто кто мог услышать ее безмолвные проклятья...

Конечно, Гуландом была несправедлива к Набиджану. Любовь к нему делала ее слепой, а теперь боль неразделенной любви мешала ей быть беспристрастной. У нее было такое ощущение, словно Набиджан изменил ей, хотя он никогда не давал ей повода надеяться на ответное чувство.

Но от того, кто пришиблен горем, трудно ждачь логики и трезвого взгляда на вещи. Боль, как и радость, пьянит, от нее кружится голова, и на душе и в мыслях — сумятица... И так сжимается сердце...

Гуландом закрыла пылающее лицо ладонями. Стыдно какой! Ей сейчас чудилось, будто все замечали, что она равнодушна к Набиджану. Как она теперь посмотрит в глаза своим землякам? А уж записные сплетники вволю поточат языки! Что ж, сама виновата. Мечтала сорвать цветок, да укололась об острые шипы. И как ни больно, надо терпеть.

Легко сказать: терпи. Она ж не железная. Обыкновенная, слабая девушка. Как выдержать крушение всех надежд, позор, который ее ждет?

Сквозь пальцы проступили горячие слезы, полились по рукам... Гуландом заплакала навзрыд.

На ветке над ней неожиданно громко каркнула ворона. «Ты еще тут будешь каркать, — возмущенно подумала Гуландом и перестала плакать. — Что глазом-то своим косишь? Интересно тебе, как человек мучается?» Она швырнула в птицу старой шишкой, ворона перелетела на другое дерево и уселась там, оставившись на Гуландом. «Даже в лесу нельзя побыть наедине с собой Несносная птица... Что ей от меня надо? Чтобы я ушла отсюда?» Ворона дважды прокричала свое «кар-р», а Гуландом послышалось «да, да».

Гуландом поднялась, осмотрелась... Сосны стояли недвижно, ошетилившись своими иголками. Вокруг — ни души. Девушке сделалось вдруг тоскливо. Что ж это она здесь — одна? Как будто от этого ей легче. Нет,

зря она ушла, не дождавшись митинга. Все равно ей теперь нигде не будет покоя. Как он сказал? «Я уже сделал свой выбор... Надеждой ее зовут...» Красивое имя. И сама она, наверно, красавица — куда до нее Гуландом.

Не раз она слышала поговорку, мол, желаемое недостижимо. Но в ее смысл особенно не вдумывалась. А теперь могла сказать: в этой поговорке — сушая правда. Погналась она за птицей счастья, да та не далась ей в руки. Гуландом до крови прикусила губу... А, может, она упустила Набиджана, потому что редко встречалась с ним? Ведь работала она далеко от Иванова. И в их ПМК Кудратов заглядывал от случая к случаю. Кудратов — а, значит, и Набиджан. Вот он и нашел свою избранницу — в городе. Эта Надежда просто оказалась у него под рукой.

Утешив себя так, Гуландом гордо, независимо вскинула голову.

11

Гуландом, после того, как было отремонтировано здание Управления, направили в ПМК-3.

С детства она почему-то не любила цифру «три». И вот на тебе: сколько ПМК в тресте, а она попала именно в третью. Но что поделаешь, выбирать не приходилось — слава богу, что Кудратов вообще не отправил ее обратно в Янгиер.

Третья колонна находилась от Иванова дальше всех остальных. Сперва ее местоположением был густой лес. Ребята жили в добротных, обустроенных землянках, а Гуландом — поначалу единственную девушку среди них — поселили в доме лесника, вместе с его дочерьми. Кроме двух дочек, у лесника был сын — Гриша, работавший в областном комитете комсомола. Каждую пятницу он приезжал к родителям на мотоцикле и оставался у них на выходные дни. В один из таких дней он и познакомился с Гуландом.

Впрочем, виделись они не так уж часто. Летом началось строительство поселка для мелиораторов, дела для Гуландом хватало, она являлась в дом лесника лишь переночевать. Осень тоже выдалась хлопотной, строительных объектов у ПМК № 3 было много, а специальность штукатура оказалась дефицитной.

Да и Гриша в субботу и воскресенье не всегда мог вырваться из города. Однако в редкие свои заезды он не забывал привезти подарки — как сестрам, так и Гуландом.

Когда освоители перебрались из землянок в дома нового поселка, дочери лесника, привязавшиеся к Гуландом, уговорили ее пожить еще в их семье. Та согласилась, чтоб не обижать добрых людей. Лесник, его жена и дочери ничего не жалели для мелиораторов и строителей из Узбекистана, относились к ним, как к родным. И особенно заботливо — к Гуландом, сразу же ставшей любимицей семьи.

Не оставлял ее без внимания и Гриша — парень скромный, радушный, внешне чем-то похожий на Есенина. Не случайно Набиджан выделил в нем «русые волосы, голубые глаза», — да, да, Гриша и был тем самым «товарищем из обкома комсомола», который примчал Гуландом на закладку первого кирпича совхоза «Гулистан».

Зимой Гриша купил в городе лыжи для Гуландом и стал учить девушку ходить на них. Земля в лесу была покрыта толстым пушистым снежным одеялом, а лесные просеки будто специально были созданы для прогулок на лыжах. «Тренером» Гриша оказался умелым, и вскоре Гуландом превратилась в заправскую лыжницу. Как только выпадала свободная минута, она брала лыжи и уходила в лес. По выходным каталась вместе с Гришей. Она испытывала к нему чувство благодарности — не больше, но он и тому был рад. И все делал для того, чтобы заслужить ее благодарность. Это он, Гриша, уговорил Гуландом поступить на заочное отделение Сельскохозяйственного института в Иванове: «Уж если вы работаете в Нечерноземье, то вам никак не помешает наука о земледелии. Вы еще станете когда-нибудь начальником ПМК! Верьте моему слову».

Грише нравилась эта девушка со смуглым лицом и черными, как кишмиш, глазами. Но он ничем не выдавал своих чувств — боялся спугнуть ее, потерять ту дружбу, которой она его дарила.

Он видел, что ей полюбилась природа России, — она с удовольствием бродила по заснеженному лесу, любясь отяжелевшими лапами елей, оголенными белоствольными березками, — и все мечтал попутешествовать с ней на мотоцикле по области.

Когда весна вступила в свои права и дороги подсохли, Гриша предложил Гуландом:

— Хотите, проедем по «Золотому кольцу»? Ну, не по всему, конечно. Сегодня воскресенье, транспорта на дорогах немного...

Гуландом, казалось, только и ждала этого приглашения:

— Ой, конечно, поедем!

Гриша оказался прав: дороги были посвободней, чем в будние дни. Навстречу им попадались и обгоняли их изредка лишь легковые машины да автобусы с туристами. На боках многих автобусов виднелась яркая надпись: «Интурист». А в окнах — лица пассажиров, с восторженным любопытством глазевших по сторонам.

Один из автобусов остановился у плоского холма, возле белого столба с какой-то надписью. Туристы высыпали из дверей, окружили столб, многие достали фотоаппараты.

— Гриша, затормозите-ка, — попросила Гуландом.

Они тоже подошли к столбу, обратившему на себя внимание туристов. На фанерной дощечке, вставленной в аккуратную прямоугольную рамочку, было выведено по-русски и по-узбекски: «Здесь будет построена образцовая чайхана «Жемчужина». Переводчик, видимо, успел прочесть туристам эту надпись, они оживленно переговаривались на своем языке; слышались и знакомые слова: «чайхана», «Ташкент», «плов», даже «кок-чай». Судя по всему, иным из туристов довелось уже побывать в Узбекистане.

Гриша обратился к переводчику:

— Скажите им, что наши ивановские земли помогают приводить в порядок друзья из Узбекистана. Девушка со мной как раз оттуда. Узбечка. В следующий свой приезд иностранные гости смогут отдохнуть в этой чайхане, поесть плов, выпить кок-чай.

— Да, да, — подтвердила Гуландом. — У нас будет, чем угостить их. Пусть приезжают.

Когда их слова были переведены туристам, они обступили Гуландом, засыпали ее вопросами:

— О, вы узбечка?

— Как вы сюда попали?

— Наверно, вас силой заставили поехать? Вдали от родного дома можно работать только по принуждению...

— По принуждению? — возмутилась Гуландом.— Да меня наши братья сюда не хотели, я сама примчалась. Скажите им: я и мои земляки участвуем в хашаре.

— Да, они оказывают нам бескорыстную помощь,— поддержал ее Гриша. — Их мелиораторы превращают болота в плодородные поля, а строители возводят агрогорода.

Кто-то из туристов спросил, что такое «хашар», и переводчик пустился в длинные объяснения. Туристы записывали что-то в свои блокноты. А один из них, с рыжеватыми, как медь, волосами, нацелил на Гуландом и Гришу объектив фотоаппарата.

Вот тогда-то и родилась у Гуландом идея — обратиться с посланием к будущему поколению, замуравив письмо в фундаменте первого дома совхоза «Гулистан». К составлению письма она привлекла комсомольцев из всех ПМК, самодеятельные художники с каллиграфической четкостью вывели на меловой бумаге текст, нарядно оформили лист с обращением, Гриша заказал специальный футляр.

Его-то и привезли он и Гуландом на праздник закладки первого кирпича.

А потом, как гром среди ясного неба, прозвучали слова Набиджана о Надежде, и Гуландом убежала в лес...

III

Когда в ПМК, где работала Гуландом, прибыла по путевкам большая группа комсомольцев, решено было избрать на общем собрании секретаря комсомольской организации. Присутствовавший на собрании Кудратов искал глазами Гуландом — ее кандидатура казалась ему самой подходящей: энергичная, инициативная, упорная в достижении цели... Но девушки среди комсомольцев не было. И вожаком своим они избрали тракториста, из «старожилов».

В ПМК теперь было уже несколько девушек; Кудратов заинтересовался у одной из них, где Гуландом. Та махнула рукой:

— А, не спрашивайте. Она в Ташкент уехала.

— Как в Ташкент? Когда? — удивился Кудратов.

Другая девушка, видимо, более близкая подруга Гуландом, внесла поправку:

— Нет, она еще здесь. Но собирается уезжать.

— Но почему?

— Это у нее спросите. А еще лучше — у своего водителя.

Кудратов решил последовать ее совету, и когда они отправились в Иваново, обратился к Набиджану:

— Тебе известно, что Гуландом ни с того ни с сего надумала уехать в Ташкент?

У Набиджана вытянулось лицо:

— Это по какой такой причине?

Кудратов внимательно посмотрел на него:

— Я не смог разыскать ее и потолковать с ней. Но, говорят, как раз ты должен знать причину.

— Я?

Набиджан произнес это с таким искренним изумлением, что Кудратов оставил его в покое. Парень, видно, и сам в неведении. Но тут крылась какая-то тайна...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Когда наступила пора школьных каникул, Дилафруз сказала своим детям:

— Поедем к отцу. Вы ведь по нему соскучились, верно? Вот и повидаетесь с ним. А заодно и отдохнете, подышите лесным воздухом. Там леса — знаете, какие? Густые-густые...

В том году весна в Узбекистане стояла сухая, а лето началось невыносимой, иссушающей жарой. Трава пожухла раньше времени, земля растрескалась, асфальт тротуаров и мостовых сделался мягким, как воск, и сохранял на себе следы каблучков, в городе даже вечера не радовали прохладой — стены домов, накалившиеся за день, дышали печным теплом.

Дилафруз вынуждена была поторопиться с отъездом. Она взяла с собой лишь младших, в том числе и полуторагодовалого Атаджана.

До Иванова они добирались так же, как в свое время Гуландом: сначала самолетом, а из Москвы — поездом.

Скорый поезд отправлялся ночью, и как ни льнули ребятишки к окнам, стараясь разглядеть доселе неве-

домые пейзажи России, так ничего и не увидели: черный лес сливался с черным небом. А так хотелось полюбиться именно лесами: для них, родившихся в степи, росших в городе, зеленые лесные массивы оставались легендой, манившей со страниц книг, с экрана телевизора...

Ах, как они жаждали поскорей попасть в объятия отца! И — в лес....

Поезд, наконец, прибыл в Иваново. Дети, щебеча, как утренние птицы, столпились у окна. Дилафруз через их головы шарила глазами по перрону, ища мужа.

Вокзал был весь увешан плакатами, на самом большом из них внимание привлекала надпись: «Иваново — родина Советов». Об этом Дилафруз слышала еще в школе, и сейчас у нее защемило сердце: оказавшись в Иваново, она словно бы соприкоснулась с историей Отчизны... Взволновали ее и слова другого плаката, как бы обращенные к ней: «Добро пожаловать, дорогие узбекские братья и сестры!» Город радующим встречал ее и детей...

— А вон папа! — дружно воскликнули дети. — Папа, папочка!

Толкаясь, они кинулись в тамбур, высыпали из вагона, повисли на шее отца. Посмотреть на него со стороны, так он казался сказочным богатырем, схватившим и поднявшим в воздух сразу трех детей; он целовал их поочередно, они тоже прижимались теплыми, мягкими губами к его щекам, от которых веяло одеколоном.

Дилафруз, улыбаясь, попеняла детям:

— Не обижайте младшенького, уступите ему очередь.

— Будем считать, что ребенок — предлог, истинная цель — свидание, — сказал Кудратов, бережно принимая из рук жены Атаджана и целуя ее пылающее от счастья лицо.

Он думал, что ему удалось это сделать незаметно от детей, но разве от них что укроется? Младшая дочка, внимательно наблюдавшая за родителями, настойчиво воскликнула:

— Мама! Что же ты не поцелуешь папочку? Разве ты по нему не соскучилась?

Дилафруз постаралась скрыть смущение за улыбкой:

— Я думаю, вы поцеловали его за меня?

С безоблачного неба ярко светило солнце, прав-

да, не такое жгучее, как у них дома. Легкий ветерок ласково овеял ребячьи лица, уже успевшие покрыться загаром. Детям казалось, что они попали в иной мир...

Все вместе они вышли на привокзальную площадь. Зеленая, свежая, без серого налета пыли листва деревьев сверкала на солнце. Правда, здесь не было цветников, поражающих роскошеством красок и запахов, как у вокзала в Ташкенте; но радовали взор гроздьи сирени, правда, уже привядающие.

Площадь была заполнена народом, к вокзалу шествовала шумная группа парней в чувских тюбетейках и девушек в переливчатых платьях из ханатласа.

— Это наши освоители, — не без гордости сказал Кудратов. — Сегодня они съехались сюда со всех концов области, по приглашению обкома комсомола. Парки, музеев, театры — все нынче в их распоряжении.

Когда молодежь поравнялась с семьей Кудратова, от группы отделилась крепенькая, ладная девушка, подбежав к Дилафруз, обняла ее и сунула ей в руки охапку сирени.

— О! Гуландом! — обрадовалась Дилафруз. — Ну-ка, дай на тебя посмотреть... Как посвежела! Видно, здешний климат для тебя благотворен.

Гуландом перебила ее:

— С приездом, апа! Как добрались? Как чувствуете себя?

— О, отлично! А куда это вы направляетесь?

— У нас встреча с молодыми железнодорожниками. Ой, какие у вас дети большие!

Она поздоровалась со всеми и, взяв у Кудратова малыша, прижала его к себе:

— Ах, ты, ягнечок мой! Как вырос-то! И глядите, уже смеется!

Дети обступили ее:

— Тетя, тетя! Ты сводишь нас в лес?

— А там много белочек?

— А папа обещал нас в Палех свозить! Там мы купим красивые шкатулки.

— Свою, свою, — засмеялся Кудратов. — И лес от вас никуда не уйдет. Дайте только время...

— Да мы хоть сейчас! Честное слово, мы нисколько не устали!

И тут дал знать о себе Атаджан — то ли Гуландом

дом слишком сильно стиснула его, то ли ему просто надоело сидеть у нее на руках, но он вдруг зашелся громким криком.

— Ого! — восхищенно воскликнул Кудратов. — Вот это голос! Быть ему — карнайчи! Давай-ка его мне, Гуландом.

В это время с вещами сестры появился Набиджан, которого задержал на перроне разговор с приехавшими земляками. Увидев его, Гуландом залилась краской, мочки ушей сделались у нее алыми, как рубины, и торопливо проговорила:

— Ой, наши уж, наверно, беспокоятся: куда это я пропала? Простите, апа, я бегу; еще увидимся...

Она опрометью бросилась к вокзалу; Дилафруз проводила ее удивленным взглядом, потом вопросительно посмотрела на мужа: мол, что это с ней? Тот приложил палец к губам: потом, потом все расскажу...

Набиджан, подогнав машину, разместил вещи в багажнике, усадил к сестре в задний салон детей; машина тронулась, и дети тут же расщебетались:

— Наби-ака, мы в лес поедем? Хотим в лес, в лес!

Набиджан, не оборачиваясь, сказал:

— Как говаривали наши предки, — сперва угощение, потом беседа. Вот отдохнете в отцовской квартире, и начнутся зрелищные мероприятия. Все вам покажем: и лес, и поля, и речки...

Дилафруз глаз не могла отвести от мужа. «Бедняга, как он осунулся... Нелегко ему, видно, приходится. К тому же он здесь один... Что еще ему и делать, как не нагружать себя работой? Он ведь из тех, кто не бежит от забот, а ищет их...»

Вслух она спросила:

— Много, наверно, работаете?

— Кто хочет работать, для того работа всегда найдется, — Кудратов повернулся к жене, — особенно здесь, в Нечерноземье.

«Какое у нее лицо усталое, — отметил он про себя. — И то сказать — сколько она хворала после родов! И до сих пор не оправилась. Исхудала, побледнела... Ничего, здесь она оживет. Климат наш любому на пользу. И перемена обстановки на нее должна благотворно подействовать. Как хорошо, что они приехали!»

— С детьми-то, верно, покоя не знали? Как старшие — не обижали вас?

— Что вы! Они — отрада моего сердца...

— Ну, уж наверняка, малыш замучил?

— Вот уж нет! — Он — солнышко в нашем доме. Без него совсем было бы тоскливо...

— Там, дома, ни в чем не нуждались?

Дилафруз улыбнулась:

— Вы забыли о поговорке: не имей сто рублей, а имей сто друзей? Друзья не оставляли нас своими заботами. Одна беда: вы были далеко...

Набиджан молча вел машину, стараясь не прислушиваться к разговору сестры и зятя. Но в душе пела радость, радость встречи с сестрой, которую он так любил и так давно не видел!.. Жаль, он не может на детей оглянуться; ладно, еще насмотрится на них; впереди целое лето...

Кудратоз занимал в здании своего треста просторную комнату, с входом со двора. В углу притулилась двухкомфорочная газовая плита «Фергана». Легко было определить, чем сегодня завтракал Кудратов, — в комнате еще стоял запах рыбы.

— Что, рыбой пахнет? — сказал он со смехом. — Так в Иванове сегодня рыбный день. Как все, так и я...

— С мясом у вас тоже плохо? — спросила Дилафруз.

— Ничего, вот создадим новые образцовые совхозы с животноводческими фермами — будет на столах вдоволь мяса...

— Полагаете, для этого достаточно одного-двух совхозов?

— Сегодня два — завтра двадцать. Капля, еще капля, еще — вот и озеро разлилось. Подсчитайте, сколько новых земель осваивается в одной нашей области. А это ведь, кроме хлеба и овощей, еще и корма.

Сев рядом с женой на диван, Кудратов спросил:

— А какие в Узбекистане виды на урожай? Я слышал, воды в этом году совсем мало?

— Да, год засушливый. Небо на влагу скупится, так ее из-под земли достают.

— Артезианские колодцы роют?

— Да. Кое-кто, правда, считает, что это не решение проблемы. А как ее еще решать? Пока не человек властен над стихиями, а они над ним. Но есть вода

или нет воды, а хлопок-то надо выращивать! Знаете, как журналисты шутят? Мол, если даже все в редакции заболеют, газета все равно выйдет. Так и с хлопком. И слава нашему дехканину — он каждый куст хлопчатника своими ресницами лелеет, своими слезами орошает...

Дилафруз была возбуждена; казалось, она спешила выговориться, поделиться с мужем своими мыслями, ведь целый век с ним не разговаривала! Кудратов слушал ее, не прерывая, потом сказал:

— Вы правы, женушка, труд наших дехкан достоин всяческой похвалы.

— А что у вас тут выращивают?

— В основном овощные культуры: картошку, капусту.

— А морковь, лук?

Кудратов рассмеялся:

— Узнаю узбечку! Какой дастархан без свежего лука и помидоров, какой плов без моркови? Все это здесь тоже сажают, но в малых количествах.

— Как же вы тут живете? Посадили бы немножко — для себя. У вас ведь имеются подсобные хозяйства.

— Есть — при некоторых ПМК. Я попросил Байбекова занять несколько грядок луком и морковью. Если они дадут хороший урожай, то в будущем году расширим посевы.

— Фруктов-то у вас, верно, совсем нет? Я захватила с собой немного.

Вскочив с места, Дилафруз извлекла из дощатого ящика скороспелый виноград, разложила его на столе, присоединила к нему ранние дыньки.

Дети кинулись к столу и в одно мгновение управились с виноградом.

Дилафруз достала еще несколько гроздьев и поднесла их мужу:

— Угощайтесь, пожалуйста. Винограда-то — век не видели?

— Да нет, нам сюда из Узбекистана привозят и фрукты, и дыни.

Девочки с вожделием поглядывали на хандаляки, но их старший братишка категоричным тоном заявил:

— А дыни мы будем есть в лесу. Да, папа?

— Ладно, вот отдохнете — поедем в лес,

Кудратов не раз бывал в ближнем лесу, но теперь, привезя сюда детей, он как бы смотрел на все их глазами, и уже знакомые пейзажи воспринимались им по-новому... Как же красива русская природа! От травы, от деревьев веяло теплыми пряными запахами; воздух был свежий, настоянный на хвое, на прелой прошлогодней листве. Хорошо, что Дилафруз с детьми приехала летом, — русский лес предстал перед ними во всей своей зеленой роскоши.

Высыпав из машины, дети побежали к лесной опушке и по колено утонули в сочной, высокой траве, мягко оплетающей ноги. Она еще хранила утреннюю прохладу, расстилалась пышным изумрудным ковром.

У Дилафруз глаза разгорелись при виде цветов, усеявших опушку и поляны; они были скромней тех, что росли в Узбекистане, но Дилафруз, оглядывая их, восхищенно ахала: какие красивые, и как их много! Она принялась собирать белые ромашки, голубые колокольчики; дети не отставали от нее и все, что срывали, относили отцу, который не отходил от коляски, где лежал маленький Атаджан. Коляску где-то раздобыл Набиджан.

Когда в руках у Кудратова оказалась целая охапка цветов, он взмолился:

— Хватит, родные мои! Все цветы все равно не соберете. И не надо их рвать, они куда красивей, когда пестреют в траве, тянутся к солнышку...

Дилафруз подошла к нему с букетом, смущенно улыбнулась:

— Пристыдили вы нас... Но мы впервые в таком лесу, вот нас жадность и одолела...

— Ну, особого урона вы здешней природе не нанесли. Но сорванный цветок — это уже вянущая красота...

Все вместе они углубились в лес, Набиджан катил перед собой коляску с племянником.

Вскоре они очутились на большой поляне, окруженной березами; их стволы уходили ввысь белыми лучами. Набиджан, взрезав ножом кору одной из берез, нацедил в стакан березового сока; дети отпробовали его, вырывая друг у друга стакан; восторг был написан на их лицах.

Давней мечтой их было — увидеть ели. У себя да-

ма елкой они могли любоваться голько под Новый год; увешав ее блестящими игрушками, они затевали вокруг веселый хоровод; но им хотелось увидеть ель — не наряженную, растущую в лесу среди множества своих зеленых сестренок.

И вот сбылась их мечта — сколько елей вокруг, как блестят на солнце — словно лакированные — их бесчисленные иголки! Дети глядели на них и не могли наглядеться. Младшая осторожно прикасалась к иголкам, будто стараясь убедиться, что все это происходит не во сне, а наяву; подняв с земли шишки, прилаживала их к волосам, с лукавым кокетством спрашивала родителей:

— Папа, мама, смотрите, какие украшения! Идут они мне?

— Идут, идут, доченька, — ласково отзывалась Дилафруз.

Сыннишка набрал полную тюбетейку шишек, показал их отцу:

— Пап, если их посадить, то вырастут елки, да?

— Вряд ли.

— А если вырвать елочку с корнем и посадить ее у нас во дворе? К Новому году она будет большая-большая...

— Нет, сынок, — возразила Дилафруз, — саженцы из этого леса едва ли у нас примутся. Вот если взять их из института имени Шредера... У них в парке растут ели, приспособленные к нашему климату. А эти — оставим уж здесь, ладно?

В это время послышался возглас младшей дочки, самой шустрой и беспокойной:

— Ой, папочка, посмотрите — белочка!

Здрав головку, она следила за белкой, прыгавшей по ветвям разлапистой ели.

— Пап, поймайте мне ее! Я в Ташкент увезу...

— Да разве ее поймаешь — гляди, какая проворная?

— Тогда пусть дядя Набиджан поймает...

— И ему вряд ли удастся. Да и зачем она тебе? Тут ей хорошо, привольно.

— Какая у нее огненная шубка — смотрите, смотрите! А хвост, наверно, мягкий, как пух...

Но белки уж и след простыл.

Ветер раскачивал верхушки сосен, стройные ряды которых уходили вдаль и там смыкались в сплошную

темно-зеленую, с красноватым оттенком, стену. В лесу царили тишина и прохлада, и Кудратову показалось, будто они находятся на дне реки, под зеленой водой, куда не доносится из внешнего мира ни звука... Все вокруг было напоено смолистым запахом... Кудратов вдохнул грудью лесной воздух, тихо сказал:

— Какая свежесть, Дилафруз, а? Какое богатство красок, ароматов... Все это — Россия...

— Да, Россия, — как эхо, повторила Дилафруз.

Больше всего она радовалась за детей, как им хорошо здесь! словно бабочки, порхали они меж стволами деревьев. А Атаджан сладко посапывал в своей коляске, которую Набиджан пристроил под могучей сосной; зеленым шатром простерлись над малышом ее мохнатые ветви.

— Смотрите, как щеки у него порозовели, — сказала Дилафруз мужу. — Дома-то он из-за жары не спал по ночам, изревелся, бедняжка. Как хорошо, что я взяла его сюда.

На свежем воздухе дети быстро проголодались; вернувшись на поляну и обступив мать, они заканючили:

— Мам, я хлеба хочу.

— А мясо у нас есть? Или целый день будет рыбный? Ну ее, эту рыбу...

Запасливый Набиджан достал из сумки сдобную булку и, разломав ее на три части, протянул детям:

— Ешьте. А я шашлык приготовлю.

— Ур-ра! — дружно закричала малышня.

Набиджан ударил себя ладонью по лбу:

— Вот растеряха! Все, что нужно для шашлыка, взял, а мангал — забыл прихватить... Почча, можно, я в город сгоняю?

— Где же у тебя мангал?

— Н-ну... — смешался Набиджан. — На Ташкентской улице. Я мигом: одна нога здесь, другая там...

— Суду все ясно, — понимающе усмехнувшись, сказал Кудратов. — Ладно, езжай за мангалом. И привези его вместе с Надеждой.

Лицо Набиджана расплылось в радостной улыбке:

— Я быстро! Вы пока соберите немного хвороста. Угли я из города захвачу.

Когда Набиджан исчез из вида, Дилафруз спросила мужа:

— Кто это — Надежда?

— Скоро сами увидите. Славная девушка... Вы посмотрите за Атаджаном, а мы с детишками хвороста наберем.

Дилафруз, покачивая коляску, с умилением наблюдала, как муж, в окружении детей, переходит от дерева к дереву, нагибаясь за сухими ветками...

* * *

Надо сказать, Кудратов кое-что уже знал о Надежде.

Однажды, когда Набиджан вез его в одну из ПМК, Эргаш Кудратович спросил:

— Слушай, тебе не кажется, что Гуландом в последнее время сильно изменилась? Долго ходила, как в воду опущенная. Потом попросила перевести ее в Кохму. Поговаривали даже, что она вообще собиралась от нас уехать. Помнишь, как-то ее подруги сказали, что она уже в Ташкенте? Слава богу, ошиблись... — он пожевал губами. — У меня такое впечатление, что ее кто-то обидел. Как ты сам полагаешь?

Набиджан пожал плечами:

— Ничего я не полагаю. Если ей не нравится у нас и она хочет уехать, — ее воля. Думаю, ее охотно взял бы к себе Хамиджан-ака. Я могу поговорить с ним. Добраться же до него проще простого: садись в автобус, курсирующий по «Золотому кольцу», не пройдет и нескольких часов — и ты в Старой Руссе. А какие города по пути: Суздаль, Владимир, Ярославль! Я бы и сам с удовольствием прокатился по этому маршруту...

— Ничего, прокатимся как-нибудь. Вот выдастся свободное время...

Набиджан засмеялся:

— Как же, ждите, выдастся!

— Это верно... — вздохнул Кудратов, — со свободным временем туго. Ну, а зачем Гуландом ехать к Хамиджану?

— А, правда, может, ей надоели северные холода? Так другой мой брат, Шукурджан, работает в Волгоградской области, орошает приволжские степи... Там потеплее. Могу Гуландом ему рекомендовать. Строители у них на вес золота.

Кудратов покачал головой:

— Я гляжу, ты совсем равнодушен к ее судьбе...

- Го есть?
- Ну, тебе все равно, останется она здесь или уедет.. И куда уедет..
- Почему это все равно? Там же — мои братья..
- Как, кстати, дела у Хамиджана? Ты переписываешься с ним?
- У него все в порядке. Конечно, нелегко приходится — так легкой работы вообще не бывает. Она повсюду одинакова.
- Э, нет, не скажи. Новгородская-то земля вся войной изранена. Знаешь, небось, какие там когда-то шли бои. Область после них еще не отдышалась.. Нет, им труднее, чем нам..
- И то правда: считаешь письма Сумбулы-келли, — получается, что они там по лезвию ножа ходят. Мин, снарядов неразорвавшихся — пропасть!
- Вот! А ты Гуландом спровадить туда хочешь.
- Никуда я ее не спроваживаю. Пусть работает, где душе угодно.
- Черствое у тебя сердце, Набиджан.
- Это почему же?
- Я же тебе говорю: Гуландом сама не своя. А у тебя к ней — ни капли сочувствия. Ведь не без причины же она так переменилась?
- Хм... Может, между ней и Гришей черная кошка пробежала?
- Каким это Гришей?
- А помните, он ее привез на мотоцикле, когда мы в совхозе «Гулистан» первую стену закладывали?
- Он из обкома комсомола?
- Ну, да. И всегда они были вместе, будто крепкой веревочкой связанные... Зимой на лыжах катались, летом грибы собирали... Однажды вдвоем в Паллах ездили, он Гуландом тогда такую шкатулку подарил — говорят, глаз нельзя оторвать. Ясно, он в нее по уши втюрился.
- А она?
- А она что, каменная? Гриша ей тоже, видать, небезразличен. Иначе — развезжала бы она с ним!
- Что же она тогда из прежней ПМК перевелась в другую?
- Я ж говорю: наверно, поссорились.
- Кудратов опять помотал головой:
- Ой, Набиджан! Хватит меня баснями-то кормить.

— Это почему же — баснями? Я сам их фотографировал... тогда, на закладке...

— Вот после этого с ней и стало неладное твориться... У вас не было в тот день никакого разговора?

— Почему же... Потолковали — о том о сем... Она почему-то решила, что я над ее Гришей смеюсь. А у меня и в мыслях не было... Он — ничего, хороший парень.

— Послушай... А до этого ты не давал Гуландом повода вообразить, что любишь ее?

— Я? Эту пигалицу? Да вы что, почча, — смеетесь?

— И она тебе не признавалась, что любит тебя?

— Гуландом? Меня? — Набиджан явно опешил от такого вопроса; он смотрел на Кудратова, растерянно моргая. — Да у нее, когда мы разговариваем, вообще язык к горлу прилипает.

— Вот-вот. А почему? Ведь она девушка бойкая, энергичная. А как тебя встретит — теряется... И ты ничего не понял? Или простачком прикидываешься?

— Я — прикидываюсь?

Лицо у Кудратова стало задумчивым:

— Значит, действительно, ничего не замечал... Ведь она любит тебя. Да, да, любит. Это из-за тебя она приехала, и чуть обратно не подалась — тоже из-за тебя.

— Интересно! Она и вида не подавала, что я ее каким-то боком интересую. А вам, значит, обо всем рассказала.

— Ничего она никому не рассказывала. Только я, видно, понаблюдательней, чем ты. И заметил: как увидит она тебя, так делается пунцовой, как мак. И дар речи теряет — это-то и от тебя не ускользнуло... — Кудратов опять задумался. — Слушай, вспомни-ка: ты ей ненароком не ляпнул, что не любишь ее?

Набиджан наморщил лоб:

— Ну... прямо-то так не сказал... Но, в общем, можно было понять, что сердце у меня занято, — он вдруг чуть не подпрыгнул на своем сиденье. — Почча! Она же тогда от меня, как серна, в лес кинулась!

— Вот — теперь все ясно.

— Ха! Мне давно все ясно. Гуландом сама по себе, я сам по себе. У нее Гриша, у меня... Ие, только сейчас до меня начинает доходить. Вот сумасшедшая девочка! Надо же, что вобрала себе в голову.

Убавив ход «Волги», Набиджан повернулся к Кудратову и доверительно продолжал:

— Только поверьте, почча, — я, честное слово, ни о чем таком не догадывался. Мы с Гуландом работали вместе. Ну, разговаривали иногда... Но я ни сном, ни духом. К тому же, вы знаете — встретил я тут одну девушку. И полюбил ее. Вроде и я ей нравлюсь. Я уж с ее матерью познакомился.

— Как я догадываюсь, речь — о Наде?

— Ага. По специальности она экономист, недавно техникум закончила. Знаете, ее Рахматов на свой завод приглашает. Но это далековато от Иванова. Почча! Не устроили бы вы ее на работу в нашем тресте? Уж она бы вас не подвела, я за нее головой ручаюсь.

— Даже так?

— Ага. Она умная, усердная, добросовестная...

Кудратов засмеялся:

— Если умная, — что ж она себе в женихи такого пустозвона выбрала? Посолидней джигита не могла найти?

Набиджан обиделся, и больше они этой темы не касались. Но Кудратову в поведении и Набиджана, и Гуландом многое сделалось ясным. Тайна перестала быть тайной.

* * *

Дети поджидали Набиджана на опушке леса. Увидев сворачивающую с дороги машину, они восторженно захлопали в ладоши и прокричали свое дружное «Ур-ра!»

Не обращая внимания на тетю, которая приехала с Набиджаном, они потащили его к пруду хвороста. Набиджан разжег костер, кинул в него угли, и когда они раскалились, разложил их на мангале. Племянник подал ему свою тубетейку, Набиджан принялся обмахивать ею угли, раздувая жар.

Пока готовился шашлык, Дилафруз и Надя познакомились, и между ними завязалась беседа. Глядя на детей, не отходивших от Набиджана, Надя сказала:

— Как им весело! Это хорошо, что вы привезли их сюда. Таких лесов у вас, наверно, нет?

— Есть у нас места, занятые тугаями, густыми, как джунгли. Но это не то. И они далеко от Джизака.

— Русским лесам — нет равных. — Надя вздохну-

ла. — Зависть — дурное чувство, но я всегда завидую, когда вижу, как увлеченно играют друг с другом братья и сестры. Я-то у мамы — одна...

— Здесь еще не все наши дети, — сказала Дилафруз. — Двое старших остались дома. Приедут сами на следующий год.

— Так у вас шестеро! — удивленно воскликнула Надя и внимательно посмотрела на Дилафруз. — А как молодо вы выглядите...

Та засмеялась:

— Ну, вы мне льстите...

— И не думаю. Честное слово, мне всегда казалось, что мать шестерых детей — это уже старая, изможденная женщина. А вы...

— У нашей матери — восемь... И сколько уж внуков и внучек! Самых младших на целый детсад хватит. А видели бы, как она сохранилась...

— Я слышала, что у вас многодетные семьи. В деревнях у нас тоже такие встречаются, правда, все реже.

— А мы в городе живем. И у моей соседки — одиннадцать детей! Она мать-героиня, и очень этим гордится.

Надя подумала о матери Виктора: он у нее единственный, и то не может с ним справиться. А тут — одиннадцать...

Помолчав, она проговорила:

— Выходит, Средняя Азия выручает нашу страну... В наших-то городах — слава богу, если в семье двое детей. А трое — это уже целая орава. И люди только головами покачивают: бедняжка мать, на себя-то у нее времени совсем не остается, с утра до вечера в хлопотах: детей-то и накормить, и обстирать надо... Жалеют у нас таких матерей.

— А наши женщины не мыслят себе жизни без детей — самое меньшее четырех-пяти. Дети ведь, и правда, как цветы: у каждого своя красота, свой аромат... И чем больше букет, тем отрадней!

— Сколько же надо сил положить, чтобы воспитать их, вырастить.

— Не так уж все страшно! — улыбнулась Дилафруз. — Даже наоборот: многодетной матери легче приходится. Ведь старшие — это ее помощники. Вырастут сами — растят своих младших сестреночек и братишек. И не забывайте, Надюша, яслей-то и детсадов у нас

с каждым годом все больше и больше. Так что — пожалуйста в матери-героини!

— Дилафруз Хакимовна, а как молодежь у вас на это смотрит? Ведь часто как бывает: поженились парень и девушка, а ребенка заводить не торопятся: самим, мол, надо пожить, зачем же связывать свою свободу, еще успеем с пеленками повозиться. Вот и живут в свое удовольствие, а после тридцати, все трезво взвесив, «соглашаются» на одного-двух детей.

— Это эгоизм молодости.

— У вас такого нет? Ваша молодежь чтит традиции?

— Как сказать... Взгляды у наших ребят и девушек вполне современные, и за модой гонятся — как все, на девочках джинсы, у много парня — волосы до плеч... Старики ворчат, да что поделаешь: время не остановить! Однако добрые, светлые традиции нашего народа молодежь не отменяет. И я еще не встречала молодоженов, которые не стремились бы иметь детей.

— Это хорошо, — кивнула Надя. А то ведь иные такую моду взяли: вместо того, чтоб с детьми возиться, всю свою любовь тратят на собак. Нет, я против всякой живности ничего не имею: и кошек люблю, и собак, но надо, чтобы они для детей были, а не вместо детей... Я как увижу «даму с собачкой», меня зло берет. Как вы думаете, это ведь влияние Запада, да?

Дилафруз с трудом удержалась от улыбки:

— Не преувеличивайте, Надя. Мы — великий народ, и можем позволить себе роскошь иметь собственные недостатки.

Дилафруз нравилось разговаривать с Надей. Какой бы темы она не касалась, девушка тут же ее подхватывала, проявляя и серьезность, и здравомыслие, и любознательность, украшающие любую беседу, не дающие ей затухнуть.

Когда шашлык был изжарен, Надя выбрала на окраине леса уютное местечко, расстелила скатерть, и Дилафруз с удовольствием наблюдала за ее хлопотами.

Подойдя к мужу, Дилафруз, показав глазами на Надю, сказала:

— Вы правы: хорошая девушка. Умница. И такая ловкая, расторопная... Жаль, с нами Гуландом нет.

— Боюсь, мы ее долго не увидим.

— Почему? — удивилась Дилафруз.

— Потом объясню. Впрочем, все это лишь мои догадки.

Шашлык получился отменным... Утолив аппетит, дети опять разбрелись по лесу; с трудом собрав их, Кудратов тоном, не допускающим прекословий, заявил:

— Все, все, дорогие, теперь по домам. Хорошенько понемножку. Мы еще не раз побываем и в лесу, и в разных других местах.

Старшие с явной неохотой подчинились отцу; младшая же требовательно спросила:

— Папа, а где шкатулка? Ты обещал подарить мне красивую шкатулку.

— Откуда ж ей взяться — в лесу? Такие шкатулки, дочка, изготавливают в Палехе.

— В Пале-хе?

— Да. Это поселок, где живут и работают изумительные мастера.

- III

Конечно же, Кудратов не мог не свозить свою семью в Палех, который называют «родиной лаковой миниатюры». И в одно из воскресений они туда отправились.

По дороге Кудратов с восторгом рассказывал об искусстве палехских живописцев, дети слушали его, раскрыв рты, Дилафруз же полагала, что он многое преувеличивает...

Она ошиблась. То, что она увидела в Палехе, — превзошло все ее ожидания. Рядом с действительностью рассказ Кудратова выглядел бледным...

В Палехе, когда-то чудесном уголке Владимиро-Суздальской Руси, а ныне — «золотом улье» народного творчества, нанизались, как две жемчужины на одну нитку, две эпохи: древняя и современная.

Старинной архитектуры дома, украшенные искусной узорчатой резьбой, соседствовали с многоэтажными зданиями — твореньями строительной индустрии; колодезные журавли — то ли свысока, то ли с завистью — посматривали на водоразборные колонки. Вдоль тротуаров рядом со старожилками-тополями раскинули свои ветви, словно в танце, молоденькие рябины и акация.

На каждом шагу встречались художники — с мольбертами или папками альбомов для рисунков.

Здесь каждый житель имел какое-либо отношение к искусству Палеха: одни готовили подсобный материал, другие расписывали лаковые поверхности, третьи выступали в роли учителей, консультантов.

В центре поселка величественно высился Музей палехского искусства.

Дети побежали, было, к воротам музея, но Кудратов вернул их, объяснив, что осмотр надо начинать совсем с другого, и повел их к Крестовоздвиженскому храму, который славился своими наружными иконами — в старину, чтобы помолиться на них, сюда стекались толпы паломников.

— Вот эти иконы, — сказал он жене и детям, — и послужили эстетической основой для лаковой миниатюры. И лишь после Октября — по существу, совсем недавно — палехские мастера приобщились к методу социалистического реализма.

— О, да из вас вышел бы первоклассный экскурсовод! — засмеялась Дилафруз. — Не ошиблись ли вы в выборе профессии?

Дети же, мало что понявшие из его рассказа, пялили глазенки на пятиглавую верхушку храма.

В музее Дилафруз долго не могла оторвать восхищенного взгляда от миниатюр с сюжетами из русских сказок. Краски нежно переливались на них, вспыхивая вдруг, как перо жар-птицы.

Каждая вещь, расписанная палехцами, — будь то небольшая пудреница или шкатулка, — поражала своей неповторимостью; а во всех вместе словно сконцентрировались мудрость, опыт, талант, история русского народа.

Дилафруз вспомнился лесковский рассказ о Левше, сумевшем подковать блоху. И подумалось, что здешние мастера — из того же племени умельцев. Под их послушной кистью оживают события далеких времен, герои легенд и поэм.

Когда они остановились перед многоплановой миниатюрой, выполненной палехским художником Зиновьевым, Дилафруз не удержалась от восторженного восклицания:

— Боже, какое мастерство! Даже не верится, что это творение человеческих рук... На одной шкатулке — вся наша сегодняшняя явь!

Дети, взглядываясь в изображение, отливавшее целой радугой красок, подсчитывали про себя: вот площадь

с памятником Ленину, вот космический корабль рвется в звездные дали, вот атомный ледокол, вот стрекозой повис в воздухе вертолет... На небольшом пространстве, как солнце в капле воды, отразились и достижения нашей страны, и природа России, и мир сказок — народной мечты, ныне воплотившейся в жизнь... Краски сверкали, как тлеющие разноцветные угольки...

— Чудо!.. — тихо произнесла Дилафруз. — Этот художник — просто волшебник!

— А я вот о чем думаю, — сказал Кудратов. — Как умело палехцы используют площадь, отведенную под рисунок. Никаких пустот! Вот бы применить это искусство — в земледелии. Наши деды и прадеды страдали от безземелья, у них одна мечта была — о клочке пашни. Сейчас нам говорят: вся земля ваша, сколько хотите, столько и обрабатывайте. А мы? Куда ни кинь взгляд — всюду наткнешься на «бездействующие гектары». От богатства мы такие расточительные, что ли? Но ведь так и обеднеть недолго. Поучиться бы нам у палехских живописцев...

— Да, незасеянной земли у нас много, — согласилась Дилафруз. — Но, думаю, дело не в том, что мы богаты. Богатые люди как раз очень экономны...

— Скупы.

— Пускай так. Важно, что состоянием своим они не разбрасываются. Увидят, что в пыли копейка валяется, — подберут.

— В чем же причина обилия «бездействующих гектаров»?

Дилафруз, помолчав, сказала:

— Наверно, в бесхозяйственности... У хорошего хозяина все в дело идет. — Взгляд у нее потеплел. — И знаете, что мне у вас в Нечерноземье понравилось? Рачительное обращение с землей. Вы даже болота превращаете в плодородные поля, пастбища... Вот это — по-хозяйски...

IV

Дилафруз с детьми прогостила у мужа все лето. Ребятишки чувствовали себя здесь вольготно, они обзавелись приятелями, с которыми играли во дворах, но больше всего нравилось им бродить в лесу, куда отвозил их Набиджан. Они всему радовались: свежему воздуху, бод-

рящей речной воде, цветам на лугах и лесных полянах, ласковому солнышку, которое не жгло, как в Мирзачуле, а лишь пригревало; даже дождям, теплым, щедрым, весело было шлепать босыми ногами по лужам, подставлять загорелые тела под могучий душ, хлещущий с неба.

Сама же Дилафруз все чаще ощущала какую-то неприкаянность. Дети резвились на воле, муж целыми днями пропадал на работе, и Дилафруз, оставшись дома одна, не знала, куда себя деть. Забот, конечно, хватало: она возилась с Атаджаном, готовила еду, занималась стиркой, и все равно оказывалось, что у нее уйма свободного времени. Она бывала с детьми и в лесу, и на речке, и эти прогулки доставляли ей наслаждение, а вместе с тем безделье и утомляло: Дилафруз, как и многие женщины, привыкшие трудиться, вести большое хозяйство, просто не умела отдыхать. Да и совесть ее грызла: все здесь — при деле, помогают осваивать Нечерноземье, лишь она одна предается праздности... Да, да, не принимать участие в общем хашаре — значит, лодырничать.

Дилафруз охотно взяла бы на себя заботу о детях хашарчи, но большинство ребятишек находилось в далеких ПМК. У Управления не было еще ни своего детсада, ни клуба, ни библиотеки...

Библиотеки...

И Дилафруз подумалось: раз библиотеки нет, так надо ее организовать! С этой идеей она и явилась в партбюро Управления. Секретарь партбюро, выслушав ее, сказал:

— Целиком вас поддерживаю. Грешно, конечно, такой крупной организации, как наша, не иметь собственной библиотеки. Тяга к книге у людей велика. И книги есть: нам постоянно присылают их из Узбекистана. Только до сих пор они не извлечены из ящиков: некому заняться библиотечными делами, да и подходящее помещение нелегко подыскать.

— Я займусь, — решительно произнесла Дилафруз. — Причем на общественных началах. Пусть и обо мне вспомнят в Иванове добрым словом.

Заручившись согласием секретаря парткома, Дилафруз попросила плотников, работавших в Управлении, соорудить из досок стеллажи, пристроила их в конце одного из коридоров, расставила на полках книги, распределив их по разделам: «Художественная литература», «Техническая», «Политическая»; вывесила в вестибюле

объявление об открытии библиотеки, завела регистрационный журнал, и уже на следующий же день в нем появились фамилии первых читателей. Число абонентов все росло, книг стало не хватать, тогда Дилафруз написала письмо в Министерство культуры Узбекистана с настоятельной просьбой — обеспечить «Центральную библиотеку треста Узбекивановострой» необходимым количеством книг, как на узбекском, так и на русском языках. Слово «центральную» Дилафруз употребила не случайно: как говорится, лиха беда начало, со временем обязательно возникнут библиотеки и в ПМК, и Центральная библиотека будет шефствовать над ними, снабжать их книгами, консультировать тамошних библиотекарей. У мужа Дилафруз научилась глядеть далеко вперед, и если уж начинала действовать, так с размахом.

Самодельная библиотека, созданная усилиями Дилафруз, быстро приобрела популярность, и Кудратову волей-неволей пришлось выделить для нее комнату, потеснив копторских работников.

Дилафруз на все хватало: и на домашние хлопоты, и на детей, и на работу в библиотеке, изо дня в день пополнявшуюся новинками литературы: тут на помощь ей пришли и местные власти, и книголюбцы Иванова.

И многие искренне горевали, когда Дилафруз собралась уезжать домой, в Узбекистан.

На прощанье секретарь парткома сказал ей:

— Библиотека — ваше детище, и без вас она осиротеет.

— Мне самой жалко с ней расставаться, — вздохнула Дилафруз, — но я уже договорилась с одной сотрудницей, она примет у меня библиотеку и будет работать на два фронта, пока Эргаш-ака не выбьет штатную единицу для постоянного библиотекаря.

— Спасибо вам за все, Дилафруз Хакимовна...

Благодарную память оставила о себе Дилафруз в Иваново...

* * *

Несколько раз и домой к Дилафруз, и в библиотеку заглядывала Гуландом, — впрочем, ненадолго; она вообще редко навещалась в Иваново, избегая встреч с Набиджаном.

Но в разговорах с Дилафруз девушка ни словом не обмолвилась о своих душевных неурядицах.

Когда нужно, Гуландом умела быть и гордой, и скрытной...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Ночью Хакимову не спалось, до рассвета он просидел у окна, вглядываясь в недвижную темь. Вдали глухо шумел сосновый бор. В войну он поредел, но в предутренней сумеречности выглядел густым и походил на перевернутый черный казан.

Хамиду Хакимовичу было о чем поразмышлять. Положение в ПМК сложилось — хуже некуда. Юлдашев нажимал, требовал, но по-прежнему не пытался помочь. «Красноречия вам не занимать, в этом я уже успел убедиться,— сказал он однажды.— Но я больше верю делам, а не словам. Покажите, на что вы способны». И Хакимов «показывал»: латал износившуюся технику, уговаривал строителей и механизаторов остаться в ПМК на более длительные сроки, старался привить временным работникам культуру труда, чувство бережливости: «Нельзя жить лишь сегодняшним днем, надо думать о завтрашнем, о тех, кто прибудет вам на смену».

Однако то и дело его ПМК выбивалась из графика — не хватало людей, техники, запчастей. Правда, из Ташкента пришло сообщение, что новая группа освоителей уже готовится в путь, и трактора и другие машины погружены на платформы, но сколько еще пройдет времени, пока эшелоны дотащатся до Новгорода! А от него ждали готовые, освоенные гектары земли, сегодня.

Иногда Хакимову хотелось махнуть на все рукой и вернуться в Узбекистан. Но он сам понимал, что это было бы проявлением трусости, постыдным дезертирством. Жаловаться на Юлдашева? А что толку? Ну, еще больше испортятся у них отношения — для работы-то какая от этого польза?

Нет, у него один выход: делать все, что в его силах. И ждать подкрепления.

Забот ему прибавляла и давно отгремевшая война. О минах уж говорить нечего — тут приходилось прибегать к помощи саперов. И опять-таки терялось драгоценное время... Однако война оставила и другие следы: поскольку территория здесь часто переходила из рук в руки, то и наши, и вражеские войска спешили строит-

фортификационные сооружения, доты и дзоты, рыли окопы, противотанковые рвы. Проводить планировку земли, которую война приспособляла для своих нужд, было неимоверно трудно. К тому же каждая ее пядь была забита металлом: пустыми гильзами, пулями, осколками снарядов. Ведь тут месяцами шли позиционные бои, и части — наши и фашистские — постоянно обменивались огневыми ударами. Порой Хамиду Хакимовичу начинало казаться, что металла в этих местах больше, чем земли, и создавать надо не совхозы, а рудники...

Прежде, чем осушать, осваивать эту землю, ее необходимо было очистить от «металлолома», накопленного с войны. На это пришлось бросить все силы; взяв мешки, ведра, корзины, — в общем, все, что попадалось под руку, — люди выходили на отведенные им участки и выковыривали из почвы сталь и свинец. К вечеру близ дороги вырастали горы «металлолома».

Ну, а с дотами, блиндажами, окопами — голыми руками ничего нельзя было сделать. И, когда, наконец прибыла долгожданная техника, ее сразу направили на поля бывших боев.

Как назло, с утра зарядил дождь. Окопы и траншеи наполнились водой, дороги развезло, колеса тракторов и бульдозеров увязали в грязи, мощные машины еле передвигались, моторы натужно ревели... Все-таки кое-как колонна машин дотасилась до места, где предстояло засыпать землей все ямы, скрыть поросшие травой бугры.

Грязь всхлипывала под ножами бульдозеров, обрушивалась в траншеи, превратившиеся в обыкновенные канавы. Особенно поусердствовать пришлось экскаватору, который Хакимов с трудом «выбил» у Юлдашева. Глубокие морщины на челе земли постепенно разглаживались.

Но скоро техника стала выходить из строя: бетон и железо, вросшие в землю, оказались ей не по зубам. Для ремонта нужны были запасные детали, но тут уж Юлдашев проявлял непреклонность:

— Кто был против иждивенчества, Хамид Хакимович? Вы сами. Вот и выкручивайтесь, как знаете.

— Но это же наше общее дело, — возражал Хакимов.

— Да, дело общее, но каждый отвечает за свой участок работы. У нас теперь принцип: получать как можно меньше, отдавать как можно больше. Относитесь к технике бережливей, заботливей...

Хакимов только стискивал зубы: крыть было нечем.

Он пытался выпросить запчасти у Ташкента, но, видимо, они там тоже были на счету, ему с упреком отвечали: — Мы послали вам технику. Теперь вы требуете запчасти. Поймите совесть, товарищ Хакимов!

Все же ему удалось настоять на своем. Правда, он не знал, что министерства, обеспечивающие всем необходимым освоителей Нечерноземья, получили твердо указанное неукоснительно выполнять все требования ивановцев и новгородцев. Так что те, к кому он обращался со своими просьбами, сопротивлялись только на всякий случай: вдруг отвяжется, сумеет обойтись внутренними резервами?

В общем, Хакимову прислали все, в чем он нуждался, но недаром же говорится: легче делать заново, чем переделывать. С увеличением объема ремонтных работ Хакимов все острее сознавал, как необходим ему знающий специалист, который руководил бы этими работами, и, не откладывая дела в долгий ящик, назначил своим заместителем по технике Дмитрия Дуданова, освободив его от бригадирства. Знакомя своего помощника с кругом новых обязанностей, Хакимов предупредил:

— Помпотех Дуданов! Сейчас все зависит от того, в каком состоянии будет у нас техника. За любую поддержку, неполадки ответишь головой.

Дуданов, улыбаясь, вскинул ладонь к виску:

— Есть ответить головой!

У Хакимова потептели глаза. Он знал, что на Дуданова можно положиться.

До призыва в армию Дуданов водил трактор, за добросовестную работу его не раз премировали, награждали ценными подарками; когда он возглавил бригаду, она сразу же завоевала переходящее Красное знамя. В армии он служил танкистом, особенно отличился, ремонтируя грозные машины; домой вернулся со значком «Отличника боевой и политической подготовки». Не успел он снять военную форму, как узнал о хашаре, развернувшемся в Нечерноземье. Он тут же изъявил желание поехать добровольцем в Новгородскую область. Хотя он уже не носил погоны, но сохранил привычки, которые привила ему армия; и Хакимову нравилась в нем постоянная подтянутость, чистота его ответов и рапортов; нравилось даже то, что звездочка на его фуражке всегда блестела, как новенькая.

II

Дожди, наконец, прекратились, тяжелые тучи уплыли далеко за леса, в водах Ильмень-озера, Волхова, Плеса, Шелони и других рек отражалось чистое голубое небо, на волнах играли солнечные блики. Стволы берез отливали сияющим серебром.

Природа улыбалась людям — люди отвсчали ей благодарными улыбками.

Хамид Хакимович довольно потирал руки:

— Теперь дела пойдут веселей!

И, действительно, работа на земле, которую освободили от металла и заровняли, кипела вовсю. Механизаторы подготавливали поля к пахоте — правда, запоздалой; а «Кировцы», принадлежащие бригаде, которую возглавил Эльчи, уже приступили к вспашке.

Дуданов работал, не считаясь со временем, и даже по ночам не знал покоя. Он торопил механизаторов с ремонтом, не отставал от них, пока машины не были налажены. В большой сумке Дмитрий носил мелкие запчасти, которые могли потребоваться, чтобы не бегать за каждой на склад.

— Техника должна действовать, как часовой механизм, — любил он повторять. — С такой же точностью и непрерывностью.

Хакимов был им доволен:

— Молодец, Дмитрий, продолжай в том же духе.

— Есть продолжать в том же духе!

Подыгрывая ему, Хамид Хакимович торжественно заявлял:

— Выношу вам благодарность, помпотех Дуданов!

И тот, вытянувшись в струнку, откликнулся:

— Служу преображению Нечерноземья!

Однажды он сказал Хакимову:

— Хамид Хакимович, дел у меня сверх головы, я не успеваю вести учет. Нашей колонне просто необходим учетчик.

— Гм... Где же я тебе его возьму? Людей и так недостает.

— А ваша жена? Лучше уж быть учетчиком, чем уборщицей, вы уж извините меня... И нас она вырчит, и для нее эта работа интересней.

Подумав, Хакимов кивнул:

— Я — за. Но надо ее спросить. Если она соглас-

на — пусть приступает к работе с завтрашнего же утра.

Сумбулу не пришлось уговаривать. И после того, как она сделалась учетчицей, Хамид Хакимович почувствовал, что и ему легче справляться с обязанностями начальника ПМК. Сумбула держала мужа в курсе всех дел, подробно информировала его о ходе работ на том или ином участке; и это помогало ему уточнять планы, решать — где именно требовалось его непосредственное вмешательство.

Как-то, с одобрением выслушав Сумбулу, он сказал:

— Светлая у вас голова, женушка. И как-то вы все запоминаете?

— Я же учительница все-таки.

— Так вот, товарищ учительница. Надо бы нам узнать, как продвигаются дела в других ПМК; нет ли каких придумок, нововведений. Трудно идти вперед, когда ты изолирован от всего окружающего. Не согласились ли бы вы совершить небольшую поездку? Побывайте у наших земляков, поглядите — как там и что... Я бы и сам поехал, да надо принимать студентов. Они вот-вот должны прибыть. Как, согласны?

— Указание начальства — закон. А если начальник к тому же и муж — то закон вдвойне.

— Тогда — счастливого пути!

III

В ПМК уже давно распространилась весть о приезде студенческого отряда.

За день до прибытия отряда Хакимову позвонил Юлдашев:

— Вы уж проявите должную заботу о студентах-строителях. По-военному — это целый батальон! Боевые ребята!

Так получилось, что Хакимов встретил «батальон» в полувоенной одежде: гимнастерка защитного цвета, брюки-галифе и кирзовые сапоги с отворотами... Его можно было принять за командира саперов.

Встречающие услышали сначала задорную песню, а уж потом на дороге показалась автоколонна. Машины остановились у проселка, отвечляющегося от дороги, из них стали выпрыгивать на землю студенты, все в форме бойцов стройотрядов; они выстроились перед Ха-

кимовым; их командир, подвижный парень с поджарой фигурой, звонко выкрикнул:

— Отряд, смирно!

Девушки и юноши застыли в строю. Командир чеканным шагом подошел к Хакимову:

— Товарищ начальник передвижной механизированной колонны!

Хакимов прервал его:

— Вольно!

— Вольно! — повторил командир, обращаясь к студентам, и вопросительно посмотрел на Хамида Хакимовича.

Тот мягко сказал:

— Обойдемся без рапорта. Мне известно, что вы направлены в мое распоряжение и завтра должны приступить к работе. А сегодня ваша задача — разбить лагерь. Палатки у вас в машинах?

Командир отряда пожал плечами:

— Нам сказали, что их на месте выдадут...

— Хм... Откуда ж мне их взять? Я ждал, что стройотряд прибудет со своим снаряжением. Ладно. Видите вон ту поляну? Соорудите там шалаши. Материала для них в лесу достаточно, но не переводите его зря.

Студенты с некоторой растерянностью оглядывали редкий лесок; верхушки берез покачивались на ветру; поляна была просторная, но голая, словно пустырь.

Хакимов, подумав, добавил:

— А хотите — оборудуйте под жилье немецкие бункера, их много в лесу. Можно использовать и землянки, вырытые нашими солдатами. Только учтите: хотя лес и прочищен саперами, но мало ли, на какие можно наткнуться сюрпризы...

Студенты предпочли бункера и землянки; кто-то восторженно воскликнул:

— Будем жить по-фронтовому! Романтика!

Его одернули:

— А если на мину напоремся?

— Откуда тут мины — столько лет прошло! И вы же слышали: тут уже побывали саперы.

— Мы и другое слышали — что не гарантированы от всяких сюрпризов.

— А, где прошел сапер — там в земле и пули не остается.

Хакимов положил конец пререканиям:

— В вашем распоряжении всего восемнадцать часов, за это время вы должны и устроиться, и выспаться как следует. Помните о солдатах: они действовали оперативно...

В дни войны в лесу располагалось воинское соединение, готовившееся к жестоким боям с фашистскими захватчиками. Бои эти оказались на здешней земле последними: фашисты начали отступать. ...Вскоре они были изгнаны из окрестностей Ильмень-озера.

Уже в то время здесь не осталось ни одной мины, но встречались забытые боеприпасы. Дощечки с надписями: «Мин нет» успокаивали, и все же был отдан приказ: действовать осторожно.

Ребята не пожалели о своем решении — жить «под землей». Немецкие бункера отличались прочностью, да и наши землянки были сооружены на совесть: двойные накаты из бревен, бревенчатые полы, стены обшиты досками. Досчатые двери вели в крытые окопы. Правда, окопы давно заросли травой, а накаты землянок кустарником; трава пробивалась и сквозь щели в полах. И все же это было удобное жилье.

Студенты принялись приводить его в порядок.

Как молвится, если охотников много, то и зайну от них не ускользнуть. Уже к вечеру ребята выдрали все кустарники, скосили траву, благоустроили внутренность землянок. В царившей там темноте бегали лучи фонариков. Разместив на полу матрацы, которые выдал им завхоз ПМК, студенты, намажавшиеся за день, завалились спать, и сон их был крепок — как крепок он у всех молодых, славно поработавших ребят.

На рассвете уже никого не было на месте; влекомые любопытством, студенты разбрелись, кто куда: одни разыскали братские могилы и внимательно читали надписи на надгробных плитах — с тайной надеждой встретить фамилии своих родных, другие рыскали по запущенным окопам и траншеям, пытаясь представить себе, как ютились здесь, что чувствовали, о чем вели беседы наши воины, третьи высматривали на полях давних сражений следы отгремевшей войны...

Несколько студентов углубились далеко в лес; наткнувшись на табличку с предостерегающими словами: «Осторожно! Тут было минное поле!», они бросились со всех ног бежать обратно, а потом взволнованно рассказывали:

— Представляете, мы на мины напоролись!

Хамид Хакимович, прибывший в студенческий лагерь, застал там лишь «командный состав»; он приказал собрать всех и выстроить на поляне.

Спустя некоторое время группками начали возвращаться студенты. Каких только трофеев они не собирали! Пробитые пулями каски, раздробленные винтовки, ржавые гильзы... Вид у них был торжествующий — будто они на клад набрели. Хамид Хакимович не мог даже на них рассердиться, только сокрушенно покачал головой: вот уж недаром говорится — «молодо-зелено»; что теперь делать с этим металлоломом? Ребята, судя по всему, собирались сдать его в здешние музеи... Так там этого добра полно!

В это время из леса донеслись трескучие хлопки, похожие на выстрелы из винтовки.

— Ну, вот, оставь вас без присмотра, — с досадой сказал Хакимов, обращаясь к командиру отряда. — Слышите? Ваши студенты патроны взрывают. Прямо дети, честное слово!

Командир отправил на звук выстрелов комсомольский патруль. На одной из полянок пылал костер, студенты с победительными возгласами кидали в него боевые патроны. Когда их привели в лагерь, Хакимов строго проговорил:

— Ну-ка, выверните карманы!

Ребята с неохотой подчинились приказу; на землю посыпались пустые и заряженные гильзы.

Тут уж Хамид Хакимович не сдержался:

— Вам что, жизнь надоела? Это же не игрушки — пули. Пули — понимаете вы это? Патрон, если его взорвать, может оказаться и смертоносным! Да, навязали мне детский сад...

Виновные стояли, опустив головы; студенты в строю перешептывались, но трудно было понять, кого они осуждают: товарищей своих или начальника, который делал из мухи слона...

Командир отряда велел «нарушителям» встать в строй и, напустив на себя строгость — в подражание начальнику ПМК, отчеканил:

— С этой минуты без моего разрешения из лагеря — ни шагу. Если кто еще вздумает забавляться с патронами — объявлю военное положение!

Заметив на губах Хакимова улыбку, он смущенно кашлянул и закончил:

— Мы сюда не развлекаться приехали, а работать.

Командиры подразделений — вперед! Товарищ Хакимов укажет вам — кому и чем заниматься.

IV

Знакомясь с работой колонн Узбекновгородстроя, Сумбула все больше убеждалась, что ПМК ее мужа заметно отстает от них. Правда, они осенью не были в таком прорыве, как колонна, которую принял Хакимов. И успели уже поднакопить кое-какой опыт.

ПМК, строящая совхоз «Ташкент» и уже освоившая почти все земли на его территории, перешла на бригадный подряд; и освоение, и строительство совершались комплексно, как бы конвейерным методом, бригада отвечала за весь цикл и за конечные результаты работ, что позволило повысить производительность труда.

Сумбула, хотя и не была экономистом, интересовалась именно экономическими показателями, брала на заметку все, что могло пригодиться мужу и Дуданову, вела аккуратно записи в своем блокноте.

Ее пригласили осмотреть городок мелиораторов и строителей. Он состоял из двух улиц и четырех кварталов. Из местной глины получался белый кирпич, и новые дома белели среди зелени, высаженной по обеим сторонам улиц, как бусы, нанизанные на нитку.

Одну из улиц называли Наманганской, другую Андижанской, поскольку городок возводили, в основном, хашарчи, приехавшие из Андижанской и Наманганской областей.

Точно так же в свое время, после землетрясения 1966 года, посланцы братских республик, восстанавливавшие Ташкент, строившие новые кварталы, давали новорожденным улицам имена городов, из которых они прибыли; и в столице Узбекистана, обретшей новую статью и красу, появились Ивановская и Новгородская улицы — тогда ивановцы и новгородцы поспешили на помощь Ташкенту. Теперь вот освоители из знаменитых городов Ферганской долины помогают своим побратимам преобразовать Нечерноземье.

И если в архитектуре зданий, украсивших Новгородскую и Ивановскую улицы Ташкента, чувствовалось влияние зодчества северных областей России, то дома поселка, который осматривала Сумбула, несли на себе узбекский колорит, а Наманганская и Андижанская улицы чем-то напоминали Узбекистан — может, сво-

им пышным зеленым нарядом. Кроме саженцев морозоустойчивых деревьев, сюда завезли из Ферганской долины и розы, — алые их огоньки полыхали во дворах, вдоль тротуаров.

— Поселок мы построили в рекордно короткие сроки, — рассказывал Сумбуле прораб ПМК. — Ведь для себя старались... Не только, конечно, для себя, в домах потом поселятся и местные жители. А пока вот — мы обитаем. Ко многим жены с детьми приехали. Эти тут — надолго. — Он кинул любовный взгляд на один из домов, — Не считая кирпича, все материалы — из Ташкента. Двери, стекла, черепица, жесть, паркет... Для нас и наших новгородских братьев Узбекистан ничего не жалеет. Вон, видите, — это знаменитые наманганские яблони. Боюсь, правда, что зимой они могут померзнуть... Попробуем на зиму укутать их чапанами. Уж больно хочется, чтобы осенью и новгородцы, и наши ребята лакомились наманганскими яблочками... Помните песню? Она и здешним колхозникам понравилась. Как в каком-нибудь клубе затеется концерт, — так наша самодеятельность обязательно исполняет «Наманганские яблочки». А зал подпеваает. Эту песню всегда на «бис» приходится повторять...

— Ваши артисты, наверно, и русские песни знают?

— А как же! Тут у нас — полный взаимобмен. Новгородцам по душе узбекские песни, а нам и «Рябина», и «Степь да степь кругом».

— А можно мне в дом войти? — спросила Сумбула.

— Конечно, апа! Поглядите, какая внутри красота...

Двухэтажный коттедж состоял из двух квартир, в каждой — гостиная, спальня, детская, кухня, прохладный подпол, застекленная веранда. Мебель — современная, на полах и стенах — ковры.

— Вот так живут наши освоители, — с гордостью заметил прораб.

Сумбула улыбнулась:

— Да, я смотрю, вы себя не обидели.

— Э, апа, для рабочих совхоза мы возводим коттеджи получше этих, с ваннами, газовыми плитами, гаражами. Ну, и естественно, с приусадебными участками. И хозяйственными помещениями. Нам так было сказано: учитывайте, мол, два обстоятельства: первое, что это дома для сельских жителей, и второе, что им нужен городской комфорт.

— Вы говорили, ко многим приехали жены с детьми... Познакомьте меня с такой семьей.

— С превеликой охотой, апа! Вот в этом доме живет семья нашего передового механизатора, Турсунова. У них трое детей. Заходите, пожалуйста...

В гостиной их встретила хозяйка; она радушно поприветовалась с Сумбулой:

— Салам алейкум, апа. Проходите, проходите... Сынок, дочки, поприветствуйте дорогую гостью...

Дети, приложив ладошки к груди, поклонились гостям. Старшему на вид было лет семь, младшей девочке — около трех. Все были одеты легко, по-летнему.

Сумбула взяла на руки младшенькую — с тугими крепкими щечками, смеющимися глазами.

— Как тебя зовут?

— Ойжамол¹.

— О, красивое имя! И сама ты — красавица. Вот, возьми угощенье.

Сумбула протянула девочке горсть конфет «Белое золото», производства ташкентской фабрики «Уртак»; та поделилась с братом и сестрой. Все трое поблагодарили Сумбулу, и тут же зашуршали конфетные обертки.

Обращаясь к старшему, Сумбула спросила:

— Ты уже учишься в школе?

— Нет. В этом году пойду.

— Он должен пойти в первый класс в этом году, — вмешалась мать, — но отец привез нас сюда. А где тут школа с узбекским языком? Видно, придется нам к сентябрю податься домой.

В разговор вступил прораб:

— Никуда вы не поедете. Насыр Юлдашевич собирается открыть школу в этом поселке, под нее отведена целая секция на Андижанской улице. Мы в нее пока никого не вселяем. Насыр Юлдашевич сказал: если даже на один класс ребят не наберется, все равно школа откроется. Нам надо закреплять здесь кадры.

И он многозначительно взглянул на Сумбулу.

«Кажется, он знает, что я учительница, — подумала Сумбула. — И ждет, что я соглашусь вести первый класс. Фактически — всю школу. А что? Это мысль».

Сумбула безоглядно любила свою профессию, любила детей. Она легко находила с ними общий язык; иногда ей казалось, что в ней самой осталось что-то от

¹ Ой ж а м о л — луноликая.

детства... И как ни радовалась она, что помогает мужу, ее все же тянуло к прежней, учительской работе, в ее ушах звучали голоса первоклашек: «Ападжан, ападжан!». Ах, если бы, и правда, здесь открылась школа для узбекских детей, она с удовольствием вернулась бы к любимому делу.

Когда Сумбула вышла на улицу, то увидела «Волгу», возле которой стоял Юлдашев; казалось, он поджидал Сумбулу: при ее появлении лицо его озарилось улыбкой, он поспешил навстречу:

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогая учительница! Не хотите ли взглянуть, где будет размещаться ваша школа?

Сумбула растерялась:

— Как вы сказали... Моя... школа?

— Ну, да. Все ждут не дождутся того времени, когда раздастся первый школьный звонок. А кому и учить детей, как не вам? Вы не беспокойтесь, с Хамидом Хакимовичем я обо всем договорился. Я как раз от него. Так что теперь слово — за вами...

— Но у меня... есть работа.

— Знаю, знаю. Но на должность учетчицы найдутся кандидатуры, а вот дипломированный педагог у нас только один. Это — вы. Помните, о чем мы говорили прошлой осенью?

— Еще бы не помнить, — чуть усмехнулась Сумбула. — Вы тогда уверяли меня, что вряд ли здесь пригодится моя специальность...

— Не будьте такой злопамятной. Вы лучше припомните, что вы мне тогда ответили? Мол, поживем — увидим. Вот. Пожили. Жизнь в это время, как говорится, шла вперед. То, что вчера было не так уж нужно, сегодня стало просто необходимым. Диалектика!

— Значит... осенью распахнутся двери узбекской школы?

— Всенепременно! Когда затрезвонят звонки в школах Новгородской области, им будет вторить колокольчик, приглашающий за парты детей из Узбекистана. И зазвучит в классе узбекская речь... Ну, как, вы согласны — вести младшие классы?

— Ну, конечно! — воскликнула Сумбула. — Спасибо вам, Насыр Юлдашевич.

Юлдашев задумчиво пожевал губами:

— Ваш муж был прав: если люди будут приезжать сюда на два-три месяца, освоение Нечерноземья не

простительно затынется. Чтобы удержать их тут, надо создать, так сказать, условия наибольшего благоприятствования и для них, и для семей. Школа должна стать одним из магнитов, притягивающих освоителей...

Если бы даже Сумбула пыталась скрыть свою радость, ее выдали бы сияющие глаза, покрасневшие щеки. Пристально посмотрев на нее, Юлдашев удовлетворенно кивнул:

— Так. Значит, по рукам. А уж колокольчик я закажу в самой лучшей мастерской Новгорода. Ему, конечно, не сравниться с знаменитым новгородским вечевым колоколом, но, думаю, он усладит слух многих мелиораторов и строителей.

V

Хамид Хакимович пришел с работы домой донельзя уставшим. Сумбула еще не вернулась. Он присел на постель, задумался. И так, Сумбула скоро начнет работать в школе. Юлдашев ему твердо это обещал. Она скучает по детям... Ему рассказывали: куда бы ни приезжала его жена, ее тут же окружала ребятня. А в поселке освоителей ее видели с девочкой на руках. Сумбула угощала малышку конфетами.

Да, она не мыслит себе жизни без детей.

К сожалению, собственного ребенка у них не было.

Когда они поженились, Хамид Хакимович стал со сладким нетерпением ждать, когда же у них появится первенец. Он, словно воочию, представлял себе, как будет возитса с ним, катать его в коляске по улице... За первым ребенком пойдут и другие, а как же иначе? Он уже видел себя главой многодетной семьи — такой, как у зятя, Кудратова. Почему-то чаще всего он мечтал о том, как поведет свое потомство на первомайскую демонстрацию: одних посадит на плечи, другие гуськом потянутся за ним, цепляясь — кто за руку, кто за пиджак.

Однако ему так и не суждено было испытать счастье отцовства.

Он старался утешить себя: а, мало ли на свете мужей и жен, обходящихся без детей, живущих любовью друг к другу... Из ребенка-то еще неизвестно, что выйдет. Сколько он знает вполне достойных родителей, дети которых стали позором для них. Не радость, а бе-

ду приносят иные отпрыски в свои семьи. Одних его знакомых прямо-таки затаскали по милициям.

Но тут же он качал головой: а, вздор все это, только от тебя зависит — какими вырастут твои дети. Нет, без ребенка семья — не семья.

О том, что у них будет куча детей, Хамид Хакимович уже не помышлял. Дай бог, родила бы Сумбула хоть одного сына или одну дочку. Сын был бы его гордостью, дочка — помощницей Сумбуле... Он не терял надежды. — Только шайтан ни во что не верит, — говорил он. — А человек жив верой и надеждой.

Но когда опытные врачи, которым показывалась Сумбула, сказали, что перенесенная еще в детстве жесточайшая простуда сделала ее навсегда бесплодной, — он поник головой.

Как всегда в таких случаях, объявились непрошенные советчики. Одни говорили, что у него единственный выход: развестись с Сумбулой и подыскать себе «полноценную» жену. Это Хамид Хакимович решительно отвергал. Он любил Сумбулу больше жизни, они уже стали одной душой и одним телом, — как с ней расстаться? Это все равно, что самого себя разрубить пополам... Другие предлагали — усыновить какого-нибудь сироту: «Настоящий сын не тот, которого родили, а тот, которого вырастили». Вот над этим Хамид Хакимович часто думал... Но тут последнее слово должно быть за Сумбулой, а он не решался поделиться с ней своими мыслями. Боялся — как бы ей не показалось, что, предлагая усыновить ребенка, он как бы упрекает ее за бездетность, в которой, он это хорошо понимал, она совсем неповинна. Сумбула страдала от того не меньше, чем он.

Несмотря на то, что у них не было детей, Хакимовы жили мирно и счастливо.

Лишь в редкие минуты, когда Хамид Хакимович оставался один, он остро чувствовал, как не хватает ему присутствия сына или дочери. Были бы они у него — и сейчас, когда Сумбула уехала, он мог бы потолковать с сыном — о своих заботах, о его школьных делах, да мало ли о чем; а дочь приготовила бы еду, накормила его, и он легче перенес бы разлуку с женой. А так — он совсем один.

Хамид Хакимович, не раздеваясь, прилег на постель, уставился в потолок. Что-то Сумбула задерживается...

Уж давно бы ей пора вернуться. Без нее время тянется медленно-медленно. Сколько уж дней ее нет? Ему казалось — прошла целая вечность.

И тут — легка на помине — в комнату ворвалась Сумбула, радостная, возбужденная; лицо ее светилось, глаза сверкали, как звезды.

— Ой! Что это вы лежите в темноте? И даже одежду не сняли.

— Да я так. Решил отдохнуть. Намаялся за день...

Но Сумбула его не слушала, она спешила поделиться с мужем взволновавшей ее новостью.

— А с вас суюнчи! Вы слышали? Юлдашев открывает узбекскую школу в поселке освоителей. И я буду опять учить детей. Ну, как, вы довольны?

Хамид Хакимович уже сидел на постели, глядя на жену с улыбочивым прищуром.

— Что же вы молчите? Это же историческое событие: первая узбекская школа на Нечерноземье! И вас это не радует? Не радует, что жену вашу назначают преподавательницей? Это ведь как раз то, о чем мы оба мечтали!

Хамид Хакимович пожал плечами:

— Школу давно следовало открыть.

— Однако лишь сейчас начали приезжать дети школьного возраста.

— Их давно следовало сюда привезти.

— Хамид-ака, это несправедливо: вместо того, чтобы порадоваться инициативе Юлдашева, вы опять за критику взялись...

— А разве я не прав? Я всегда ему говорил: от человека, прибывшего на Нечерноземье в командировку, нельзя ждать максимальной отдачи, напряжения всех сил... Да, наши освоители полны энтузиазма. Но далеко ли на нем уедешь? Они скучают по дому, по детям. И к концу срока командировки начинают рваться в родные места: ведь здесь они — временные, и сознание этого накладывает нежелательный отпечаток на их психологию, на их труд. Вот, скажите, что мне сейчас делать? Через три дня ПМК покидают лучшие специалисты. А когда мы еще получим замену? И что смогут успеть новые командированные? Вы сами знаете: зима здесь длинная, а лето короткое. Каждый летний день на счету. А мы эти дни теряем. Нет, нам нужны люди, которые работали бы по долгосрочному договору, — вот как Дмитрий или Эльчи.

— Но ведь Насыр Юлдашевич думает о том, как удержать здесь людей. Я своими глазами видела поселки для освоителей — сама бы в таком с удовольствием пожила. Три уже построены, три строятся.

— Э, если бы Юлдашев с самого начала не был против того, чтобы освоители приезжали с женами, в их семьях уже появились бы малыши-новгородцы. Как знать, может, так было бы положено начало династиям новгородских мелнораторов, строителей, совхозных специалистов. Я так и сказал Юлдашеву.

— А он что ответил?

— Что, мол, Самарканд, Бухара и Ташкент тоже не сразу строились. И что лишь теперь у нас расправились крылья, и мы можем пускать корни на Новгородской земле. Поздновато спохватился... Наши ПМК уже превратились в этакне караван-сарай: одни приезжают, другие уезжают. И все больше среди них случайных людей...

Хакимову вспомнился недавний случай. В толпе молодежи, прибывшей в его ПМК по комсомольским путевкам, он увидел заросшего бородой мужчину, которому явно перевалило за сорок... Хамид Хакимович подошел к нему, спросил: «Неужто вы все еще комсомолец?» Мужчина ухмыльнулся: «Да я им и не был никогда». «А откуда же у вас комсомольская путевка?» Тот хмуро уставился в землю... При проверке выяснилось, что это отпетый летун, с легкостью необыкновенной менявший специальности и места работы. На Нечерноземье он приехал по путевке, добытой нечестным путем, почему-то решил, что тут — легкий хлеб. Когда же оказалось, что и здесь, как всюду, «кто не работает, тот не ест», бородач потребовал расчет. Увидев, сколько он заработал, все только руками развели: не хватало и на обратную дорогу. Хакимов сам дал ему деньги на железнодорожный билет: чем тут воду мутить, пусть лучше убирается на все четыре стороны. К сожалению, он и еще кое-кому с облегчением мог бы сказать: скатерть дорога! И откуда только берутся такие? Видно, в Ташкенте нной раз спустя рукава подходят к подбору кандидатур. Впрочем, это ведь и закономерно: чем больше людей посылают на Нечерноземье, чем чаще они сменяются, тем меньше среди них достойных. Строгий отбор возможен лишь в одном случае: если бы освоители ехали сюда надолго. А так... Иных отправляют в Новгородскую область лишь на месяц. Ну,

что такое месяц? Курам на смех! Дней пять уходит на оформление. Ребятам, естественно, хочется познакомиться с новыми для них местами, полюбоваться памятниками старины. В месяце — четыре воскресенья. Дней пять оформляется увольнение. Сколько же остается на работу? От силы две недели. Механизаторы не успевают даже привести в божеский вид технику, доставшуюся им от предшественников, которые спешили уехать. Прямо какой-то заколдованный круг...

Хакимов поделился своими мыслями с женой, та возразила:

— А при чем тут Юлдашев? Вина — на министерстве.

— Юлдашев виноват уже в том, что мирится со всем этим! Почему он со всей твердостью и решительностью не ставит перед министерством вопрос о кадрах? Это ведь не моя — его прямая обязанность! А он пустил все на самотек, и вместо принципиальности — проявляет непростительное благодушие.

Сумбула улыбнулась:

— Я чувствую, вы с ним крепко поспорили.

— Еще немного — вдрызг бы разругались... Только он и на добрую ссору неспособен; стоит повысить тон, как он все обращает в шутку. Я из себя выхожу, а он посмеивается: да не принимайте, говорит, так близко к сердцу огрехи в нашей работе. Мол, не ошибается тот, кто ничего не делает. А наш долг — засучив рукава вкалывать, преодолевая на своем пути все трудности и препятствия...

— Разве не так?

— Так — да не так. Надо добиваться, чтобы этих препятствий было как можно меньше. Все-таки на бег с барьерами уходит куда больше времени, чем на обычный кросс.

— В вас гибнет писатель, — шутливо сказала Сумбула. — Вы не можете без сравнений.

— Так оно наглядней. — Хакимов сохранял серьезный вид. — Нет, если так будет продолжаться, возьму я нашего Насыра-ака за шиворот и потащу его к Разыкову: пусть с ним потолкует насчет «препятствий». Или жалобу в министерство... Как он не понимает: ведь мы не просто помогаем новгородцам, мы оказываем им братскую помощь. Братскую! И это налагает на нас дополнительную ответственность. Пора бы уж ему раскрыть глаза, окинуть свое хозяйство трезвым взглядом,

разобраться: где перед нами трудности, обусловленные самой жизнью, особенностями работы по освоению Нечерноземья, а где — искусственные, нами же и создаваемые, вернее — нашей инертностью, благодушием, самоуспокоенностью. И прежде всего — надо решать вопрос с кадрами.

— Грех вам жаловаться, Хамид-ака, вам же прислали пятьсот студентов.

— И вы туда же, дорогая женушка! Студенты — это хорошо. Но это не решение проблемы. Ведь они тоже временные работники, к тому же и неопытные. Сил у них избыток, а куда их приложить — сами не знают. В строительном деле они новички, земледелие для них — тайна за семью замками. Каждой мелочи приходится их учить... А, да что об этом говорить. У меня все это в зубах навязло...

Чтобы отвлечь мужа от мучающей его темы, Сумбула перевела разговор на другую:

— А что же вы не спрашиваете, как я выполнила ваше задание?

Хамид Хакимович посмотрел на нее с улыбкой:

— Если вы с ним справились, то сами должны поторопиться с докладом...

— Тогда докладываю: от других ПМК мы отстаем по всем статьям. Только, пожалуйста, не сердитесь, вы сами учили меня говорить обо всем откровенно, без обиняков...

Хакимов вздохнул:

— Я не сержусь. Сам предполагал, что отстаем. И еще не скоро их догоним... Обидно это сознавать. Но надо смотреть правде в глаза...

Сумбула подробно рассказывала мужу обо всем, что видела, он слушал ее внимательно и хмуро.

VI

Листки календаря опадали один за другим.

Хамиду Хакимовичу казалось, что время летит стремительно: вот уж прошел и июль, и половина августа, а сколько еще не сделано, сколько предстоит срочных, сверхсрочных дел, — рук на все не хватает...

Для Сумбулы же дни тянулись медленно-медленно, она не могла дождаться, когда же, наконец, наступит 1 сентября, и в первой узбекской школе на новгород-

ской земле заливчато прозвенит колокольчик, заказанный Юлдашевым, сзывая детвору на урок.

Отбыли в Узбекистан лучшие механизаторы: у них кончился срок командировки. Стали собираться домой и студенты... Хакимов был ими доволен: с их помощью были построены автобаза и молочная ферма, вырыт котлован под теплицу.

Студенты уезжали так же шумно и весело, как и приехали. Рассевшись по машинам, они завели задорную песню; окрестности огласил звонкий смех.

После их отъезда все вокруг словно бы опустело; не слышалось уже молодого разноголосого гомона; лишь изредка раздавались фурчанье трактора или клацанье экскаваторного ковша, наткнувшегося на камень.

Но без людей Хакимов оставался недолго: прибыли строители. Для них был уже подготовлен фронт работ, однако в ПМК не завезли железобетонные конструкции. Как всегда — чего-нибудь, да не хватало. Из Ташкента Хакимову телеграфировали, что железобетоном его должен обеспечить завод, возводившийся в Новгородской области силами Узбекновгородстроя. Завод достраивался; Хакимов предполагал, что получит его продукцию через месяц-полтора. Чтобы строители не сидели без дела, Юлдашев отозвал их из ПМК Хакимова и отправил в Шимск.

ПМК, руководимая Хакимовым, продолжила освоение земель; в этом активно участвовали Дуданов и Эльчи.

Основываясь на опыте передовых колонн — опыте, о котором подробно написала Сумбула — они теперь осваивали пустоши и неудобье комплексно: каждая бригада планировала участки, очищенные от мин и металлолома, складывала дренажные керамические трубы, вспахивала и бороновала землю. Одновременно экскаваторы прорывали каналы для отвода болотной влаги.

И опять — помеха: очень низкой была производительность этих экскаваторов. Если в лучших ПМК, по рассказам Сумбулы, работали многоковшовые экскаваторы, и ковши обладали острыми зубьями, то Хакимову Юлдашев «подбросил» — однокоршковые, зубья у них успели и затупиться, и расшататься. Первые, по выражению Хамида Хакимовича, черпали землю ведрами, вторые — пригоршнями. Он с досадой добавлял:

— Пользоваться такими экскаваторами — все равно, что рыть колодец иглой.

Да, «препятствий» — хватало...

VII

Раннее утро...

Из окрестных сел и деревень доносились всполошные крики петухов, перекликающихся друг с другом. Побудка!.. Вскоре к громкому «Ку-ка-ре-ку» присоединился гул тракторов: это приступила к работе бригада Эльчи Марданова.

Сумбула прислушалась: гул был неровный, моторы то гудели монотонно, то натужно взрывались, то рычали по-львиному, видно, почва бригаде попалась каменная.

Сумбула не спала уже давно, в это утро она встала с петухами, и тому имелась достаточно важная причина. Ведь это было 1-е сентября — начало нового учебного года; и Сумбулу ждали новые ученики узбекской школы, которая открывалась на Новгородской земле — в одном из поселков, где жили освоители из Узбекистана.

В душе у Сумбулы царил праздник. Она срезала и собрала в букет почти все цветы, которые росли в горшочках, и вышла из дома.

Вот и братская могила... Рядом с привядшими цветами, которые Сумбула положила здесь недавно, пестрело еще несколько букетов. Кто их оставил? Может быть, студенты перед своим отъездом; может, освоители, приехавшие на днях... Сумбула мысленно поблагодарила их: спасибо вам, добрые люди... Она добавила к лежавшим цветам еще несколько — из своего букета, и тут услышала трижды повторенный сигнал автобуса, курсирующего по маршруту Старая Русса — Новгород. Такая уж сложилась традиция: все автобусы, проезжавшие мимо братской могилы, как бы салютовали — троекратным гудком — героям, покоившимся в сырой земле... Среди погибших при обороне и взятии Новгорода и Старой Руссы были ведь и водители.

Автобус остановился, вышедшие из него пассажиры поспешили к братской могиле, возложили на нее цветы, постояли молча минуту-две... Вместе с ними села в автобус и Сумбула, пристроившись на свободном месте.

В салоне автобуса стояла тишина. Лица у пассажиров были задумчивые... Может, они вспоминали о своих родных и близких, павших смертью храбрых в дни Великой Отечественной. Может, их томил житейские заботы... Сумбуле трудно было угадать — о чем они размышляли; что же касается ее самой, то все ее мысли были заняты предстоящим «историческим событием»: первым звонком и первым уроком в первой здешней узбекской школе...

Но, хотя она и была погружена в раздумье, взгляд ее не отрывался от пейзажей, проплывающих за окнами. Но вот кончились леса, и она увидела вдалеке стрелы подъемных кранов, стены зданий, еще низкие и уже выросшие; казалось, они торопились догнать и перегнать друг друга... Это хашарчи строили совхозный поселок.

Когда Сумбула на нужной ей остановке вышла из автобуса, ее маленькие наручные часы показывали семь тридцать по московскому времени. До первого звонка оставалось еще двадцать девять минут...

В школе комендант поселка мелнираторов бережно вручил Сумбуле колокольчик, изготовленный по «спецзаказу» в Новгороде. До вечеревого колокола ему действительно было далеко: правда, отлит он был из меди, но размером оказался чуть меньше кувинского граната и чуть больше намаганского яблочка.

— Возьмите. Сумбула-апа, — сказал комендант. — Пора уже давать первый звонок. Мастер, доставивший колокольчик, уверял, что его звон будет слышен даже в Новгороде. Ну-ка, проверим...

Сумбула, держа колокольчик в руках, разглядывала его, как священную реликвию. Потом осторожно потрянула им; язычок ударился о медные стенки; послышался громкий мелодичный звон. На глаза Сумбулы навернулись слезы, заблестели, как росинки, на кончиках ресниц.

В тот же миг распахнулись двери школы, и с улицы гуськом потянулись папы и мамы, которые вели за руку ребятишек. Все были празднично одеты, лица перwokлашек сияли.

Сумбула вошла в класс ровно в восемь часов.

Все классное оборудование было слажено в столярных мастерских ПМК. Свежий лак на партах отливал черным гляncем, как вороново крыло. Ученики, сидевшие за партами, почему-то напоминали Сумбуле лас-

точек на проводах... Поднимаясь один за другим, они торжественно произносили слова, как видно, выученные заранее:

— Здравствуйте, Сумбула-апа! Поздравляем вас с началом нового учебного года!

А потом каждый подошел к учительскому столу и положил на него свежие цветы.

Сумбула незаметно смахнула слезы с ресниц и с улыбкой проговорила:

— Я тоже вас поздравляю — вы ведь теперь ученики. Школьники. Перед вами открыта светлая дорога познания. Отсюда вы выйдете — образованными людьми.

Дети зашебетали, как птицы, заулыбались, весело переглядываясь, а Сумбула в доверительном тоне, который она всегда принимала в беседе с малышкой, продолжала:

— А теперь давайте познакомимся. Я ваша учительница, мое имя Сумбула. Вы можете звать меня: Сумбула-апа.

Ребятишки почему-то обрадованно захлопали в ладоши.

— Ну, вот, я вам представилась, теперь ваша очередь. Пусть каждый назовет свои имя и фамилию и скажет, кем работают его родители. Только говорите по порядку, не перебивая друг друга. Начнем с первой парты.

Деги, вскакивая, отбарабанивали с пулеметной скоростью:

— Шаира Пулатова. Папа тракторист, мама строит ясли...

— Батыр Кулматов. Отец экскаваторщик. Его портрет на Доске почета.

— Мама крановщица. На ее кране красный флажок.

— Папа дренажные траншеи роет...

— Мама мне и папе готовит обеды...

Выслушав всех, Сумбула удовлетворенно кивнула:

— Вот мы и познакомились. Ваши фамилии я записала в классный журнал.

Кто-то шепотом сообщил соседу:

— В журнале она будет отмечать — кто пришел, а кто пропустил урок...

Раздав каждому по несколько цветков из своего букета и из принесенных ребятами, Сумбула сказала:

— Сегодня мы урока проводить не будем, а навестим дедушку Ленина, возложим эти цветы к его памятнику.

От памятника Ленину, возвышающегося в центре поселка, Сумбула повела детвору к расположенной неподалеку братской могиле. Украсив оставшимися цветами каменную плиту, помолчала, склонив голову... Потом обратилась к своим ученикам:

— Тут покоятся воины, отдавшие свои жизни за ваше счастье, за то, чтобы вы сегодня могли пойти в школу. И за то, чтоб продолжалась жизнь на этой земле, которую ваши родители превращают в цветущий край. Вы, надеюсь, продолжите их дело. И это будет лучшим памятником павшим героям...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

I

Подойдя к телефону и взяв трубку, Хакимов услышал возбужденный голос Юлдашева:

— Хамид Хакимович! Встречай красный караван!

— Красный караван?

— Ха! Ты что, забыл, как у нас осенью отправляют на хлопкопункты первый хлопок? Вот, а мы тебе послали первую продукцию нашего завода — железобетонные изделия. Я сам провожал автокараван. Ну, устроили небольшой митинг, с карнаями-сурнаями. Завод ведь построен досрочно. И это первый наш завод в Новгородской области!

Хакимов был так обрадован этой вестью, что забыл про все свои раздоры с Юлдашевым:

— С меня суюнчи, Насыр-ака! И от души вас поздравляю. Теперь мы развернем строительство — на индустриальной основе...

— Не забудьте заранее сделать заявку на двери и оконные рамы — скоро вступит в строй и деревообделочная фабрика.

— Завтра же подам заявку. А вы не забудьте вернуть нам строителей, которых забрали в Шимск.

Юлдашев рассмеялся:

— Э, спохватился! Да у них уже кончился срок командировки, и они, так сказать, сидят на чемоданах.

— Ну, вот, — огорчился Хакимов, — строители на

месте — нет стройматериалов, появились стройматериалы — уезжают строители.

— Что поделаешь? Но ты не переживай, я подкину тебе людей. Одни уезжают — другие приезжают...

— Это-то и худо.

Спустя некоторое время после этого разговора появился на главной улице Старой Руссы первый грузовик «красного каравана». Борта его были обтянуты красными полотнищами; алая ткань трепетала и над кабиной, на ней белилами было выведено: «Все — для ударных строек!» Машины громко, непрерывно сигналили — так в Ташкенте сигналият лимузины, везущие новобранцев.

На железобетонных плитах, уложенных в кузове первого грузовика, восседали музыканты в бекасамовых халатах, чустских тюбетейках. Как только караван оказался на площади, где собрались встречающие во главе с Хакимовым, гулко запели карнай и сурнай, зазвенели домбры, им «подстукивали» дойры...

Возник стихийный митинг, который открыл Хамид Хакимович:

— Поздравляю вас, дорогие друзья, с пуском завода железобетонных изделий! Строители сдали его в эксплуатацию не только раньше планового срока, но и на тридцать пять дней раньше срока, который поставили в своих обязательствах. Что ж, мы тоже возьмем на себя повышенные обязательства. Хочу заверить представителей завода, приславшего нам первую свою продукцию, что мы в долгу не останемся! Обеспеченность стройматериалами поможет нам выйти из прорыва, а уже все дальнейшее зависит от нас, от нашего трудового энтузиазма, от того, как мы сумеем организовать дело...

Митинг продолжался, на нем выступили и освонтели, и жители Старой Руссы и окрестных сел; их слова звучали как клятва:

— Мы от всего сердца благодарны узбекским братьям, протянувшим нам руку помощи, и готовы помочь им всем, чем можем!

— В выходные дни все жители Старой Руссы выйдут на хашар!

— Колхозники тоже будут участвовать в этом хашаре!

Собственно, хашар начался тотчас же — как только завершился митинг. Не дожидаясь команды, все

участники митинга бросились к машинам, набитым железобетонными конструкциями, плитами, и споро принялись за разгрузку. Хамид Хакимович успел только сказать, куда что надо складывать.

Как молвится, от множества охотников и зайцу не убежать. Не прошло и часа, как в отведенном для этого месте были аккуратно уложены и бетонные плиты, и целые строительные блоки.

Хамид Хакимович вздохнул с облегчением: теперь дела должны пойти на лад... Вот когда пригодится опыт других ПМК — он уже изучен, пора применять его на практике.

II

Как и обещал Юлдашев, спустя три дня к Хакимову прибыла бригада строителей. Они работали подрядным методом, и Хакимов поручил им сооружение крупной автобазы. Остальное строительство велось силами ПМК. Хакимов очень надеялся на помощь местных жителей...

И они не подвели: ранним субботним утром к местам, где строились ударные объекты, начали прибывать на «КрАЗах» и тракторах с прицепами горожане и колхозники. Они разделились на бригады; у каждой имелась своя техника, свои руководители и специалисты. Работа не прекращалась до самой темноты. На славу потрудились старорусские хашарчи и в воскресенье.

Как-то наведаясь к Хамиду Хакимовичу Юлдашев. Он прошелся по строительным площадкам, потолковал со строителями; потом удовлетворенно сказал Хакимову:

— Вот вы и вошли в рабочий ритм. И с объемом, и с качеством строительных работ у вас все в порядке.

Хакимов усмехнулся:

— Редкий случай, когда налицо и стройматериалы, и строители.

— Не надоело тебе брюзжать? Когда все хорошо — люди радуются. А тебе все мало.

— Перемены к лучшему носят частный и, боюсь, временный характер. В принципе же все осталось по-прежнему...

— Ладно, не ворчи. Постепенно все образуется. Скажи-ка лучше, как у вас продвигается освоение земель?

— Ну, тут, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

— Хорошо. Веди меня на самый показательный участок.

В сопровождении Дмитрия Дуданова они направились на земли, до сих пор считавшиеся «бесперспективными».

И то, что увидели Юлдашев и Хакимов, заставило их лица вытянуться в недоумении.

Небольшой «бесперспективный» участок, очищенный от мин и металла, осушенный, а вчера глубоко вспаханный тракторами Эльчи Марданова, весь был усеян людьми; они наполняли землей ведра, мешки, корзины и тащили свою ношу в деревню; несколько колхозников кидали землю в прицеп «Кировца».

Юлдашев, смекнувший, в чем дело, широко улыбнулся:

— Вот яркое свидетельство того, что вы не зря тут поработали. Да, это большая победа...

Хамид Хакимович ничего не понимал. Какое свидетельство, какая победа? Ну, освоено еще один клочок земли. Его еще не успели сдать колхозу...

Лишь подойдя ближе и зачерпнув ладонью рыхлую землю, он уяснил, почему так обрадовался Юлдашев. Почва на освоенном участке оказалась на редкость завидной, да к тому же трактор вывернул наверх слой торфяника. Вот колхозники и торопились обогатить этой землицей свои приусадебные участки...

Да, подумал Хакимов, какие же богатства прячет здешняя земля — и не в сырых глубинах, а под тонким, как луковичная шелуха, слоем... Ведь эти вот площади недавно считались бросовыми, а пришли сюда люди, чуть копнули землю, — и обнаружили несметные сокровища! Сколько же времени мы топтали ногами бесценный клад?

Он взглянул на Юлдашева — у того с лица еще не сошла улыбка:

— Что, убедился теперь, какую победу вы одержали? У этой, так сказать, «бесперспективной» земли — величайшие перспективы, и твои палваны доказали это! Так держать, товарищ начальник ПМК!

III

У Юлдашева, в общем-то, имелись основания быть довольным и собой, и своими подчиненными. Худо ли, бедно ли, а с каждым месяцем, даже днем осваивалось все больше земли, строилось все больше до-

мов, ферм, хозяйственных помещений. Случались, конечно, и заторы, — не без этого; но общие итоги выглядели вполне прилично.

В один из хмурых дней поздней осени Юлдашев пришел в управление раньше всех — не было еще и секретарши. Он распахнул окна, проветривая кабинет, и тут же закрыл их, чтобы шум, доносившийся с улицы, не мешал ему работать. Сев за стол, он бегло просмотрел последние сводки, потом принялся за газеты — за делами он еще не успел прочитать вчерашние. Так... Десятая пятилетка уже набирала темпы, и мелиораторы из Узбекистана, осваивающие Нечерноземье, вносили в общее дело достойный вклад. Все чаще в газетах появлялись статьи и очерки, посвященные успехам узбекских освоителей. Ага, вот и еще заметка — об опыте строителей треста «Узбекивановострой». Здорово их хвалят. Надо позвонить Кудратову.

Юлдашев поднял телефонную трубку и попросил соединить его с управляющим «Узбекивановострой». Ему повезло: Кудратов оказался на месте.

— Алло! Кудратов? Здравствуйте, Эргаш Кудратович! Я вот прочитал заметку о ваших строителях... Судя по всему, строительство совхозов идет у вас полным ходом.

— Ну, полным — не полным... Но мы изыскали возможность — строить быстро, добротнo, дешево, а главное — с минимальной затратой сил.

— От души поздравляю вас!

— Спасибо. Но я бы переадресовал ваши поздравления одной энергичной девушке, Гуландом.

— Не слышал о такой.

— Скоро услышите. Это молодая комсомолка, и по ее инициативе был введен подрядный метод, который мы окрестили «методом Злобина — Гуландом».

Некоторое время Юлдашев обдумывал услышанное, потом сказал:

— А что, если я пошлю к вам своих людей — поучиться новому методу?

— По-моему, у вас немало бригад, которые работают получше, чем «гуландомовцы». Мы ведь тоже газеты читаем...

— Так-то оно, может, и так... Но вы о Гуландом говорите с таким восторгом, что разожгли мое любопытство. Так вы примете моих посланцев?

— Какой разговор — конечно, примем. И встретим

их с почетом и уважением — как хлопкоробы встречаются группы взаимопроверки из хозяйств, которые соревнуются с ними. Вот только ковров у нас нет, и барашка мы вряд ли сможем зарезать. Да и казанов для плова не хватит.

— Э, на этот раз соседи придут к вам не для проверки — а чтобы поучиться у вас.

Закончив разговор с Кудратовым, Юлдашев задумался. Кого же к нему послать? Может, Хамида Хакимовича? Ведь на «бесперспективных» землях, которые он освоил, как раз широко разворачивается строительство. И если жена Хакимова, Сумбула, ездила «за опытом» в другие ПМК Новгородщины, то почему бы самому Хакимову не прокатиться в соседнюю область? Там наверняка есть на что посмотреть и чему поучиться. У каждого треста — свои методы, придумки, новинки, секреты... Возьмем у ивановцев их, поделимся с ними своим, и оба треста станут богаче. Хакимову к тому же полезно встряхнуться, набраться новых впечатлений, да и зятя он давно не видел...

Придя к определенному решению, Юлдашев не стал звонить, а сел за руль своей машины и поехал по направлению к Старой Руссе.

Выехал он на рассвете и по пути успел заглянуть в другие ПМК.

На территории, где строился совхоз «Ташкент», уже тарахтели трактора. Экскаваторы зачерпывали своими ковшами огромные комья глины, сваливали ее рядом, и казалось, вдоль вырытых коллекторов и дренажных траншей тянутся миниатюрные горные хребты...

Несмотря на начавшийся дождь, работа кипела и на строительстве овцеводческих, кроличьих ферм. А вот на площадке, где сооружался животноводческий комплекс, было безлюдно, и краны словно застыли, вытянув свои верблюжьи шеи. Чудилось, выжидающе присматривались к чему-то...

Юлдашев повернул к баракам и громко просигнализировал. Из бараков высыпали люди, к Юлдашеву подбежал прораб, лицо у него было помятое после сна.

— Что с вами сегодня? — сердито спросил Юлдашев. — Вроде, до сих пор вам не нужен был будильник.

— Извините, проспали мои ребята. До поздней ночи хоккей смотрели по телевизору.

— Хоккеисты за вас работать не будут.

Лишь когда все разошлись по своим местам, Юлдашев продолжил путь.

Вот и Старая Русса... Он миновал автобазу,— люди Хакимова занимались там благоустройством: во дворе и вдоль дороги, ведущей к нему, разбивали цветники. Юлдашев слышал, что над разведением цветов взяла шефство Сумбула. Молодчина! А он когда-то уверял, что ей нечего здесь будет делать... Что ж, от ошибок никто не застрахован. Поначалу, правда, Сумбула-хон томилась без работы, но теперь у нее забот — сверх головы; и в школе преподает, и мужу — добрая помощница...

Хамида Хакимовича Юлдашев застал возле одного из домов, которые возводились в «бесперспективной» деревне. И возводились — из кирпича.

Как правило, дома в селах Нечерноземья строились типовые, из готовых блоков, так было дешевле и быстрее; однако Хакимов не захотел идти по этому пути. «Для чего же мы построили кирпичный завод? — говорил он. — Добротный дом — это кирпичный дом. Не хватало нам еще вселять людей в бетонные коробки, где летом душно, зимой холодно, а весной и осенью сыро. Нет, дома у нас должны быть красивые, прочные, удобные — в иных и негоже жить строителям. Каждую деревню надо превратить в «перспективную».

Юлдашев был с ним согласен.

И сейчас, когда он осмотрел строящийся дом, глаза его затеплились удовлетворением. Он сказал, обращаясь к Хакимову:

— Что ж, то, что ты делаешь, заслуживает всяческих похвал. Однако недаром говорится: урюк зацветает, видя, как цветет другой урюк. Я уже убедился, что ты падок до чужого опыта, и это хорошо. А не поглядеть ли тебе, что делается на земле Ивановской? Готов поспорить, что Кудратов зря времени не теряет. Он хвастаться не любит, но кое на что мне намекнул... Поезжай к нему — уж наверняка найдешь, что перенять. А заодно с зятем и братом повидаетесь. Поездки, так сказать, дают заряд бодрости и энергии...

Хакимов погладил ладонью затылок:

— Заманчиво... Надо только с женой посоветоваться.

— Заранее уверен: она не будет против. — Юлдашев засмеялся. — Надо же иногда женам отдыхать от мужей...

— А на кого я ПМК оставлю?

— Что ж, у тебя нет людей, на которых бы ты мог положиться? А Дуданов?

— Его еще надо уговорить. Он ведь механизатор, а не строитель. А сейчас главное: наблюдать за строительством.

— Справится. Не боги горшки обжигают.

— Не знаю, не знаю... Строители ведь такой народ: не будешь у них над душой стоять, так, того гляди, начнут халтурить... Им, по-моему, просто непонятно: как это — сдать объект без недоделок? Дуданову-то это известно.

— А мы его согласия не станем спрашивать. Назначим приказом и. о. начальника ПМК — и дело с концом.

Однако Дуданова надо еще было разыскать. Ни на атобазе, ни в ремонтных мастерских его не оказалось. Кто-то сообщил, что Дмитрий срочно уехал в город.

— Чего его туда понесло? — удивился Хакимов. — Я ему никаких срочных поручений не давал.

— Да он услышал, что наш Эльчи на водокачку полез...

— Эльчи! — Хакимов покачал головой. — Вот неугомонный! Только и жди, что он какой-нибудь фортель выкинет. Раз внук сапера, значит, до всего ему дело. Интересно, что ему взбрело в голову на этот раз? Водокачка... Зачем она ему понадобилась?

IV

Деревянная водокачка — сооружение скромное, малоприметное — высилась в углу городской площади. Не отличалась она ни древностью, ни красотой, как иные памятники старины, имеющие архитектурную ценность, свидетельствующие об искусстве русских мастеров, о далеком прошлом земли Новгородской. Построили водокачку уже после революции.

Однако она тоже была предметом гордости жителей Старой Руссы, и часто у ее подножья появлялись свежие цветы...

— Она нам дороже иных архитектурных памятников, — говорили горожане. — И хотя лет ей не так уж много, но она тоже — историческая реликвия, и священна для нас.

Иные из легенд, связанные с водокачкой, дошли до

Эльчи Марданова, и ему захотелось взглянуть на деревянную башню. Желание это усилилось после разговора с одним из жителей Старой Руссы. Они договорились о новой встрече, и ранним утром Эльчи поспешил в город.

Моросил дождь, и, казалось, весь воздух — от неба до земли — был опутан тонкими нитями. Случись такой дождик в кишлаке — и уже вскоре вздулись бы ручьи и арыки, вода бежала бы с веселым журчаньем, выплескиваясь на берега. Здесь же, в городе, она быстро стекала с тротуаров и мостовых. Контуры памятников старинного зодчества расплывались за дождевой завесой; золотые купола потеряли свою яркость; а деревянные стены водокачки, омытые дождем, наоборот, отливали лаковой желтизной — как золотое литье.

Когда Эльчи подошел к ней, дождь уже кончался. Прозрачные нити редели; в тучах, еще недавно тяжело висевших над городом, появились разрывы; из голубых прорубей хлынули нежные, как шелк, солнечные лучи.

Эльчи, встретившись у водокачки с новым знакомым, долго стоял, запрокинув голову. Макушка башни цеплялась за рыхлые облака, медленно, словно нехотя, уплывавшие на запад; стены же все были в отверстиях, проделанных пулями, глубоких оспинах от осколков снарядов.

Эльчи скользил по ним взглядом, полным почтения, как будто не башня водокачки была перед ним, а ветеран войны, весь израженный, иссеченный старыми шрамами, но не сдавшийся врагу...

И вспомнилась ему короткая, но славная история этой водокачки, услышанная им от старожиллов города.

Некоторое время, вплоть до войны, водокачка честно служила жителям древнего города. Ее насосы вбирали воду из реки и каналов, поднимали ее на высоту, равную длине трех тополей, потом она очищалась, отстаивалась и по трубам распределялась между предприятиями и домами города...

Когда к городу подступила черная туча войны, извергая свинцовый град пуль, обрушив на улицы снаряды и бомбы, к небу потянулись дымные огненные языки, многие дома превратились в развалины, рухнули, как подкошенные, вековые деревья. А водокачка устояла, грудью встретив свинцовый шквал, и продол-

жала высасывать, фильтровать, гнать по трубам драгоценную влагу.

И так — до тех пор, пока в город не ворвались гитлеровцы. Им не досталось ни глотка чистой воды! Вход в водокачку был наглухо забит, специалисты, работавшие на ней, как сквозь землю провалились. Кто-то уверял, что они погибли во время штурма города, другие говорили, будто они ушли вместе с частями Красной Армии.

Пустить водокачку в ход было поручено фашистским саперам.

И вот три сапера, прихватив с собой миноискатели, взломали дверь, ведущую в деревянную башню, и, боязливо оглядываясь, освещая себе путь карманными фонариками, вступили в сырую темноту.

Тихо... Пусто... Ни насосы, ни трубы, ни лестница, устремляющаяся вверх, не были повреждены. Если цел и верхний резервуар, тогда все в порядке, можно будет доложить командованию: вода — есть!

И все же командира группы не покидала тревога. Странно, что русские оставили в целости и невредимости столь жизненно важно сооружение! Может, кто прячется наверху? И он громко крикнул:

— Эй! Если кто тут затаился — спускайтесь вниз! Лучше быть пленным, чем убитым! Не спуститесь — мы все равно обнаружим и расстреляем на месте. Считаем до трех... Раз... два... три..

Ответом было глухое молчание.

Тогда командир приказал одному из саперов:

— Поднимайся!

Держа под мышкой миноискатель, а в руке парабеллум, сапер — молодой верзила — стал взбираться по ступенькам металлической лестницы, чуть не на каждом шагу подавая голос: «Нихт» — мол, никого нет. Это слово, успокаивающее командира, эхом отдавалось в тишине. И вдруг сапер надолго замолк. У командира похолодело сердце, он позвал:

— Эй! Почему молчишь? Что случилось?

Отклика не последовало.

Подавив тревогу, командир обратился ко второму саперу, кивком показав на лестницу:

— Теперь ты поднимайся. Только будь осторожней.

— Яволь!

С ним произошло то же, что и с первым сапером:

сначала он давал знать о себе, а потом — будто в воду канул.

Командир готов уже был впасть в панику:

— Эй! Какого черта вы не отзываетесь?

Пугающее эхо возвратило его голос.

Но сколь ни перетрусил командир, — ему ничего не оставалось, как лезть следом за своими подчиненными.

Обратно, как и они, он не возвратился.

Фашисты послали на водокачку еще несколько солдат — и все они бесследно пропали. Поскольку лестница была узенькая, то по ней можно было подниматься только в одиночку, и это осложняло положение фашистов. Они не знали, что и предположить. Смущало их то, что они не слышали ни криков, ни выстрелов. Кто-то высказал догадку, что в верхней части водокачки скопились вредные газы. Не желая больше рисковать людьми, немцы отказались от попыток захватить водокачку.

Фашисты, однако, были далеки от истины. На самом же деле в водокачке засел маленький гарнизон...

До войны на водокачке работали отец и сын Афанасьевы. Когда бои уже подходили к городу и ясно стало, что его, может быть, придется оставить, советский офицер привел к Афанасьевым чернявого, смуглого сапера и сказал, что с этой минуты они переходят в его подчинение, образуя боевую группу, которая должна: во-первых, снабжать питьевой водой город и обороняющие его части Красной Армии, во-вторых, наблюдать за расположением и действиями противника, в-третьих, в случае необходимости — удерживать водокачку в своих руках, ни в коем разе не отдавать ее фашистам...

После ухода офицера Афанасьев-старший, вытянувшись в струнку и отдавая честь, полусутоливо проговорил:

— Товарищ комиссар! Гарнизон готов к выполнению боевых заданий!

Сапер, сохраняя серьезный вид, махнул рукой:

— Вольно! — и не смог удержаться от мягкой улыбки. — Только я никакой не комиссар. Зовите меня Кадыром. Фамилия у меня узбекская, боюсь, вы ее не запомните...

Вскоре они уже все знали друг о друге.

Кадыр был родом из предгорного кишлака в Ферганской долине. Еще до войны он прошел подготовку по саперной части, и летом 1941 года, когда гитлеровская

Германия напала на Советский Союз, был призван в ряды Красной Армии в качестве сапера. Кадыр успел закалиться в боях, пережил горечь отступления. Он знал толк во всем, что связано с водой, и в саперном взводе 243-ей стрелковой дивизии его с добродушным юмором называли «водоснабжением». Не удивительно, что при обороне Старой Руссы ему поручили «опекать» водокачку. Он сознавал, какая ответственность легла на его плечи: от него зависело водоснабжение города и его защитников. И понимал, что ему не обойтись без помощи специалистов из местных жителей. Такими оказались Афанасьевы...

Они были уроженцами Старой Руссы и знатоками своего дела. Афанасьев-старший по своим годам уже не подлежал мобилизации в армию, Афанасьев-младший еще не достиг призывного возраста. Однако они всем, чем могли, старались подсобить и родной армии, и землякам, и вдвоем трудились на водокачке за пятерых. Когда же к ним присоединился Кадыр, опытный сапер, у них словно прибавилось сил.

Кадыр, сам труженик, уважал и в других умение, сноровку, самоотверженность в работе. Стоит ли удивляться тому, что он и Афанасьевы крепко подружились и понимали друг друга с полуслова. У них все было общее: дело, цель, мысли, еда: Афанасьевы приносили ее из дома, Кадыр из солдатской столовой.

Но хотя они всей душой привязались друг к другу, однако подчинялись порядкам военного времени, слово Кадыра было для Афанасьевых законом, каждая капля воды отпускалась лишь с его разрешения.

— Сейчас вода,— говорил он своим друзьям,— так же ценна, как оружие и боеприпасы.

Однажды он принес снайперскую пятизарядную винтовку:

— Вот. Будем теперь и мы истреблять фашистов.

Он выбил стекла из маленьких окошек в верхней части башни, превратив их в своеобразные амбразуры.

Так водокачка стала не только удобным наблюдательным пунктом — все, что им удавалось увидеть, «засечь», Кадыр передавал в штаб воинского соединения, расположенного в городе, — но и действующей огневой точкой.

Вот когдагодились Афанасьеву-старшему его охотничьи навыки. На охоте он влет бил диких уток. Как говорится, попадал птице прямо в клюв. Сейчас

же, когда они «окопались» на водокачке, от его пуль полегло немало «коричневой мрази», как он выражался. Из окошек башни позиции фашистов видны были — как на ладони, винтовка же была с оптическим прицелом и глушителем, стреляла метко и бесшумно, немцам и в голову не приходило, что пули, прореживающие их ряды, летят с водокачки... Кадыр и Афанасьев-старший не успевали подсчитывать — скольких гитлеровцев они уложили; да подсчетом и некогда было заниматься... «Гарнизон» не ведал передышки ни днем ни ночью. От зари до зари — работа, наблюдения, снайперская стрельба. Но и с наступлением темноты друзья не бездельничали: рыли подземный ход от водокачки к церкви... Только они его закончили, как город захватили фашисты. Афанасьевы успели заколотить досками вход в водокачку, а сами проникли в нее по подземному входу. Трудно поэтому было заподозрить, что на водокачке кто-то есть.

Кадыр остался с Афанасьевым: приказа уходить он не получил.

Гитлеровцы, как известно, пытались овладеть водокачкой, и иногда Кадыр подумывал, — а не взорвать ли ее? Но тут же останавливал себя: нет, если они в силах нанести немцам еще потери, — грех не воспользоваться такой возможностью. Немцев, которые отваживались лезть наверх, они оглушали или душили: трупы, а порой и полуживых фашистов («языки!») увлакивали по подземному ходу. Таким же путем Афанасьев-младший связывался с представителями подполья, передавая разведывательные сведения: с водокачки многое удавалось увидеть.

Фашисты, в конце концов, оставили водокачку в покое, снова заколотили вход в нее, а на двери прибили черную дощечку с изображенным на ней белым черепом — для устрашения горожан. И больше ни сами немцы, ни местные жители не приближались к деревянной башне. Она стояла, если смотреть на нее со стороны, заброшенная, угрюмая, пустынная...

В действительности же на водокачке шла своя жизнь. Афанасьеву-младшему подпольщики вручили рацию, это позволяло более оперативно использовать данные, собранные «гарнизонам», в действие вступила советская авиация, она бомбила пункты, указанные в сообщениях с водокачки. Охотиться на фашистов Афанасьеву-старшему и Кадыру стало труднее, те

опасались показываться днем на открытых местах; и все же число гитлеровцев, сраженных выстрелами из снайперской винтовки, все росло.

Когда немцы оккупировали город, многие жители укрылись в окрестных лесах. Но война затягивалась, и постепенно они стали возвращаться в свои дома, часто полуразрушенные. Без питьевой воды горожанам приходилось трудно, и тогда, на свой страх и риск, «гарнизон» — незаметно для фашистов — «оживил» водокачку; из водопроводных кранов полилась благодатная влага. Несмотря на все меры предосторожности, принятые «кадыровцами», утаить шило в мешке не удалось; фашисты напали на их след; обнаружили и подземный ход. В коротком неравном бою, завязавшемся между «кадыровцами» и оккупантами в глубокой ночной темноте, погиб Афанасьев-старший; его сын и Кадыр, тяжело раненные, истекавшие кровью, чудом ускользнули от фашистских преследователей; долгое время местные жители прятали героев водокачки в развалинах зданий, в подвалах и заброшенных траншеях, кормили, залечивали их раны.

Когда воины Советской Армии отбили город у гитлеровцев, Кадыр и Афанасьев-младший вступили в ее ряды. Однако война развела их дороги...

После того, как над нашей землей взошло солнце Победы, Афанасьев вернулся в родной город. Он часто навещался на водокачку со своими сыновьями, вспоминал, как сражался он здесь с фашистами вместе с отцом и Кадыром. Жив ли тот или пал смертью храбрых, он не знал. И когда к ним прибыли посланцы из Узбекистана, он обрадовался: может, есть среди них земляки Кадыра. Он дотошно расспрашивал всех: не знают ли они сапера Марданова, не слышали ли что о его судьбе.

И надо же было так случиться, что Афанасьев-младший встретил Эльчи. Приглядевшись к парню, он сказал, что тот напоминает ему одного боевого побратима... В разговоре выяснилось, что Эльчи — внук сапера Кадыра. Отрадная весть оказалась и горькой; с болью выслушал Афанасьев рассказ Эльчи о гибели его деда. И сам многое поведал новому знакомому, внуку своего друга, о героических делах «малого гарнизона».

Они договорились утром следующего дня свидеться возле знаменитой водокачки. Афанасьев пообещал Эльчи, что проведет его наверх и покажет — где они обитали...

Там, наверху, и застали их Юлдашев и Хакимов, отправившиеся в город, чтобы «призвать к порядку» неугомонного парня, который вывел их из терпения своей «самодеятельностью».

С Афанасьевым и Эльчи был и Дуданов.

Хотя, выяснив, в чем дело, начальство и поостыло, и смягчилось — Дуданов и Эльчи все же не избежали выволочки.

— Я все прекрасно понимаю, — сказал Хамид Хакимович. — Военное прошлое и для меня свято. Но нельзя же бросать на произвол судьбы и людей, и технику. Ты, Эльчи, должен был предупредить меня и Дмитрия, что тебе необходимо отлучиться. Тогда бы и Дмитрию не пришлось срывать в город, и мы бы не волновались.

Эльчи, слушая Хакимова, вздыхал, но, судя по выражению его лица, не чувствовал себя виноватым.

Юлдашев не преминул заметить, обращаясь к Хамиду Хакимовичу:

— Распустил ты своих людей, товарищ Хакимов. Каждый — сам себе хозяин. Чтобы не допускать анархии, надо покрепче держать их в узде.

Впрочем, этот упрек с полным основанием можно было обратить и к самому Юлдашеву: тому тоже не всегда удавалось добиться от своих подчиненных строгого соблюдения трудовой дисциплины.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

I

Бывало, и поздней осенью выдавались погожие дни.

В один из таких дней, солнечный, с теплым ветерком, Кудратов и Набилжан выехали в Кохму, где строился новый городок.

Как раз там работала теперь Гуландом, и Кудратов, подумав о ней, решил вернуться к разговору, который однажды уже состоялся между ним и Набилжаном.

— Гуландом по-прежнему тебя избегает?

— Ха! Как завидит, так шарахается, будто от огня. Я уж сам стал ее побаиваться. Вот едем сейчас в Кохму, а на сердце кошки скребут: еще напорюсь на нее...

Кудратов сокрушенно покачал головой:

— Как ты о ней... грубо, резко. Неужели у тебя к бедняжке ни капли сочувствия?

— Глаза б мои на нее не глядели. Наде, думаете, приятно знать, что у нее — «соперница»? Повода для ревности я не даю, вам-то это известно, но кто разберется в женской душе? Мало ли что Надежде может взбрести в голову, если уж шушок пошел, будто между мной и Гуландом что-то есть. Тут как в анекдоте: то ли я пальто украл, то ли у меня украли, но дело нечисто...

— Ну, Надежда-то может быть совершенно спокойна. Кстати, скажи ей, что она завтра же может оформляться в отделе кадров нашего треста и приступить к работе. Как ты и просил — в должности экономиста. Нам нужны сотрудники из местных жителей. Только это еще не значит, что мы берем ее в снохи.

— А я как раз хотел попросить вас — быть моим сватом.

— Ого! Вот даже как! А своих родных ты известил о намерении жениться?

— Я написал отцу и братьям. Ответа пока не получил. Но здесь вы мне — и отец, и старший брат.

— Тебе, значит, нужно мое благословение? Предположим, я — за. Надежда мне по душе. А сама-то она — согласна выйти за тебя замуж?

— Мы же любим друг друга.

— Любить — одно, решиться на замужество — другое. Как это у Чехова? Женитьба — дело серьезное...

— А зачем бы ей тогда знакомить меня с матерью?

— И как мать на это смотрит? Ты ведь мне об этом не докладывал.

Набиджан замялся:

— Принимает-то она меня хорошо... Только все приглядывается — как дехканин к коню, которого он собирается купить. Разве что зубы не проверила...

— И к какому же, по-твоему, она пришла выводу?

— Она мне ничего не сказала.

— Может, с дочерью поделилась своим впечатлением?

— Откуда мне знать? Надя тоже помалкивает.

— Ну, если мать одобрила бы ее выбор, Надежда поспешила бы доложить тебе об этом...

Тень набежала на лицо Набиджана. Ему пришлось резко затормозить перед траншеей, вырытой для про-

кладки труб, по которым должен был потечь газ в строящийся городок мелиораторов. Траншея была хоть и узкая, но глубокая. Объезд же Набиджана не устраивал: дорогу там искромсали, размесили тяжелые колеса КрАЗов и МАЗов. Можно и застрять. Кудратову, видно, тоже было жалко повенькую «Волгу». Выбравшись из машины и оглядевшись, он сказал:

— Принесси-ка доски, перекинем их через траншею.

Он и сам отправился на поиски досок. Но недаром существует выражение: сапожник — без сапог. Хотя рядом велось строительство, Кудратову не удалось подобрать ни одной подходящей — толстой и прочной — доски.

С досками не повезло и Набиджану, однако он набрел на сложенные в кучу гипсопрокатные плиты. Они вполне могли заменить доски. Но только он попросил знакомых ребят помочь ему поднять пару плит и отнести их к траншее, как перед ним, будто из-под земли, выросла Гуландом:

— Эй, уважаемый! Куда это вы собрались тащить наши стройматериалы? — она язвительно усмехнулась. — Уж не собираетесь ли воздвигнуть из них дворец для своей Надежды — за государственный счет?

Набиджан стоял, как вкопанный, хлопая глазами. А Гуландом приказала:

— А, ну! Положите плиты на место. Не то милицию позову. И вам достанется за кражу государственного имущества.

Набиджан, наконец, обрел дар речи:

— Не, Гуландом! Это ты?

— Нет, призрак. Ну, живо — кладите плиты.

— Послушай, Гуландом...

— И прошу не «тыкать», уважаемый.

— Ха! Как может человек зазнаваться!..

— Может, оставите свои шуточки? Я лично шутить не намерена.

— Тише, Гуландом. Со мной начальник треста.

— Здесь я начальник. И это стройматериалы, предназначенные для моей бригады.

Набиджан и его помощники опустили плиты на землю. Окнув девушку испытующим взглядом и в очередной раз вогнав ее в краску, Набиджан сказал оскорбленным видом:

— Не понимаю тебя, Гуландом. Нам плиты на время нужны, для дела.

— Зато я вас давно раскусила, — отрезала Гуландом.

дом и, подозвав двух строителей, кивнула на плиты.— Отнесите их к дому номер семнадцать. И пошевеливайтесь!

Набиджан, усмехаясь, покачал головой:

— Ну, и характерец у тебя!

А про себя подумал: «Вот уж не завидую тому, кто — не дай бог — в тебя втюрится. Меня, к счастью, эта опасность миновала...»

II

После памятного разговора с Набиджаном, когда он признался в любви к какой-то Надежде, Гуландом, действительно, вознамерилась вернуться в родной Янгир. Однако, поостыв, осудила свой порыв: «С каким же лицом ты явишься к своим землякам? Ведь всем известно, как рвалась ты на Нечерноземье. Нет, уехать отсюда — было бы дезертиством. Ведь со стыда бы потом сгорела!»

Тщательно обдумав сложившуюся ситуацию, Гуландом решила: бог с ним, с Набиджаном; он не стоит ее любви; она еще покажет ему — и всем в тресте, на что способна! Она прославит свое имя самозабвенным трудом! И труд залечит ее душевные раны... Только в третьей ПМК ей больше делать нечего, тут особенно не выделиться. Надо перевестись в колонну, которая занимается большим строительством. Вот ташкентцы, к примеру, возводят новый городок близ Кохмы. Там для нее найдется достойное дело...

Кудратов, выслушав просьбу Гуландом, с неожиданной для нее готовностью пошел ей навстречу.

Правда, в ПМК, где она стала работать, специальность штукатура пока не требовалась. Самая большая нужда была в каменщиках. И Гуландом без особых усилий освоила эту строительную профессию, научилась класть кирпичи, причем настолько в этом преуспела, что вскоре ее фотография украсила Доску почета. Как в Янгире. Только не было рядом фотографии Набиджана...

Дома росли, строители приступили к их облицовке,— и уж тут не было равных Гуландом! Она всю себя отдавала работе, не оставляя времени даже на досуг. Да и зачем ей досуг? Чтобы копаться в своих переживаниях, перебирать — как черные четки — горькие, докучные мысли?

Сноровистую, энергичную, не жалеющую себя девушку нельзя было не заметить. Не прошло и нескольких месяцев, как Гуландом поставили во главе молодежно-комсомольской бригады. И она сразу же заявила:

— Будем работать по злобинскому методу!

Бригаду Гуландом стали именовать комплексной. Она отвечала за весь цикл работ, необходимых при строительстве здания, начиная от закладки фундамента и кончая отделкой квартир.

Со злобинским методом Гуландом познакомилась еще в Янгиере: почин Злобина одними из первых подхватили ее дядья и братья, да ей и самой довелось участвовать в строительстве нескольких домов «по-злобински».

Гуландом казалось, что достаточно знать все «секреты» злобинского метода, — и все будет в порядке. Ребята в ее бригаде были как на подбор, в стране набирала мощь строительная индустрия, все больше поступало в ПМК сборных конструкций, оставалось применить на практике свои знания и умение, трудиться с полной отдачей...

Собрав бригаду, Гуландом сказала:

— Как было у нас в Янгиере, когда мы взяли на вооружение злобинский метод? Уложить кубометр кирпичей в смену — уже считалось победой! Но при здешних возможностях, да еще на земле русской, где родился метод Злобина, такие показатели — курам на смех. Черепашьи темпы не годятся, если мы хотим строить быстро, добротнo, дешево. Ведь это — девиз злобинцев! И у нас имеются все условия, чтобы воплотить его в жизнь.

Бригада горячо поддержала Гуландом, и, окрыленная этой поддержкой, она добилась подряда на дом из двадцати четырех квартир.

Тут-то Гуландом убедилась, что от провозглашения девиза до его претворения в жизнь, пролегает дорога совсем не гладкая, а в ухабах и рытвинах. И главным препятствием, сдерживающим темпы строительства, оказалась неаккуратность поставщиков. Из благих намерений дом не построишь — нужны были бетон, кирпичи, доски и много чего другого. Все это поступало в бригаду с такой нерегулярностью, что подрывало саму идею подряда. Часы напряженной работы чередовались с часами томительных простоев. График

строительства постоянно нарушался, и хотя бригада была в этом неповинна, но именно на нее сыпались все шишки: ссылки на объективные обстоятельства никоим образом не могли заменить сдачу в срок готового дома.

Кому только не жаловалась Гуландом на поставщиков! Дозвонившись Кудратову, она чуть не со слезами спросила:

— Эргаш-ака, когда же, наконец, прекратится это безобразие? Не только моя бригада, но и другие слишком часто вынуждены загорать на солнышке. Мы работаем по графику — почему для поставщиков график не стал законом, и им ничего не стоит сорвать его? Почему мы поставлены в неравные условия: с нас — спрос, им — поблажки?

Это был буквально вопль души, и Кудратов, взявший за правило конкретными мерами реагировать на каждый тревожный сигнал, тут же распорядился отправить в бригаду Гуландом стройматериалы, которые не были вовремя разгружены — вагоны с ними железнодорожники заткнули на запасные пути. Он договорился и с одним из местных предприятий о бесперебойном снабжении «гуландомовцев» бетонным раствором.

Дела у бригады пошли веселей; набрав нужный темп, она уже спустя несколько дней стала укладываться в график; Гуландом вздохнула с облегчением...

Но радость ее длилась недолго. Только успели строители залатать одни прорехи, как обнаружили другие. Выяснилось, что размеры гипсопрокатных плит, которые изготавливал Ивановский завод, не соответствуют проектным: одни были длиннее, другие короче, чем полагалось. Пустить в дело короткие вообще не представлялось возможным, длинные же приходилось подпиливать, однако пилам могучие плиты подавались с трудом, на возню с ними уходила уйма времени и сил. Вот и получалось: вместо того, чтобы строить быстро и дешево, бригада Гуландом тратила драгоценные часы на лишнюю работу, что удорожало строительство. Все это выводило нетерпеливую девушку из себя. И как раз в ту недобрую минуту, когда она кипела от злости, ей и подвернулся под руку Набиджан. По неведению он ухватился именно за подпиленные плиты. Неудивительно, что Гуландом взорвалась. Были, конечно, на то и другие причины.

III

Не застав Набиджана у машины и увидев, что он разговаривает с Гуландом, Кудратов поспешил к ним. Выяснив, в чем дело, он отослал водителя к «Волге»: «жди меня там», а сам, осмотрев дом, который строили «гуландомовцы» и ознакомившись с ходом работ, обратился к Гуландом:

— Так что тебе связывает руки, товарищ бригадир? Выкладывай все, как на духу.

— А! Недуг известен, — с досадой произнесла девушка. — Я с вами о нем уже говорила.

— Но после этого положение со стройматериалами у вас улучшилось, верно? Я гляжу, теперь всего хватает — и кирпича, и досок, и гипсопрокатных плит...

— Плит даже более, чем хватает.

— То есть?

— А вы посмотрите, что нам завод присылает. Там свои стандарты, а у янгиерцев, которые проектировали дом, свои. И они не совпадают. Видите, в этой куче — плиты после подпилки, с проектными размерами. А вон те — только что сгружены с плитовоза, прибывшего с завода. Разница — как между небом и землей...

— М-да... — Кудратов окинул скептическим взглядом продукцию Ивановского завода. — Но могу тебя утешить. Об этих плитах был уже разговор в обкоме. Завод перестраивает свою работу. Ну, а к нашим, к Рахматову, у тебя никаких претензий?

— Панели, в общем-то, соответствуют стандартам, предусмотренным в проекте. Но вот их качество, — Гуландом поморщилась, как будто съела кислый гранат. — Соединишь их, так щели простым глазом можно увидеть. Попадаются и скобоченные. И не учтена разница температур — зимой и летом. В холоде в эти панели гвоздь невозможно забить, а в жару при ударах они крошатся.

Заметив, что все сказанное ей Кудратов заносит в свой блокнот, Гуландом осмелела и решила выложить все, что накипело у нее на душе:

— Ей-богу, заводские совсем не думают о том, как нам-то смотреть в глаза людям, для которых мы дома ладим? Брак — их, а ответ-то держать — нам! Кого будут проклинать жильцы, вселившись в кварти-

ры, где все наперекосяк и из щелей дует? Нас, строителей. Им дела нет до того, что сами-то мы — в зависимости от поставщиков, что стройматериалы — не мы же изготавливаем! И они нам скажут: мол, отравили вы радость новоселья. А истинные виновники, как всегда, останутся в тени. Вытащить бы их из этой тени — за ушко да на солнышко!

— Ты о заработках скажи! — вмешался кто-то из строителей, окруживших бригадира и начальника треста. — Сколько мы лишней работы делаем: плиты подпиливаем, дверные петли подтачиваем, мало ли что еще... Только при определении зарплаты все это не учитывается. Вот и выходит, что мы даром за чужого дядю вкалываем...

Кудратов и это занес в блокнот.

— Совести нет у этих «чужих дядей», — веско добавила Гуландом — Да, да, Эргаш-ака, в нашем деле главное — не только планы и кубометры, но и рабочая совесть. Трудились бы на заводе по совести, так и у нас все было бы в ажуре.

«А она права, — слушая ее, думал Кудратов. — Совесть, конечно, категория нравственная, а не производственная, в проектах и рабочих заданиях она не отражена, а как без нее обойтись? Если бы каждый в полной мере чувствовал бремя ответственности, какая на нем лежит, не возникало бы взаимных претензий, и дела шли бы всюду без сучка, без задоринки. Неаккуратный поставщик, бракодел, головотяп — это все люди без совести».

Он был доволен состоявшимся разговором. И уже прикидывал — что надо предпринять, чтобы устранить прелоны с пути строителей. По существу — искусственные препоны!

Уже собираясь уходить, Кудратов отвел Гуландом в сторону и отеческим тоном спросил:

— Слушай, а что ты на Набиджана-то так набросилась?

— Поделом ему.

— Не понимаю, что вы не поделили? Или тут какая-то тайна, в какие посторонних не посвящают?

— Нет у меня никаких тайн.

— А говорят, ты из-за него хотела домой уехать...

— Еще чего! — Гуландом самолюбиво вскинула голову. — Болтать можно, что угодно, на чужой роток не накинешь платок. Но сами подумайте: могла ли я

из-за кого-то против своей совести пойти? Я ведь приехала сюда — по велению совести.

IV

Эти слова Гуландом о совести заставили Кудратова вспомнить об одном инциденте, происшедшем в ПМК Байбекова.

Байбекову предстояло освоить участок, занятый болотом. Он уже на своей шкуре успел почувствовать, как коварны здешние болота: возле церкви трясина чуть не засосала всю пропашную технику. Ну, а то болото, на которое он готовил наступление, как поговаривали, в свое время поглотило целую деревню. Тут надо было ухо держать востро, семь раз отмерить — один раз отрезать.

Байбеков решил сначала все увидеть своими глазами: пройти пешком из конца в конец весь участок, «выпытать» у болота его тайны, чтобы потом быть готовым к любым неожиданностям и к преодолению трудностей, специфических для работы именно в этих местах, где, вместо того, чтобы утолять жажду иссохшей, растрескавшейся земли, как это было в Голодной степи, нужно было избавлять ее от излишней влаги.

Первая трудность не заставила себя ждать: бездорожье. Байбекову пришлось натянуть на себя резиновые сапоги, и, знакомясь с участком, предназначенным под освоение, он то и дело проваливался в черную жижу по колено, а то и по пояс.

Удручала Байбекова и необходимость «бороться» с тем, что на его родине считалось благом. Земля здесь густо заросла высокой травой, кустарником, молодыми деревцами. Встреться ему эти кусты и деревья в степи, он бы не только постарался сохранить их, но и холил бы, аккуратно поливал, ухаживал бы за каждым кустиком. О деревьях что уж и говорить: это украшение степи и ее отрада, они дарят благодатную тень путникам, смягчают суровые степные пейзажи — как их не любить, не беречь?

А здесь, в Нечерноземье, вся эта зелень — помеха мелиораторам. И Байбеков, дороживший у себя в степи каждой былинкой, вынужден был скрепя сердце отдать своим механизаторам распоряжение о корчевке кустов и деревьев, «засорявших» участок, кото-

рому надлежало стать полем. Да и всем в ПМК казалось кощунством: нещадно уничтожать, вырывать с корнем всю эту, на их взгляд, красоту. Чисто психологически они не могли принять ту истину, что лесов, рощ, болотной растительности тут вдосталь, а вот окультуренной земли — не хватает. Но в то же время видели, понимали: без корчевки — не обойтись. Она неотъемлемой частью входила в «культурно-технический комплекс мелиоративных работ».

И, терзаясь совестью, перебарывая себя, свое отношение к зелени, воспитанное жизнью в знойных степях и пустынях, освоители повели свою мощную технику в наступление на болота.

Экскаваторы с грохотом, сотрясавшим землю и небо, рыли траншеи для стока воды; ножи бульдозеров безжалостно срезали кусты, зеленые их ветви трепетали, как крылья подбитых птиц.

Неожиданно наступила тишина.

Байбеков, приехавший на участок, удивился: до обеденного перерыва еще далеко; что же тут стряслось, почему остановилась работа?

На краю болота, где зеленела сочная трава, толпились механизаторы, и оттуда слышался истошный женский вопль:

— Что вы делаете, супостаты?! Уходите отсюда. Богом прошу — уходите!

Байбеков, приблизившись к месту происшествия, сердито спросил:

— Почему баклуши бьете?

— Вы что — не видите? — один из трактористов кивнул на пожилую женщину, окруженную маленькими детьми; раскинув руки, она стояла перед трактором, не пуская его к лугу; дети, уперевав ручонки в бока, тоже кричали:

— Не троньте нашу траву! Уходите!

Редкие седые волосы женщины падали на сморщенное, маленькое, как у птицы, лицо: когда Байбеков подошел к ней, она уставилась на него вылинявшими, болотного цвета, глазами:

— Ты будешь ихний начальник?

— Чем могу служить, почтенная?

— Ишь, какой вежливый! Почтенная! Мягко стелешь, да жестко спать. Что же ты нас без ножа режешь? Буренку нашу хочешь без корма оставить?

У женщины трясся подбородок, щеки то бледнели,

то вспыхивали, острый взгляд так и буравил Байбекова.

Он осторожно поинтересовался:

— Этот луг — он что, вам принадлежит? Тогда прошу извинить нас. Участок выделило нам колхозное правление, мне сам Алексей Васильевич показал, где его границы... Видно, какая-то ошибка произошла.

Женщина, казалось, не слышала его:

— Уходите отсюда, это не ваша земля.

Байбеков вопросительно посмотрел на своих ребят, те опустили головы. Никому не хотелось, чтобы на его совести были слезы русской женщины, которая в матери им годилась. Не зная, что и делать, Байбеков послал одного из механизаторов в колхоз, для которого осваивался этот участок, и велел привести председателя или кого-нибудь из членов правления. Время шло, никто не появлялся. А между тем техника простаивала.

— Да, прямо какой-то международный конфликт, — посетовал Байбеков и отправился звонить в Узбекивановострой.

Кудратов, оказавшийся на месте, пригрозил:

— Поссорись нас с местными колхозниками — голову сниму! Жди, выезжаю.

Байбеков тяжело вздохнул. Никого ни с кем ссорить он не собирался, делал свое дело, и вот на тебе: вызвал гнев начальства. Он чувствовал себя без вины виноватым.

Когда прибыл Кудратов, на всполошный крик женщины начали уже собираться колхозники. Выслушав Байбекова, Кудратов решил пока ни во что не вмешиваться, а подождать, когда подоспеет местное руководство. Не разобравшись в подоплеке возникшего инцидента, можно и дров наломать... А портить отношения с местными жителями никак не входило в планы Кудратова. Они тут для того, чтобы помогать ивановским братьям, а не ссориться с ними.

На всякий случай он прихватил с собой папку со всеми документами, касающимися освоения этого участка, ставшего вдруг «спорным»: договор с колхозом, схему земельной площади, выделенной под освоение. Еще раз бегло просмотрев бумаги, он пожал плечами: получалось, что Байбеков действовал правильно.

В это время на бричке подъехал Алексей Василье-

вич. Поздоровавшись с Кудратовым, он показал рукой на сгрудившихся неподалеку людей:

— Что за шум, а драки нет? Уж не золото ли нашли?

— Земля эта поистине таит золото. Только достать его, оказывается, не так просто.

— В чем же закавыка? Настроение у вас, вижу, не ахти какое.

— У меня к вам просьба: разберитесь во всем сами. И как порешите, так и будет. Дело щекотливое, нам лучше придерживаться дружественного нейтралитета.

Алексей Васильевич потолковал со своими колхозниками, с пожилой женщиной, учинившей скандал, и, вернувшись к Кудратову, успокаивающе произнес:

— Все в порядке, договор остается в силе, ваши люди могут продолжать работу. Евдокия Порфирьевна все разъяснил, у нее нет к вам претензий. Погорячилась малость.

Байбеков, услышав эти слова, обрадованно кинулся к механизаторам, и не прошло и нескольких минут, как снова взревели моторы тракторов. Кудратов же задумался. Что значит: «малость погорячилась». Без серьезной причины женщина не преградила бы путь тракторам. Она ведь сказала, что ей нечем теперь будет кормить свою корову. Нет, не дело это — обижать здешних колхозниц.

Обращаясь к Алексею Васильевичу, он спросил:

— Что это за женщина, почему она так горюет по этому лугу?

Подумав, тот проговорил:

— Евдокия Порфирьевна — солдатская вдова. Живет в деревне, но в колхозе давно не работает: здоровье не позволяет. Сена, которым мы можем ее обеспечить, ей не хватает, она и пасла свою корову на этом лугу, а мы ей не препятствовали. Прослышала она, что вы хотите вспахать луг, вот и потеряла голову.

— Что же она теперь будет делать?

— А что ей остается? Продаст корову колхозу.

— И много у вас людей, которые держат личный скот?

— В том-то и дело: раз, два и обчелся. А ведь от таких, как наша Евдокия, колхозу только польза. Колхозная ферма все молоко отправляет в город, а сами мы сидим без молока. Если, конечно, в том же горо-

де его не купим. Только времени нет ездить туда...

— У нас в Узбекистане — такая же проблема. И надо ее как-то решать. Не будем развивать личные хозяйства — народ недополучит мясо и молоко. — Кудратов усмехнулся. — А мы вон как решаем: лишили буренку корма, детей — молока...

Алексей Васильевич уехал, а у Кудратова все не выходила из головы эта женщина. Формально-то, конечно, правы и трест, и колхоз; освоение Нечерноземья — дело государственного значения, направленное как раз на резкое увеличение продовольственных ресурсов; что рядом с этим — какой-то луг с травой для одной коровы? И однако из-за этого луга на душе у Кудратова скребли кошки. Пусть не только формально, но и по существу все правильно. А совесть? У него было такое чувство, будто это он сам, своей волей обездолил вдову.

Подозвав к себе Байбекова, Кудратов тоном приказа проговорил:

— Собери в субботу своих людей. Выберем сухие места, накосим травы побольше.

У Байбекова подпрыгнули брови:

— А зачем нам... трава?

— Не нам. А этой женщине. Ты ведь видел, как она плакала? Грош цена нашей братской помощи, если по нашей вине — пусть даже невольной — хоть одна женская слезинка прольется. Совесть-то у нас есть?

В субботу на «сенокосный» хашар собралась вся ПМК, в хашаре принял участие и Кудратов. Как молвится, когда охотников много, от них зайцу не убежать. Вся скошенная трава еле уместилась в кузовах четырех грузовиков. Сам Байбеков повез сено к вдове.

С безмолвным изумлением наблюдала Евдокия Порфирьевна за тем, как люди, которых она недавно проклинала, разгружали в ее дворе сено. Байбеков, ласково улыбнувшись ей, сказал:

— Кончится это сено, мы вам еще накосим. А будет оставаться лишнее молоко — мы его у вас купим.

Евдокия Порфирьевна не знала, как и благодарить неожиданных помощников; она кинулась в дом, до краев наполнила кринку белоснежным пенным молоком,

поспешила с ней обратно, но добрых молодцев уже и след простыл; они укатили на своих грузовиках...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

I

Изда Евдокии Порфирьевны притулилась на самом краю деревни, чуть на отшибе от остальных домов. Что отличало ее — так это изгородь, аккуратно и прочно сплетенная из ольховых ветвей.

Изда была поставлена лет сорок назад мужем Евдокии Порфирьевны. Чтобы придать ей нарядный вид, она покрасила резные оконные наличники с боков белой краской, а сверху — голубой.

В 1941 году ушел на фронт муж, позднее — единственный сын. На третий год войны почта одна за другой принесла Евдокии две похоронки.

Свет померк в ее глазах.

Минуло уже столько лет, а она так и не оправилась от горя.

Сверстницы ее, тоже потерявшие мужей, так и остались вдовами — снова выйти замуж было просто не за кого. Евдокия же и не помышляла о замужестве — свято хранила верность памяти мужа и сына.

После войны она, как все, работала в колхозе, но горе состарило ее раньше времени, да и хвори стали одолевать. Пришлось оставить работу. На государственное пособие прожить было нелегко; выручала Евдокию Порфирьевну корова: на деньги, полученные от продажи молока и телят, она покупала себе одежду, необходимые продукты; часть молока оставляла для соседских детей, скрашивавших ее одиночество. Все силы тратила Евдокия Порфирьевна на уход за коровой, до остального руки не доходили, и дом ее постепенно приходил в запустение: обветшала изгородь, слиняла краска на дверях и окнах; вдова пробовала ее подновить, но особой охоты заниматься хозяйством у нее не было: сама она никому не нужна — и ей ничего не нужно... Как сон, вспомнила она то время, когда муж вечно что-то ладил в доме и во дворе, и полно у них было всякой живности: кур, гусей, поросят... Зачем ей сейчас все это? Хватало одной коровы.

И не надо было особенно заботиться о корме для нее: заброшенные, заболоченные земли каждый год ра-

довали густым травостоем. С весны до поздней осени Евдокия Порфирьевна пасла там свою корову, и на зиму запасалась сеном.

Когда прибывшие из Узбекистана мелиораторы принялись осваивать пустоши, осушать болота, вдова восприняла это как покушение на свое добро: у нее хотели отнять подарок, преподнесенный ей самой природой! Чем тогда кормить корову, которая была для Евдокии Порфирьевны единственным средством к существованию?

К счастью для вдовы, освоители оказались добрыми людьми: сена, которое они ей привезли, достало бы для прокорма целого стада! А их начальник еще и заявил: мол, кончится сено — накосим нового.

Трудная жизнь научила Евдокию Порфирьевну ценить добро; прошло уже несколько месяцев, а ей все совестно было перед узбекскими гостями, думала: чем бы их отблагодарить за то, что они для нее сделали? И решила — не продавать больше молочные продукты на стороне, а оделить ими своих благодетелей...

Наполнив одну кринку молоком, а другую сливками, Евдокия Порфирьевна побрела к «вагонному» городку, где обосновались «байбековцы». Идти было тяжело, по дороге она несколько раз останавливалась отдохнуть, с любопытством озираясь вокруг. Вчерашние неудобья все были перекопаны, изрезаны траншеями... Приближаясь к городку освоителей, Евдокия Порфирьевна увидела колышек с дощечкой, на которой было написано: «Мясо-молочный комплекс». Она вздохнула: не придется ли ей сдать туда свою буренку? Чем дальше, тем больше становилось таких колышков; надписи гласили: «Ясли-детсад», «Универмаг», «Дом культуры»...

«Э, да они целый город строят, — подумала Евдокия Порфирьевна — Разрастется он и поглотит и деревню нашу, и мою избу...» Ее это опечалило; она почувствовала слабость в ногах; присела отдышаться на пенек. Тут и там уже высились кирпичные стены — строители, видать, не сидели сложа руки.

Так как Евдокия Порфирьевна вышла из дому спозаранку, то успела добраться до «вагонного» городка как раз к тому времени, когда он начал просыпаться. Неяркое рассветное солнце позолотило верхушки деревьев в лесу, блестело в лужах, оставшихся после вчерашнего дождя. Парни и девушки в спортивных костю-

мах, а кто — в майках и трусах, занимались утренней зарядкой; Евдокия Порфирьевна остановила загорелого крепыша, пробежавшего мимо нее:

— Сынок! Ты не знаешь — тут живут добрые люди, которые сено мне привозили?

Тот воззрился на нее с недоумением и помчался дальше.

К вдове подошел коренастый, полный, средних лет мужчина, одетый в тренировочный костюм с нарядными белыми полосками:

— Вам кто нужен, матушка?

— Мне... — глаза ее загорелись обрадованно: она узнала в мужчине начальника, распорядившегося разгрузкой сена. — Ой, сынок, ты-то мне и надобен.

Байбеков тоже признал Евдокию Порфирьевну:

— Здравствуйте, матушка. Рад вас видеть. Какое у вас ко мне дело?

— Да вот, — она кивнула на кринку. — Молока вам принесла и сливок. Отпробуйте за завтраком.

— Напрасно вы беспокоились.

— Нет, сынок, не напрасно. Вот накричала я на вас тогда — зря. До сих пор совесть мучает. Вы уж простите меня...

— Пустое! Вы не расстраивайтесь. Не знаю, что я делал бы на вашем месте. Как ваша буренка, сыта?

— Сыта, сыта, сынок, и молока много дает. Мне-то оно ни к чему, а вашим богатырям на пользу пойдет. И сливками пусть полакомятся, уж такие свежие.

Все повторяя, что она зря себя утруждала, Байбеков взял у Евдокии Порфирьевны кринки и повел ее к вагончику, где размещалась столовая. Позвав Махфузу, он познакомил повариху с гостьей, сказал:

— Прими подарки у матушки. И угости ее. Я скоро вернусь.

Махфуза как раз готовила завтрак; на сегодня в утреннее меню она включила шавлю; к ней теперь можно будет добавить молоко и сливки.

Пригласив Евдокию Порфирьевну в столовую, Махфуза поставила перед ней касу с дымящейся шавлей:

— Кушайте, матушка. Это наше национальное блюдо. Не слишком острое для вас? Нет? Вот и хорошо. Не стесняйтесь, почувствуйте себя, как дома, а я должна в погреб спуститься, перелить молоко и сливки в пустую посуду. Ешьте, ешьте на здоровье.

Погреб был вырыт рядом с вагончиком, и Махфуза

за там не задержалась. Вместе с пустыми кринками она принесла большое блюдо с прозрачным виноградом, пушистыми персиками, алыми, как зерна граната, яблоками.

— Вот, матушка. Это вам. Попробуйте наши фрукты. Их только вчера самолетом из Ташкента доставили.

Евдокия Порфирьевна зачарованно смотрела на высившуюся перед ней гору фруктов, о каких прежде и не мечтала. К этакой красоте жаль было даже прирагиваться.

Заметив ее замешательство, Махфуза широко, добродушно улыбнулась:

— Вы не глядите на них, матушка, кушайте!

Евдокия Порфирьевна кинула в рот виноградинку, медленно ее разжевала. Вкусно-то как! Она откусила от персика, губы ей залил сладкий сок. Никогда прежде не доводилось ей отведывать таких яств. А Махфуза, суется вокруг нее, говорила:

— Вы все это с собой возьмите. Для нас-то это не диво.

Евдокия Порфирьевна представила себе столы, заваленные вот такими дарами природы, и подивилась про себя, с чего ж это подобному изобилию люди предпочли неустроенную жизнь на чужой земле? Видно, по доброте сердечной они приехали помогать ивановцам... Она уж и сама смогла убедиться, что они готовы подсобить всякому, кто попал в беду. Спасибо им за все.

В это время в вагончик грузной походкой вошел Байбеков, успевший уже умыться и переодеться. Подсев к Евдокии Порфирьевне, он сказал:

— Вы, матушка, можете приходить сюда хоть каждый день; Махфуза вас покормит. Мы решили и буренку вашу прикрепить к столовой, тут ведь много пищевых отходов.

— Точно, — кивнула Махфуза. — Что добру-то зря пропадать?

Они ожидали, что гостя обрадуется, но лицо Евдокии Порфирьевны приняло обиженное выражение:

— Зачем это? Я ведь молоко вам принесла не из корысти. Ребята у вас хорошие, почему их не побаловать? Чем на базар таскаться, я лучше вам буду все отдавать. И ничего мне за это не нужно.

— Э, не говорите так, матушка. Нам эти отходы ни к чему, на выброс идут, а вам сгодятся. Глядишь, и еще какую животину заведете. — Он повернулся к

поварихе. — Махфуза, когда ребята позавтракают, скажи им, чтоб сложили в ведра все остатки хлеба, дынные и арбузные корки... — И снова обратился к Евдокии Порфирьевне. — Вы не беспокойтесь, матушка, мы вам грузовик предоставим, на нем домой поедете, а водитель поможет вам опорожнить ведра там, где вы укажете. — Улыбаясь, он положил ей руку на плечо. — Знаете, кто вы теперь? Бабушка нашей колонны!

II

Водитель, доставивший Евдокию Порфирьевну домой, сам занес в избу фрукты, которые дала ей Махфуза, вытряс в хлеву из ведер остатки пищи. Выполнив поручение Байбекова, он простился с хозяйкой — и был таков. А она опять оплошала: не успела даже ни поблагодарить его, ни узнать, как зовут. Осталось только корить себя за нерасторопность.

На другое утро, подоив корову, Евдокия Порфирьевна снова пустилась в путь. В «вагонном» городке она сразу направилась к столовой: вызвав Махфузу, протянула ей крики:

— Вот, дочка, это для ваших ребят. И не забудь напоить молочком начальника! Добрая душа!

— Вы о Байбекове говорите?

— О нем, о нем, — закивала Евдокия Порфирьевна, хотя фамилию «Байбеков» услышала впервые. — Дочка, а как звать самого главного вашего начальника? Который в Иванове живет?

Поняв, что речь идет о Кудратове, Махфуза объяснила, какую должность он занимает, как можно к нему попасть.

Евдокии Порфирьевне давно уж хотелось встретиться с Кудратовым и низко поклониться ему — за то, что он так по-человечески отнесся к ней, наказал своим людям снабдить ее сеном. Она уже собралась, было, поехать в Иваново, но на нее свалилась другая забота. Буренка ее с удовольствием поедала только хлеб; и надо было придумать, как быть с оставшимися пищевыми отходами. Верно заметила Махфуза: не пропадать же добру. В конце концов, Евдокия Порфирьевна надумала купить поросят. Вырастит их, забудет — вот и деньги. А молоко будет по-прежнему относить Махфузе.

Она вышла на «Золотое кольцо» и стала «голосовать». Мимо проносились с грохотом самосвалы, тяжело нагруженные «КрАЗы», почти бесшумно пролетали легковые машины, но никто из водителей не обращал внимания на пожилую женщину, стоявшую обочью дороги. Глядя вслед машинам, Евдокия Порфирьевна безнадежно вздыхала.

Но вот на дороге показалась «Волга», и не успела Евдокия Порфирьевна поднять руку, как она затормозила, и водитель спросил:

— Куда вам, матушка?

— Сами-то вы куда едете?

— Мы сперва в Приволжск, а потом — дальше.

— Вот и мне в Приволжск, — обрадовалась Евдокия Порфирьевна. — Подвезете?

— Садитесь, матушка, — водитель распахнул перед ней заднюю дверцу.

Рассыпаясь в благодарностях, Евдокия Порфирьевна пристроилась на заднем сиденье, положила рядом с собой узелок со снедью. Довольная тем, что ее наконец-то согласились подвезти, она помалкивала, не пытаясь даже выяснить, кто ее облагодетельствовал, с кем она едет. Так бы она и молчала до конца пути, если бы мужчина, сидевший возле шофера, не заговорил первым:

— Сами-то вы откуда, матушка?

— Я-то? Да из ближней деревни. И родилась там, и, даст бог, там и окончу свои дни, ежели только до этого не выселят меня из моей избы.

— Кто ж это может вас выселить?

— Да поговаривают, сынок, что на месте нашего колхоза будет большой совхоз. Вы, верно, когда ехали, и сами заметили: бросовой земли-то почти совсем не осталось. Скоро всю вспашут. ...Не пропустили даже луг, на котором я корову пасла...

Мужчина, обернувшись, кинул на пассажирку быстрый внимательный взгляд. А она продолжала:

— Там уж и агрогород начали строить. Вот я и жду, когда подъедет к моей избе стальное чудище, поставит на нее свои клыки, а мне скажут: посторонись-ка, Евдокия, сейчас мы твое жилье будем ломать...

— Не волнуйтесь, Евдокия... как вас по батюшке?

— Порфирьевна.

— Не волнуйтесь, Евдокия Порфирьевна, этим чудищам не до вашей избы — у них другой работы хватает.

— Я сама слышала, как наш председатель, Алексей Васильевич, сказал, что деревню снесут..

— Не снесут. Дома, правда, подправят, вместо развалюх поставят новые. Но деревня — как была, так и останется.

Евдокия Порфирьевна недоверчиво кмыкнула:

— Вы-то откуда знаете?

— Тоже — от Алексея Васильевича.

— Знакомы, что ль, с ним?

— Знаком... немного.

— А коли знакомы, так урезонили бы его. Его ведь директором совхоза назначили. Так вот, совхоза еще нет, а он уж требует: сдавай, мол, свою корову в совхоз. А разве это дело? Отобрать у людей скотину — на это особого ума не надо. Только много ли от этого проку? Прежде-то в каждом дворе полным-полно было всякой живности. У колхозника-то и у самого на столе было и молоко, и яйца, и мясо, да еще оставалось — что на рынок нести или государству сдать. Ну, и общий котел был поболее нынешнего.

Мужчина, с интересом слушавший ее, спросил:

— Так отдали вы корову?

— Пока нет. Да, видать, придется. Где ее теперь пасти? А ведь сколько лет она была моей кормилицей... Молоком от нее и другие пользовались.

— Я все же полагаю, что корова при вас останется. Теперь уже многим ясно, что необходимо способствовать развитию личных хозяйств.

— Хорошо, кабы так... Однако, где колхозникам корм-то брать?

— И вам... негде?

— Ну, надо мной-то бог смилостивился. Нашлись добрые люди, обеспечили меня сеном на всю зиму. Без луга-то я покамест обойдусь. Привозят мне и остатки пищи из столовой. Да ведь не век же мне жить ихней милостью. Как прижмет меня Алексей Васильевич с кормами, да велит, чтоб я свою скотинку в совхоз сдала, я тут же забью и корову, и поросят, закачу пир на весь мир и приглашу на него ребят из «вагонного» городка вместе с их начальником Байбековым.

— Хм... Поросята-то у вас откуда?

— Куплю. Кормов-то, говорю, пока хватает.

— Ну, на свинину, боюсь, ваши гости не набросятся...

— Отчего так?

— Они ведь узбеки, верно я вас понял? А в Узбекистане — свои обычаи...

— Вы откуда знаете? — Опять с сомнением спросила Евдокия Порфирьевна.

— Да уж знаю...

Мужчина сидел к ней вполоборота, она пристально вгляделась в него, лоб ее собрался в морщины. Э, да ведь он — вроде как узбек. И где-то она его видела... Голос вот — тоже кажется знакомым. Однако, как она ни силилась, не могла вспомнить, когда и при каких обстоятельствах с ним встречалась. Но он такой же добрый, приветливый, как и ее новые знакомые из «вагонного» городка. Он единственный, кто остановил машину и посадил Евдокию Порфирьевну.

Мужчина между тем с улыбкой поинтересовался:

— А меня вы не позовете на свой пир?

Евдокия Порфирьевна так вся и просияла:

— Ой, сынок, если вы не побрезгуете заглянуть ко мне, приму вас как самого доброго гостя.

— Спасибо. Только я все-таки надеюсь, что вам не придется забивать свою скотину.

— Дай-то бог...

После этого на некоторое время наступило молчание. Кудратов — легко догадаться, что это был он — посматривал на поля, тянувшиеся вдоль дороги. Здесь проводилась планировка; параллельно линии горизонта медленно полз трактор. «Молодцы, — одобрительно подумал Кудратов. — Работу начали по графику, и темп взяли неплохой...» Но тут же нахмурился: земля близ дороги и меж картами оставалась невспаханной. Ему вспомнилось посещение Музея палехского искусства. «Учиться, учиться нам надо у палехских мастеров — использованию всей площади, которая имеется в нашем распоряжении! Вот, пожалуйста, пустующие гектары... Это ли не расточительство?» Ба, а это что еще такое? На краю поля стояли два недвижимых экскаватора, стрелы с ковшами были задраны вверх, как оглобли телеги, из которой выпряжена лошадь. Где же экскаваторщики? Ах, вот они — режутся в карты на опушке леса. Достойное нашли занятие...

Набиджан, украдкой следивший за выражением лица своего зятя, с некоторым злорадством сказал себе: ну, сейчас он им задаст жару! И вопросительно посмотрел на Кудратова: остановиться? Но тот молчал,

и машина помчалась дальше. Кудратов решил, что еще успеет воздать должное лодырям-картежникам.

Набиджан в зеркальце видел свою пассажирку; она сидела, погруженная в раздумье; в ее взгляде, устремленном на Кудратова, читалось напряжение...

Евдокия Порфирьевна размышляла: где же все-таки она могла видеть мужчину, сидевшего перед ней? В поле ее зрения попадала иногда лишь левая часть его лица, и то казалось, что он знаком ей, то она отмахивалась от этого ощущения: да нет, откуда бы ей его знать?

Кудратов снова первым прервал молчание:

— Матушка, а какое дело у вас в Приволжске? Уж не хотите ли жаловаться на Алексея Васильевича?

— А ну его! Вы меня спрашивали насчет поросят — вот за ними-то я и еду. Пускай подбирают за буренкой остатки пищи...

— А как освоители — не обижают вас?

— Что вы, мы с ними дружно живем.

— Все-таки — чужой народ...

— Какой же чужой? Хоть они издалека, а все одно — наши, советские. Братья и сестры нам... Ну, мнесто — сыновья и дочери.

— Но вас они лишили пастбища?

Евдокия Порфирьевна удивиться бы: откуда ему это известно, ведь жаловалась-то она на Алексея Васильевича; однако вопрос Кудратова не породил у нее каких-либо подозрений; она торопливо возразила:

— Значит, так надобно было. Но они же мне и сена привезли — весь двор им завалили. И знаете, как они меня зовут? «Бабушка колонны». Так-то, сынок...

— Бабушка колонны? Это хорошо...

В Приволжске Кудратов попросил Набиджана остановиться у здания, где размещался «штаб» ПМК, вышел из машины; тепло попрощавшись с Евдокией Порфирьевной, наказал шурину:

— Помоги «бабушке колонны» сделать нужные закупки, потом отвезешь ее домой и вернешься за мной.

— Будет исполнено, товарищ начальник!

Прежде, чем тронуться дальше, Набиджан спросил:

— Куда, матушка? На базар?

— Нет, сынок, заглянем к моим знакомым. У них я и возьму поросят. В городе-то держать их несподручно; полагаю, они только рады будут избавиться от лишней живности.

— К знакомым, так к знакомым.

Знакомые уступили Евдокии Порфирьевне двух поросят — больше ей и не занадобилось. Связав им копытца, Набиджан втиснул их в багажник. Поросята недовольно повизгивали, но вскоре затихли. Набиджан доставил Евдокию Порфирьевну домой, выгрузил ее попку; она попыталась, было, сунуть ему деньги, но он решительно отказался:

— Нет, матушка, спрячьте ваши деньги. Я выполнял указание своего начальника.

— Сынок, а как его звать? Я все думала: лицо больно знакомое.

Набиджан улыбнулся:

— Точно, знаете вы его. И он вас знает. Это ведь он тогда велел накосить сена и отправить вам. Помните, как вы бушевали?

— Ох, сынок, лучше и не напоминай! Зря обидела добрых людей... Дай бог им здоровья.

— А фамилия моего начальника — Кудратов. Эргаш Кудратович. Он — управляющий трестом «Узбекивановострой». — Набиджан сел за руль. — До свиданья, матушка!

— До свиданья, сынок. Спасибо тебе за все. И начальнику своему передай мою благодарность.

Набиджан укатил, а Евдокия Порфирьевна долго еще глядела вслед «Волге» и все повторяла: «Хорошие люди... Да, хорошие люди...»

III

Хотя Набиджан и торопился в Приволжск, но у бездействующих экскаваторов чуть притормозил. Пошарил глазами по опушке леса: куда же подсвалялись машинисты? И трактор, еще недавно бороздивший карту, стоял с выключенным мотором, а тракториста нигде не было видно.

У поворота дороги, соединявшей Приволжск и Плёт, велось строительство нового шоссе; и на фоне общего оживления сиротливым выглядел прейдер Рахманкулова, одного из лучших дорожников треста. Хозяин отсутствовал.

«Верно, всех их вызвал Эргаш-ака, — предположил Набиджан. — Не завидую я им... Крепко достанется. Эргаш-ака не терпит разгильдяйства и нерадивости».

Набиджан как в воду глядел...

В штаб-квартире ПМК, работавшей в окрестностях Приволжска, дым стоял коромыслом. Руководители и проштрафившиеся механизаторы, которых собрал здесь Кудратов, нещадно попыхивали папиросами и сигаретами; комната тонула в дыму, как в густом тумане. Не спасали даже распахнутые настежь окна.

Обстановка была накаленная...

Кудратов говорил, с трудом сохраняя внешнее спокойствие:

— Мы приехали на братскую землю не для того, чтобы работать спустя рукава. Позор — лодырям и бракоделам! — После короткой паузы, уже менее горячо он сказал. — А теперь послушаем тех, кто бросил на свою ПМК тень позора.

Тем, к кому были обращены эти слова, казалось, что их поджаривают на раскаленной сковородке; лица их горели, лбы покрылись испариной. На призыв Кудратова никто не спешил откликнуться; в напряженной тишине слышалось лишь чирканье спичек, щелчки зажигалок, шуршанье коробок, из которых извлекались очередные папиросы.

Подождав, Кудратов с усмешкой сказал:

— Что, нет охоты ответ держать? А придется. Эсон Хидиров! Прояви-ка инициативу.

Поднялся тракторист, «выборочно» пахавший землю.

— Ну, расскажи нам, почему ты оставил столько гектаров земли нетронутыми? Для потомков, что ли: пусть, мол, видят, как тут раньше было?

Тракторист, запинаясь, пробормотал:

— Там траншеи... Ну... я пахал подалее от них...

— И от дороги тоже. Скажи, ты в Палехе бывал?

— Нас возили на экскурсию...

— Видел в музее лаковые миниатюры?

— Ну, видел...

— И тебя они не навели ни на какие мысли?

Эсон почесал в затылке, а Кудратов повысил голос:

— А пора бы научиться — из всего делать для себя нужные выводы! Тебе ведь, наверно, показывали шкатулку, размером со спичечный коробок, на которой уместился целый мир образов и сюжетов! Можно сказать, что вся лаковая поверхность, до последнего квадратного миллиметра, «вспахана» кистью художника. Ни одного зазора! А взглянешь на площадь, которую

тебе было поручено вспахать, — лоскутное одеяло! Гектар — окультуренный, гектар — «пустой». И тебе не совестно?

Эсон опустил голову.

— Вижу: стыдно. Сейчас — стыдно. А когда ты сидел за рулем трактора — совесть твоя молчала. Иначе ты не пустил бы в брак столько земли! Так вот, заруби себе на носу: освоитель — тот же миниатюрист. Он обязан все пустоши, до последнего клочка — пусть он даже будет не больше булавочной головки — превратить в плодородные поля. Там, куда ступила нога освоителя, не должно оставаться «пустых» гектаров! Понял? И если я еще замечу, что ты объезжаешь землю, которую считаешь «неудобной» для вспашки, ты станешь первым, кого я вышлю отсюда домой за нерадивость, за нежелание работать настоящему.

Эсона такая перспектива явно не устраивала; прижав ладони к груди, он торопливо заговорил:

— Я понял, все понял. И клянусь: впредь вы не найдете огрехов в моей работе! А найдете — так делайте тогда со мной, что хотите!

Слова эти прозвучали так горячо и искренне, что Кудратов не удержался от улыбки. Но он тут же согнал ее с лица:

— Садись. Теперь отвечай ты, Саргардон Саманов. Ты что, можешь работать только из-под палки? Тогда тебе здесь не место. У нас — сознательная дисциплина.

На этот раз со стула встал экскаваторщик — один из любителей картежной игры.

— П-почему... из-под палки?

— Потому что совести у тебя нет!

— П-почему... нет?

— Если была бы — разве ты мог бы, оставив на привязи сто лошадиных сил, спокойно резаться в карты? Вместо того, чтобы рыть каналы, экскаваторы отдыхают, а машинисты развлекаются. Это — по совести? А ведь за тобой такое замечено не впервые. Так что, дорогой, заполняй-ка «бегунок» и бери в своей ПМК расчет.

Экскаваторщик, стоявший все это время истуканом, растерянно пробасил:

— К-куда же я?

— Не знаю. Можешь поехать в Монте-Карло —

там знаменитый игорный дом. А для нас ты — персона нон грата.

Саманов вышел в коридор красный, как созревший томат, и нос к носу столкнулся с Набиджаном; тот, всмотревшись в экскаваторщика, воскликнул:

— Ие, у какой жаровни ты сидел — да перейдут ко мне все твои беды!

— П-почему... у жаровни?

— А ты посмотри на себя. Щеки так и пылают!

Саманов, наконец, обрел дар речи, брови его прозно сдвинулись:

— Брось свои шуточки. Лучше объясни мне, что это такое: персона нон грата.

— Ну, на языке дипломатии — это нежелательная личность.

Саманов понурился:

— Так... Значит, нежелательная.

— А кто это и про кого сказал?

— Кудратов. Про меня. Ты, говорит, для нас персона нон грата.

— Фью, — присвистнул Набиджан. — Плохи твои дела. Ты должен покинуть Нечерноземье в двадцать четыре часа.

У Саманова вытянулось лицо:

— Как это?

— А вот так. Азартные игры у Эргаша-ака не в почете. Особенно, если они подменяют самоотверженный труд на благо родины.

— Тебе бы все шутить! — Снова разозлился Саманов. И вздохнул. — И как ты ладить со своим хозяином? Он, как гармсилъ — все сжигает на своем пути. А я-то считал его добрым и мягким.

— Э, он из тех, кто мягко стелет, да жестко спат. И уж нарушителям трудовой дисциплины пощады от него нет. С теми, кто приехал сюда за длинным рублем или поразвлечься, у него разговор короткий: вот бог — а вот порог. Ты, Саманов, попал в черный список, и как мне ни жаль тебя — ничем не могу помочь. Тут я, как говорится, бессилен. — Набиджан, ухмыляясь, покачал головой. — Ха! Персона нон грата... Ну, даст Эргаш-ака...

В это время дверь из кабинета приотворилась, и в ней показался Рахманкулов. Он осторожно закрыл за собой дверь, и, хотя лицо у него тоже было перечнокрасного цвета, Набиджан догадался, что дорожник

отделался малой кровью. Ума Рахманкулову было не занимать, а умный никогда не хлопает дверьми, в которые ему еще предстоит снова войти.

— Ну как там? — с нетерпеливым любопытством спросил Набиджан.

— Массовые казни... Кудратов дает бой разболтанности и расхлябанности. Что ж, давно пора.

— И тебе влетело?

— И мне. Как видишь, я позорно бежал с поля боя.

— Ты-то как попал на «ковер»?

— Да вот так. Можно сказать, споткнулся на ровном месте. Хотя нет, как раз на неровном.

Рахманкулов слыл опытным, искусным дорожником, он участвовал в строительстве шоссе, ведущего к Усть-Илимской гидростанции, и дорог, пересекающих во всех направлениях Голодную степь. Некоторые в шутку говорили, что все полученные им похвальные грамоты не поместились бы в самом объемистом чемодане. И Набиджан недоумевал: как же такой мастер — и допустил промашку?

— Рассказал бы, что с тобой приключилось.

— Расскажу, — согласился Рахманкулов. — Все равно ты от Кудратова узнаешь.

— Думаешь, он обо всем мне докладывает? Ошибаешься. Из него порой слова не вытянешь. Не любит он зря языком-то трепать. Так что ты уж изложи мне все по порядку.

— Да история-то короткая. Попался нам бугристый участок — всего-то пять или шесть квадратных метров. Чтоб поскорее с делом покончить, решили мы его заасфальтировать. Но разровняли как следует... В общем-то, больше мой напарник виноват... Но когда приехал Кудратов и забраковал нашу работу, я все на себя взял. Вот так и угодил в бракоделы. Стоял там, — Рахманкулов кивнул на дверь, — и готов был сквозь землю от стыда провалиться. Кудратов напомнил мне все статьи и очерки, где меня хвалили: как же, говорит, ты мог — с такой высокой горки и в лужу? Совсем меня допек.

— А ты? Бил, верно, себя кулаком в грудь?

— Нет, я пообещал, что дороги, которые я проложу к центру нового совхоза и к животноводческому комплексу, будут красивыми и гладкими, как палехские миниатюры. Он мне, вроде, поверил...

Набиджан поощряюще похлопал его по плечу:

— Молодец, знаешь, чем купить Эргаша-ака.

— Честное слово, я от чистого сердца... Вот увидишь, весной твоя машина заскользит по асфальту новых дорог — как по лаку.

— Подожду, до весны уж недолго: зима-то как начнется, так и кончится.

— Ох, уж эти здешние зимы! — Вздохнул Рахманкулов.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

I

Наступившая зима — третья для «кудратовцев» — как и прошлые, выдалась суровой, с морозами и снежными метелями. Земля и крыши домов покрылись толстым, быстро затвердевшим слоем снега. Под тяжестью белого груза припустились ветви деревьев.

Но освоители успели подготовиться к встрече с зимой. Врасплох их застать она уже не могла: припоровились люди к местным условиям, знали — как обороняться от ветров и от холода. Все были обеспечены теплой одеждой. Молодежь еще ютилась в вагончиках, но семейных переселили в уютные квартиры, которых становилось все больше: не по дням, а по часам росли городки освоителей. Открылись ясли и детские сады.

Открытие детсада в своей ПМК Байбеков решил приурочить к новогоднему празднику. Он вывесил объявление, в котором указывалось, что днем состоится елка для детей, а вечером новогодний бал: на него приглашались и освоители из других колонн.

Многие впервые встречали Новый год в условиях, когда стоял трескучий мороз, а в снегу, завалившем поля, можно было увязнуть по колено. В Узбекистане-то в это время часто случалось так, что теплый ветерок гонял по тротуарам не снег, а пыль. И хашарчи, как дети, радовались снежной зиме — красавице в сверкающем уборе.

Байбеков призвал всех хорошенько подготовиться к новогоднему празднеству, чтобы оно надолго осталось в памяти освоителей.

Из ближнего леса на грузовике с прицепами доставили огромную елку, столяры укрепили ее в зара-

нее заготовленной деревянной крестовине и установили в центре площади.

Девушки, возглавляемые вездесущей Гуландом, принесли коробки с игрушками и принялись украшать елку.

Байбеков, наблюдавший за девушками, мысленно сравнивал их с мастерицами, ткущими разноцветный узорчатый ковер. Нет, скорее, они расшивали нарядную тибетейку, в которой весело поблескивали серебряные, золотистые нити.

Из задумчивости его вывел чей-то хрипловатый голос:

— Начальник! Рахматов казан прислал — где его выгружать?

Байбеков оценивающим взглядом окинул вместительный казан, черневший в кузове грузовика, и махнул рукой в сторону вагончика, над крышей которого поднимался дымок, четко вырисовывающийся в морозном воздухе:

— Вон туда вези, к нашей поварихе. Ее Махфузой зовут.

Парень, доставивший казан, строго проговорил:

— Мне приказано самому приготовить плов и после вернуть казан Рахматову. Еще он велел, чтобы на дно казана я положил ляган с пловом. Сам-то он не сможет приехать, но желает убедиться, что плов — высокого качества.

— Плов со знаком качества — это хорошо, — одобрил Байбеков. — А хватит его на всех?

— На свадьбах я обычно готовлю около ста килограммов. Больше не получается.

— Больше и не нужно.

— А какой у вас рис? Девзира или импортный? Ну, там, кубинский или вьетнамский?

— Рис хороший, корейский. Из Каракалпакии.

— А морковь, лук найдутся?

— Можешь не беспокоиться, обеспечим тебя всем, чем надо.

Байбеков распорядился выгрузить казан возле вагона-столовой, несколько человек, назначенных им, тут же начали готовить место для очага. Неподалеку разместили объемистый титан и здоровенный самовар.

Громыхая колесами по ледяному грунту, подъехала телега, запряженная двумя лошадьми; из ноздрей валил пар, шерсть вокруг превратилась в сосульки. Воз-

ница, видя, как весело суетятся люди у столовой, поцокал языком:

— Я гляжу, у вас тут пир на весь мир затевается... — И сказал подошедшей к нему Махфузе. — Принимай бочки, хозяйюшка!

— А что в бочках?

— В одной соленые огурцы, в другой квашеная капуста. Это подарок от нас, колхозников. Алексей Васильевич говорит, какой же это праздничный стол — без солений-маринадов?

Только телега отъехала, как ее место занял грузовик с контейнером, на котором выделялись надписи: «Осторожно!» и «Не кантовать!». «Не иначе, как в контейнере какая-нибудь хрупкая, дорогостоящая вещь, — подумала Махфуза. — Клеймо-то ташкентское. Чем же надумали порадовать нас земляки?»

Пока сгружали контейнер, она томилась любопытством. Когда же из него извлекли тандыр, набитый опилками и бережно обернутый мягкой тканью, Махфуза захлопала в ладоши и восторженно закричала:

— Ур-ра!

Она кинулась разыскивать Байбекова и, ворвавшись в штаб-вагон, где он разговаривал с кем-то по телефону, ликующе объявила:

— Товарищ начальник! Тандыр привезли! Тан-дыр! Байбеков, не договорив, бросил трубку:

— О! С меня суюнчи!

Он давно уже заказал ташкентским гончарам этот тандыр, приготовил для него чугунный настил и навес из листового железа, но ташкентцы не спешили с исполнением заказа, и Байбеков злился, что они не понимают, как дорого здесь — все истинно национальное?

Он тут же вызвал человека, понимающего толк в тандырах, с облегчением сказал ему:

— Вот, тандыр прибыл... Как говорится, лучше поздно, чем никогда. С каким бы опозданием ни появилась нужная вещь — она всегда ко времени. Ты не замечал: когда тебе к сроку долг не отдадут, ты весь кипишь: мне деньги сейчас нужны, а не завтра или послезавтра! Но вот вернули тебе их, наконец, и оказывается — именно в этот момент они как нельзя кстати! Вот и тандыр — очень кстати подоспел: горячие лепешки и самса будут достойным украшением новогоднего стола. Так что берись-ка за дело, устанавли-

вай тандыр. И если мы по твоей вине окажемся в эту ночь без лепешек — ох, не сносить тебе головы. Действуй, друг!

Все шло, как было задумано.

Немного, правда, огорчила Байбекова заведующая детсадом. Явившись в штаб-вагон, она сказала:

— Дети ждут — не дождутся, когда смогут попрыгать вокруг елки.

— Елка уже поставлена, пускай хоть сейчас бегут к ней и играют в свое удовольствие.

Заведующая замялась:

— Я их лишь ненадолго смогу отпустить. Смотрите, какой мороз на улице — двадцать пять градусов ниже нуля. Боюсь, им и в детсаду не удастся поиграть. Здание новое, стены еще сырые, от холода инеем покрылись... Вот если бы вы уступили детям штаб-вагон... У вас тепло и сухо.

— С превеликой охотой! — Готовно откликнулся Байбеков. — Дети — наше будущее, и, возможно, со временем кто-то из них обоснуется вот в таком кабинете; только более солидном. А пока ведите их к елке, девушки наши обрядили ее, как куклу...

Елка, и вправду, была чудо как хороша. Высокая, стройная, обвешенная игрушками, гирляндами, канителью, она переливалась в неярком свете дня всеми цветами радуги. Байбекова и самого потянуло покружиться возле нее... Но вместо этого, напустив на себя солидность, он громко спросил:

— Дед Мороз, Снегурочка — здесь?

— Здесь, здесь! Ждем детей!

И как только ребята начали хоровод вокруг елки, перед ними появились Дед Мороз и Снегурочка. Дед Мороз, поставив на снег мешок с подарками, принялся, как и все Деды Морозы на свете, развлекать детей шутками-прибаутками, петь с ними веселые песенки, выкидывать всякие коленца... Снегурочка, как могла, подыгрывала ему. От бодрящего холода лица детей покраснелись, глазенки блестели, как звездочки, что висели на елке. Однако вскоре многие стали шмыгать носами, и заведующая поторопила ребят:

— Дети, дети! Скорее в вагончик! Дедушка Мороз там будет раздавать подарки.

— Да, да, — подтвердил Дед Мороз. — В мешке у меня чего только нет: и игрушки, и всякие сладости...

Не успели дети скрыться в штаб-вагоне, как к Де-

ду Морозу подошла Гуландом и шутливо спросила:

— А для нас, дедушка, у тебя не припасены подарки?

Дед Мороз, хмыкнув, солидным тоном проговорил: — Потерпи до вечера, Гуландом. Я дам тебе вместе одной — две палочки шашлыка!

По голосу Гуландом узнала в Деде Морозе... Набиджана. А она-то думала, что это приехали артисты из города! Разочарованно, с нескрываемым раздражением она отрезала:

— От такого Деда Мороза мне ничего не нужно.

Набиджан с укоризной покачал головой:

— Никак ты не угомонишься. Ну, скажи, в чем я перед тобой провинился?

— Ха! — Гуландом самолюбиво вздернула носик. — Да ты для меня вообще — ноль!

— Ну, вот, оскорбляешь. Ты что, забыла, что Новый год на пороге? Чем злиться, загадала бы какое-нибудь желание. А я наколдую, чтоб оно сбылось. Вот увидишь, ты счастливо выйдешь замуж, и я буду всех веселить на твоей свадьбе.

Гуландом, резко отвернувшись от Набиджана, быстрой походкой направилась к вагону-столовой.

Снегурочка — а это была Надежда — вопросительно взглянула на Набиджана:

— Что ты ей наговорил, почему она чуть не убежала? Ведь это Гуландом, да? Я заметила: она то краснела, то бледнела.

— А, не обращай внимания, она всегда так. Я ведь тебе рассказывал... Не знаешь, что от нее и ждать...

— Как думаешь, она не догадалась — кто в роли Снегурочки?

— А кто ее разберет. Но она из тех, кто даже волосок может разъять на сорок частей. Сердце у нее глазастое...

Едва стемнело, — как площадь залили ярким светом десятки ламп. Зажглись электрические огоньки на елке. А в четырех углах площади вспыхнули костры. Вокруг костров и елки кучками собирались строители, мелиораторы, трактористы... Освоители — народ веселый: стоит встретиться четверым, пятерым — вот и дружная компания. И звенят песни, слышатся шутки, от громкого смеха вздрагивают ветви деревьев.

Возле всех четырех костров уже накрывали столы,

уставляя их закусками, сладостями. На столы были направлены широкие лучи прожекторов, чтобы все видели обилие яств, от которых ломились дастарханы.

Рахманкулов весело возглашал:

— Эй, друзья, до Нового года осталось пятьдесят девять с половиной минут! Давайте-ка пока попросимся со старым, поблагодарим его за все, что было хорошего. Подходите со своими стаканами! У нас самообслуживание.

К одному из столов подошел Дед Мороз со Снегурочкой; под дружные аплодисменты произнес:

— Друзья мои, герои освоения Нечерноземья! Старый год, потрудившись на славу, выполнив и план, и повышенные обязательства, со спокойной совестью уходит на пенсию. Спасибо ему за все. А в двери к нам уже стучится Новый год, и от нас зависит, каким он будет. Слушайте, слушайте, друзья!

По радио уже заканчивали читать традиционное поздравление, с каким обращались к советским людям партия и правительство. Зазвенели Кремлевские куранты, им вторил беспорядочный стук «бокалов» за столами. Диктор по радио и Дед Мороз одновременно воскликнули:

— С Новым годом, товарищи!

Когда Снегурочка на какое-то время осталась одна, к ней подошла Гуландом;

— Вы ведь Надежда, верно? Поздравляю вас с Новым годом...

— И вас также!

К ним подоспел Дед Мороз и увлек Снегурочку за собой: от взбалмошной Гуландом всего можно было ожидать.

— А теперь, — произнес он громко и торжественно, — возьмите в руки свои тарелки и зажмурьтесь покрепче. Для вас приготовлен сюрприз. Снегурочка раздаст вам такие подарки, о каких вы и не мечтали!

Он скользнул взглядом по столам, проверяя, у всех ли наготове тарелки, и кивнул музыкантам, которые только и ждали его сигнала:

— Маэстро, марш!

Самодеятельный оркестр, из национальных инструментов, грянул что-то мажорное, и под музыку, возглавляемые Снегурочкой, двинулись от вагона-кухни к столам девушки в белых халатах и поварских колпаках; на подносах, которые они несли, лежала дымящая-

ея самса; разделившись на четыре группы, девушки стали обходить гостей и каждому на тарелку клали по одной горячей самсе.

Дед Мороз, внимательно следивший за ходом этой «операции», с самого начала заметил, что Гуландом ведет себя с демонстративным вызовом. Пренебрегая приказом Деда Мороза, она — единственная из всех — продолжала сидеть с открытыми глазами, и когда к ней приблизилась девушка с подносом, сама схватила две самсы и тут же принялась их есть. Увидев, что Дед Мороз грозит ей пальцем, она взяла с подноса еще две самсы и протянула их соседке. «Какая ее муха укусила? — Неодобрительно подумал Набиджан. — То к Надежде приставала, теперь вот меня явно хочет позлить. А, может, сама на что-то злится? Ладно, злись, злись... Скорей от меня отвяжешься...»

Когда все обнаружили, что на тарелках у них свежая самса, раздалась восторженные возгласы; лакомство, по которому освоители успели уже соскучиться, улетучилось в одно мгновение.

На столах еще было всего полно, а уже начались танцы. Набиджан — Дед Мороз подхватил Снегурочку и закружил ее в вальсе, к ним присоединились и освоители, и приглашенные на встречу Нового года ивановцы — горожане и колхозники. Проносясь в танце мимо Гуландом, Набиджан отвесил ей шутовской поклон. Гуландом, казалось, готова была лопнуть от злости. Не мешкая, она вскочила с места, устремилась к Грише, которого давно заприметила, коротко сказала:

— Пошли танцевать.

Гришу не надо было упрашивать; чувствуя себя на седьмом небе от неожиданной радости, он встал, наклонил в почтительном кивке голову — словно это не его пригласили на танец, а он приглашал — и протянул Гуландом руку.

Танцуя, Гуландом старалась быть поближе к Набиджану и Наде, и когда ей это удавалось, то нарочито громко смеялась, вовлекала Гришу в разговор, всем своим видом показывая, как ей хорошо и весело.

— Так у них все в порядке!? — Незаметно косясь на Гуландом и Гришу, спросила Надя.

— Ты еще не знаешь этого бесенка, — усмехнулся Набиджан. — Даже мне трудно угадать, что она еще выкинет...

Веселье закончилось лишь к рассвету.

Когда Набиджан и Надя, переодевшись, вышли из штаб-вагона, к ним подошел Рахманкулов:

— Ну, молодец, Набиджан! Я-то сперва подумал, что это артисты из города, да многие и сейчас так считают. Только по голосу тебя и узнал, — он повернулся к Надежде. — А вы, оказывается, не только знающий экономист, но и талантливая актриса. Надо будет привлечь вас в нашу самодеятельность...

— Артисты и должны были приехать, — сказал Набиджан. — Да, видно, их перехватили по дороге. Ну, Байбеков и попросил нас с Надеждой...

— Слушай, а где же Эргаш Кудратович? Почему его тут не видно? Он же всегда — с народом.

— Э, он Новый год дома встречает, — вздохнул Набиджан и посмотрел на часы.

Уже семь... В «Джизаке» сейчас утро в разгаре. Эргаш-ака, отпраздновав встречу Нового года дважды — по московскому и по ташкентскому времени, наверно, или сладко спит, или уже снова сидит за дастарханом — вместе с родными Набиджана.

Можно ему только позавидовать...

— Что же он тебя-то с собой не взял? — Сочувственно спросил Рахманкулов.

— Я новую машинку должен получить и обкатать. «Ниву». Для наших дорог только такая и годится...

Набиджан не стал объяснять Рахманкулову, что он остался в Иваново из-за Нади. Так уж они загадали: чтоб новогоднюю ночь провести вместе.

А домой он еще успеет...

II

Кудратов, взяв в конце декабря отпуск, уехал из Иваново со спокойной душой: годовые итоги работы треста были более чем утешительны; удалось сделать многое из того, за что намечено было приняться лишь весной.

Узбекистан встретил его морозом. Кудратову хорошо помнился зимний денек, когда он улетал из Ташкента с первым «десантом»: пригревало солнце, дул теплый ветерок... И сейчас, отправляясь из Иваново в Ташкент, он оделся совсем легко, полагая, что меховая шапка и шуба нужны только на Нечерноземье. Он жестоко ошибся. За два прошедших года изменился не только внешний облик Ташкента, но, кажется, и здешний климат. Даже в Иваново он так не мерз. Хорошо еще, что сот-

рудники Степирсовхозостроя, встречавшие Кудратова, сразу же усадили его в машину, которая отправилась в Голодную степь, в совхоз «Джизак», где гостила у родителей Дилафруз с детьми.

Всю дорогу водитель не выключал печку. Близ Янгьера они попали в буран; ветер сгибал верхушки деревьев, перекатывал снежные волны; колющий снег бил в стекла, словно песок, вздыбленный гармсилем. Гуденье ветра, воющего, как голодный шакал, перекрывало рокот мотора.

— Видали? — Водитель кивнул на ветровое стекло, за которым клубилась белая муть. — Что с климатом-то творится?! Таких зим у нас прежде не бывало. Азия поменялась погодой с Европой: там жара, тут мороз. Одни говорят — это последствие ядерных испытаний. Другие винят во всем искусственные спутники, заполонившие космос. От них, мол, все беды... Атмосфера-то вся в дырах...

— Выдумки! — Буркнул Кудратов. — Спутники тут ни при чем. А испытания в атмосфере давно уж не проводятся. Проще всего все на НТР сваливать... А, может, такие погодные аномалии уже случались — в далеком прошлом? Только тогда метеорологические наблюдения не велись.

— Да, ваша правда, выдумки все это.

Так, за разговором, они коротали время. В эту ненастную пору движение на дороге было небольшое, но пурга мешала водителю развить должную скорость. Им часто встречались машины, застрявшие в снегу, свалившиеся в кювет, и их участь — грозно предупреждала об опасности. Как ни жалел Кудратов бедняг — водителей, он ничем не мог им помочь. Зато их самих выручил гусеничный трактор, шедший впереди; казалось, он был послан благосклонной судьбой — чтобы расчистить им путь; и водитель машины, которая везла Кудратова, старался не отставать от мощной громады, с ревом пробивавшей заслон из ветра и снега.

С грехом пополам за пять часов они преодолели расстояние, которое обычно легковая машина покрывала за два часа.

Когда они въехали в совхозный поселок, уже начало темнеть. Кудратов не отпустил водителя в Ташкент.

— Куда вы поедете в такую погоду, да еще на ночь глядя? Переночуете здесь, а с утра пораньше — домой. Как раз успеете встретить Новый год.

Появление Кудратова в доме тестя вызвало бурю радости. Младшие дети повисли на отце с восторженным визгом, старшие чуть не задушили его в объятьях. Дилафруз вся так и сияла.

— Папа, папочка! Мы так о вас соскучились!

— Папа, этот снег вы из Иванова привезли?

— И мороз тоже?

— В Мирзачуле теперь — как в России. По колено снега!

Кудратов, не успевавший отвечать детям, сказал:

— Это снег изобилия. Он предвещает добрый урожай. Чем больше снега зимой, тем больше влаги летом. А вода — источник жизни. На земле, вдоволь напоенной водой, все хорошо растет — и хлопок, и деревья.

— И елки тоже?

— Насчет елок не ручаюсь, — улыбнулся Кудратов, — Но я из Иванова привез вам елку.

— Ур-р-ра!

С помощью водителя Кудратов осторожно снял с крыши машины и внес в дом почти двухметровую елку, заботливо обернутую несколькими слоями марли и картоном. Распаковав свой подарок, он пристроил елку в гостиной. Дети с восторгом смотрели, как освобожденно распрямляются зеленые ветви. Комнату наполнил запах хвои. Для детей это был самый дорогой сюрприз, глаза их горели, щеки покраснелись.

Хаким-ата, тепло встретивший Кудратова, усадил его на почетное место за дастарханом. Хотя до Нового года оставались еще сутки, вся семья Хакима-ата была уже в сборе: его сыновья, дочери, невестки, зятья, внуки... Так что за столом царил праздничная атмосфера. Не хватало только Набиджана и его братьев, работавших на БАМе и в Африке. Из Тынды, правда, пришло письмо, где средний сын Хакима-ата поздравлял свою родню с Новым годом и сообщал, что пока не будет построена новая станция неподалеку от Тынды, он никогда не сможет уехать. Послание от Набиджана привез с собой Кудратов. Хаким-ата поднес его к самым глазам и, прочитав, протянул Хамиду Хакимовичу:

— На, почитай. Набиджан обижается, что ты ему не пишешь. Неладно получается: живете рядом, а до сих пор друг с другом не повидались.

— Типичная ситуация, отец. Знаете, познакомился я как-то, еще в Узбекистане, с двумя московскими журналистами, друзья — водой не розольешь, и дома-то у

них в Москве недалеко друг от друга, а встречаются чаще всего — в Ташкенте, куда по своим журналистским делам ездят. В Москве — некогда: хлопоты, заботы, беготня.

— Ты и на письма-то скупишься.

— Ох, отец, текучка заела! Вы не представляете, как мы все там заняты: дел сверх головы! — Он посмотрел на Кудратова, — Кстати, Эргаш-ака, Юлдашев давно уж обещал меня к вам отправить, опыта поднабраться, и вот, видите, не удалось мне вырваться...

— Что ж так? Мы уж приготовились к торжественному приему делегации из Новгорода. Меня Юлдашев предупредил о ее приезде.

— Что вы, не знаете его? Осенит его какая-нибудь идея, и тут же он о ней забудет. Вспыхнуло-погасло... Его идеи, как спички: догорают мгновенно. А, не будем о нем. Посмотри-ка, что там Набиджан пишет...

Хамид Хакимович углубился в чтение письма; возвращая его отцу, с легкой досадой сказал:

— Судя по всему, у него какие-то сложности в личном плане. Мог бы и мне о них написать... У кого младшему брату просить совета, как не у старших братьев?

— Что за сложности? — полюбопытствовала Манзура, дочь Хакима-ата, живущая вместе с мужем в Киргизии, — Мне от него за последнее время лишь одно письмо пришло, да какое там письмо — так, записка. Мол, здоров, тружусь на благо родины, и тебе того же желаю. Удосужился заполнить лишь четверть листка...

Её брат, Шукурджан, шутливо заметил:

— Ты хоть «четвертинку от него получила, а я вот уж два года как работаю в Волгограде, хоть бы строчку черкнул! Еще бы! Большой начальник! — Он, пряча в уголках глаз усмешку, покосился на Кудратова. — Загружен сверх меры!

— А что вы думаете? — улыбнулся Кудратов. — Я ему вздохнуть не даю.

— Вот-вот. Сами — в отпуске, а он, как мы слышали, новую машину принимает? Великое дело! — Шукурджан иронически прищурился, — А, может, не машина его там удержала?

— Точно! — поддержал его Хамид Хакимович. — Не в бровь, а в глаз. И братишка собирался привезти ее в Новгород, чтобы познакомиться со мной, как с представителем нашего семейства.

— А я — не представитель? — обиделся Кудратов. — Мы с Дилафруз знаем эту девушку.

Манзура быстро повернулась к нему:

— И что она собой представляет?

— Скромная, старательная... Она у меня экономистом работает. Все ею довольны.

— Это деловая характеристика. А какая она в жизни? Поглядеть бы хоть на фотографию...

В разговор вмешалась жена Хакима-ата, Мухтасар-ая:

— Зачем фотография? Лучше на девушку поглядеть. Сами мы не можем туда поехать, так пусть Набиджан к нам ее привезет.

Как всегда, речь ее была лаконичной. Она не любила разглагольствовать, больше молчала, внимательно слушая других, зато, когда говорила — каждое слово ее звучало веско.

Выслушав мать, Шукурджан сказал:

— Мама, нам всем не обязательно ее видеть. А вот вам — надо. Невестку выбирает свекровь.

— А, сынок, у тебя устарелые представления, достаточно того, что она по душе нашему Набиджану. Прежде-то невестка помогала свекрови вести хозяйство. Вот свекровь и выяснала: какой она ей будет помощницей? Но ведь ни Набиджан, ни Надежда со мной жить не собираются... — Старуха обвела погрузневшим взглядом своих сыновей. — А ваши жены, дорогие сынки, разве подметают вот этот двор, прибирают вот эти комнаты? Разлетелись вы по всему свету, как птицы, покинувшие родное гнездо: кто в Африке, кто в Сибири, кто в Нечерноземье... Но мы с отцом любим вас — и потому не осуждаем: живите по своему разумению.

Не подав и вида, что удивлены пространным выступлением матери, сыновья и дочери с уважением внимали каждому ее слову. И поскольку единственным, кто мог удовлетворить их любопытство, был Кудратов, его и засыпали вопросами о Надежде. Но тот не склонен был перемывать косточки суженой Набиджана:

— Он вам сам обо всем напишет. Уж доверьтесь его выбору: парень он неглупый, со вкусом, умеет отличить хорошее от плохого. Мне лично Надя нравится. — Он бросил взгляд на жену. — Вот Дилафруз, кажется, не разделяет мое мнение.

Раздалось дружное:

— Почему?

— Ну, ее симпатии на стороне другой девушки, узбечки, не буду называть ее имя...

— Неправда! — сказала Дилафруз. — Я против Нади ничего не имею. Просто «другую девушку» знаю лучше. Она меня очень поддержала в трудную минуту. И я убедилась, какая она чуткая и заботливая...

— А кто она? — спросила Манзура.

— О, боевая девица! — улыбнулся Кудратов. — Тоже работает в моем тресте, строителем.

— А Набиджан как к ней относится?

— Раньше они дружили, теперь же он, по некоторым причинам, старается с ней не встречаться...

— Вы говорите загадками.

— Набиджан не уполномочил меня раскрывать его секреты. Он сам должен вам все рассказать.

— А я так думаю, — решительно произнесла Манзура, — что с ними обеими должна познакомиться наша мама. За ней последнее слово. Не хочу сказать о русских девушках ничего дурного, но некоторые чересчур уж современны. Стариков ни во что не ставят. Уживется ли эта Надежда с нашими родителями?

Тут послышался предупредительный кашель Хакима-ата, и за столом стало тихо, все взоры обратились на старика; тот медленно заговорил:

— Ты, доченька, и права — и не права. Конечно, к Надежде надо приглядеться, сынок ведь свою судьбу решил с ней связать... Но то, что она русская, еще ничего не значит. И среди узбеков, и среди русских разные люди встречаются. — Он помолчал, поглаживая пальцами короткую бородку. — Когда-то у молодых узбеков, занимавших высокие посты, было модным жениться на европейских девушках; объясняли они это тягой к европейской культуре... Только многие из этих браков оказались непрочными: у мужа были одни привычки, у жены другие... Однако и это ни о чем не говорит. Когда кончилась война, немало солдат-узбеков, демобилизовавшись, вернулось в родные места с женами — русскими, украинками, белорусками... И что же? До сих пор они живут со своими благоверными душа в душу, семьи у них крепкие, многодетные. Так что неважно, какой национальности невеста, была бы только порядочной девушкой...

— Ну, этого у Надежды не отнимешь, — заверил Хакима-ата Кудратов. — Однако, конечно же, родным женам нелишне поближе познакомиться с невестой.

После этого разговор перешел на другие темы. Поскольку за дастарханом собрались, в основном, целинники, то и речь они завели о том, что каждому из них было близко, каждого волновало — об освоении земель как в Узбекистане, так и в Нечерноземье. Конечно, в центре внимания оказались Кудратов и Хамид Хакимович. И им было что порассказать.

— Мы с вами, Эргаш-ака, вроде бы по соседству работаем,— сказал Хамид Хакимович.— И у вас, и у нас — Нечерноземье. А разница между землей — осязаемая. Ваша область войны не знала, а в нашей ее следы на каждом шагу. Куда ни ступишь — снаряд неразорвавшийся, мина или блиндаж... Окопы, доты, дзоты... Земля вся искалечена, изранена. Мы ее воскрешаем в буквальном смысле этого слова.

Хаким-ата задумчиво произнес:

— Да, довелось когда-то и мне шагать по земле новгородской... в солдатских сапогах. Получается, что Хамиджан идет по моим следам... Трудненько, значит, вам приходится, сынок?

— Да, похвастаться пока нечем,— ответил Хамид Хакимович.— Война давно закончилась, а мы до сих пор — словно в бою. Сумбула, и та уж привыкла к взрывам. Верно, жenuшка? Так что мы вынуждены проделывать двойную работу: сперва освобождать землю от всякой гадости, а уж потом заниматься мелиорацией и строительством. Ну, и вперед продвигаемся медленней, чем хотелось бы.

— Э, не скромничайте, дорогой шури́н,— Кудратов погрозил Хамиджану пальцем.— Наслышаны мы о ваших успехах, сводки-то читаем.— И продолжал, обращаясь уже ко всем: — Знали бы вы, сколько уже земли освоила его ПМК, сколько домов понастроила! И каких — добротных, кирпичных! — Он повернулся к Шукурджану.— А как у вас дела? Уж волгоградская-то земля опалена войной не меньше, чем новгородская. Там-то было самое пекло... Так что трудностей у вас, наверно, тоже хватает?

Шукурджан засмеялся:

— Не ждите — я плакаться, как Хамиджан, не буду. Мы работаем по-сталинградски, нас к этому обязывает героическое прошлое Сталинграда. Да и опыт освоения Голодной степи нам сильно пригодился. Мы же не осушаем землю, а орошаем ее. Ведём воду в приволжские степи. Дело привычное.

Хамид Хакимович хотел спросить его о чем-то, но в это время в комнату вошла мать, держа перед собой ляган с дымящимся пловом:

— Хватит, хватит о делах разговаривать. Устроили производственное совещание. Прошу, дорогие дети, отвлекаться от ваших орошений-осушений и все внимание отдать плову...

Кудратов сказал извиняющимся тоном:

— Вы уж нас не корите; что у нас на сердце, о том и беседуем; а на сердце — работа...

— А ты, сынок, не оправдывайся,— попенял Хакимата.— Не каждый же день встречаются люди, работающие в самых горячих точках страны. О чем им еще и говорить, как не о своих делах, заботах, успехах?

— А вы их не защищайте, отец,— с напускной строгостью остановила его жена.— Принимайтесь за плов, дети, дела от вас никуда не уйдут. А о плове как говоритея? Коль на дастархане плов,— не поднимай головы, пока не увидишь дно лягана.

Горка риса на лягане лоснилась так приманчиво, от нее шел такой дразнящий запах, что все замолчали и дружно потянулись к плову.

Хозяйка смотрела на сидящих за столом с ласковой, удовлетворенной улыбкой...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

I

Говорят, всему — свой срок. И так уж получилось, что лишь в конце августа, спустя восемь месяцев после встречи Хамида Хакимовича с Кудратовым в совхозе «Джишак», начальнику ПМК удалось выкроить время для поездки в Иваново.

Год выдался и тяжелый — к этому Хакимов уже привык и не ждал легкой жизни — и щедрый на отрадные итоги.

Тяжело было, прежде всего, потому, что Хакимова замучали проверками. То из Ташкента придет комиссия, то Юлдашев пришлет своих людей, которые, как сквозь решето, «просеивали» все, что предпринимал, делал, планировал сделать Хамид Хакимович. Он сносил все с завидным терпением: ведь сам же заварил кашу с «тремя огрехами» в работе треста, сам поднял этот вопрос и перед Юлдашевым, и перед министерством. И, в общем-то,

все эти проверки, отличавшиеся дотошностью — но и объективностью, лили воду на его мельницу. «Пускай, пускай все увидят своими глазами, — думал он с какой-то колючестью, — пускай во всем копаются, лишь бы пришли к соответствующим выводам».

И то ли в результате этих проверок, то ли это было требованием самого времени, но вскоре в распоряжение Хакимова стали приезжать группы освоителей с долгосрочными договорами и со своей техникой.

Воспользовавшись краткой передышкой, Хамид Хакимович «выбил» у Юлдашева командировку в Ивановскую область, тот разрешил ему взять с собой и жену.

Еще пригревало солнце, веяло теплым ветерком, и зелень держалась на деревьях, но с ветвей уже слетали листья — желтые, золотые, багровые; они покачивались в воздухе, с мягким шелестом касались земли; ветер ворочил их, и они то перепархивали с места на место, как птенцы иволги, то, словно стая жаворонков, затевали суетливую возню. С берез опадали сережки, похожие на гусениц.

Сумбула, собираясь в дорогу, поглядывала в окно. На улице и тепло, и свежо. А в Узбекистане еще не спала жара, вчера бюро прогнозов передавало: в Ташкенте температура — плюс сорок градусов.

Хакимовы уезжали всего на пять дней — много ли нужно вещей для такого недолгого путешествия? Самое необходимое из одежды, туалетные принадлежности, подарки для Набиджана и его жены Надежды.

Они поженились несколько месяцев назад, сыграв две свадьбы — одну в Иванове, другую в совхозе «Джизак», Мухтасар-ая нахвалиться не могла своей невесткой, хлопотала вокруг Нади, называла ее не иначе как «младшенькая моя невесточка, русская дочка из Иванова...» На свадебный той Хаким-ата пригласил чуть не всех жителей совхоза, гостей из Ташкента и Янгьера. Набиджан и Надя провели в совхозе целый месяц, пользуясь всеобщим уважительным вниманием, Надю возили по окрестностям, показывали сады, хлопковые поля, ей все было внове, она смотрела вокруг широко открытыми глазами. Отдохнули молодожены на славу...

К сожалению, Хамиду Хакимовичу и Сумбуле не удалось попасть на свадьбу ни в Иваново, ни в «Джизак»; они ограничились тем, что отправили в оба адреса поздравления и подарки; но главные дары Сумбулахватила с собой сейчас.

Уложив вещи, Сумбула спустилась во двор, где выращивала цветы. Еще летом они перебрались в трехкомнатную квартиру в новом коттедже, Сумбула с грустью покинула тихую городскую окраину; но она не мыслила себе жизни без цветов — не прошло и месяца, как двор украсили нарядные клумбы.

Собрав скромный букет, Сумбула отправилась на братскую могилу. Мраморная плита была занесена опавшей листвой; Сумбула убрала и листья, и увядшие цветы, осторожно вытерла с плиты пыль захваченной из дома чистой тряпичкой; бережно положила букет.

Рассветные лучи солнца окрасили небо в нежный розовый цвет, гуляка-ветер играл с листьями — и на деревьях, и на земле. Чуть заметно пахло прелью...

Дома Сумбулу поджидал Хамид Хакимович:

— Задерживаетесь, женушка! Машина перед подъездом уже бьет копытом.

— А я готова, все вещи собраны...

Самолет быстро домчал их из новгородского в ивановский аэропорт.

II

Как и обещал в свое время Кудратов Юлдашеву, гостей из Новгорода ивановцы встретили с почтением. Протягивая им букет цветов, Кудратов шутливо сказал:

— С прибытием вас, дорогие новгородские послы!

— Персональный привет — Чрезвычайному и Полномочному Послу! — торжественно провозгласил Набиджан, обнимая старшего брата, — Салам алейкум, дорогая келин-ая. — Он подвел к гостям смущенную Надею. — Знакомьтесь, это ваша новая родственница — Надежда.

— Эй, шурин, не забегай вперед, — прервал его Кудратов, — Дипкорпус я должен представить сам. — Он положил ладонь на плечо Наде. — Вот это Надежда, теперь тоже — Хакимова. Лучший экономист треста. Самая молодая из невесток в нашем семействе. Я бы сказал — и самая красивая. Но у нас все красавицы. А это, — он полуобнял Набиджана, — небезызвестный Набиджан Хакимов.

Сумбула засмеялась:

— Да его-то мы хорошо знаем.

— Но не все знаете о нем. Он теперь не рядовой

водитель. На днях ему присвоено звание заслуженного автомобилиста РСФСР.

— О! Поздравляем! — Одновременно воскликнули Хакимов и Сумбула.

А Хамид Хакимович добавил:

— Смотрите, как растут люди! Еще недавно этот мой родственничек бегал босиком по улицам кишлака, нагоняя на всю семью страх своими проделками, а ныне — он уже заслуженный!

— Погодите, это еще не все. С некоторых пор у него и должность другая, так что поздравьте его и с повышением.

— Ба, уж не министром ли он стал? — улыбнулся Хакимов.

— В точку попали. Мы так и называем его: товарищ министр. А что вы думаете? Ведь он ныне — хозяин всего транспорта в тресте Узбекивановострой. Повелевает и легковыми, и грузовыми машинами.

— Не слишком ли вы его возвеличиваете? — заметила Сумбула. — Как бы у него голова не закружилась.

— А я по совместительству продолжаю возить своего зятя, — поспешил вставить Набиджан, — Правда, на своей собственной машине. Но все одно, зазнаваться мне не с чего.

— Да, — проговорил Хамид Хакимович, — Такой у нас век, когда ученики обгоняют учителей, а младшие старших. В отличие от меня, Набиджан делает карьеру. Впрочем, в нем всегда чувствовалась хватка. Он и в детстве верховодил ребятами. А уж как на язык был остер — все слушали его, развесив уши.

— Все ему и сейчас в рот смотрят. От кого мы узнаем последние новости? От Набиджана. Кто в курсе всех дел — как местного, так и международного значения? Набиджан. — Кудратов повернулся к своему шурина. — Ну-ка, товарищ министр, просвети нас — что интересного во вчерашней прессе?

— Опять хвалят нашего брата-волгоградца. Они в крупных масштабах ведут оросительные работы. Пишут и о нас: богатыри из Узбекистана закончили строительство городка освоителей под Кожмой.

— Мы туда обязательно съездим, — заметил Кудратов.

Разговор они продолжали в «Жигулях», которые недавно приобрел Набиджан.

— Впятером у тебя, конечно, тесновато,— сказал Кудратов Набиджану.— Но на что не пойдешь ради сердечной беседы.

— Когда купили машину, Набиджан? — Поинтересовалась Сумбула.

— Сразу после женитьбы.

— Успели, значит, ее обкатать...

— Как бы не так! — весело возразил Кудратов. — Чтобы министр транспорта, и катался на собственной машине? Да он ее бережет пуше глаза, не меньше, чем жену...

— И, наверно, выбирал ее так же тщательно,— подержал его Хамид Хакимович.

— Товарищи мужчины,— остановила их Сумбула,— пощадили бы нашу невестку. Совсем в краску ее вогнаги.

Лицо Нади, действительно, сделалось пунцовым. Она помалкивала — то ли из скромности, то ли стеснялась родни мужа — в общем-то, незнакомых ей людей.

Сумбула, внимательно оглядев ее, улучила минутку и шепнула ей на ухо:

— А вы, по-моему, в положении — или я ошибаюсь?

Надя покраснела еще больше и тоже тихо, так, чтобы не слышали мужчины, ответила:

— Нет, не ошибаетесь...

— Тогда от души поздравляю.

Хотя Сумбула тяжело переживала свою бездетность и завидовала женщинам-матерям,— это была зависть светлая; ко всем ребятишкам она относилась с нежной нерастраченной лаской и особенно любила возиться с детьми братьев и сестер Хамида Хакимовича.

Она искренне обрадовалась, узнав, что к этой шумной ораве скоро прибавится еще один малыш...

— И беру вашего первенца под свою опеку. Согласны?

Надя благодарно кивнула.

Набиджан остановил «Жигули» возле красивого строения, над входом в которое мелкими изразцами было выложено: «Чайхана «Жемчужина». Чайхана расположена была очень удобно — у самого «Золотого кольца». Ее купола отливали под солнечными лучами мягкой голубизной. Солнце отражалось и в узорных изразцах стен; казалось, снуют по ним золотистые шмели...

Хакимовы, выбравшись из машины, с восхищением разглядывали чайхану.

— Когда же вы успели отгрохать эту красоту? — спросил Хамид Хакимович.

— За всеми справками обращайтесь к нашему летописцу, — Кудратов кивнул на Набиджана.

Того не нужно было спрашивать. Показывая на чайхану, он торжественным тоном произнес:

— Это чудо национального узбекского зодчества мы начали строить в прошлом году. Почему я говорю «чудо»? А разве не чудо, что на ивановской земле появился кусочек нашего Узбекистана? Все, что порождено дружбой советских народов, чудесно! Теперь узбекским пловом лакомятся и наши хашарчи, и ивановские братья, и гости со всех концов света, проезжающие по «Золотому кольцу» в комфортабельных автобусах «Интуриста» и автомобилях с чужеземными номерами. Для самых почетных гостей плов готовит ваш покорный слуга...

Кудратов перебил его:

— Наверно, ты состряпал плов и для повгородских послов?

— Какие же это гости? Это родственники. Их моим пловом не удивишь. И на сей раз над пловом трудились Махфуза и Надежда. А я лишь скромный соавтор...

— Обычно в соавторах оказывается высокое начальство, — шутливо вставил Кудратов.

— В данном случае я не начальство, — поправил его Набиджан, — а учитель, наставник. Это я научил вашу невестку готовить вкуснейший плов, а теперь она даст мне сто очков вперед! Верно сказал Хамид-ака: ученики обгоняют учителей. Помню, я в школе занимал первые места на шахматных чемпионатах. И дернула меня нелегкая показать одному своему однокашнику — как надо играть в шахматы. Вскоре он начал меня обыгрывать, и я был так потрясен этим, что даже забыл: как ходит конь, а как пешка. Шоковое состояние! С тех пор я не брал в руки шахмат.

— Знаем мы, как вы плохо играете в шахматы, — обронил Кудратов.

— Нет, честное слово!

— Может, скажешь, что ты теперь и плов разучился готовить?

— Нет, кое-какое представление о технологии сооружения плова у меня осталось... Но, говорят, соловья баснями не кормят. Прощу в чайхану, там вас ждет накрытый дастархан.

Действительно, в большом зале стол ломился от всяких яств — и, прежде всего, от даров осени. Обведя рукой это роскошество, Кудратов сказал:

— Все, что вы видите, — помидоры, огурцы и прочее — выращено в нашем подсобном хозяйстве. Морковь и лук тоже уродились здесь, семена, правда, привезены из Узбекистана. А рис, идущий на плов, пришла Каракалпакия.

Когда все расселись за столом, он спросил Хакимова:

— А как у вас дела с овощами?

— Основную их массу дают парники. Большую часть наших овощей получают новгородские рабочие. Но скоро основным поставщиком витаминов станут новые совхозы, — одному из них мы передали недавно сто двадцать пять гектаров освоенной земли с уже готовым урожаем овощных культур.

— И каков же этот урожай?

— Капусты и картошки ивановцы собрали вдвое, втрое больше обычного. Особенно их радует обилие помидор, лука, моркови — то ли они прежде не пробовали их выращивать в таком количестве, то ли земля не поддавалась...

— Тут, думаю, и то и другое...

Свежие горячие лепешки, самса с сочной начинкой напомнили Хамиду Хакимовичу и Сумбуле их родные места, искусство тамошних кулинаров...

— Мы с Нового года не пробовали такой вкусноты, — сказал Хакимов, уплетая за обе щеки самсы, приготовленные столь искусно, что сквозь подрумяненный, лоснящийся слой теста просвечивало мясо.

Оторвавшись от еды, он оглядел причудливую резьбу на стенах и потолке, выполненную мастерами по ганчу:

— Да, чайхана — что надо.

— Ну, до идеала еще далеко. При чайхане хорошо бы иметь гостиницу и караван-сарай. А то здесь иногда столько машин собирается, что не протолкнешься. Настоящая пробка.

— Вот и построили бы гостиницу...

— К сожалению, лучший наш строитель, Гуландом, перевелась в Кохму.

Усылав имя Гуландом, Хамид Хакимович восторженно воскликнул:

— О! Может, сегодня к ней и съездим? Говорят, она тут у вас чудеса творит.

— Бригада Гуландом у нас по программе — завтра. А сегодня — день отдыха и осмотра достопримечательностей.

III

Сдав «под ключ» мелиораторский городок под Қохмой, Гуландом со своей бригадой приступила к строительству жилых домов для будущего совхоза.

Туда и отправились Кудратов и Хамид Хакимович, оставив Сумбулу на попечение Набиджана.

Деревня, где предполагалось разместить одно из отделений совхоза, веселила взор своей пестротой: новые дома, нарядные, аккуратные, соседствовали со старыми, крепкими избами; деревья в садах обрели осеннюю окраску — от блекло-зеленой до ярко-багряной; ветви яблонь клонились, отягощенные наливными плодами; перезревшие с глухим стуком ударялись о землю...

У одного из строений одиноко торчал небольшой кран с опущенной стрелой. Хамид Хакимович удивился:

— У бригады — лишь один строительный объект? Маловато. Или сама бригада небольшая?

— Да, людей у Гуландом меньше, чем в других бригадах. Но зато каждый владеет несколькими специальностями. Поэтому работа идет быстро. Всей бригадой они и фундамент закладывают, и стены воздвигают, и кровлю стелют, и производят отделку. Сдав готовый дом, принимаются за следующий. Можно сказать, что дома у них — на конвейере. К законченной работе они уже не возвращаются, их постройки добротные, прочные, без недоделок.

— Ну, уж, — усомнился Хакимов, — так-таки и без недоделок? Говорят, цыплят по осени считают. Вы бы подождали, пока в дома въедут жильцы, перезимуют в них, а уж потом хвалили бы строителей. Ведь как у нас бывает? Дом уже заселен, и тут-то и начинают обнаруживаться изъяны, и у хозяев хлопот полон рот: чинят краны, замазывают щели, перестилают полы...

— Ручаюсь — жильцам домов, построенных бригадой Гуландом, не придется заниматься самообслуживанием.

— Гарантия?

— Дома, возведенные под Қохмой. Там люди давно

уже живут, и жалоб от них нет. У Гуландом девиз: строить так, чтобы потом не нужен был даже мелкий ремонт. У бригады во главе угла — качество. Что не мешает им держать высокие темпы. А то ведь иной раз как получается? Или качество — и тогда это долгострой, или темпы — и дом ладят на скорую руку. А работа по принципу «тяп-ляп», в конечном счете, тоже оборачивается долгостроем: на устранение недоделок уходит куда больше времени, чем на само строительство. В отчетах значится, что дом сдан, а по существу это липа.

— У Гуландом, значит, не так?

— Нет. Ребята работают по совести. Вроде бы, совесть — не экономическая категория, но без нее далеко не уедешь. «Гуландомовцев» подхлестывает сознание, что они строят дома для своих русских братьев. И, значит, должны вкладывать в работу всю душу. Строить лучше, чем для себя. Да вы поговорите с Гуландом, вон она к нам идет...

Когда Гуландом приблизилась к ним, Кудратов представил ее и Хакимова друг другу. Хамид Хакимович, взяв девушку под руку, проговорил:

— Сестренка, я ведь в какой-то мере и из-за вас сюда приехал. Дошел до Новгородщины слух о ваших методах работы. Вот и поделились бы со мной секретами ваших успехов.

Гуландом пожала плечами:

— А никаких секретов нет. У нас вся бригада работает, как говорится, на совесть. Вот, поглядите на этот дом...

Она подвела Хакимова к уже готовому дому. На первый взгляд он ничем не отличался от домов, которые строила ПМК Хамида Хакимовича. Но присмотревшись, можно было заметить какое-то особое изящество, законченность его очертаний, от дома веяло надежностью...

— Молодец, сестренка! — Не удержался от похвалы Хамид Хакимович.

— Нравится?

— Очень.

— Спасибо, Хамид-ака.

В разговор вмешался Кудратов:

— И заметьте: дом возведен в минимально короткие сроки, с минимальной затратой средств и рабочей силы. Так в чем же, все-таки, твой секрет, Гуландом?

— А в том, что дом строили люди с рабочей совестью.

Хакимов прищурился:

— Мастерство тут ни при чем?

— Но разве это можно разделить: мастерство и совесть? Для меня строитель, потерявший совесть, уже не мастер. Без умения, конечно, и двери не навесишь. Но если умеющий спешит и дело свое без души делает, то все у него будет идти вкривь и вкось. Совесть — вот прочный фундамент каждого дела.

Лицо Гуландом покраснелось — то ли от возбуждения, то ли от резкого ветра. Кудратов, смотревший на нее с затаенной гордостью, подмигнул Хамиду Хакимовичу: знай, мол, наших! Хакимов с отеческой лаской погладил ее по волосам:

— Спасибо за урок, сестренка.

* * *

Хамиду Хакимовичу хотелось бы потщательней осмотреть все объекты, которые строил, сооружал Узбек-ивановострой, но его лимитировало время. В ПМК ждала куча срочных дел; особенно заботили его те, которые были связаны со строительством. Поэтому с некоторыми объектами он ознакомился бегло, иные вообще пришлось пропустить.

На завод железобетонных изделий Кудратов завез Хакимова вечером, когда там никого уже не было. Увидев сложенные в заводском дворе бетонные и керамзитобетонные трубы и плиты, Хамид Хакимович одобритительно сказал:

— Да, стройматериалами вы себя обеспечили... — И тут же добавил. — Только не создаете ли излишние запасы?

На таком же заводе, построенном их трестом, продукция во дворе не залеживалась, Юлдашев со строгой рациональностью распределял ее по своим ПМК, следя за тем чтобы там не было ни перебора, ни недобора. «Настоящий, рачительный хозяин, — говорил он, — не накапливает материал, как скупой рыцарь, а сполна, исходя из графика работ, его использует».

Когда Хакимов рассказал об этом Кудратову, тот сразу достал блокнот и сделал в нем очередную запись. Так что не только Хакимов перенимал что-то у ивановцев, но и они — у новгородцев...

Кудратов показал Хамиду Хакимовичу и птицеферму «Лесная», которую сооружали «соперники» — местные жители. Само строительство велось на высоком техническом уровне.

— Это мы называем: строить «по-городскому», — сказал Кудратов. — Мы же, в основном, держимся за привычное, испытанное: строим «по-деревенски».

— Что же, все-таки, лучше?

— Пока мы и наши «соперники» попеременно обгоняем друг друга: то они добиваются успехов, то мы. Нам кажется, что определенные выгоды на нашей стороне. Мы хозяева и своего времени, и стройматериалов, которые всегда под рукой. При «промышленном строительстве» слишком велика зависимость от города, который поставляет и материалы, и технику.

— И, однако, такое строительство объективно, прогрессивней? — возразил Хакимов. — Ведь тут — централизация. А как у нас? Строительством на Нечерноземье занимаются десятки министерств и ведомств. Силы раздроблены, рассеяны, как раскатившееся по столу пшено. Собрать бы их в один кулак...

— Каким образом?

— А разве нельзя, объединив усилия всех строительных организаций, работающих на село, создать мощный производственный комбинат, где концентрировались бы и производство стройматериалов, и техника, и планирование?

— Наверно, можно.

— Нужно! Нам всем мешает отсутствие четкой организованности, продуманной координации действий.

— Да, вы правы. Об этом недавно шла речь на бюро обкома. Пока решили: пусть соревнуются два метода строительства — и тот, что применяется здесь, на «Лесной», и тот, который используется нашим трестом.

— Пусть соревнуются, проходя поверку самой жизнью? Что ж, разумно. Наша социалистическая экономика все еще в поиске, и поиск этот, я думаю, будет продолжаться еще долгое время... Волюнтаристский подход тут неприемлем. Нельзя волевыми решениями что-то категорически отбрасывать, что-то искусственно внедрять. Как это у Маяковского? «Твори, испытывай, пробуй»...

«Но это возможно только тогда, — подумалось Кудратову, — когда во главе хозяйств и учреждений стоят творческие руководители. Да, многое упирается именно

в это: в людей. Вот «Заветы Ильича» за последнее время вдвое повысили плодородность земель. А их сосед, «Красный пахарь», увяз в болотах. У Алексея Васильевича в разгаре строительные работы, в «Красном пахаре» к ним еще и не приступали. Председатель всю свою энергию тратит на подыскивание спасительных объективных причин: и почвы-то у них скудные, и заболоченной земли слишком много. Правильно говорится: кто хочет работать — ищет выход, кто не хочет — ищет объективные причины...»

* * *

Когда Хамид Хакимович уже готовился к отъезду, к нему в гостиничный номер пожаловала Гуландом. Вид у нее был угрюмо-решительный.

— Хамид-ака! Я хочу поехать с вами на Новгородчину. И работать в вашей ПМК.

— Что случилось, сестренка? — обеспокоенно спросил Хакимов.

— Ничего. Но здесь я не останусь больше и минуты.

— Вот даже как...

— Может, вам не нужны строители?

— Нужны, нужны! И особенно такие, как ты. А Эргаш Кудратович знает, что ты собираешься...

— Вы хотите сказать: дезертировать? Но разве у вас условия легче, чем здесь?

— Труднее, — согласился Хакимов. — По Новгородской земле прошла война.

— Вот! -- почему-то торжествующе сказала Гуландом. — А Эргаш-ака... По-моему, он давно догадывается, что мне здесь... неважко. Навряд ли только предполагает, что я надумала уехать к вам... Мне ведь это недавно пришло в голову, после того, как вы у нас побывали. А так — я уж в Янгиер хотела вернуться...

У Хакимова так и вертелся на языке вопрос: почему же это девушке «невважко» у Кудратова, который окружил и ее, и бригаду заботой и вниманием? Но он подавил в себе любопытство: если есть у человека какая-то тайна, не след ее выпытывать; он сам все выложит, когда сочтет нужным...

Поэтому он спросил о другом:

— А согласится Кудратов тебя отпустить? Ведь твоя бригада — слава треста...

— Бригада здесь и останется. И любой из ребят мо-

жет быть бригадиром.— Брови у Гуландом сошлись на переносице. — А я уеду, и никто не вправе меня задерживать!

Когда Хакимов поведал Кудратову о желании Гуландом перевестись в его ПМК, тот сожалеюще развел руками:

— Ее воля! Уж если Гуландом что решила — ее не переупрямишь. Жаль, конечно, терять такого работника... У нее, как бы это сказать, талант заводилы. Но, сами понимаете, без серьезных причин она не рвалась бы куда подальше с обжитого места, где сумела завоевать уважение и почет.

— Вы знаете эти причины?

— Я могу лишь стронть предположения...

На самом-то деле Кудратов был уверен: Гуландом бежит от Набиджана... Вернее, из-за Набиджана. Да, добиться успехов в работе куда легче, чем ответа на свою любовь. Бедная девочка... Она ринулась на Нечерноземье вслед за первым десантом освоителей — в надежде на счастье. Наверно, для Гуландом непременосима мысль, что Набиджан уже женат; его женитьба как бы поставила последнюю точку в их отношениях. И Гуландом не в силах жить возле чужого счастья, ненароком встречаться с Набиджаном и Надей... Что ж, ее можно понять. Правда, ни для кого не секрет, что в нее по уши влюбился Гриша... Но что ей — Гриша? Насильно мил не будешь. Горькую справедливость этой поговорки она испытала на себе. Вот ведь как бывает: девушка безразлична тому, кого полюбила, а ей безразличен тот, кто ее полюбил. Что ж, пусть едет на Новгородщину. Может, там она найдет свое счастье... Во всяком случае, расстояние хоть немного приглушит ее боль...

Получив у Кудратова разрешение на отъезд, Гуландом вздохнула облегченно и уж хотела было кинуться за билетом на самолет, но ее остановил понурый вид ребят из бригады, с которыми она пришла проститься, и она сказала:

— Ладно, поработаем вместе, пока не достроим дом. Не оставлять же «незавершенку». — И улыбнулась через силу. — Будем пока привыкать к мысли о предстоящей разлуке...

Хакимову она пообещала:

— Ждите — скоро приеду.

Он уже знал: Гуландом слов на ветер не бросает.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

I

Новый директор нового совхоза «Чинар» Иван Степанович Сергеев расположил центральную усадьбу в березовой роще, а здание конторы — на опушке, на невысоком взгорье. Выбор места был весьма удачным. Дома, построенные ПМК Хамида Хакимовича, терялись среди белых стволов, от которых, казалось, исходило ослепительное сияние. Под легкими порывами ветра листья подрагивали, и, чудилось, по зелени пробежала рябь...

Здание конторы еще издали бросалось в глаза, оно белело, как парус, рвущийся в голубую даль. А какой обзор открывался из директорского кабинета! Как на ладони видны были из окон, выходящих на разные стороны и сам поселок, и фермы, и поля, и лесные просеки, и дороги, ведущие к полевым станам совхозных отделений... Сергеев называл свой кабинет то наблюдательным пунктом, то штаб-квартирой. Здесь сходились нити управления большим многоотраслевым хозяйством. «Современное хозяйство, — говорил Сергеев, — нуждается и в современных методах управления. Если космическим кораблям и многочисленным спутникам земли команды подаются из одного места — Центра управления полетами, то почему бы и мне, находясь в штаб-квартире, не держать в руках вожжи от всех подразделений совхоза?»

Здание конторы построила, по заказу Сергеева, ПМК Хакимова, и сдала его совхозу «под ключ». Сергеев долго ходил вокруг новостройки, любуясь ею и не решаясь открыть дверь... Конечно, здание это и в сравнение не шло с древними архитектурными памятниками Новгорода и Старой Руссы, не дивило ни золотыми куполами, ни прочными, на века, каменными стенами, ни затейливой лепкой; оно было сбито из керамзитобетона, зодчие избегали архитектурных излишеств; и, однако, Сергеев все не мог оторвать от него восхищенного взгляда: для него это было знаменательной приметой роста хозяйства, лишь недавно начавшего набирать силу.

Сергеев родился в этих местах, и когда грянула война — вместе со всем народом грудью встал за родную землю. Он служил в пехоте, царице полей, и, начав боевой путь сержантом, закончил его в звании капитана.

Не раз задевали его осколки и шальные пули, уж и не припомнить, в скольких госпиталях он побывал; однако выжил и после Победы вернулся в отчий край.

Страшная картина разрушений предстала перед его взором. Ведь село, в котором он родился, и окрестные леса, где он любил бродить, и река, озеро, в которых он купался и рыбачил — в дни горячих сражений переходили из рук в руки, были изранены свинцом и сталью, опалены огнем... Да что село — во всем районе не осталось ни одного целого строения. Хозяйство колхоза, где Сергеев работал до войны, пришло в полный разор. Естественно, не хватало рабочих рук: много земляков Сергеева сложило головы на полях сражений, и некому было обрабатывать мирные поля. От рук фашистских палачей приняли смерть отец и мать Сергеева. Казнены были почти все их односельчане...

Но как бы то ни было, а надо было жить, работать, поднимать из праха сожженное село, разрушенное хозяйство. И в первую послевоенную весну Сергееву вместе с несколькими соседями, оставшимися в живых, удалось вспахать, засеять зерном небольшой участок земли; на более крупном клочке посадили картошку. Колхоз — пусть хилый, слабосильный — возродился и продолжил свое существование.

Таких хозяйств в районе оказалось пять-шесть, их слепили в один колхоз, председателем выбрали Сергеева. Конечно, у новорожденного колхоза силенок было маловато. Сергеев «выбил» у районного начальства лошадей и семена, и следующей осенью урожаем дали сто гектаров земли. Обзавелся колхоз и скотиной. Правда, выглядел он одиноким островком среди «бесперспективных деревень — тяжкого наследия войны...»

Иван Степанович часто задумывался над тем, как возродить к жизни гнилые, заброшенные земли, но долгое время мечта его так и оставалась мечтой... Он все же не терял веры в светлое будущее своего края, и, наконец, сбылись самые заветные его чаянья — партия и правительство разработали широкую, долгосрочную программу освоения Нечерноземья; пустоши и заболоченные массивы, в течение многих лет не приносившие людям никакой пользы, решено было поставить на службу народу; это коснулось и территорий, окружавших колхоз, которым руководил Сергеев; на помощь местным жителям прибыли мелиораторы из Узбекистана — со своими техникой, оборудованием, семенами; мало-

мощный колхоз был преобразован в совхоз с обширными земельными угодьями; узбекские братья, называвшие себя «хашарчи», засучив рукава, принялись за дело; хозяйство Сергеева пошло в рост, стало крепнуть день ото дня...

Иван Степанович распахнул настежь окно своего кабинета, в лицо ему ударил прохладный осенний ветер, настоенный на запахах вянущей листвы, подсыхающего сена; казалось, ворвалась в кабинет сама жизнь — с ее движением, суетой, шумом... От опушки леса, где находились новые молочная ферма, телятник, кормохранилище, доносились ленивое мычанье коров, требовательный зов телят. На площадке, занятой техникой, раздавались звон металла, постукиванье, побрякиванье... До самого берега реки тянулись дома нового поселка; антенны, установленные на крышах, походили на молодые саженцы, выпустившие первые веточки. В школе — тихо, идут уроки. Возле Дворца культуры некоторое оживление: вечером показывают кинокомедию, и люди торопятся заpastись билетами. А вот у магазина пустынно, разгар торговли обычно приходится на конец рабочего дня.

Да, из директорского кабинета все видно... На ферму привезли корма, началась разгрузка. Из здания вышла женщина в белом халате, с трудом удерживая в руках сверкающий бидон, наверное, полный молока. По улице проплыл трактор — куда это он направился? В поле? От недостроенных зданий, где всюю кипела работа, отъехал порожний грузовик... Сергеев представил себе готовый поселок: да, тогда будет на что полюбоваться! Но до завершения строительства пока далеко. Еще не все дома подведены под крыши, еще не вырыты котлованы под подземные резервуары для хранения горючего, под фундаменты автогаража, тракторного парка, бензозаправочной станции — важных вспомогательных служб большого современного хозяйства.

Однако Сергеев уже привык к тому, что умельцы из хакимовской ПМК умеют держать слово. На тех участках, где мелиораторы посадили кукурузу, уже клонятся к земле тяжелые янтарно-желтые початки, скоро зеленая масса ляжет в силосные ямы. ПМК обязалась также освоить к весне и засадить капустой и картошкой еще двести гектаров земли.

Капусту, картошку, кукурузу выращивали здесь и прежде. Только урожаи снимали — курам на смех. Ка-

пуста урождалась величиной с кулак, стебли кукурузы еле доставали до колен, на приречных полях, засеянных люцерной, выростал... камыш. Сколько крестьянского труда пропало даром! Одним словом: нечерноземье... Скудные почвы. Неудоби.

Теперь все это остается в прошлом. Усилиями самих новгородцев и их братьев из Узбекистана Нечерноземье преобразуется. Вот и его хозяйство обрастает плодородными земельными угодьями, набирает мощь. Поля уже начали давать хорошие урожаи. Впрок запасены корма. Фермы становятся истоками молочных рек...

Сергеев нажал одну из кнопок селектора, вспыхнул красный огонек, послышался женский голос:

— Дежурная по ферме слушает.

— Как у вас дела?

— Полный порядок, товарищ директор. Все на своих рабочих местах. Сейчас буренок будут кормить...

— Не жалуются ваши подопечные?

— На что им жаловаться? Ухожены, сыты... Ну, и молока дают столько, что бидонов не хватает.

— Значит, нуждаетесь в таре?

— Ладно, попробуем вам помочь.

Вот так всегда: одного вдоволь — тут же ощущается недостаток в другом. В большом хозяйстве одно цепляется за другое, голова кругом идет от забот... И заботам этим не видно конца.

А ведь человек живет не единым хлебом, ему, как воздух, нужна духовная пища. И коммунизм — это не только изобилие материальных благ, но и полнота духовной жизни. И руководителю крупного хозяйства об этом тоже ни на минуту нельзя забывать.

Вот так-то, дорогой товарищ Сергеев.

II

Как бы подтверждая мысли Сергеева о «духовной пище», трактористы из ПМК Хакимова в обеденный перерыв, прежде всего, накинулись на газеты, которые принес почтальон. Иные не успели даже вымыть руки.

Дмитрий Дуданов, обычно обедавший вместе с трактористами, первым просмотрел газету, задумчиво усмехнулся:

— Какую только напраслину не возводят на нас за рубежом! Мы, оказывается, представляем военную угрозу и Европе, и Америке! Вчерашние солдаты, освобождавшие Европу, только и думают о том, как на нее на-

пасть! И я вот-вот пересяду с трактора снова на танк и отправлюсь завоевывать ФРГ! Ну, а там и до США — рукой подать...— Он покачал головой.

Механизаторы и присоединившийся к ним Хамид Хакимович внимательно слушали Дуданова, а тот продолжал в ворчливом тоне:

— Будто нет у нас забот, кроме как захват чужих земель... Да побывали бы хоть однажды эти «обвинители» у нас на Нечерноземье! Поглядели бы, чем заняты советские люди... Сколько еще земли — своей собственной земли — предстоит освоить! На кой нам ляд чужая?

— Ие, Дмитрий, а ты забыл про целину Узбекистана? — Вставил реплику Эльчи. — Да, мы ведем наступление, но на степные массивы, на пустыни.

— А казахские степи? — вступил в разговор один из трактористов. — Я поездом сюда ехал, и чуть не двое суток за окном — степь, степь, степь... А ж злость брала: сколько земли зря пропадает! Напоить ее водичкой — ох, какие урожай она дала бы! Эти степные просторы протянулись до самого горизонта — словно огромная верблюжья шкура...

Беседа не угасла и за обедом; на этот раз инициативу взял на себя Хакимов:

— Верно вы все говорите, у нас и земли хватает, и дел невпроворот. Нам гонка вооружений просто невыгодна, она бьет по нашей экономике, мешает достичь наших целей в более короткие сроки. Вы задайте себе вопрос: есть ли в нашей стране хоть одно предприятие, хоть один человек, кому было бы на руку производство танков, ракет, атомных бомб? А вот в США таких людей — пруд пруди: это и Пентагон, и военные монополии, и все те, кто связан с ними. Для нас гонка вооружений — помеха, преграда на нашем пути к коммунизму, для них — доход, колоссальные прибыли! Кого у нас может обогатить массовый выпуск ядерного оружия? Да никого! Для всех в нашей стране это разорительно. А в США монополии, фирмы, предприятия, занятые производством смертоносного оружия, обогащаются. И уже одним этим выносят приговор капиталистической системе: не имеет права на существование строй, который не может обойтись без гонки вооружений, без войны. Идеальна лишь та система, где все служит одной цели: благу человека... А война, смерть — какое ж это благо?

В середине сентября Хамид Хакимович вызвал к себе Эльчи Марданова и, помахав перед ним телеграммой, сказал:

— На тебя возлагается важная дипломатическая миссия. Поедешь в Новгород и встретишь гостя, прилетающего рейсом двести сорок. Я собирался сам съездить, да дела не пускают.

— А что за гость? — поинтересовался Эльчи. — Какой-нибудь иностранный турист? Важная птица из-за границы?

— Бери выше!

— Ташкентское начальство?

Вместо ответа Хакимов смерил Эльчи оценивающим, придирчивым взглядом. Тот тоже провел глазами по своему рабочему комбинезону:

— Так. Догадываюсь. Надеть парадный костюм?

— Именно. И не забудь про галстук. Да, и цветы захвати. К нам прибывает знатная особа — представительница ивановских строителей, девушка-бригадир, работающая по-злобински. Так что не ударь перед ней в грязь лицом.

— Не беспокойтесь, Хамид-ака, не подкачаю!

Переодевшись и собрав пышный букет, Эльчи на газике Хакимова поспешил в Новгородский аэропорт. Правда, он не совсем ясно представлял себе, как же узнает гостью в толпе пассажиров? Он даже фотографии ее не видел, знал только, что девушку зовут Гуландом, что она бригадир строителей-злобинцев. Так ведь на лбу у нее не написано, что она — передовик!

Не успел Эльчи войти в здание аэропорта, как по радио объявили о прибытии самолета, следующего рейсом двести сорок. Стоя у кромки летного поля, Эльчи внимательно разглядывал пассажиров, спускающихся по трапу. Среди них было несколько девушек-узбечек, чем-то похожих друг на друга. Как определить, какая из них знатный бригадир? Особыми приметами передовики не обладают: люди как люди.

Прибывшие смешались с встречающими; вскоре все исчезли в здании аэропорта; осталась лишь невысокая девушка с небольшим чемоданом. И Эльчи не столько понял, сколько почувствовал: она! Девушка оглядываясь,

ища кого-то глазами; Эльчи решительно направился к ней, протягивая ей цветы, с приветливой улыбкой сказал:

— Салам алейкум, Гуландом-хон!

Девушка несколько растерянно ответила:

— Валеюкум ассалам...

— Добро пожаловать на новгородскую землю!

— Спасибо...

Она наклонилась над цветами, вдыхая их аромат; Эльчи счел нужным пояснить:

— Это наши, узбекские цветы, выросшие на здешней почве. Их выходила Сумбула-апа.

Услышав знакомое имя, Гуландом почувствовала себя свободней; улыбка заиграла на ее губах, черные глаза сверкнули, и будто две молнии ударили в сердце Эльчи. Смешавшись, он проговорил — словно рапортуя:

— Я здесь по поручению Хамида Хакимовича. Меня зовут Эльчи Марданов. Работаю трактористом.

— О! Я о вас наслышана.

Эльчи взял из ее рук чемодан.

— Наверно, Хамид-ака рассказывал?

— Не только. Я читала о вас в газетах, даже фотографию вашу видела, — Гуландом окинула его взглядом. — Похожи. Если бы вы ко мне и не подошли, я бы вас узнала...

— И я читал — и о вас, и о вашей бригаде!

Эльчи произнес это восторженным тоном, и Гуландом нахмурилась. Она не любила, когда ее хвалили. Смекнув, что своими словами смутил гостью, Эльчи перевел разговор на другое. И пока они шли к машине, пока ехали к Старой Руссе, он увлеченно рассказывал о том, чем занимается хакимовская ПМК, а сам искоса поглядывал на Гуландом. В аэропорту она держалась непринужденно, но, судя по всему, скромна и сдержанна. И одета неброско. Она слушала Эльчи молча, только в глазах ее вспыхивал порой, долго не потухая, черный огонь, и у Эльчи замирало сердце...

— Сейчас ПМК осваивает земли для нового совхоза, там и строительство развернулось большое... — После короткой паузы Эльчи спросил: — А вы к нам надолго?

— Не знаю... Если Хамид-ака не прогонит меня, может, останусь у вас работать.

— Что вы! Хамид-ака — добрый. Он ведь послал

меня встретить вас и знаете, что сказал? Мол, к нам прибывает знатная гостья...

Заметив, что Гуландом опять строго сдвинула брови, Эльчи запнулся:

— Ой... Я хотел сказать: он будет рад вам.

— Не знаю, не знаю... Я ведь познакомилась с ним совсем недавно. Что он обо мне знает?

— А ему достаточно хоть раз взглянуть на человека, и тот перед ним, как на ладони. Много ли надо времени опытному ювелиру, чтобы понять: золото у него в руках или подделка?

Гуландом, усмехнувшись, покачала головой:

— Можно ли так расхваливать свое начальство? А если вас обвинят в подхалимаже?

Эльчи искренне удивился:

— Какой из меня подхалим? Да я всем правду в глаза режу. А Хамида Хакимовича люблю, как отца. Вы ведь знаете его братишку, Набиджана? Хороший парень, верно? У них в семье все — один лучше другого. Честное слово! А Хамид-ака — самый достойный!

Стоило Эльчи произнести имя Набиджана, как огонь в глазах Гуландом погас, она притихла... Она-то надеялась, что больше и не услышит о Набиджане. Но его имя преследует ее и здесь, на новгородской земле. Правда, этот симпатичный, восторженный паренек и не подозревает, что ненароком причинил ей боль... А может, догадался, что его слова о Набиджане ей неприятны? Когда она сжалась, как от удара, он как-то странно взглянул на нее и тут же заговорил о другом. У него, видно, чуткая душа...

— А вы Сумбулу-апа знаете? — разливался меж тем Эльчи. — Вот видите, школа, где она год назад начала учительствовать. А эти вот дома возведены строителями из Ферганы. Красивые, правда?

Гуландом утвердительно кивнула. Верно, красивые. Молодцы ферганцы, они украсили здания андижанским орнаментом, наманганским кантом¹... «А у нас только чайхана отделана в национальном духе. Не всегда мы помним о традициях узбекского зодчества. Новые поселки — это наш дар жителям Нечерноземья, и мы должны позаботиться, чтобы подарок этот был особенным, с национальной спецификой...»

¹ Кант — вид орнамента.

Они ехали по длинной улице, параллельной берегу реки, у многих домов стояли, вытянув шею, строительные краны; копошились, как муравьи, строители; по мнению Гуландом, их было больше, чем нужно; но она не стала делиться этим мнением с Эльчи; а он с гордостью произнес:

— А это уже — наш совхоз!

Гуландом лукаво переспросила:

— Ваш?

— Ну... Мы земли для него осушали. Сами сняли первые урожаи. А кто поселок ладит? Наши строители. Нравится вам их работа?

— В общем, да.

— Мы с ними соревнуемся.

— А кто же победитель в этом соревновании?

— Когда мы, когда они... Хамид-ака так говорит: пусть не все выйдут в передовики, но чтоб отстающих — не было! И подгоняет тех, кто плетется в хвосте. Не только подгоняет... Для захромавших он и сам готов стать костылем...

— Прямо как наш Кудратов! Он тоже все призывает: будем работать — без отстающих! Да ведь сказать легче, чем сделать... Пять пальцев на одной руке, и те не одинаковы. Что же о людях говорить? Встречаются среди них такие, у кого совести нет. Их из отстающих никакими силами не вытащишь.

Эльчи дослушал Гуландом и торжественно объявил:

— Мы у цели нашего путешествия!

Газик мягко затормозил у ворот, ведущих во двор, где высился двухэтажный коттедж. Эльчи, выскочив из машины, открыл ворота и сделал приглашающий жест:

— Прошу, дорогая гостья!

Он провел Гуландом в трехкомнатную квартиру, со вкусом обставленную и сверкавшую чистотой:

— Располагайтесь, как дома. Тут все к вашим услугам: ванная, кухня...

Гуландом, осмотревшись, нерешительно, с некоторым недоумением спросила:

— Это... чья же квартира?

— Здесь живут Хамид Хакимович и Сумбула-апа. А вон та комната — ваша. Хозяева скоро придут. А пока отдыхайте...

Эльчи оставил Гуландом с явной неохотой.

Больше всех приезде Гуландом обрадовалась Сумбула. Ловкая, веселая, энергичная девушка без труда завоевала ее симпатии. Сумбула нашла в ней прекрасную собеседницу — Гуландом и слушать умела, и сама не скупилась на рассказы и шутки; она передала Сумбуле все ивановские новости, посмешила ее, поведав о курьезных случаях, посвятила во все, что заботило, волновало освоителей ивановского нечерноземья, умолчав лишь о своем отношении к Набиджану.

Сумбула, слишком часто остававшаяся в одиночестве, предложила жить в их квартире, освободив для нее одну из комнат.

Зажили они дружно, как старшая и младшая сестры. Гуландом помогала Сумбуле по хозяйству, в охотку готовила обеды и ужины; Хакимовым особенно нравились блюда русской кухни — стряпать их Гуландом научилась еще в Иванове. По ее просьбе Хамид Хакимович привез из Новгорода чугуны и глиняные кринки; «меню» самодеятельной поварахи становилось все разнообразней; об этом прослышал Юлдашев и однажды, позвонив Хакимову, сказал:

— В воскресенье вечером я к вам загляну, закажи своим хозяйкам жульен из грибов. Пробовал я его как-то — объедаенье!

Весь воскресный день Сумбула и Гуландом провели в лесу и вернулись домой с корзинами, полными грибов. Почистили, помыли их и, залив маслом и сметаной, поставили глиняные горшочки в духовку. К приезду Юлдашева жульен был готов. Втянув носом аппетитный аромат, доносившийся из кухни, гость поторопил:

— Хозяюшки! У мужчин уже слюнки бегут. Где ваш деликатес?

Свою порцию он уничтожил в мгновение ока и потребовал добавку. Насытившись, блаженно шурясь, спросил у Гуландом:

— Откуда тебе известен секрет приготовления этого блюда, которым прежде лакомились лишь аристократы да купцы? Так вкусно, я чуть язык не проглотил.

— Я долго жила в семье лесничего, там меня всему и научили.

— Ты так умеешь стряпать — пальчики оближешь. Не бросить ли тебе строительное дело.

— Э, нет! — засмеялся Хамид Хакимович. — Это

мы переманили Гуландом из Иванова, и никуда ее не отпустим, никому не отдадим. Я уже оформил ее на работу в своей ПМК, и завтра она возглавит бригаду гуландомовцев-злобинцев. Она уже успела познакомиться со строительными объектами, порученными ее бригаде, и завтра принимается за дело...

— Вот как! — Юлдашев посмотрел на Гуландом. — И ты твердо решила работать у Хакимова? Не удерешь, как из Иванова?

— Ниоткуда я не удираю. Не беспокойтесь, я не из породы летунов. Если и меняю место работы, то по серьезным причинам.

— Так что ты сюда — надолго? — Юлдашев был явно доволен ответом девушки.

— Да. Надолго, — она повернулась к Хакимову, — только к работе я приступлю не завтра, а через три дня. — И, уловив недоумение в его взгляде, пояснила: — С объектами-то я познакомилась, а вот с людьми еще не очень.

Хакимов, казалось, обиделся:

— Я подобрал тебе в бригаду лучших из лучших. Они не походят на тех птиц, которые раз клюнут, а два раза посмотрят по сторонам. Строители — что надо! Будут твоими надежными союзниками.

— Все же мне самой хотелось бы выяснить, кто на что горазд.

— Будто вы не знаете, — вмешалась Сумбула, — что самая важная работа — это работа с людьми. В данном случае — по подбору людей. Гуландом тоже ведь нужно убедиться, кто чего стоит. Думаю, для этого и трех дней мало.

— Вы не думайте, Хамид-ака, я вам целком доверяю, — сказала Гуландом. — Только ведь бригада-то — моя. Нам вместе — строить, одолевая трудности, держать экзамен перед новгородскими братьями. Так что я очень прошу: не утверждать состав бригады, пока я не поговорю с каждым.

— Хорошо, — согласился Хакимов, — пусть будет по-твоему.

Хамид Хакимович не посвятил Юлдашева в причины, по которым Гуландом была вынуждена покинуть Иваново, поскольку и сам их не знал; и того удивляло, как мог Кудратов, опытный, умный руководитель, расстаться со столь ценным работником. Ведь сам Кудратов на все лады расхваливал ему Гуландом. И,

прощаясь с Хакимовым, который проводил его до машины, Юлдашев любопытствовал:

— Гуландом что, сирота?

— Что вы, у нее живы и мать, и отец. И братья есть. И у всех — строительные профессии. Она пошла по стопам своей родни.

— И поспешила отправиться из родного дома за тридевять земель? Хм... А она замужем?

— Пока — нет.

— Так... Может, она поспешила сюда в поисках личного счастья? Бывает ведь так: в родных местах девушке не везет в любви, вот она и уезжает куда подальше...

— Нет, Насыр-ака, ее на Нечерноземье долг позвал. Долг сердца.

— Ну, ну... Верю. Только одно другому не мешает. Так что будь начеку, Хамид Хакимович. Здесь-то она одна, родные далеко, так что ты отвечаешь за ее судьбу. Гляди, как бы не вскружил ей голову какой-нибудь вертопрах.

— У нее светлая голова...

— Так в любви не голова главное, а сердце. А сердце может так наколобродить... Есть же поговорка: любил шах лягушку. Ты уж не дай ей ошибиться, больно славная девушка.

Уже сев в машину, он добавил:

— Если уж в бригаду подобрать людей нелегко, то еще труднее выбрать спутника жизни. А молодежь — думаю, ты не станешь со мной спорить — порой проявляет в этом вопросе легкомыслие. Поэтому так много стало разводов...

— Возможно, вы и правы...

— А может, Гуландом к кому-то конкретно сюда приехала?

— Убежден, что нет.

— Я слышал, что Эльчи Марданов встречал ее с цветами.

— Это я его послал. Сам был занят.

— Хм... — Юлдашев лукаво прищурился. — Знал, кого послать... Хорошая была бы пара, а? А ты дальновидный товарищ, и мне это в тебе нравится. И вот что я скажу: чтоб сдвинуть с места любое дело — нужен, так сказать, толчок. Толкнешь с горы камешек — может родиться лавина. Подашь идею насчет какого-нибудь начинания — глядь, целое движение зародилось. Тол-

кнешь человека навстречу другому... Смекаешь? Ну, ладно, будь здоров и да сопутствует тебе во всем удача!

Юлдашев уехал, а Хамид Хакимович долго еще стоял у обочины дороги, раздумывая над его словами. А что? Неплохая мысль... Гуландом и Эльчи, действительно, подходят друг другу. Сыграть ему роль свата, что ли? Нет, в чужие сердечные дела нельзя вмешиваться, это тонкая материя; не потянется одно сердце к другому — тут уж ничего не поделаешь. Правда, как сказал Юлдашев, в любом деле важен толчок...

* * *

Эльчи никому ничего не говорил, но Сумбула стала примечать, что он старается почаще попадаться на глаза Гуландом, и то ей цветы принесет, то свежую рыбу, которую он ловил специально для нее. Гуландом благосклонно принимала эти подношения, цветы ставила в вазу, украшавшую гостиную, рыбу жарила или запекала.

Разговоры же, которые они вели меж собой, не таили и намека на какие-то чувства.

Как-то Хамид Хакимович, встретив Эльчи, который держал в руках букет поздних цветов — последнего дара осени, не без лукавства спросил:

— О, какие красивые цветы! Кому же они предназначены, если не секрет?

Эльчи чуть смешался:

— Почему — секрет? Сегодня мои друзья из строительной бригады приступили к работе над новым объектом. Ну... я хочу их поздравить.

— Похвально, — одобрительно улыбнулся Хакимов. — И кому же конкретно ты думаешь вручить этот букет?

— Ну... ясно, бригадиру.

— Гуландом? Похвально, похвально... Она заслуживает самого наилучшего к себе отношения. Кстати, тебе она нравится?

— Гуландом — гордость нашей ПМК, — от смущения Эльчи перешел на несколько напыщенный тон. — Работает — дай бог всякому.

— И красотой не обделена, верно?

Эльчи уставился в землю:

— Ну... верно.

— Да что ты все «нукаешь»! Если она тебе по душе, чего ж тут конфузиться?

— Она... хорошая девушка,—выдавил из себя Эльчи.

— Что ж, у тебя прекрасный вкус.— Хакимов заговорщически понизил голос.— Слушай... Когда ты твердо решишь, что Гуландом тебе не безразлична,—шепни мне на ухо, я ее за тебя сосватаю. Идет?

Эльчи совсем потерялся; после долгой паузы промямлил:

— Я ведь не знаю... как она ко мне относится.

— А ты узнай. Ей-богу, Эльчи, ты же огважный джигит, мины не боялся взрывать! А перед девушкой — тушуешься. Выясните вы, наконец, отношения! Прошли те времена, когда к незамужней узбечке нельзя было и подступиться: сидела она в ичкари, прятала свое лицо под паранджой. Вы же — современные молодые люди! Ты ведь встречаешься с ней, разговариваешь, так? Что же тебе мешает откровенно сказать ей о своих чувствах?

— Ну...

— Опять «ну»!

— Мы пока еще мало знаем друг друга.

— Тут ты, пожалуй, прав. Хорошо, конечно, когда чувства испытаны на прочность временем... Но долго прятать их в тайниках сердца тоже опасно: как бы не заплесневели. В общем, я сказал — ты слышал.

К вечеру Гуландом вернулась с работы, бережно прижимая к груди букет чуть привядших цветов. Налив в вазу воды и водворив цветы, она поставила ее на видное место.

Сумбула с завистью посмотрела на букет и, как утром муж, сказала:

— Какие красивые цветы! А пахнут как! Только у осенних цветов такой одуряющий запах.... Где это ты их насобираала?

— Мне их подарил...

— О, у твоего «даригеля» отменный вкус.

От этой похвалы Гуландом просияла:

— Правда, букет вам нравится? Я сама тоже заметила: Эльчи хорошо разбирается в цветах...

— Так это Эльчи тебе их подарил? — почему-то обрадованно воскликнула Сумбула.— Ну, тогда он, действительно, парень со вкусом. В девушках, как я полагаю, тоже разбирается...

У Гуландом зарделись щеки, она не в силах была ни слова вымолвить, и Сумбула подумала про себя: о, да она неравнодушна к Эльчи! Дай-то бог... Эльчи-то

ей недаром оказывает всяческие знаки внимания, и если их судьбы соединятся... Дай-то бог, дай-то бог! Уж кто-кто, а Гуландом имеет право на счастье...

Словно в раздумчивости, Сумбула медленно произнесла:

— А неплохо было бы, если бы Эльчи пришел сегодня к нам на ужин...

— Он что, обещал прийти? — вскинулась Гуландом.

— Думаю, пригласи ты его, — он прилетит, как на крыльях.

— Я?

— Мы и сами могли бы его позвать, только для него это, полагаю... менее авторитетно.

Гуландом мотнула головой:

— Нет. Мне неудобно.

— Ты не хочешь его видеть?

— Мы сегодня уже виделись.

— Дома обстановка теплей...

— Нет. Не надо.

— Почему, Гуландом? Разве он посторонний для нас всех?

— Я пока мало его знаю.

— Но ты уже убедились, что Эльчи хороший парень. Смелый, работающий. И душа у него добрая. Да и не урод — верно?

— Внешность обмачива.

— Не скажи. Хорошего человека с одного взгляда можно определить — как золото.

— Нет, нет, — стояла на своем Гуландом, — Я его еще мало знаю.

Упорство Гуландом рассердило Сумбулу:

— Что ж тебе, пуд соли с ним надо съесть?

Впрочем, она уже знала: Гуландом не из тех, кого легко переубедить. Девушка тихо проговорила:

— Может, и больше пуда. Я однажды уже обожглась...

— Возможно, ты и права. Встречаются, конечно, люди, подобные червивому яблоку: посмотришь — от восхищения языком цокнешь, разрежешь — гниль... Но Эльчи, уверяю тебя, не из таких. Мы-то его уже хорошо знаем. У него что на душе, то и на лице.

Гуландом молчала.

Мысленно она, правда, была согласна с Сумбулой. Эльчи парень честный, искренний, добрый. И трудно было не заметить, что он относится к ней, Гуландом,

как-то по-особенному. И ей это приятно... Но ведь и Набиджан поначалу показался ей джигитом из джигитов! А оказался — предателем... Так, во всяком случае, считала сама Гуландом.

Почему-то она ничего не ответила Сумбуле.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

I

Когда наступило осеннее равноденствие, Сергеев прохладным полднем подкатил на бричке к строительной площадке, где трудилась бригада Гуландом. Догадавшись, что к ним по важному делу, строители сгруппировались вокруг Сергеева, а тот взял с сиденья брички большой каравай, завернутый в белое полотенце, разрезал его длинным острым ножом на двенадцать частей, первый ломоть протянул Гуландом, остальными оделил богатырей ее бригады. Хлеб был мягкий, еще теплый, пахущий полев, печью, домом...

Стоя возле брички, Сергеев проговорил:

— Это хлеб из ржицы нынешнего урожая. Урожая, который совхозные труженики собрали с земли, воскресенной к жизни нашими узбекскими братьями. Да, это вы превратили «бесперспективные» участки в весьма перспективные! Большое вам спасибо за это. Как по-узбекски «спасибо»?

— Рахмат,— подсказала Гуландом.

— Вот. Рахмат, значит. Отличный подарок сделали нам ваши мелиораторы. В этом каравае — частица и их труда. Отпробуйте-ка, вкусно?

Каждый из строителей, поцеловав свой ломоть, впился зубами в теплую душистую мякоть. На лицах появилось выражение блаженства, кто-то показал большой палец — хлеб — что надо!

— Да, хорош хлебушек,— удовлетворенно констатировал Сергеев.— Молодцы освоители! Ну, а теперь очередь за вами, созидателями совхозного поселка. Будущей весной, я уверен, поселок будет готов, и перед Первомайским праздником мы вручим ключи от новых квартир передовым рабочим совхоза. И от их имени я скажу вам: рахмат, дорогие узбекские собратья! — Он помолчал.— И вот еще что я хотел сообщить... Тем из вас, кто пожелает остаться на нашей земле работать в нашем совхозе, мы с превеликим удовольствием предо-

ставим самые лучшие квартиры! — Глаза его заискрились улыбкой. — Ну, а хлопцам, надумавшим жениться, выделим добротные дома, и свадьбу сыграем всем совхозом!

Ребята рассмеялись, а кто-то шутливо спросил:

— А невест — не выделите?

— У нас в совхозе их столько — выбирайте себе по душе. Но придется, конечно, потрудиться, чтобы завоевать их расположение. Тут руководство совхоза бессильно. Я лишь одно условие поставил нашим красавицам: замуж разрешу выйти лишь за того, кто будет работать в совхозе. Так что, повторяю, всякому, кто решит у нас осесть, мы поможем всем, чем можем. Милости просим в нашу совхозную семью!

Уже сев в бричку и взявшись за вожжи, Сергеев крикнул:

— Считайте, что эти дома вы строите и для себя! — И понукал коня: — И-но, поехали!

Когда бричка Сергеева скрылась из вида, Гуландом сказала:

— Объявляю внеочередной перекур! Полагаю, выступление нашего уважаемого директора совхоза стоит того, чтобы обдумать его и обсудить.

Ей и самой хотелось узнать: как восприняли ребята предложение Сергеева. Хотя она успела уже приглядеться к своим «богатырям», с глазу на глаз поговорила с каждым, уяснила, чем они живут-дышат, но этого ей было мало, и она пользовалась каждой возможностью поглубже заглянуть в души ребят. И когда что-то их задевало и завязывался горячий разговор, Гуландом вся обращалась во внимание.

Вот и теперь она жадно вслушивалась в беседу строителей.

Тот, кто спрашивал Сергеева насчет невест, и на этот раз заговорил первым:

— Директор — мужик хитрый, знает, чем соблазнить молодых джигитов: квартирами, домашним уютом... Все это, конечно, привлекательно, но тот, кто пил воду из рек Ферганской долины, лакомился фруктами из наших садов, навряд ли поддастся на сладкие уговоры. В гостях хорошо, а дома лучше.

— Верно, Ферганская долина — это рай на земле. Но можно понять и Сергеева. Он ведь хочет, чтобы и его земля сделалась благодатной, цветущей, как наша ферганская. Почему ж не помочь ему в этом?

— Мечтать можно о чем угодно. Тут, конечно, и земли, и воды в избытке. Но где взять такое солнце, как у нас в Узбекистане?

— Э, наша погода тоже свои начала давать. Солнце-то все чаще за тучами скрывается. Как в прошлом году было? Хлопчатник уже бутоны выкинул, и вдруг снег повалил. Москвичи в одних пиджаках разгуливали, а наши земляки кутались в теплые чапаны.

— Верно, верно! Того гляди, у нас скоро рожь будут выращивать, а здесь — хлопок.

— Помните песенку про физиков, которые раскрутили шарик наоборот?

— Шутите, шутите. А мне Фергана и по ночам снится... Ах, какие там сладкие дыни!

— Дыни нам и сюда присылают...

— Хорошо их есть — прямо с бахчи...

— Э, не едиными дынями жив человек. Впрочем, не хочешь оставаться здесь, бог с тобой, никто тебя не неволит. Сколько бы наших не уехали домой, здешние квартиры пустовать не будут. Я, вот, серьезно подумываю: а не застрять ли мне тут? Родные места — те, где ты труд свой приложил. А тут... Все нашими руками сделано: земля освоена, поселки возведены... И оттого, что я здесь обоснуюсь, я ведь не перестану быть гражданином СССР, верно? А это — главное.

У ребят из бригады Гуландом вошло в обычай: когда они работают — все разговоры по боку. Обычай этот завела Гуландом, и она же строго следила за тем, чтобы никто его не нарушал. Приступил к работе — рот на замок. Ребята и без лишних слов понимали друг друга. Однако сегодня спор, затеянный в перерыве, не прекратился и во время работы. Гуландом с трудом удалось утихомирить ребят. Когда они поостыли, она с усмешкой сказала:

— Я гляжу, Сергеев внес смятение в ваши души. Порешим так: кто желает остаться в совхозе, пусть напишет заявление, я передам его Сергееву. А пока не отвлекайтесь...

Но не прошло и нескольких минут, как кто-то из ребят обратился к ней с вопросом:

— Бригадир! А если Сергеев тебе преподнесет на блюдечке ключ от одного из этих коттеджей, ты здесь останешься?

— При чем тут я?

— Очень даже при чем. В таком случае и я согла-

сился бы остаться. Да и не только я — вся бригада.

— За всю бригаду не ручайся.

Но ребята зашумели:

— Честное слово, мы остались бы!

Гуландом рассердилась:

— А ну, отставить разговорчики! Мы с вами еще никуда отсюда не уезжаем. Вот выполним свои обязательства на эту пятилетку — возьмем новые на следующую. Строительство-то в этих местах только еще разворачивается, работы — край непочатый...

Ответ Гуландом, видимо, всех удовлетворил, ребята приутихли, каждый молча продолжал заниматься своим делом.

Но тишина установилась ненадолго. Раздалось та-рахтенье трактора — это подъехал Эльчи; как только у него выпадала свободная минутка, он старался повидаться с Гуландом.

Выключив мотор трактора, он крикнул:

— Хормангляр!

— Спасибо, — первой откликнулась Гуландом.

Приблизившись к строителям, Эльчи громко, торжественно возвестил:

— Не говорите, что не слышали! В совхозном клубе идет бурная подготовка к районному смотру самодеятельности. Но никого из строителей там пока не видно. Спешите записываться! Заявки принимаются лишь до послезавтрашнего дня!

— Клоуны не нужны, случайно? — спросил один из ребят, не отрываясь от работы. — Тогда мы втроем можем записаться.

— А акробаты? — поинтересовался другой. — Наша профессия помогает выработать акробатические навыки. Так что на этот жанр у нас одиннадцать претендентов!

Не почувствовав насмешки, Эльчи сказал:

— В смотре могут участвовать представители всех видов искусства. У вас цирковые номера? Пожалуйста! Мы ищем таланты!

— Ну, тогда всю бригаду записывай. Только в качестве зрителей.

Гуландом сердито обратилась к строителям:

— Шутки в сторону! Вы что, забыли нашу заповедь? Работаю — молчу.

— Замолкли, товарищ бригадир! И пусть посторонние не отвлекают нас от работы.

В наступившей тишине слышно было, как постукивают молотки, шуршат рубанки, подравнивающие оконные рамы...

Гуландом штукатурила нишу в стене. Эльчи подошел к ней и, осторожно осмотревшись по сторонам, извлек из-за пазухи пышную садовую гвоздику и протянул девушке. Та, зажав под мышкой мастерок, обеими руками взяла цветок, полюбовавшись им, пристроила в волосах.

— Спасибо, Эльчи.

Эльчи, откашлявшись, неуверенно предложил:

— Гуландом, можно я к концу рабочего дня заеду за вами на тракторе? Я на сиденье курпачу постелю.

Гуландом нахмурилась:

— Впервые слышу, что трактора используют как такси.

— Зачем вы так, Гуландом? Я... я для вас на все готов.

— А что подумают люди, увидев, как мы раскатываем на тракторе? Это ведь не ваш личный транспорт.

Она отвернулась, снова взялась за мастерок; Эльчи понуро побрел к своей машине.

Однако и ему было не занимать упрямства. Когда начало смеркаться, он отвел свой трактор в парк и, одолжив у Дуданова его «Жигули», примчал на них к строительной площадке. Бригада Гуландом еще не разошлась. Выйдя из машины и широко распахнув дверцу, Эльчи, обращаясь к Гуландом, сказал:

— Милости прошу в машину! Клянусь, это не казенное имущество.

Гуландом, однако, смотрела на него с неодобрением:

— Опять вы? Зачем вы приехали?

— Ну... чтобы отвезти вас. За день-то вы, верно, намаялись.

Гуландом неожиданно улыбнулась, задорно спросила:

— А двенадцать человек поместятся в «Жигулях»? Мы ведь все умаялись.

— А что? — в тон ей ответил Эльчи. — Все усядутся. А тех, кому не хватит места; запихнем в багажник.

Гуландом не смогла удержаться от смеха:

— Молодец, Эльчи, за словом в карман не лезете! Только, к сожалению, придется вам ехать одному. Мы

после работы должны еще кое-что обсудить. И домой отправимся всей бригадой.

На этот раз Эльчи не нашелся, что сказать. Повернувшись к строителям, которые делали вид, будто поглощены работой и ничего вокруг не замечают, он еще раз пожелал им успеха и, словно оправдываясь, пробормотал:

— Ну, я поехал. Дмитрий-ака, наверно, заждался своей машины.

С работы бригада Гуландом возвращалась, как это часто бывало, с песней. Когда ребята шагали мимо Дворца культуры, в их песню громом ворвался зычный бас, доносившийся из репродуктора:

— Просим всех быть дорогими гостями на сегодняшнем торжестве.

Ребята остановились, недоуменно переглядывались. Какое еще торжество? Почему их об этом не предупредили заранее?

Гуландом, задрвав голову, в который уж раз прочитала слова, вырезанные по ганчу над входом во Дворец культуры: «Жизнь без труда — тунеядство, жизнь без искусства — варварство».

Переведя взгляд на доску объявлений, висевшую пониже, сбоку от входа, Гуландом с изумлением воскликнула:

— Ие, оказывается, к нам артисты из Ташкента приехали! Скоро концерт начнется. Что ж это Эльчи ничего не сказал?

— Видать, ты его так приветливо встретила, что у него из головы все вылетело, — с добродушной насмешкой проговорил кто-то из строителей.

Гуландом сдвинула брови:

— Не устали языками трепать? Пошли в клуб!

— Переодеться бы...

Гуландом придиричиво оглядела своих богатырей, сменивших после работы комбинезоны на добротные костюмы. Вид у всех был если и не парадный, то вполне приличный.

— И так хороши. Причешитесь только. Вот так.. Ну, теперь от невест отбоя не будет. Пошли!

В просторном фойе сверкали люстры, перед красочным панно, выполненным по заказу Сергеева новгородскими художниками, как всегда, толпился народ. В людях, изображенных на панно и составляющих многофигурную композицию, легко было узнать и мест-

ных героев труда, и их братьев из Узбекистана. Гуландом привычно отмечала про себя: вот Хамид-ака, а рядом Сумбула-апа, а вон Дмитрий Дуданов и Эльчи... По ее мнению, в жизни Эльчи был красивой.

Над панно — броская надпись: «Сила орла — в крыльях, сила людей — в дружбе!» Да, крепкая дружба объединяла преобразователей Нечерноземья, придавала им неиссякаемую энергию. Это и стремились отразить художники.

К Гуландом быстрым шагом приближался Эльчи; взяв ее за руку, произнес:

— Пойдемте в зал, я для вас место занял, в первом ряду...

— Место? Но я ведь вообще могла не прийти. Мы о концерте только-только узнали.

Эльчи даже поперхнулся:

— Как? Разве я...

— Да, да, вы забыли предупредить о концерте и меня, и бригаду.

— Я же за вами приезжал.

— Я думала: вы хотели отвезти меня домой.

Эльчи кулаком ударил себя по лбу:

— Вот беспамятный! Простите меня, Гуландом...

— Ладно уж, — смилостивилась девушка, — прощаю. Со всяким бывает.

Впрочем, она сама чувствовала себя виноватой перед Эльчи: накинулась на него, когда он приехал на «Жигулях», вот он и растерялся.

Они прошли в зал, успевший уже заполниться, уселись на своих местах.

На сцене появился Сергеев; оглядев зал, он удовлетворенно сощурился и громко проговорил:

— Дорогие друзья! Я рад, что вижу в зале и своих земляков, и наших верных помощников из Узбекистана. И коль налицо интернациональный состав зрителей, то и концерт, который дадут мастера искусств и представители самодеятельности, будет носить тоже интернациональный характер. С удовольствием сообщаю вам, что сегодня у нас в гостях — артисты из братского Узбекистана!

Эти слова были встречены дружными аплодисментами.

Сначала в концерте выступили русские певцы, мастера художественного слова, имена которых были известны всей России; они исполняли песни, читали сти-

хи, посвященные труженикам Нечерноземья; естественно, зал отвечал им радостным оживлением, овациями.

Хамид Хакимович и Сумбула хлопали в ладоши вместе со всеми. Хакимов испытывал чувство гордости; ему льстило, что знаменитые артисты проявляют такое уважение к освоителям нечерноземной целины... Да, такие концерты не только доставляют людям наслаждение, но и вдохновляют на новые трудовые подвиги. Поистине: искусство — великая сила!

Но досмотреть концерт Хакимовым не довелось, в проходе между рядами появился дежурный по ПМК и тихо окликнул Хамида Хакимовича. Тот выбрался из своего ряда и, выслушав дежурного, поманил к себе Сумбулу. Они поспешили к выходу.

Концерт меж тем продолжался, русских артистов сменили узбекские, они воспевали нерушимую дружбу советских наций.

Гуландом жадно смотрела на сцену, Эльчи — на Гуландом. Наклонившись к ней, он шепнул:

— Молодцы наши, а?

Гуландом бросила на него недовольный взгляд: мол, помолчи, не мешай, и снова вся обратилась в слух.

Эльчи, однако, нисколько не огорчился, ему достаточно было сознания, что он сидит рядом с Гуландом и может глядеть на нее — сколько захочет. Он был на седьмом небе от счастья.

II

К Хакимову, оказывается, неожиданно-негаданно нагрянули гости — родные его братья Эргаш и Бурибай с женами и детьми.

После объятий и поцелуев, шумных взаимных приветствий, радостных восклицаний Хамид Хакимович спросил:

— Какими судьбами, дорогие мои? Хоть бы телеграмму прислали или по телефону позвонили. Мы бы вас встретили. А то свалились, как снег на голову!

— Скажите лучше: солнце вдруг взошло! — поправила его Сумбула.

Братья все похлопывали друг друга по плечам, по спинам, всматривались друг другу в лица: не изменились ли? Наконец Сумбула не выдержала:

— До каких пор вы будете на ногах стоять? В прихожей можно поздороваться, а уж для расспросов и

бесед — пожалуйста в комнату. А я пока приготовлю что-нибудь.

— Мы вам поможем! — дружно воскликнули невестки.

— Нет, нет, я сама управлюсь.

Но гости, не слушая Сумбулу, направились следом за ней на кухню.

Мужчины уселись на диван, и Хамид Хакимович, глядя на обветренное, с погрубевшей кожей лицо Эргаша, одобрительно сказал:

— А тебе работа на БАМе на пользу. Вон каким стал бравым молодцом! Вроде и в плечах раздался. Правительство, видать, здорово о вас заботится.

Эргаш довольно улыбнулся:

— А как же! Ударная стройка. Самая горячая точка на карте страны. О ком же еще и заботиться, как не о нас?

В глазах Бурибая мелькнуло ревнивое выражение:

— Положим, слава КамАЗа вашей не уступит. Что бы вы делали без наших тягачей?

— Ладно, ладно, — засмеялся Эргаш. — Считай, что мы квиты. Но давай уж положи руку на сердце признаем, что и Нечерноземье — ударный объект и горячая точка. Так что поделимся славой и с Хамидом-ака. Все мы — бойцы передовой линии огня.

Сумбула, успевшая накрыть на стол, сделала рукой приглашающий жест:

— Товарищи мужчины! Прошу к столу. Поговорить вволю вы сможете и за ужином.

Умывшись и приведя себя в порядок, все заняли места за дастарханом, полным всякой снеди. Сумбула хотела покормить детей отдельно, но Хамид Хакимович запротестовал:

— Нет, нет, пусть детишки сядут с нами. Вот так. Вы поглядите: ведь за этим столом собралась чуть не половина семьи Хакимовых! — Он повернулся к Эргашу. — Так почему же все-таки, дорогой товарищ бамовец, ты не удосужился известить меня о своем приезде? Бурибай тоже хорош! Пожалели денег на телеграммы?

— Вы же знаете, — спокойно сказал Эргаш, — не люблю лишнего шума. Если приезжаю или уезжаю куда-то, то стараюсь обходиться без карнаев и сурнаев.

— Да, — поддел его Хамид Хакимович, — на БАМ

ты удрал, не соизволив даже предупредить родителей, я уж не говорю: посоветоваться с ними. И это не скромность, а самовольство.

— Это не самовольство, а жажда романтики! — парировал Эргаш. — Попроси я разрешения у родни, — еще неизвестно, получил бы его. А меня манили сибирские дали. И я уж с друзьями договорился.

— И с Махирой-хон, не так ли?

Махира зарделась, а Эргаш сказал:

— Истинно так! Не было у меня уверенности, что отец Махиры отдаст ее за такого бродягу, как я. Вот и пришлось ее умыкнуть. А БАМ соединил нас брачными узами — на всю жизнь! Верно, Махира-ханум? Махира только кивнула со смущенной улыбкой.

Сумбула, поцеловав ее, решительно произнесла:

— Вы правильно поступили, дорогие мои. Как теперь говорится, важен конечный результат. Вы счастливы — значит, все в порядке, Эргаш-ака, а родителей вы проведали или только собираетесь?

— Не спешите, невестка, я подробно доложу о маршруте, который мы разработали. Бамовцы ведь имеют право на бесплатный проезд по железной дороге. Путешествуй, сколько душе угодно! Была бы возможность, так мы бы и в Африку махнули — навестить Хакимова-младшего. К сожалению, туда на поезде не проедешь. Ну вот, наведались мы сперва в Иваново, к братишке и зятю, потом в Москве побывали, оттуда — на КамАЗ, захватили с собой Бурибая с семьей, теперь, думаю, съездим в Волгоград — за Шукурджаном, и все вместе отправимся на поклон к нашим старикам. И к Дилафруз заглянем; она ведь опять в роддоме.

— Вот это размах! — сказал Хамид Хакимович. — Ну и аппетиты у тебя, братец.

— Гвардейцы ударной стройки и должны быть с размахом, — Эргаш с вожделием оглядел закуску. — И на отсутствие аппетита не жалуюсь.

— Вы пока угощайтесь тем, что на столе, — сказала Сумбула, — а я сейчас горячий борщ принесу. Уж чем богаты, тем и рады. Мы ведь не ждали гостей.

— Не оправдывайтесь, хозяйюшка. Видим, не бедно живете.

Сходив на кухню за казаном с дымящимся борщом, Сумбула разлила его по касам, не преминув добавить:

— Борщ из капусты, которую мы сами вырастили.

У вас бесплатный проезд, у нас питание. На нашем участке чего только нет...

— Ага, — шутливо резюмировал Эргаш. — Значит, в смысле еды вы уже в коммунизм вступили. Каждому по потребности.

— Но и гости не лыком шиты.

Эргаш подал знак жене, та подошла к чемодану, стоящему в углу гостиной, достала из него банку красной икры, бутылку коньяка и бутылку шампанского и водворила все это на стол.

Бурибай многозначительно взглянул на свою жену, и Гулджахан добавила к дарам бамовцев копченую рыбу.

— Мы выловили ее в Каме, — сказал Бурибай, указывая на рыбу. — Специально к вот этому праздничному столу.

Сумбула и Хамид Хакимович переглянулись с недоумением: почему к праздничному? А Эргаш попросил ее наполнить рюмки и, встав, поправив галстук, торжественно провозгласил:

— Предлагаю, дорогие, выпить за сорокалетие нашего брата Хамида Хакимова, за его здоровье, за долгую жизнь, за успехи в работе на ударном фронте, на горячей точке...

Сумбула наморщила лоб:

— Погодите, погодите... Как же я могла забыть? — И вздохнула облегченно. — Да нет, все правильно. День рождения мужа не сегодня, а завтра! Но раз уж вы все собрались именно сейчас, то не будет большого греха, если мы поздравим Хамида Хакимовича загодя. И он, я думаю, не откажется от того, чтобы ему лишний раз пожелали здоровья.

За столом становилось все оживленней. Больше всех говорил Эргаш, слова никому не давал вымолвить. Из всех братьев он был самый бойкий на язык; войдя во вкус, мог малость приврать, выдать за быль небылицу, но слушали его всегда охотно, а сейчас с особенным удовольствием: соскучились по его болтовне. Правда, рассказывая о своем житье-бытье на БАМе, где он работал мастером-путьеукладчиком, Эргаш, если и фантазировал, то в меру, не слишком отступал от действительности, и, когда он «выдавал» очередную историю, Хамид Хакимович, словно подтверждая его слова, согласно кивал головой: болея за брата, он добросовестно следил за тем, что происходило на далекой

стройке, многое знал из газет, из кино- и телехроники, да и от очевидцев, бывавших на БАМе, или участвовавших в сотворении сибирского чуда — невиданной железнодорожной магистрали.

— Да, — ораторствовал меж тем Эргаш, — уж если ты поехал на БАМ добровольцем, так носа не вешай, грудью встречай любые трудности. Землю пятидесятиградусный мороз сковывает, а героин-бамовцы рельсы укладывают, да так разгорячатся, что сбрасывают с себя полушубки и пиджаки. Прикоснешься к металлу, жалит, как оса. Но какие бы сюрпризы ни устраивала нам природа, план мы ни разу не завалили, выполняем и перевыполняем! — Он с усмешкой покосился на Бурибая. — У вас-то, по сравнению с нашими краями, — Африка! Не работа — одно удовольствие! Не знаю, за что только вам отпуска дают.

— Вас бы, братец, в нашу «Африку» — интересно, как бы вы тогда запели! — спокойно возразил Бурибай. — Вы зимой о тепле мечтаете, мы летом — о прохладе. За день-то сто потов сойдет. Хоть специальный отводной канал рой. Ничего, пятилетку выполнили за три года. Видели, небось, мощные грузовики, которые ходят и по бамовским трассам, и здесь, в Нечерноземье? Наша работа.

«Хвастайтесь, хвастайтесь, — со снисходительным добродушием думал Хакимов. — Это ведь значит, что вы довольны своей работой, гордитесь делом рук своих, вот и славно! От человека, который свой труд ни в грош не ставит, проку мало». Слушая братьев, Хамид Хакимович испытывал чувство удовлетворения: никогда не гнались они за легким заработком, выбирали для себя — что потруднее, и не жалели сил, вкалывая на своих «ударных объектах».

Взять того же Эргаша. Он отлично зарекомендовал себя, преображая джизакскую землю. Так нет, не усидел на месте, устремился в Прибайкалье. Махира — только предлог, Эргаша влекла прежде всего романтика преодоления, казалось бы, неподдающихся препятствий, он задался целью проверить и закалить себя в горниле тяжчайших трудовых испытаний. Недаром же говорит он про свой БАМ: «горячая точка». Он как считает? Где трудней всего — там он и нужней всего. Правильно считает. И жену он приглядел себе под стать — нелегко, наверно, было привыкнуть узбечке Махире к суровому климату, к тяжким бытовым усло-

виям, — ничего, привыкла. И не ноет, не тербит мужа: мол, хватит, пора домой — наоборот, она твердо заявила: мол, пока не закончится строительство БАМа, они с мужем Сибирь не покинут, это было бы слабодушием, дезертирством. И такая вот поддержка жены наверняка помогает Эргашу в его работе.

А Бурибай? Правда, жизненный его путь поначалу отличался от того, каким шел Эргаш. Но во многом они, по душевному складу, похожи.

Бурибай учился в одном из Ташкентских ПТУ, там он подружился со своей однокурсницей Гулджахан, татаркой. Вместе они пошли работать на Ташкентский тракторный завод, а оттуда по комсомольским путевкам отправились на строительство КамАЗа, — в то время в Набережные Челны стекалась молодежь со всех концов страны.

Особенно рвалась туда Гулджахан. Дело в том, что ее родители были родом из тех мест. Позднее они уехали в Узбекистан, да там и осели. Но они часто вспоминали отчий край, и Гулджахан еще с детства мечтала побывать на земле своих предков. И как только комсомол призвал молодых рабочих принять участие в создании гиганта автомобильной промышленности, Гулджахан первой всем сердцем откликнулась на этот призыв, а за ней без раздумий последовал Бурибай, которого манила перспектива попробовать свои силы — в трудном, масштабном, наиважнейшем для страны деле. Ведь и КамАЗ на карте родины был «горячей точкой». Они сыграли свадьбу скромно, в маленьком ресторане, на берегу Камы. К сожалению, из-за занятости, никто из родных не смог присутствовать на свадебном тое. Отец Бурибая, Хаким-ата, дал свое согласие на женитьбу сына заочно, и письмо свое закончил так: «Благословляю тебя, сынок, на дружную, счастливую семейную жизнь, как у нас со старухой, но не забудь наведаться с женой в родной дом, где уж мы закатым настоящим свадебным той!»

Так уж получилось, что трое из восьми детей Хакима-ата и Мухтасар-ая справили свои свадьбы вдалеке от родного очага, и родители им в этом не препятствовали, только настояли на том, чтобы в совхозе «Джизак», в кругу семьи, состоялись повторные свадебные тои.

Мухтасар-ая относилась к невесткам с одинаковой

теплотой и сердечностью, и все-таки ближе всех ей была Сумбула; может, потому, что она видела, как та терзалась из-за невозможности иметь ребенка. Всех Мухтасар-ая любила — а Сумбуле еще и сострадала. И когда соседки, у которых языки были слишком длинные, пеняли ей: мол, как вы терпите, что у Хамида-ака нет потомства, уж давно пора найти ему другую жену, она резко осаждала непрошенных советчиц: «Сын и невестка сами знают, что им делать; а я радуюсь, глядя на них — всем бы так любить друг друга!»

Надо сказать, что толки эти доходили и до Сумбулы, и она скрепя сердце уговаривала мужа жениться на женщине, у которой могли бы быть дети; тот принимал возмущенный вид: «Вы что, женушка, разлюбили меня? Хотите от меня отделаться? Ну, уж, нет, это вам не удастся!» Сумбула со слезами отчаянья и счастья прятала голову у него на груди...

И сейчас, когда их дом наполнился детскими головами, Хамид Хакимович испытал томительную зависть, но постарался подавить ее. А Сумбула не упускала случая приласкать каждого из детей, угощала их — чем повкуснее, их смех и щебет звучали для нее как самая прекрасная музыка.

Посчитав, что Эргаш и Бурибай слишком уж расхвастались, в разговор вмешалась Махира-хон:

— Хамид-ака, что же вы молчите, наверно, и вам есть чем похвалиться? Ведь у вас работа не менее интересная, чем на БАМе и КамАЗе...

— Ие, Махира, где же ты была раньше, почему вовремя нас не одернула? — покаянно воскликнул Эргаш. — Мы тут распетушились по молодости лет, а Хамид-ака словно кислого молока в рот набрал. Расскажите о себе, братец, мы все — внимание.

— Да что рассказывать? — пожал плечами Хамид Хакимович. — У нас ведь ни жары особенной, ни холодов.

Вид у него был рассеянный, он все смотрел на расшалившихся детей и думал с печалью: «Мне уж сорок лет, а наследника у меня нет и не будет. Видно, судьба у нас такая: радоваться чужому счастью. Как Сумбула-то раскраснелась, возясь с племянниками!»

Эргаш задержал на брате внимательный взгляд. Постарел Хамид за последнее время. Или работа его так вымотала? Нечерноземье-то тоже — не сахар.

В висках все больше длинных белых искорок, волосы на макушке поредели. Конечно, сорок лет — это уже не молодость. Но Хамид выглядит старше своих сорока... Спohватившись, Эргаш кинулся к пухлому чемодану, достал из него банку, заполненную чем-то янтарно-прозрачным, вручил ее брату:

— Вот, принимайте по три ложки каждый день.

— Гм... Что это?

— Бальзам, исцеляющий от девяноста двух недугов! А конкретней — знаменитый сибирский мед. Говорят, отец медицины Гиппократ употреблял мед трижды в день, дожил до ста девяти лет и умер, так сказать, здоровеньким... Правда, меда у нас становится все меньше и меньше.

— Вот и побереги его для отца, — сказал Хамид Хакимович. — Ему он нужнее, чем мне. Отцу-то ведь около семидесяти...

— Э, братец, у меня этого добра полный чемодан, на всех хватит. Я и вам еще несколько банок оставляю, потом еще привезу. Хочу, чтобы вы отметили свое столетие! Но мы отвлеклись. Мы с Бурибаем всех вас заговорили, хотелось бы послушать и нашего старшего брата.

В разговор снова вступила Махира:

— Недаром молвится, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пускай уважаемый Хаким-ака покажет нам, чем он тут занимается.

Все дружно поддержали ее.

III

Хамид Хакимович мудро рассудил, что сперва следует познакомить своих гостей с объектом незавершенным, чтобы на этом фоне в более выгодном свете предстало все то, что уже достроено, закончено, передано в дар новым хозяевам.

— Вот здесь у нас будет пасека, причем особая, — сказал Хамид Хакимович, обводя рукой участок, который обступали столбы с электрическими лампочками. — Мы поселим тут творцов того бальзама, который помог Гиппократу прожить более ста лет.

— А пчелы не погибнут зимой? Морозы-то, наверно, и у вас дают себя знать.

— Я же сказал: пасека особая, нечто вроде теплицы. Крылатые труженицы с весны до осени будут со-

бирать нектар, а зиму переживут в самых благоприятных условиях. И растения мы для них разведем самые медоносные. Пока мы решили проделать это в порядке эксперимента. Видите, мы уже провели сюда электричество и асфальтовую дорогу.

По этой дороге, мерцающей в свете электрических ламп, как лунная дорожка на водной глади, он повел «экскурсию» дальше — к небольшому округлому холму, тоже залитому электрическим сиянием.

— А это — одно из подземных хранилищ для яиц. Заказ Ивана Степановича. Он хозяин строгий, требовательный и с фантазией, — Хакимов засмеялся, — однажды заявился ко мне и говорит: ты мне, товарищ начальник, построй такую птицеферму, чтобы я закладывал там тысячи яиц, а из них вылуплялись цыплята, быстро набирали вес и превращались в кур, которые несли бы новые тысячи яиц. Так сказать, фабрико-конвейер.

— А вы что же?

— А что я? Он — заказчик, я — подрядчик. Его дело — дать задание, мое — исполнить...

— А что? — с задором произнес Эргаш. — Хашар — на то и хашар. Да, прекрасный обычай! Собственно, и БАМ строится методом хашара. Каких только национальностей у нас нет! Когда я уезжал отсюда — как раз прибыл эшелон с добровольцами из Литвы. Оказалось: все они строители. Мы, говорят, рабочий поселок, притулившийся близ магистрали, превратим в современный город! Рабочая сила — наша, стройматериалы тоже наши, их пришлют из нашей республики. — Он повернулся к Хамиду Хакимовичу. — Вас ведь поначалу тоже снабжал стройматериалами Узбекистан?

— Да, пока мы не построили завод железобетонных изделий.

— И на КамАЗе работают представители всех братских республик, — подал реплику Бурибай.

— Да, всюду — хашар!

Они вошли в совхозный поселок, и к свету электрических ламп добавился свет, льющийся на дорогу из окон новехоньких домов. Из иных доносился шум, топот, танцевальная музыка, звуки телевизионной передачи, иные стояли тихие и темные.

— Эти пока без хозяев, — пояснил Хамид Хакимович. — Деревня-то прежде считалась «бесперспективной», вот многие ее и покинули, подались в города.

Но Сергеев уверен, что в новый поселок молодежь охотно вернется, он уже узнал адреса нужных совхозу специалистов, бывших жителей этих мест, списался с ними, зовет их в совхоз. Мне запомнились строчки одного его письма: «Возвращайтесь на отчую землю, она уже освоена, ухожена, начала давать урожаи и нуждается в золотых ваших руках. Приезжайте — жилье для вас готово, быт налаживается, мы вместе будем преобразовывать родное Нечерноземье». Кое-кто уже откликнулся, живет сейчас в этих вот домах, которые мы построили. Другие еще выжидают.

— И их можно понять! — воскликнул Эргаш. — Насильно молодежь в деревне не удержишь. Ей подавай городские комфорт и культуру! Нет, я вовсе не собираюсь оправдывать тех, кто предпочел отчужденности городские блага. Получается, что сперва чужой дядя должен подготовить для них соответствующие условия, а уж потом они сообразуют подумав: не очастливить ли им родное село своим возвращением. В общем-то, иждивенческая философия... Но уж коль все так вышло — какая-то приманка для них нужна. Нужно, чтобы жизненный уровень в селе подтянулся до городского. Нужны просторные поля, чтоб было где развернуться механизмам. Механизированные фермы. Сельские промышленные предприятия. Глупо же требовать от ребят, окончивших десятилетки, техникумы, ПТУ, чтобы они взяли в руки лопаты и принялись выгрести навоз.

— Но как без них развивать современное сельскохозяйственное производство? — спросил Хамид Хакимович. — Говоря о создании нужных условий в деревне для тех, кто осел в городах, не ставим ли мы телегу впереди лошади? Кто эти условия должен создавать? Старики, оставшиеся в селах? Добровольные помощники, приехавшие из других республик? А молодежь, родившаяся и выросшая тут, выходит, приедет на готовенькое? Нет, ее надо не только «заманивать», но и убеждать. Жать на ее сознательность — комсомольскую и партийную. Объявить сельское хозяйство ударным фронтом, горячей точкой...

Эргаш все же стоял на своем:

— Может, вы и правы. Но не все же — сознательные. Я вот побывал в Ивановской области, там такое же положение, как у вас. Правда, война не прошла по тем землям, не разорила деревни, но молодежь все

равно потянулась в город. В городе много привлекательного, и не в последнюю очередь — хорошо, по-современному организованный труд на заводах и фабриках. Мне там показали совхоз, которым руководит Алексей Васильевич Кучин, он очень напоминает вашего Сергеева. И тоже все делает, чтобы удержать людей в совхозе и вернуть в него тех, кто еще не успел укорениться в городе. Знаете, кому он вручил ключи от первых домов нового поселка? Жителям дальних, захиревших деревенок, пожелавшим у него работать, джигитам и девушкам, собирающимся пожениться... Разве не мудро? Наш братишка Набиджан сказал мне, что Алексей Васильевич вообще человек предусмотрительный и умеет глядеть далеко вперед. Он торопил Кудратова со строительством, в первую голову, Дворца культуры, торгового центра, детсадов и яслей. А еще он считает, что главная задача сейчас — сделать сельский труд одним из видов промышленного труда. Стирание граней между городом и деревней — это не создание в сельской местности театров и консерваторий, чтобы все было, «как в городе», а приближение условий, уровня, материальной базы сельского труда — к промышленному. Развѣ не так?

— Так, так, Эргаш! — одобрительно произнес Хамид Хакимович. — Для нашей молодежи важнее все-таки где и как работать, а не где и как отдыхать. Но она должна твердо себе уяснить: без ее помощи этого важного дела «опромышления» сельского хозяйства вперед не продвинешь. И ее святой долг сейчас же, не медля, взяться за это, присоединиться к землякам, сельским жителям, не привередничая, не требуя для себя сразу всех благ. Чтобы жить в Завтра — нужно это Завтра созидать сегодня.

Увлеченные разговором, гости Хамида Хакимовича и не заметили, как оказались возле Дворца культуры. Концерт уже давно закончился, но народ не расходился, недавние зрители смешались с артистами, засыпали друг друга вопросами, слышались шутки, громкий смех.

Один из узбекских музыкантов, державший в руках дойру, приблизился к Эргашу и удивленно воскликнул:

— Ие, вот уж кого не ожидал встретить! Что делают тут бамовцы?

— А ты как сюда попал? Ведь совсем недавно я видел тебя у нас, на БАМе.

— А мы, артисты, перелетные птицы. Вчера давали концерт бамовцам, сегодня героям Нечерноземья. Как говорится, искусство — народу! Мы всегда там, где в нас нуждаются труженики...

— Считай, что и я тут... на гастролях. Приехал, чтоб себя показать и на других посмотреть.

— Да, мир тесен...

IV

Бывают моменты, когда человек теряет и сон, и аппетит, хотя чувствует себя здоровым, и дела у него в порядке, беспокоиться, вроде, не о чем.

Такое вот случилось с Хамидом Хакимовичем после приезда братьев. Всю ночь он не мог сомкнуть глаз, хотя и притворялся, что спит.

Сумбула, поднявшаяся раньше всех, приготовила завтрак и, взяв костюм и рубашку, купленные специально к сорокалетию мужа, осторожно, на цыпочках, стараясь не разбудить Хамида Хакимовича и его братьев, ночевавших вместе с ним, вошла в комнату, аккуратно пристроила одежду на спинке стула и так же тихо удалилась. Прикрывая за собой дверь, она еще раз взглянула на мужа, тот лежал, повернувшись лицом к стене, плотно закутавшись в одеяло. «Пусть поспит еще немного, — подумала Сумбула. — Вчера, наверно, устал...»

Но, в отличие от братьев, Хамид Хакимович бодрствовал; и хотя глаза его были закрыты, неотвязные мысли не давали покоя. Вот ему уже и сорок... Мать говорила, что он родился как раз под утро. Так что пятый десяток пошел ему именно в эти рассветные минуты. Сколько же дорог пройдено за минувшие годы, попадались на них и ухабы, и рытвины, порой казалось, что он продирается к цели сквозь густые тугаи, а бывало и так, что путь перед ним лежал ровный, залитый, как солнцем, светом счастья. Вот эти счастливые периоды — суматошная студенческая пора, первые встречи и прогулки с Сумбулой, торжественно-веселый свадебный той, любовь жены, сияющая спокойно и ярко, как звезда в чистом небе, дни и месяцы, когда спорилась работа — все это и доныне осталось в чуткой, бережливой памяти, а трудности, преграды, неприятности быстро забывались. И лишь сознание, что никогда у него не будет ребенка, наследника,

камнем давило на сердце. Нет, нельзя сказать, чтобы он постоянно об этом думал, — дела, заботы, семейные радости сгоняли это облачко с его души, но и не так уж редко выдавались моменты, когда темное облачко застилало все отрадное, светлое, чем полна была его жизнь, и он мучился, и само его существование начинало казаться Хамиду Хакимовичу бессмысленным...

Вот и нынче ночью — может, потому, что за последнее время он переутомился, а может, от выпитого вчера вина — на душе у него было муторно, скверно, и в голову лезла всякая дребедень... Ну, чем он отличается от муравья, обреченного на вечную суету? Да, муравья считают трудолюбивым, усердным, упорным, когда его ни увидишь — непременно он чем-то занят: то толкает перед собой какое-то зернышко, то волочит соломинку, былинку, то копошится в своем жилье; вот уж поистине — неутомимый работник! Вот и у Хамида Хакимовича в жизни — работа, работа, работа... И покинет он этот мир незаметно, как муравей... Нет, конечно, он оставит на земле добрую память о себе. Но память, как бы это выразиться, безмянную. Пройдут когда-нибудь люди по полям, которые он создал на месте болот, мимо домов, построенных под его началом, и скажут благодарно: спасибо человеку, который все это сделал. Но кто вспомнит о нем с той теплотой, с какой дети вспоминают о своих родителях? «А знаете, кто мой отец? Освонтель Нечерноземья, Хамид Хакимов! И моя фамилия — Хакимов, и я с гордостью ее ношу!» Как он завидовал отцам, дела которых сохранятся в памяти не только будущих поколений, но и сыновей, внуков, правнуков! У Эльчи, вон, воевали и дед, и отец, и он ни на миг о них не забывает, и расскажет об их ратных и трудовых подвигах своим детям, а те — своим; он принял у них славную эстафету и передаст ее другим Мардановым. Его предки — это не просто все старшее поколение узбекского народа, а Марданов-прадед, Марданов-дед, Марданов-отец... А кто о нем скажет, подумает когда-нибудь, как об отце и деде? Да, неудачно сложилась у него судьба вот в этом, только в этом смысле. Ну, естественно, и Сумбуле придется нелегко. Разговорится с незнакомой женщиной, и первый вопрос: а сколько у вас детей? Что ей ответить? А знакомые жалеют ее: бедняжка, не о ком ей заботиться,

кроме мужа, какая ж это семья — без сыновей и дочек? Тут и каменное сердце расколослось бы на куски, а Сумбула с ее нежной и чуткой душой все терпит — и вопросы, причиняющие невыносимую боль, и ранящее сочувствие.

Хамид Хакимович все не мог забыть, как вчера она хлопотала вокруг малышей, отдавая им всю свою неистраченную материнскую ласку.

Но пора было вставать. Хамид Хакимович, вскочив с постели, прошел в ванную, умылся холодной водой, растерся до пояса мокрым полотенцем и почувствовал себя бодрее. Когда, одевшись в своей комнате в новый костюм, он появился в гостиной, Сумбула выбежала из кухни, бросилась ему на шею, осыпала поцелуями его лицо, потом взяла со стола и протянула ему розу, которую вырастила во дворе:

— От всей души поздравляю с юбилеем! Вы достойно прожили сорок лет, живите еще долго, долго!

— Вместе с вами, дорогая женушка, только вместе с вами! — улыбнулся Хамид Хакимович и крепко обнял жену.

Постепенно стали просыпаться и гости; братья и их жены вручили юбиляру подарки, а дети продекламировали стихи, которые сочинили еще вчера вечером, голоса их звучали нестройно, но звонко и горячо:

Любимому дядюшке — наш привет!

Мы с юбилеем вас поздравляем,

Здоровья и счастья вам желаем,

Жить и работать еще сто лет!

У растроганного Хамида Хакимовича подозрительно заблестели глаза; увидев, как взволнован муж, и Сумбула не удержалась от слез и, чтобы скрыть их, торопливо ушла в кухню.

Отсутствовала Сумбула недолго и, накрыв с помощью невесток стол к завтраку, пригласила всех садиться; взяв мужа под руку, она провела его на почетное место, склонилась перед ним в шутовском поклоне:

— Угощайтесь, дорогой юбиляр. Вчера была репетиция, а сегодня вы — герой дня!

Но Хамиду Хакимовичу кусок не лез в горло. Бессонная ночь давала о себе знать. Он лишь отхлебнул немного чая и отодвинул от себя пиалу. Сумбула взгля-

пула на него с недоумением и тревогой, а Эргаш весело произнес:

— Э, у брата нет аппетита? Так оно и понятно: ведь си только-только народился на свет! Не принуждайте нашего новорожденного набивать себе живот, захочет есть — сам попросит. Нынче все его желания — закон. И нежелания — тоже.

Хамид Хакимович признательно откликнулся:

— Верно, братишка, аппетит у меня еще не появился, да и вчера мы основательно подкрепились. Но обещаю в обед наверстать упущенное. А сейчас, извините, меня ждут дела. Работы в ПМК по горло. Вы пока съездите в Новгород, полюбуйте памятниками старины, а я постараюсь вернуться пораньше, так что за обедом встретимся.

— Как!? — удивился Эргаш. — В такой день — вы на работу?

— А какой день? Ну, сорок лет стукнуло. Не велика радость. Постарел на год. А землю осваивать, поселок строить все равно надо. Вы видели когда-нибудь, братишки, чтобы муравьи оставались без дела? А мы, рабочий люд, подобны муравьям. Если муравей остановился на дороге — значит, он отдал богу душу...

Бурибай неодобрительно покачал головой:

— Ничего себе шуточки!

— А брат не шутит! — вступился за юбиляра Эргаш. — Я в Иванове познакомился с тещей Набиджана, пожилая уже, ноги больные, а все ей не сидится на месте, вечно чем-то занята. Я ей говорю: уж пора бы вам и отдохнуть, дочка с зятем вас прокормят. А она: нет, не могу я без работы, от безделья у меня суставы сводит. Выходит, правы философы, утверждающие, что труд при коммунизме станет не только потребностью человека, но и поможет ему сохранить и укрепить здоровье.

— Ие, братец, я думал, вы на БАМе всецело поглощены строительством железной дороги, — поддел Эргаша Бурибай, — а у вас, оказывается, остается время и для философии.

— А ты полагаешь, что рабочий и философия — вещи несовместимые? — возразил Эргаш. — Да будет тебе ведомо, что известный немецкий философ Иосиф Дицген — из простых рабочих...

Бурибай поднял руки:

— Слаюсы! Совсем забыл, что тягаться с вами в споре — безнадежное дело.

— То-то! Я ведь рубашек-то износил на две больше, чем ты.

— Точно, я порой даже ваши донашивал. И вы со мной в детстве не слишком-то церемонились: чуть что не по вас — вы мне в ухо. Тогда это был ваш главный аргумент в спорах.

— Сам виноват, нельзя быть безропотной овечкой. Меня, если помнишь, никто не решался задевать, я всегда давал сдачи. А ты готов был терпеть обиды. Таким, как правило, от всех и достается по первое число.

— Э, нет, просто вы использовали право сильного.

— А ты, гляжу, научился оказывать отпор.

— Мы же все-таки сыновья одного отца.

Дружеской перепалке положила конец Сумбула; она стояла у дверей в пальто, держа в руке цветы, а под мышкой стопку тетрадок:

— Товарищи мужчины, хватит спорить, а то на автобус опоздаем. Мне в школу пора, а вам в Новгород. Я с вами проеду немного; а в Новгороде смело отдайтесь во власть экскурсоводов, они у нас опытные и знающие. Жду к обеду...

Но сперва Сумбула провела гостей к братской могиле. Она положила цветы у Вечного огня, и с минуту все постояли, склонив головы.

По дороге к автобусной остановке Махира спросила:

— Ваш отец в общей могиле?

— Да, — кивнула Сумбула. — На надгробной плите высечено пятьдесят фамилий. Все эти герои воевали плечом к плечу, вместе погибли, теперь покоятся рядом друг с другом. Как братья. Могила потому и называется: братская.

V

Почтальон, подойдя к дверям хакимовской квартиры, здоровой правой рукой — вместо левой у него болтался пустой рукав — постучался и неожиданно тонким голосом крикнул:

— Товарищ Хакимов! Вам телеграмма!
Никто не откликнулся.

Почтальон, как он это делал обычно, опустил в почтовый ящик газеты и журналы; телеграмму следовало вручить Хакимову лично. Однако и в кабинете Хамида Хакимовича не оказалось, почтальону сказали, что он уехал с Сергеевым на вновь освоенные участки. У почтальона еще сохранилась фронтовая привычка к дисциплине, да и вообще это был человек исполнительный, добросовестный, и хоть тяжелая сумка оттягивала ему плечо, он не пожалел ни сил, ни времени, чтобы разыскать начальника ПМК. До участка, на который ему указали, пришлось добираться долго: то пешком, то на попутных телегах и даже на тракторе, но, увидев, наконец, Хакимова, который вместе с Сергеевым вышагивал вдоль вспаханной земли, почтальон почувствовал удовлетворение. Подойдя к Хамиду Хакимовичу, он протянул ему ворох телсграмм:

— Уф! Еле вас нашел. Распишитесь, товарищ Хакимов. Вот тут. И тут. А тут отдельно, за правительственную.

Он ушел, довольный собой, а Хакимов, не глядя, сунул телеграммы в карман плаща. Сергеев попенял ему:

— Телеграммы-то все срочные, что же вы их даже не прочитали?

— Успеется. Дома прочту.

Сергеев только покачал головой.

А Хакимов, продолжая прерванный разговор, переспросил:

— Значит, здесь вы думаете посадить лен?

— Хотелось бы. Почва больно подходящая.

— Что же вызывает у вас сомнения?

— Да с семенами проблема. Нужны ведь отборные, лучших сортов. А где их взять? Одно остается: опять обратиться за помощью к вам, шефам.

Хакимов улыбнулся:

— Улавливаю в вашем тоне нерешительность.

— Да неудобно как-то, мы уж вас и так затеребили разными просьбами.

— А что тут стесняться? Мы здесь как раз затем, чтоб помогать вам. И вы правы: если уж использовать семена, то только элитные, — Хамид Хакимович задумался. — В Смоленской области выращивают такой сорт льна, который и созревает раньше обычного, и урожай дает высокий. Я думаю, если мы с вами попросим у смоленских братьев малую толику семян, они

нам не откажут. Смоленщина тоже ведь испытала все тяготы войны — как не выручить новгородцев?

У Сергеева просветлело лицо:

— Если вы поможете нам с семенами, то льном мы сами займемся, а вы уж ускорьте освоение земли под пастбища. Лен растить, ох, как нелегко!

— Труднее, чем хлопок?

— Насчет хлопка ничего не могу сказать, мы с ним дела не имели, как и вы со льном. А что, очень капризная культура?

— И не говорите! С ним целый год возятся, как с малым ребенком. Хлопкороб не знает покоя с утра и до утра. Но он и стоит тех трудов и забот, какие на него тратятся. Недаром же его называют «белое золото». Золото и есть!

— Ну, у льна тоже — цена золота... И за ним нужен глаз да глаз. Но, как говорится, если уж взбираться на гору, так на высокую.

— Значит, договорились? Лен?

Они разошлись каждый по своим делам: у Сергеева было намечено совещание с животноводами, а у Хакимова в конторе накопились всякие «срочности».

Правда, расположившись за своим столом, он все-таки не утерпел и достал из кармана телеграммы, рассыпав их перед собой в живописном беспорядке.

Первой он прочел телеграмму от Разыкова, но никак не мог взять в толк — откуда тот узнал, что ему исполнилось сорок? Правду о нем говорят, что от него ничего не может укрыться: ни хорошее, ни плохое.

А вот телеграмма из Джизака. От отца и матери. Верно говорится: родители думают о детях, а дети — о своем... Те, кто вырастил, воспитал его, не поленились отправить срочную телеграмму, а он столько времени носил ее в кармане! Нет, чтобы сразу же прочесть. У него, видите ли, были дела более неотложные!

Хакимов пробежал глазами телеграммы — из Янгьера, Волгограда, Фрунзе, Иванова... Ба, а эта — из Африки! Не забыли о нем братья и сестры, и чего только не желали ему; сложить бы вместе все «долгие годы жизни», о которых упоминалось в каждой телеграмме, так получилось бы, что жить ему — столетия!

Отложив в сторону телеграммы, Хамид Хакимович

решил заняться «текучкой», но сначала позвонил Юл-дашеву и добился у него согласия — связаться со Смоленским сельхозуправлением и раздобыть у них семена нового сорта льна:

— Нашему совхозу они позарез нужны. На вас вся надежда.

Потом он принялся просматривать и подписывать различные документы: наряды, накладные, расчетные ведомости.

Неожиданно кто-то пробарабанил пальцами по стеклу раскрытого окна; Хакимов оглянулся и увидел Сумбулу; на лице ее было написано нетерпение:

— Долго вы намереваетесь тут сидеть, дорогой юбиляр? Или забыли об обеде? Ну-ка, закругляйтесь, и домой! Там уж полно гостей.

— Я никого не звал...

— Истинные друзья в приглашении не нуждаются. Все ждут вас — в том числе и артисты из Узбекистана.

Хамид Хакимович с усмешкой мотнул головой:

— Это уж Эргаш расстарался. Вот неугомонный!

Сложив бумаги в папки и отнеся их в планово-экономический отдел, Хакимов вышел на улицу к жене:

— Знали бы, как я голоден!

— Еще бы, утром ни крошки в рот не взяли. Идемте быстрее, стол уже накрыт.

— А народу много?

— Я же сказала: полон дом.

— Хм... А угощение для всех найдется?

— Да не беспокойтесь вы ни о чем, стол ломится от еды.

Когда Хамид Хакимович появился в комнате, узбекские музыканты грянули «туш». Он так и застыл на месте... В гостиной, действительно, яблоку негде было упасть. Навстречу ему светились улыбками знакомые лица: родни, работников ПМК; среди собравшихся он узнал Дуданова, Эльчи, Гуландом...

Эргаш и Бурибай бросились к растерянному юбиляру, подхватили его за руки и торжественно водворили на почетное место во главе стола.

Когда улегся шум, Хамид Хакимович поднялся и, обедев всех повлажневшим взглядом, проговорил:

— В нарушение традиционного ритуала — позвольте мне первому сказать тост. — Он поднял свою рюм-

ку. — Пусть у каждого сбудутся все его желания!

Его перебил Эргаш:

— Э, нет, так дело не пойдет. Нам известна ваша скромность, братец, но мы сегодня собрались тут не для того, чтобы вы нас чествовали. А с обратной целью: поздравить вас, виновника нынешнего торжества, и вам пожелать всего самого наилучшего!

Сумбула что-то шепнула Эргашу на ухо, тот понимающе кивнул, вышел в прихожую, где среди верхней одежды висел и плащ Хамида Хакимовича, и вернулся оттуда, держа в руке пачку телеграмм. С укоризной изглянув на юбиляра, сказал:

— И у скромности должны быть свои пределы. — Он поднял телеграммы над головой. — Товарищи, это юздравления Хамиду Хакимовичу со всех концов страны, поздравления, которые он преступно пытался от нас скрыть. Но все, что касается юбиляра, сегодня принадлежит всем, и я просто обязан обнародовать поздравительные телеграммы...

Эргаш еще читал строки приветствий, когда в комнату вошел Сергеев. Вид он на себя напустил обвиняюще-обиженный:

— Нехорошо, нехорошо, Хамид Хакимович! Такую знаменательную дату вы отмечаете втайне от совхозного руководства! Я совершенно случайно узнал о вашем сорокалетии от местного почтальона. То-то я думал: с чего это столько телеграмм поступило в ваш адрес! Примите и наши поздравления, дорогой юбиляр, верный наш друг и заботливый шеф!

По настоянию Сумбулы Сергеев прошел за стол, но садиться пока не стал:

— Погодите, друзья, я должен кое-что сказать. — Он поднес к глазам лист бумаги с коротким машинописным текстом. — Итак, слушайте. Постановление дирекции совхоза «Чинар». «Согласно общим пожеланиям совхозных тружеников, начальнику передвижной механизированной колонны узбекских хашарчи товарищу Хакимову Хамиду Хакимовичу за огромный вклад, внесенный им в дело превращения «бесперспективных» земель в перспективные, присваивается звание почетного рабочего нашего совхоза».

В конце текста стояла подпись самого Сергеева, чернила еще не успели высохнуть.

Подождав, пока стихнут аплодисменты, Иван Степанович добавил:

— Копию постановления мне поручено лично вручить юбиляру. — Подойдя к Хакимову, он крепко обнял его, расцеловал в обе щеки. — Дай нам бог, дружище, вместе встретить ваше столетие!

VI

Братья всю ночь провели в задушевной беседе. Рассказывали друг другу о своей семейной жизни, о событиях, происшествиях, неудачах и успехах на своих участках работы, обсуждали положение в мире, спорили, строили планы. Хамида Хакимовича особенно интересовало все, что имело отношение к «стройке века» — прокладке БАМа, и он донимал расспросами Эргаша:

— Слушай, ты ведь был в числе первых десантников, высадившихся там, где прежде не ступала нога человека.

— Нет, я приехал на БАМ чуть позднее.

— Все равно — ты участник и очевидец самых первых свершений на БАМе. И все было тебе в диковинку. С какими же трудностями вы встретились на первых порах?

— Ха! Трудностей было хоть отбавляй. Все — новое, незнакомое, неизведанное... Мы чувствовали себя, как бойцы-разведчики на территории, где всюду нас подстерегала опасность.

— Как только Махира все это выдержала! — посочувствовал Бурибай. — Глушь, неустроенность... а тут еще дикое зверье. Я уж не говорю о ваших морозах...

— Ай, братец, женщины выносливей мужчин. А Махира из таких: если уж порешила ехать со мной, режь ее, от своего не отступит. Да она там неплохо устоялась: медсестрой в санитарном вагоне. Тепленькое местечко — в буквальном смысле слова. Я, как замерзну, забегая к ней погреться. Так сказать, по пословице: курмак к рису пристроится — и ему вода достанется...

— Сейчас-то, наверно, и не узнать те места, где вы начинали, — задумчиво проговорил Хамид Хакимович.

— Ха! А нашу Голодную степь — узнаешь? Помните, какой она была, когда мы с Бурибаем еще в школе учились? Теперь же приезжаю я в отпуск домой — и диву даюсь: все больше земель под хлопком, под кормовыми! А сколько новых каналов? Новых по-

селков, садов, бахчей, цветников? В Джизаке уже и роз — полным-полно. Ну, а БАМ строится небывалыми темпами! Новые станции, населенные пункты, промышленные предприятия — растут, как грибы. Нет, правда, — не сойти мне с этого места! — Эргаш повернулся к Хамиду Хакимовичу. — Вот вы, братец, малость от нас поотстали.

— К сожалению, ты прав, — вздохнул Хамид Хакимович. — Сколько уже средств вбухали за три года в эти земли, а отдача пока невелика. Но ничего, мы свое наверстаем. Считай, что мы работаем на будущее. На близкое будущее. Негоже подсчитывать только сегодняшнюю прибыль, нужно и в завтра смотреть. Будет Нечерноземье давать вдоволь и мяса, и молока, и овощей...

— А пока у вас за мясом очереди. Видели мы в Новгороде.

— Всюду так.

— Ну, не скажите! — возразил Бурибай. — Я вот побывал недавно на Нурекской ГЭС. Вот уж поистине — стройка, в фундаменте которой — дружба советских народов. Там можно встретить представителей чуть не всех национальностей, живущих в нашей стране. Да, так вот, зашел я там на базар и ахнул: какое изобилие!

— А цены?

— Не буду кривить душой, цены пока высокие.

— А как ты попал туда, на Нурек?

— В командировку ездил, КАМАЗ испытывает свои машины в горах Таджикистана, а ремонтная мастерская, обслуживающая грузовики, находится близ Нурекской ГЭС. Ее уж скоро должны достроить...

— Ну, у нас еще непечатый край работы! — сказал Эргаш. — Подсоединиться к Транссибирской магистрали — это только полдела, мы должны дотянуть рельсы до угольных шахт Якутии. Да... Мы все хвастаемся: наша страна на первом месте в мире по протяженности железнодорожных путей! А сколько еще на карте точек, куда их необходимо проложить? И как порой не по-хозяйски используется железнодорожный транспорт?! В одном месте составов не хватает, в другом они месяцами простаивают в тупиках. Поезда опаздывают, стройки и предприятия не могут получить вовремя нужнейшие грузы. Там — порожняк разгуливает туда-сюда, там — навстречу платформам с лесом

идут платформы... тоже с лесом! Мы на этот случай даже новое слово придумали: «встречные перевозки». А на самом деле это зряшные перевозки.

— Да, чего-чего, а бесхозяйственности у нас достаточно, — поддержал брата Бурибай. — Я сам видел, как нерационально используется продукция нашего автогиганта. В кузове, величиной с вагон, перевозят крохотного козленка.

У Хамида Хакимовича брови сошлись к переносице:

— Ах, братцы мои, как правильно вы рассуждаете! Взгляд у вас зоркий — старательно отмечает недостатки, которые, действительно, у нас имеются. Но пока мы их будем только фиксировать, а не искоренять — ничего же не изменится к лучшему! Вот ты, Бурибай, увидел, что твой КамАЗ, вместо того, чтобы перевозить важные грузы, переправляет куда-то козленка, — и что же, остановил машину, сделал водителю выволочку: не стыдно ли, мол, тебе, дорогой товарищ, так незначительно использовать вверенный тебе транспорт? Нет, ты лишь «засек» явный беспорядок. Тебя, Эргаш, возмущает чужое расточительство, но с расточительностью надо бороться — и в большом, и в малом! Да, и в малом, начиная с себя.

— В чем же это я-то провинился?

— Ну, это, конечно, пустяк... Но стоило ли вчера заставлять дастархан таким количеством еды и выпивки? Больше половины на дастархане же и осталось. Куда все это девать? Вот и получается, что мы выбросили деньги на ветер...

Эргаш, у которого еще не прошел хмель, вспыхнул:

— Мои деньги, братец, вот этим горбом заработаны, — Он похлопал себя ладонью по хребту, — и я волен распоряжаться ими, как хочу. А если вы о своих пожалели, то мне трудно вас понять. Что вам не хватает? Добро бы, детей у вас был целый выводок.

Он загнулся, поймав укоризненный взгляд Бурибая:

— Что вы мелете, Эргаш? Если пьяны, так проспите сначала.

Эргаш готов был заплакать от отчаянья. Что он наделал! Не подумав, ударил брата по больному месту... Надо бы извиниться перед ним. Но Хамид Хакимович, закутавшись в одеяло, отвернулся к стене.

Он лежал, закрыв глаза, чувствуя в сердце ноющую боль. Давняя его душевная рана и так уж кровя-

точила со вчерашнего вечера, а Эргаш своими неосторожными словами еще больше ее растравил. Если уж брат мог сказать такое. — что же говорят о нем, муже, который в сорок лет так и не стал отцом, посторонние люди? Ах, Эргаш, Эргаш, за что ж ты меня так?

* * *

Не спали этой ночью и женщины. И разговор у них тоже зашел о детях. Сумбула сама пожаловалась на свою судьбу, невестки от души ей сочувствовали.

— Может, вам усыновить какого-нибудь малыша? — сказала Махира.

— Нет, — решительно возразила Гулджахан. — Усыновленный ребенок — это все-таки не твой ребенок. Может, вам еще раз врачам показаться? Неужели наша медицина, победившая и чуму, и холеру, и малярию, в таком вопросе бессильна?

Сумбула в ответ только вздохнула.

У скольких уж врачей она перебивалась, включая знаменитых специалистов! Втайне от мужа обращалась и к знахарям. Но положение было настолько безнадежным, что даже знахари не стали ее дурачить. Врачи же сказали, что из-за перенесенной в детстве жестокой простуды ей не дано изведать радость материнства. Правда, они убеждали Сумбулу, что она все же не должна терять надежды, случаются в жизни всякие чудеса, и Сумбула аккуратно принимала лекарства, которые ей прописывали. Но чем старше она становилась, тем меньше надеялась на чудо.

И уже не раз подумывала: а не усыновить ли ей, и правда, какого-нибудь малыша?

Однажды она решила и отправилась в Дом ребенка, где воспитывались дети, не имевшие матерей. Полными слез глазами смотрела она на детишек, среди которых были и грудные, и ей чудилось, что они безмолвно взывают к ней: возьми нас к себе, будь нам мамой!.. Один из малышей с такой мольбой, так настойчиво тянул к ней ручки, что она уж вознамерилась на нем и остановить свой выбор, но невесть откуда взявшиеся советчики принялись ее отговаривать:

— Откуда тебе знать, кто родители этого ребенка? Может, это плод порочной связи какого-нибудь вора и

распутницы? И у него дурная наследственность? Ох, намучаешься ты тогда с ним. Порядочные отец и мать не оставили бы свое чадо в этом... инкубаторе. Ладно, пусть даже у твоего приемыша с генами все в порядке, и он будет расти тебе на радость, но где гарантия, что не нависнет над этой радостью черная туча? Стоит ребенку узнать, что мать и отец у него — не родные, вот и трагедия!

— Что же мне делать? — тихо сказала Сумбула. Невестки молчали...

* * *

Утром все вышли в гостиную разбитые, невыспавшиеся. Хорошо еще, что была суббота.

— Может, опохмелимся? — предложил Эргаш.

— Вы что, спятили, — с утра водку пить? — обрвал его Бурибай.

Однако Хамид Хакимович, к всеобщему удивлению, поддержал Эргаша.

— А что? Законное дело. Хозяюшка, там у нас выпивка осталась? Несите-ка ее сюда.

Сумбула изумленно воззрилась на мужа. Он вообще-то был равнодушен к спиртному, и уж тем более у него не было привычки опохмеляться с утра пораньше. Но, рассудив, что день сегодня особый, и юбилею хочется угодить своим гостям, продолжив вчерашнее застолье, Сумбула принесла початую бутылку коньяка.

Хамид Хакимович поднял на нее тяжелый взгляд:

— Что для троих здоровых мужчин — остатки коньяка? Неси все, что у нас есть!

Сумбула начала уже тревожиться. Что случилось с мужем? Почему он так рвется выпить, почему обратился к ней на «ты»? Все это так на него не похоже! Может, братья настроили Хамида-ака против нее, бесплодной жены? Кто знает, что они ему там наговорили...

Однако, не желая сердить мужа, она поставила на стол все бутылки, которые сунула вчера в холодильник. Мужчины, наполнив рюмки, молча выпили. Хамид Хакимович налил еще. Лицо у него побагровело, и в глазах густела пасмурь. Когда он в третий раз наклонил бутылку над своей рюмкой, Бурибай остановил его:

— Мы с Эргашем еще выпьем, а вам, братец, пожалуй, хватит. Вы и так уже захмелели.

Хамида Хакимовича, и правда, чуть развезло: никогда еще он не пил так много. Но замечание брата лишь раззадорило его, с пьяным упрямством он ударил кулаком по столу:

— И пусть захмелел! Мы должны опорожнить все бутылки! Думаете, мне жалко вина? Надо — еще куплю! Куда мне деньги девать? У меня ведь нет выводака детей!

Бурибай с сердитой укоризной посмотрел на Эргаша: вот, мол, что вы наделали, до чего довели Хамида-ака! Тот и сам уже жалел о словах, неосторожно вырвавшихся у него, но человек раскаивается всегда запоздало; слово, как пулю, выпущенную из винтовки, уже не вернешь. И сердечную рану залечить труднее, чем пулевую.

У Сумбулы в лице не было ни кровинки, казалось, она вот-вот пошатнется и упадет.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

I

Октябрь дарил иногда солнечные деньки, и в такую пору Гуландом любила бродить по опушке леса, где еще зеленая трава была усеяна разноцветными листьями. Солнце, просеиваясь сквозь ветви осин и берез, почти уже оголившиеся, вырисовывало на земле затейливые узоры. Гуландом, жмурясь, подставляла лицо теплым лучам, и ей чудилось, будто и в этот лес, и в ее сердце уже пришла весна. И вокруг, и внутри все пело, и это была песня любви.

Но тут же Гуландом сердито одергивала себя — какая весна, какая любовь? Любовь свою она оставила, похоронила в других лесах — ивановских, и не верила, что в ее душе может родиться новая. Любишь — лишь однажды, — уговаривала она себя. Сердце ее перегорело, и на этом пепелище уже не появится росткам нового чувства.

Да, ей нравился Эльчи Марданов. Она не сомневалась в его искренности. Но, благосклонно принимая знаки его внимания, сама ни шагу не делала ему навстречу. Она боялась снова обмануться, и ей не хотелось обманывать Эльчи. Что с того, что при встречах

с этим славным парнем она испытывает радостное волнение? Любой девушке приятно, когда на нее устремлен чей-то влюбленный взгляд, и обожатель старается почаще с ней видаться, дарит ей цветы и юный с трудом сдерживаемый пыл своего сердца. Она видала: Эльчи любит ее, и понимала, что он заслуживает ответной любви. Но свои чувства она держала в крепкой узде, внушая себе, что надо еще испытать и себя, и Эльчи, а на это понадобится немало времени. Спешить в сердечных делах — опасно.

Эльчи же этот долгий «экзамен» обрекал на нестерпимые муки, и он жаловался Дуданову:

— Что же она со мной делает, Дмитрий-ака? Если я не вижу ее, то целый день хожу сам не свой, белый свет мне не мил, а она... То улыбнется так, что у меня сердце замирает, то избегает меня. Неужели все девушки так издеваются над теми, кто их любит?

— Нет, Эльчи, Гуландом не из таких, — серьезно отвечал Дуданов. — Она еще, видно, сама в себе не разобралась как следует. И ты уж с ней — побережней. Однако... — он добродушно улыбался, — не отступай, парень, пока не завоеешь ее любовь! Но при этом проявляй выдержку, терпение. Упаси тебя бог обидеть Гуландом!

— Да, ее обидишь! — насупился Эльчи. — Она сама никому спуска не даст. Так отбрила меня, когда я приехал за ней на тракторе...

— Ничего лучше не мог придумать?

— А помните, я у вас «Жигули» брал? Так она предложила посадить в них всю свою бригаду.

Дуданову трудно было сдерживать смех:

— Ох, бой-девка! А может, она ершится, желая проверить тебя? Что ж, терпи, казак, атаманом будешь. Есть у нас такая поговорка. И помни: на ветке любви растут не только плоды, но и шипы. Уколешься — не ной. Достоин любви лишь тот, кто способен мужественно перенести и боль, и обиды.

Эльчи — открытая душа! — делился с Дудановым всеми своими огорчениями, сомнениями, маленькими радостями и старался послушно следовать его советам. Гуландом поддевала его, а он расплывался в улыбке. Она всем видом своим показывала, что он докучает ей своим присутствием и разговорами, а он словно и не замечал ничего. Его гнали в дверь — он

лез в окно. Он все делал, чтобы добиться если и не любви ее, то хотя бы полного доверия.

И Гуландом все чаще отпускала поводья, надетые на сердце. Она не поощряла Эльчи на более смелые действия, но уже и не осаждала его резко: мол, не подступайся ко мне!

И однажды, появившись с цветами в комнате обещития, куда переселилась девушка, Эльчи, сам не понимая, как он мог решиться на такую дерзость, срывающимся голосом проговорил:

— Знаете, о чем я жалею, Гуландом?

— О чем же?

— Мне жаль, что ваши глаза не обладают свойствами рентгеновских лучей.

Гуландом рассмеялась:

— Боже, как вы пышно заговорили! Ну, а если бы обладали?

— Тогда вы увидели бы, что мое сердце... мое сердце... — Эльчи замялся и вдруг выпалил, — полно любовью к вам, Гуландом!

Девушка сделала рукой такой жест, словно собиралась приложить ладонь к губам Эльчи: мол, молчи! Но того уже ничто не могло остановить:

— Да, да, я люблю вас, и полюбил с той минуты, как встретил в аэропорту, — честное слово! Вы верите мне?

Гуландом пристально посмотрела на Эльчи, тихо произнесла:

— Вам — верю...

Глаза Эльчи засверкали от счастья, и он отважился на вопрос, который в другое время застрял бы у него в горле:

— А вы... ну, хоть чуточку... любите меня?

Он ждал гневной отповеди, но Гуландом сегодня было не узнать, каким-то извиняющимся тоном она ответила:

— Я... не знаю.

— Гуландом, но ведь нельзя же не знать, как вы относитесь к человеку!

— Я, правда, не знаю. Мы ведь с вами так мало знакомы.

Лицо Эльчи вытянулось от удивления:

— Ма-ало? Да я вас знаю уже двадцать девять дней и десять часов, а если перевести на минуты, то

сорок две тысячи двести сорок минут! И это, вы считаете, мало?

Гуландом, не сдержавшись, прыснула в кулак:

— Вы так точно все высчитали?

Эльчи нахмурился:

— Вам смешно? А для меня каждая минута без вас — пытка, а каждая минута с вами — на вес золота.

— Не обижайтесь, Эльчи-ака! Я верю вам, верю.

И Гуландом, сама не заметив, как это получилось, уткнулась горящим лицом в плечо Эльчи.

Тот весь напрягся, замер, а когда оправился от растерянности и попытался обнять Гуландом, удобная минута была упущена: девушка отпрянула от него, стыдливо спрятав лицо в ладонях.

«Что же ты стоишь, как пень? — подбадривал себя Эльчи. — Действуй смелее, не теряйся! Счастье — вот оно, перед тобой, не упускай же его!» Но только он шагнул к Гуландом, как она выставила вперед руки:

— Не надо, Эльчи-ака! Вдруг кто войдет...

Он крепко и нежно сжал эти руки в своих и, глядя в глаза Гуландом, сказал:

— Мое сердце в вашей власти, Гуландом, распоряжайтесь им, как хотите. Мне из силков любви уже не вырваться.

И на этот раз Гуландом не стала упрекать его в излишней пышности слога. Она чувствовала: каждое его слово исходит из глубины души, и ей почему-то хотелось плакать.

II

Пока у них гостили братья мужа, Сумбула крепилась, держалась так, как будто ничего особенного не произошло. Хамид Хакимович, протрезвев, попросил у нее прощения, и вид у него был такой несчастный, что у Сумбулы сжалось сердце от жалости и любви к нему. Утренний инцидент, казалось, был предан забвению.

Но когда они проводили гостей и Хамид Хакимович отправился в контору, а Сумбула в школу, она почувствовала себя и опустошенной, и обессиленной. Все валилось у нее из рук; урок она объясняла каким-то заученным тоном, без обычного воодушевления; чертя мелом по доске, внезапно замирала, рассеянно

смотря перед собой: и ребяташки, впервые видевшие ее в таком состоянии, в недоумении переглядывались: что это с нашей учительницей, уж не горе ли у нее какое?

Еле дождавшись конца занятий, Сумбула поспешила домой и, не раздеваясь, кинулась на кровать и долго лежала, уставившись в потолок, вся отдавшись горьким думам.

И, как неутомимый челнок, туда-сюда, сновала одна мысль: она бездетна, и муж, хоть и старался ничем не выдать себя, тяжело переживал это, и не случайно сорвались у него с языка обидные, больно ранящие, но справедливые слова. Видно, как и у нее с невестками, был у него с братьями разговор о детях, о бесплодности Сумбулы. Интересно, что они ему посоветовали? Развестись с ней и жениться на другой? Что ж, это для него единственный выход, и если он поступит так, она не бросит ему ни слова упрека.

Долгая совместная жизнь с мужем, еще недавно казавшаяся Сумбуле счастливой, теперь и для нее утратила всякий смысл. Как будто все светлое, отрадное утекло, как вода сквозь решето, и осталась вокруг — пустота. Пустота, которую теперь ничем уже не заполнить...

Ну, что ж, она-то уж давно примирилась со своей участью бездетной жены — безропотно примет и одиночество. Семейное ее счастье развеялось в прах, и только она одна в этом виновата. Ей и расплачиваться, зачем же страдать еще и мужу? Сорок лет — это не возраст. Сумбула знает немало мужчин, у которых родились дети, когда самим им было уже за пятьдесят. Не поздно и Хамиду-ака обзавестись ребенком. Она, Сумбула, сама потребует у него развода, а надо, так и подберет ему жену. Мужчина он видный, любая с радостью пойдет за него, даже молодая девушка почтет за честь называться супругой Хамида Хакимовича Хакимова. Уж в этом-то Сумбула не сомневалась! Будь она молодой, так вышла бы замуж только за Хамида-ака, вот такого, каким он сделался сейчас, к сорока...

По-прежнему глядя в потолок, она принялась перебирать кандидатуры женщин, которые подходили бы на роль новой жены Хамида Хакимовича. Воспаленное ее воображение рисовало знакомые образы, и чаще всего мелькало среди них лицо Гуландом... Верно, за-

чем далеко ходить, почему бы и не Гуландом? Девушка — клад. И, вроде, пока у нее нет никого на примете. Эльчи? Судя по всему, она не очень-то жалует беднягу. «Я еще мало его знаю», «мы совсем недавно знакомы друг с другом». Так ведь она сама говорит. Да, вот достойная пара Хамиду-ака. Справят они свадьбу и заживут ладно да счастливо; глядишь, через год у них уже появится ребенок... Ребенок, которого так не хватает и ей, Сумбуле, и Хамиду Хакимовичу.

На глаза навернулись слезы. Хамид-ака, любимый, дай бог тебе счастья! А уж она... Слезы ручьями текли по ее щекам.

Но Сумбуле нельзя было отказать в решительности. Взяв себя в руки, она поднялась, умылась, привела в порядок растрепавшиеся волосы и поспешила к общежитию для специалистов. Мысленно она окрестила этот свой визит «предварительной разведывательной операцией» — ей и в печальных ситуациях не изменяло чувство юмора.

Постучавшись в дверь комнаты, отведенной Гуландом как бригадире строителей, она вошла, и брови ее дрогнули в удивлении. Гуландом, одетая, в туфлях, лежала на кровати, и глаза ее были полны слез. Вот уж не ожидала Сумбула застать ее плачущей! По странному совпадению поза девушки повторяла ту, в какой совсем недавно простиралась на постели сама Сумбула, с той разницей, что Гуландом крепко прижимала к груди букет цветов. Ие, у нее-то какое горе?

— Извини, сестренка, — пробормотала Сумбула, — ты чем-то расстроена. А я тут вторглась без приглашения.

Гуландом рывком вскочила с постели, все еще держа в руках цветы:

— Ой, Сумбула-апа! Заходите, заходите. Я всегда рада вас видеть.

Она выглядела возбужденной, взволнованной — совсем не похоже было, чтобы ее, как Сумбулу, одолевала тоска-кручина.

— Что-нибудь стряслось, сестренка? — на всякий случай спросила Сумбула.

— Стряслось, стряслось! — Никогда еще не видела Сумбула Гуландом такой оживленной. — У меня на душе — весна!

— Но ты... плакала...

— А разве плачут только от горя?

Тут только Гуландом заметила, что гостья ее — не в себе. Лицо бледное, под глазами темные круги. Она-то хотела поделиться с Сумбулой заветной девичьей тайной, попросить у нее совета, ведь здесь не было у Гуландом человека ближе, чем Сумбула-апа... Только той, кажется, не до чужих переживаний, ее что-то гнетет...

— Сумбула-апа, вы спросили, не стряслось ли что со мной. Но, по-моему, вы сами чем-то опечалены.

— Устала я за эти дни.

— Да, принять столько гостей. Так вы бы отдохнули, а?

— Нет, надо еще убрать, приготовить что-нибудь к приходу мужа.

— Может, мне с вами пойти? Помогу вам.

— Спасибо, сестренка. Конечно, когда ты стряпашь, Хамид Хакимович всегда доволен... Мне кажется, ты и сама ему по душе.

Гуландом рассмеялась:

— Ой, Сумбула-апа, уж не ревнуете ли вы меня к нему?

Сумбула, шагнув к ней, порывисто обняла девушку:

— Что ты, Гуландом! Как такое могло прийти тебе в голову? Ты ведь нам, как дочь.

В облике и поведении Гуландом было что-то такое, что заставило Сумбулу отказаться от мысли — сосватать ее за собственного мужа. Сама эта мысль рождена была горем, отчаянием, и сейчас казалась Сумбуле нелепой. Так могло разыгаться только больное воображение.

— Но что-то все-таки у вас случилось, да? — продолжала допытываться Гуландом. — Вы посмотрите на себя: на вас лица нет. Может, кто вас обидел?

— Обидел? — Сумбула горько усмехнулась. — Да. Пожалуй. Я в обиде на свою судьбу.

Гуландом даже всплеснула руками:

— Кто этому поверит? Все завидуют вам, апа. У вас такой муж... И работа интересная.

— И, однако, это так: судьба ко мне немилостива. Я уж подумываю...

Не закончив фразы, Сумбула замолчала. Собственно говоря, решение, о котором она хотела сказать Гуландом, пришло к ней только сейчас. Но стоит ли посвящать в свои заботы незамужнюю девушку? Это

перед своими невестками она могла открыться: у них был опыт семейной жизни. А Гуландом еще так наивна и непосредственна, да и настроение у нее сегодня какое-то приподнятое.

А Гуландом, приглядываясь к Сумбуле, думала: неужели можно так сдать, постареть за несколько дней? Вот гостья присела на краешек кровати, обхватила руками голову, сгорбилась. Всегда такая жизнерадостная, неутомимая, задорная, в эту минуту она походила на увядший цветок. Что же так согнуло ее?

— Сумбула-апа! Так что же вы надумали?

— А? Что? — Вскинулась Сумбула. — Видишь ли... — Ей с трудом удалось вернуть себе обычный спокойный вид. — Мне придется уехать отсюда.

— Уехать? Но почему? Вам здесь не нравится?

— Очень нравится! Но все так складывается... — Сумбула напряженно соображала: как бы все объяснить Гуландом, не выдавая своей тайны.— Мне нужно повидать свою матушку.

— Соскучились?

— И это тоже. А главное — матери можно все сказать, и она терпеливо тебя выслушает, поймет, даст нужный совет... Нет у женщины человека ближе, чем родная мать.

На глазах Сумбулы заблестели слезы. Гуландом понимала, что гостья от нее что-то скрывает, подседа к ней, обняла ее за плечи:

— Апа, вы же сами сказали, что я вам, как дочь. А стесняетесь поведать мне, что у вас за беда.

Сумбула тыльной стороной ладони вытерла слезы, через силу улыбнулась:

— Ну, какая беда может быть у женщины, которой, по твоим словам, все завидуют? Просто пора уже проведать свою мать, она-то по мне тоже, верно, успела стосковаться. Кстати, и Дилафруз проведу, у нее опять трудные роды.

— Я слышала, — кивнула Гуландом. — Бедняжка! А с Хамидом Хакимовичем вы посоветовались?

— Нет, он пока ничего не знает. Но, думаю, не станет препятствовать моему отъезду.

«Это уже похоже на бегство, — подумала Гуландом. — Вот так же я сбежала из Иванова. Только, конечно, у Сумбулы-апа — другие причины...»

А Сумбула, внимательно поглядев на Гуландом, сказала:

— Я знаю, нынешняя молодежь не любит, когда ее поучают... Но я хочу, сестренка, дать тебе один совет. Встретишь человека, который тебе по сердцу, не мучай себя раздумьями и сомнениями, выходи за него замуж, и тут же рожай ребенка. Да ты не красней, дело житейское. И не надо с этим медлить. Видела, какие крепыши у моих деверей и невесток? Глядишь на них — сердце радуется!

Гуландом начала уже догадываться, что томило Сумбулу, но не стала ее больше ни о чем расспрашивать, боясь бередить ее рану — видно, уже растревожили эту рану или брата Хамида Хакимовича, или их жены. И девушка с готовностью переменяла тему разговора:

— Апа, вот вы сказали: встретишь того, кто тебе по сердцу...

— А ты уже встретила?

— Не знаю... Вы ведь с Эльчи давно знакомы, что вы о нем думаете?

— Да я ведь тебе уже не раз говорила: Эльчи — славный парень! И вы прямо созданы друг для друга. Но это мое мнение, а в этом вопросе куда важней — твое... Самой-то тебе он нравится?

— Я вам рассказывала: полюбила я одного, не узнав его как следует... А он... В общем, как говорится, обжегшись на молоке, дуешь на воду. А что, если я и в Эльчи ошибусь?

— Он тебя — любит?

— Ох, он прохода мне не дает!

— А, может, это — твоя судьба?

Гуландом вздохнула:

— Судьба и любовь — вещи разные...

III

Сумбула, вернувшись домой, все повторяла эти слова Гуландом: судьба и любовь — вещи разные...

Разве она и Хамид-ака не любили друг друга? И ей казалось, что эта любовь — на всю жизнь. Но вмешалась судьба, лишившая ее утех материнства, и что осталось от их семейного счастья? Пыль, пепел... И как бы ни уверял ее теперь муж, что спяну ляпнул явную глупость, она не в силах забыть его слов, прозвучавших, как тяжкий упрек. И недаром ведь молвится: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Точит, точит

Хамида-ака сожаление о том, что у них нет детей. Точит, как червь, а перед червем и дереву не устоять...

Хамид Хакимович, как это с ним часто бывало, задерживался на работе, и Сумбула решила привести в порядок его одежду, перестирывать и перегладить нижнее белье, чтобы избавить его от лишних хлопот на первое время своего отсутствия. Вешая в гардероб костюм мужа, она думала: «Это его любимый, он часто его надевал...» Складывала рубашку, и у нее щипало глаза: «И рубашку эту носил с удовольствием...» Она ласково провела по ней ладонью. Приготовив впрок несколько смен постельного белья, подштопав носки, Сумбула села на диван и заплакала. Любовь и судьба — разные вещи... Как прекрасна была их любовь! И как зла судьба...

Когда Хамид Хакимович вернулся домой, Сумбула в спальне укладывала свой чемодан. Обычно он заставал ее в это время на кухне, где она, подвязав фартук, возилась с ужином. Фартук висел на гвоздике, но Сумбулы не было. Он прошел в спальню; увидел жену, склонившуюся над чемоданом, остановился в растерянности и недоумении:

— Чем это вы заняты?

— Не видите, — собираюсь в дорогу, — ответила Сумбула, поднимаясь. — Но об этом потом. Пойдемте на кухню, ужин уже готов. Вы, верно, голодны.

У Хамида Хакимовича защемило сердце. В дорогу? Сумбула уезжает? У него это не укладывалось в голове. Ладно, она все объяснит ему за ужином.

Дверцы гардероба, стоявшего в прихожей, были раскрыты, там висела только его одежда. А где же одежда Сумбулы? Она что, решила с собой увезти все свои пожитки? Недоумение его все росло. Слишком уж неожиданный сюрприз приготовила ему жена. Неужели всерьез обиделась на него за ту безобразную сцену? Да, безобразную, он хорошо это понимал. И испытывал до сих пор и жгучий стыд, и искреннее раскаяние.

Только Хамид Хакимович приступил к ужину, как почувствовал, что у него пропал аппетит. Отложив в сторону нож и вилку, он спросил у жены, которая наблюдала, как он ест, но сама к еде не притрагивалась:

— Куда же вы собрались?

— Вы же сами не раз мне напоминали, чтобы я навестила матушку.

— Когда это было!..

— Но я соскучилась по ней. Вы не поверите, она каждую ночь мне снится.

— Почему же, верю. Но к чему такая спешка? О матери, полагаю, вы все время скучали. А уехать надумали лишь сейчас...

— А про свою сестру, Дилафруз, вы забыли? Роды опять прошли у нее очень тяжело. И всей правды нам, по-моему, не говорят... Вам нельзя уехать, так хоть я побуду рядом с ней. Узнаю, насколько опасно ее состояние... И поухаживаю за ней.

— Да нет... я не против... За сестрой, наверно, и правда нужен присмотр.

— Да. Ну, а вас не оставит своими заботами Гуландом. Я уж договорилась с ней. — Сумбула улыбнулась. — Кажется, долго она не заневестится...

— Эльчи?

Сумбула кивнула:

— Да, наш джигит по всем правилам повел наступление на эту неприступную крепость. Казалось бы — неприступную...

— Гуландом не выдержала осады? Я рад за них обоих. — Хамид Хакимович помолчал, на лицо его снова набежала тень. — На какой же срок вы надумали меня бросить?

Сумбула опустила голову:

— Не знаю.

— Вот даже так? А кто будет учить здешних школьников?

— Найдут другого педагога. Народ-то к нам все прибывает.

Сумбула обняла мужа за шею, заглянула ему в глаза глазами, полными мольбы. — Прошу вас... Отпустите меня! Я должна уехать.

Казалось, это рыдало само ее сердце... И Хамид Хакимович окончательно уверился, что Сумбула рвется вовсе не к матери своей и не к Дилафруз, хотя ей и хотелось повидать обеих; нет, ей просто неведомо оставаться с человеком, который жестоко ее обидел; впрочем, это еще мягко сказано — он, Хамид Хакимович, нанес жене беспощадный удар, ранил ее своими словами в самое сердце, и без того истерзанное, и

ничего уже нельзя поправить: треснувший казан — не склеишь.

Да, струны души человеческой тонки и хрупки, и порвать их легко, куда труднее — снова связать, соединить. Но даже если это и удастся сделать, разве не будут они звучать уже по-иному?

Ладно. Он не станет удерживать Сумбулу. Пусть едет. Может, встреча с матерью, обстановка родного дома помогут развеяться ее тоске. Время, говорят, исцеляет любые раны. Там, дома, Сумбула придет в себя, одумается... Ведь если супруги любят друг друга, — ничто не способно их разлучить.

Все-таки он снова спросил:

— Неужели вы, и правда, не знаете, когда вернетесь? — Уголки его губ дернулись в горькой усмешке. — Не жаль вам меня? Я ведь тут без вас пропаду.

Сумбуле трудно было говорить, ком застрял у нее в горле:

— Ничего я пока не знаю...

Хамид Хакимович положил ладонь ей на плечо:

— Я понимаю: трудно вам вдали от родных мест... Ведь вы здесь уже больше двух лет. Поезжайте. Но помните: в Старой Руссе вас будет с нетерпением ждать человек, который привязан к вам всем сердцем. Он виноват перед вами, но заслуживает снисхождения.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

I

Вылет самолета, на который взяла билет Сумбула, задерживался из-за сильного дождя и ветра, и она томилась в зале ожидания Новгородского аэровокзала.

Хамид Хакимович хотел ее проводить, но ему позвонили из треста и попросили оставаться на месте.

От шума, стоявшего в зале, у Сумбулы закружилась голова, она вышла наружу — и нос к носу столкнулась с Юлдашевым. Вид у него был строгий и озабоченный. Все же он остановился, чтобы поговорить с учительницей:

— Вот неожиданная встреча! Что вы здесь делаете, товарищ Хакимова?

Она даже не удивилась его официальному обращению:

— Улетаю.

— Куда, если не секрет?

— Домой.

— Хм... Вот так — вдруг? Еще недавно вы не собирались никуда уезжать.

— Обстоятельства изменились.

— Выглядите вы неважно... Уж не обидел ли вас Хамид Хакимович? Вот человек! Никому от него нет житья. Но, как говорится, не рой яму другому — сам в нее можешь попасть. Ба! Понимаю! Он, верно, решил спровадить вас подальше — перед прибытием комиссии.

В это время по радио объявили о посадке самолета АН-24, и Юлдашев заторопился:

— Извините меня. Как раз этим рейсом должна прилететь комиссия из Ташкента. Мы еще продолжим наш разговор.

Он устремился в зал, оставив Сумбулу в тревожном недоумении. Что за комиссия? Какое она имеет отношение к ее мужу? Если бы она прилетела с очередной обычной проверкой, Юлдашев разговаривал бы по-другому. Неужели Хамида Хакимовича ждут неприятности.

Дождь перестал, но холодный сырой ветер пробирал до костей. Мимо Сумбулы прошла группа мужчин, которых Юлдашев вел к машине, он бросил ей на ходу:

— Не следовало бы вам сейчас уезжать...

Новая загадка. Сумбула хотела уже, было, кинуться к Юлдашеву, который усаживал гостей в машины, но в эту минуту пассажиров, летящих рейсом Новгород — Ленинград, пригласили пройти на посадку. У Сумбулы мелькнула мысль: не сдать ли ей билет, не поток людей, спешащих к отлетающему самолету, увлек ее за собой, и не успела она опомниться, как оказалась в салоне. Ей ничего не оставалось, как усесться на свое место. Но тревога не покидала ее. Что крылось за словами Юлдашева? Боже мой, вот уж истине над ней висит рок: получается, что она бросила мужа в беде!

До Ленинграда лететь было совсем недолго, но Сумбуле казалось, что самолет ползет в воздухе, как черепаха. Скорее бы уж он садился; может, она успеет из Ленинградского аэропорта позвонить мужу по телефону.

Но и тут ей не повезло: как только самолет замер на посадочной полосе, пассажиров усадили в автобус, который подвез их прямо к трапу «ИЛ-62», уже готового к вылету на Ташкент.

И опять время потянулось медленно-медленно. Почти все пассажиры спали, откинув спинки кресел; кто сладко посапывал, кто громко храпел. Одной Сумбуле было не до сна. Беспокойные мысли роились в ее мозгу, как пчелы в улье. Бедный Хамид-ака! Он, наверно, уже узнал о прибытии комиссии, и сейчас ему тоже не спится. Он ворочается с боку на бок, и ему в эти минуты так не хватает Сумбулы! Глупая, разве ж можно было бежать от него очертя голову? Ведь жили же они столько лет душа в душу, несмотря на отсутствие детей; как-нибудь все уладилось бы и на этот раз. Говорят, гнев — плохой советчик, но неразумно прислушиваться и к голосу отчаяния. К чему привело ее импульсивное решение? Мужа ожидает невзгода, а она в это время далеко от него и не в силах ни утешить его, ни помочь ему.

Уже рассветало, когда «ИЛ-62» начал снижаться; вот с грохотом высвободились шасси, и стюардесса через микрофон объявила:

— Самолет производит посадку в аэропорту города Ургенч. Пассажиров просят пройти в зал ожидания.

— Ургенч? Почему Ургенч? — вскинулась Сумбула.

Стюардесса словно услышала ее вопрос:

— Ташкентский аэропорт пока закрыт.

Сумбула спустилась по трапу последней, ее вдруг охватила апатия. Свежий утренний ветерок вернул ей бодрость, она поспешила на телефонный узел, находившийся в здании аэровокзала. Со Старой Руссой связи не было, тогда она попробовала соединиться с дирекцией совхоза «Джизак»; некоторое время ничего не было слышно из-за каких-то хрипов и шорохов; наконец, до Сумбулы донесся слабый женский голос:

— В конторе никого нет, все на похоронах Дилафруз Хакимовны...

У Сумбулы потемнело в глазах. Вот уж верно молвится: беда не приходит одна. Дилафруз умерла...

Дальше все происходило, как во сне. Сумбула долго кружила по зданию аэровокзала, все повторяя про себя: бедная Дилафруз, достигла ее все-таки злая судьба, бедный Эргаш-ака, как же он теперь, а дети, с

кем же они останутся? Как любили друг друга Дилафруз и Эргаш, как любили они своих детей! Вот уж правда, любовь и судьба — вещи разные... Как сквозь тяжкую дрему, услышала Сумбула голос дикторши, объявлявшей посадку на самолет Ургенч — Джизак. Она не помнила, как ей удалось заполучить свои вещи, как очутилась она в салоне самолета, обслуживавшего местные линии. Видно, помогли добрые люди... Очнулась Сумбула уже в Джизаке.

II

Улица, где располагался дом семьи Кудратовых, вся была запружена машинами.

Такси, в котором ехала Сумбула, остановилось в начале улицы. Обойдя машины, она приблизилась к воротам, возле которых теснились мужчины в чапанах, подвязанных бельбагами; они молча уступили ей дорогу.

В покойнице Сумбула с трудом узнала Дилафруз. Видно, она мучилась перед смертью; губы у нее были покусаны, щеки ввалились...

В изголовье, скорбно опустив голову и беззвучно шепча что-то, сидел на стуле, устланном курпачой, Хаким-ата; Сумбула, зарыдав во весь голос, бросилась к нему, приникла к его плечу; свекор каким-то механическим движением погладил ее по голове, тусклым голосом спросил:

— А Хамид не приехал?

— Мы не знали... — Сумбула плакала, речь ее была бессвязной. — Бедная сестренка, как рано она нас покинула!..

Хаким-ата легонько оттолкнул ее от себя:

— Иди в спальню, там мать и все женщины...

В комнате, куда вошла Сумбула, бились, как птицы в клетке, женские голоса; среди общих стенаний она различила слабые всхлипыванья Мухтасар-ая; та, видно, уже устала от пролитых слез, шагнув к ней, Сумбула крепко обняла ее и запричитала:

— Горе мне, горе! Уж лучше мне было умереть вместо сестренки! Почему смерть унесла не меня, бесплодную, а бедную Дилафруз, осиротив ее детей? Проклятая, недаром же тебя называют безглазой!.. Почему твой выбор пал на мать большого семейства, — разве это справедливо?

Мухтасар-ая, прижав к себе невестку, успокаивающе гладила ее по плечам; мудрая женщина понимала, что Сумбулой движет не только искренняя, безудержная скорбь, вызванная потерей близкого человека, но и сознание собственной неудачливости, никчемности, и ей было жаль несчастную.

— Ах, доченька, видно, Дилафруз на роду было написано умереть так рано.

Сдерживая рыдания, Сумбула спросила:

— Она долго... мучилась?

— Бедняжка скончалась на третий день после родов... Доктора все сделали, чтобы спасти ее... Но от судьбы не уйдешь.

— А что с малышом? Он жив?

— Дилафруз родила девочку... Уж и не ведаем, жилец ли она на этом свете.

— А где она сейчас?

— В роддоме. Доктора колдуют над ней, а нам остается уповать на бога.

Сумбула прикусила губу, как всегда делала в минуты сильного волнения... Теперь она переживала за судьбу новорожденной, которая осталась сиротой, так и не узнав вкуса материнского молока. Мать умерла, а жизнь малышки висит на волоске. Беда одна не приходит.

III

Дилафруз похоронили.

Врачам удалось выходить ее дочку.

Всю неделю после похорон Сумбула бродила по дому, по улицам, сама не своя, часто плакала, сосредоточенно думала о чем-то.

Ей надо было поговорить с Кудратовым, но он все время находился в окружении родных и друзей, и лишь спустя семь дней она встретила его одного: он стоял возле виноградника, выращенного Дилафруз, рассеянно мял в пальцах кончик оголенной лозы. Подойдя к нему, Сумбула сказала:

— Я знаю, Эргаш-ака, горю вашему помочь нельзя; примите мое искреннее сочувствие, — она помолчала в нерешительности. — Я все о ваших детях думаю... О младшенькой... Прошу вас, позвольте мне о ней позаботиться!

— То есть... как это?

— Ну, я возьму ее к себе. Буду растить, как собственную дочь. Она даже не почувствует, что у нее нет матери, я уж постараюсь.

Кудратов, не отвечая, обвел повлажневшими глазами двор. Там Атаджан играл с сестрой и братом. Он бегал от них, и на ветру развевались полы его маленького чапана, подпоясанного маленьким бельбагом. На голове у него красовалась новехонькая чувстская тубетейка, мальчуган был в восторге, когда ее на него надели. Он единственный из всех не понимал, что произошло; ему сказали, что мама еще в роддоме и скоро вернется оттуда с совсем крохотной сестренкой, Атаджан с нетерпением ждал этого момента, и его удивляло, почему все вокруг него такие печальные; видно было, что и его брату, и сестренке, которых он еле уговорил поиграть с ним, забава не в забаву.

Да, пока он ничего не знал. Но сколько же можно будет его обманывать? Ему ведь уже почти три года, и через несколько дней он спросит, почему его мама так долго не возвращается. Что ему ответить? В это время рядом с ним не будет и отца; Эргаш Кудратович послезавтра должен отсюда уехать: его трест готовил к сдаче важнейшие объекты.

После того, как Кудратов похоронил жену, все его мысли были о детях. И сейчас, глядя, как младшие возятся во дворе, он думал, как же они обойдутся без материнской ласки и заботы? Впрочем, их будущее не вызывало у него особого беспокойства. Все они, и маленький Атаджан тоже, останутся под опекой стариков, деда и бабушки; одни будут ходить в детсад, другие в школу; что с ними может случиться страшного? И потечет у них жизнь, как у всех детей, потерявших своих матерей. Но когда он вспоминал о малышке, появившейся на свет всего десять дней назад, сердце его обливалось кровью. Старикам не под силу управиться с крохой, которой и месяца-то нет. Тут нужна женская рука. Поэтому Кудратов был благодарен Сумбуле за ее готовность выручить его, принять на свои плечи бремя забот о малышке. Он знал, что в семье Сумбулы его дочь найдет счастье. Ведь своих детей у Хакимовых нет, и уж они для малышки ничего не пожалеют. И найдет выход неутоленное материнское чувство Сумбулы.

Пока Кудратов обдумывал все это, Сумбула терза-

лась сомнениями. Может, слова ее только посыпали соль на свежую рану Эргаша-ака? Или она оскорбила его своей просьбой — отдать ей дочку? Бывают же отцы, которые, овдовев, сами воспитывают своих детей. И у них это получается не хуже, чем у женщин. Правда, как у всякого руководителя, у Кудратова вечный дефицит времени. И хватит ли у него именно времени — на то, чтобы растить семерых детей, из которых одному нет еще трех лет, а другой — и месяца.

Что же он молчит?

Но в этот момент Кудратов проговорил:

— Спасибо вам, сестренка... Но, сами понимаете, — все это настолько серьезно, что один я не вправе что-либо решать. Вы скажите о своем желании на семейном совете.

Так как Кудратов через день улетал в Иваново, все его родственники собрались этим же вечером, чтобы обсудить дела, связанные с поминками, а главное — поговорить о судьбе осиротевших детей.

— Старшие — люди уже взрослые, студенты, — сказал Кудратов. — Младшие привыкли к здешнему детсаду и школе. А Атаджана я заберу с собой.

— Сынок, о детях ты можешь не беспокоиться, — заверила его Мухтасар-ая. — Мы уж о них позаботимся. Вот как с маленькой быть? Может, подыскать ей пока кормилицу?

В наступившей тишине раздался напряженный, молящий голос Сумбулы:

— Я вас очень, очень прошу — разрешите мне удочерить малышку. Поверьте, я сделаю все, чтобы заменить ей мать. А без материнского молока многие дети обходятся, есть специальные консультации, детское питание.

Все взгляды устремились на Кудратова. И это общее молчание и вопрошающее выражение лиц говорили об одном: никто не возражает против предложения Сумбулы, и все ждут решающего слова от Кудратова.

— Сумбула-апа уже говорила мне об этом, — сказал Эргаш Кудратович. — И я от души ей благодарен. Но, сестрица, — он обращался уже к Сумбуле, — вы советовались с Хамиджаном?

— Но он же не знал... А отсюда я ему не дозволилась.

— Так вот, — продолжал Кудратов, — в таком де-

де надо семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Посоветуйтесь сперва с мужем. Обдумайте все хорошенько. А там посмотрим.

И опять Сумбулу ждала бессонная ночь. Конечно, Эргаш-ака прав — вопрос об удочерении достаточно серьезный. Как-то еще отнесется к этому муж? Что он передумал после того, как Сумбула его оставила? Ведь она уехала из Старой Руссы в трудное для него время. Хотя Хамид Хакимович получил телеграмму о смерти сестры, но прилететь на похороны не смог. Комиссия, прибывшая из Ташкента, начала проверку именно с его ПМК, сейчас она уже вернулась в Ташкент, и до Сумбулы дошли слухи, что Хамид-ака может попасть в крутой переплет. Недаром же сказал ей Юлдашев, что ее муж, того гляди, попадет в яму, которую рыл для других... Да, не любит Хамида-ака Юлдашев. Да и с чего ему питать любовь к человеку, который без боязни указывает на огрехи в работе треста? Даже самому благодушному руководителю вряд ли это понравится. Только разве зоркость и нетерпимость работника можно отнести к числу его недостатков? Репутация Хамида-ака — более снега... Так-то оно так, но ведь находятся же люди, готовые утверждать, что белое — это черное, а черное — белое. И правда побеждает лишь тогда, когда за нее борются, ее отстаивают. А в борьбе можно и синяков нахватать... Нет, несладко сейчас приходится Хамиду-ака, и Сумбула обязана поскорей к нему возвратиться. Тогда они поговорят и о малышке. И Хамид-ака поймет жену, непременно поймет! Речь ведь идет о его племяннице. А дядя — почти что отец. Для Сумбулы, например, все их племянники — как родные...

С такими мыслями встретила Сумбула рассвет.

За завтраком опять собралась вся родня покойной. Во главе дастархана восседал Хаким-ата.

На коленях Кудратова пристроился Атаджан, он поглядывал на всех с веселым любопытством, ему явно нравилось, что к ним понаехало столько народа, и все так внимательны к нему, особенно отец... Мама столько рассказывала ему об отце, но Атаджан так редко его видел! Жалко, мамы нет с ними. Подняв голову, он заглянул в глаза отца:

— Палочка, ты больше не уедешь от нас?

Вместо ответа Кудратов наклонился к сыну и поцеловал его в щеку.

«Волжанин» Шукурджан, сидевший напротив, загорщически улыбнулся мальчику:

— Поезжай лучше со мной, джигит! Будешь в Волге купаться, я тебя на пароходе покатаю. Кто не видел Волги — тот ничего не видел. Ну как, договорились?

Атаджан крепче прижался к отцу:

— Нет, я с папой!

В разговор вступил Набиджан:

— Правильно. Махнем в Иваново. Волга и у нас есть. Правда, папа твой сильно занят. Но с тобой будет тетя Надя.

— А других, может, я заберу? — вмешалась Манзура. — Климат в Киргизии почти такой же, как здесь. Я обещаю ухаживать за ними, как за своими.

Хаким-ата чувствовал, что еще немного, и он останется без внуков, и придется ему вместе со старухой доживать свой век в опустевшем доме. Серdito оглядев всех, он повелительно проговорил:

— Вчера, кажется, было решено: о внуках позаботимся мы с женой. У нас побольше досуга, чем у каждого из вас.

— Верно, верно, — согласно закивала Мухтасарая. — Не надо детям никуда уезжать. Пусть в доме, где жила Дилафруз, не гаснет огонь очага.

Никто не осмелился перечить старикам.

— Но тогда разумней отцу и матери на время перебраться в этот дом, — предложил Набиджан. — Детям тут привычней.

Кудратов взглянул на него с благодарностью. Конечно, лучше всего детям жить дома, в привычной обстановке. Тут все им знакомо, и есть излюбленные уголки, а во дворе растут деревья, за которыми они ухаживали, цветы, которые они сами сажали... И могилу матери они смогут навещать... Вот только решатся ли старики переселиться сюда? Ведь и им в Джизаке привычней.

Хаким-ата, казалось, прочитал на лице зятя его мысли; кашлянув, чтоб скрыть волнение, он сказал:

— Сынок, поезжай в Иваново со спокойной душой. Тебя ведь ждет важная работа. Мы со старухой будем жить здесь и присмотрим за детьми. Атаджана тоже нам оставь, нечего связывать себе руки. Некоторое время и Сумбула здесь побудет. Атаджан, я заметил, успел к ней привязаться.

Как ни трудно было Кудратову расставаться с детьми, но слова отца принесли ему облегчение.

— На поминки я обязательно приеду, — пообещал он, — я уже получил разрешение. А пока, сами знаете, я должен сдать в Иванове объекты, которым мы отдали немало сил.

На следующий день, когда Кудратов садился в машину, чтобы ехать в аэропорт, Атаджан, прощаясь с ним, залился слезами:

— Не уезжай, папочка, не уезжай!

— Не плачь, сынок, я скоро вернусь. Побудь пока с тетей Сумбулой. Ты ведь любишь ее, да? — Кудратов вложил ладошку сына в руку Сумбулы. — Сестренка, я приеду через две недели. Вы уж понынчитесь тут с Атаджаном. Отец прав: он к вам привязан. У детей чутье на хороших людей.

Сумбула хотела спросить: а как же быть, если Атаджан начнет допытываться, где его мать? Но, взглянув на мальчика, промолчала. Не при нем же задавать такой вопрос? Ладно, она и старики сами найдут выход из положения.

Проводив Кудратова, она повела Атаджана в новый универмаг, чтобы купить ему там игрушки и что-нибудь из одежды. В детском отделе было полно всякой всячины, но, как назло, ни один костюмчик не подошел по размерам Атаджану; вообще здесь преобладали платьица, да и большинство игрушек предназначалось для девочек. В секции же, где продавалось «все для новорожденных», у Сумбулы голова пошла кругом, и она набила сумку игрушками, ползунками, пеленками и другим добром, которое на первых порах должно было понадобится последышу Дилафруз — впрочем, про себя она называла девочку «своей доченькой».

Когда она показала покупки Мухтасар-ая, та удивилась:

— Кому всё это?

— Это всё... Лобар¹.

Старуха изумилась ещё больше:

— Лобар? Какой Лобар?

— Я думаю, надо взять дочку Дилафруз из роддома. Если вы разрешите, я сегодня же схожу за ней.

¹ Лобар — славная, милая.

Имя ей пока не успели дать. Я бы хотела, чтобы ее звали Лобар. Вы сами-то, матушка, не против того, чтобы я воспитывала девочку? Поверьте, я буду ей хорошей матерью...

Глаза Мухтасар-ая увлажнились:

— Я верю, дочка, верю. Считаю, что мое согласие ты получила. Теперь все зависит от Эргаша и от Хамида.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

I

Алексей Васильевич, как и Сергеев из старой Руссы, любил с высоких точек озирать окрестности, словно полководец поле боя. Вот и теперь, поднявшись в одну из квартир, расположенную на последнем этаже почти уже достроенного дома, он распахнул трехстворчатое, с двойными стеклами окно и залюбовался открывшимся перед ним видом.

У него разыгралось воображение, и поредевший лес, еще зеленый из-за обилия сосен и елей, казался ему бесконечным, как море; верхушки деревьев колыхались под ветром, словно волны; в небе, похожие на заросли кустарников, теснились темные облака, и, наоборот, кустарники перед лесом выглядели облаками, опустившимися на землю, а поляны меж ними напоминали просветы между облаками. Поля сверху тоже виделись фантастичными, и от них, чудилось, тянуло запахом меда.

С неохотой оторвавшись от окна, Алексей Васильевич спустился вниз, на улицу, и сказка кончилась, предстояла встреча с суровой реальностью: он должен был принять у Кудратова новые гектары осушенной земли, поля, вспаханные под зябь или уже засеянные озимой рожью, водохранилище, последние объекты совхозного поселка: детский комбинат, совмещавший ясли и детсад, и Дворец культуры.

Дворец культуры был воздвигнут в центре поселка, на площади Братства, людьми Байбекова. Сам Байбеков, которому впервые довелось строить такое сооружение, очень им гордился и называл его не иначе как украшение совхоза «Гулистан». Устранив последние

недоделки, он пригласил руководство совхоза и торжественно отрапортовал:

— Дворец культуры готов!

Байбеков ожидал похвал, но Алексей Васильевич со своими спутниками что-то не спешили восторгаться делом рук байбековских строителей. «Ревизоры» долго осматривали каждое помещение, обменивались замечаниями, порой недовольно морщились, критически пожимали плечами... После их ухода Байбеков соединился по телефону с Кудратовым и обеспокоенно сообщил:

— Только что Алексей Васильевич побывал во Дворце культуры. По-моему, он недоволен.

— А ты не паникуешь? У паники, как у страха, глаза велики.

— Да нет, он, правда, все хмурится. Хочет, чтобы вы сами приехали.

Кудратов в это время проводил совещание на заводе железобетонных изделий, обсуждался вопрос о повышении качества заводской продукции, и атмосфера была накаленная. После разговора с Байбековым Кудратов извинился перед собравшимися за то, что должен их покинуть, проговорил тоном, не предвещавшим ничего доброго: «Вечером мы продолжим спор», и, сев за руль своей «Волги», покатил в совхоз «Гулистан».

Алексей Васильевич, предупрежденный Байбековым, поджидал Эргаша Кудратовича возле Дворца культуры. Поздоровавшись с ним, сказал:

— Еще раз приношу самые искренние соболезнования... Как дети?

— Славу богу, пока устроены. А как ваши дела, как настроение?

— Что ж, дела идут, а настроение... Каким еще ему быть? Отличное!

«Неужели Байбеков зря поднял панику? — подумал Кудратов. — Алексей Васильевич, как всегда, бодр и весел, не похоже, чтобы он был чем-то удручен».

Директор совхоза меж тем продолжал:

— Сами поглядите, какие у нас произошли перемены! Вспомните хотя бы болото, которое чуть не засосало вашу технику. Там достраивается водохранилище. А рядом — плодороднейшее поле. Если как следует постараться, можно и грязь превратить в золото. Вот уж воистину — преобразование земли!

Кудратов решил не начинать первым разговор о Дворце культуры, поинтересовался:

— К вам, я слышал, приезжала делегация из города?

— Какая там делегация! — усмехнулся Алексей Васильевич. — Послал я в город автобус, мои работники собрали беглецов, променявших деревенское житье-бытье на городское. И привезли их в наш совхоз, чтобы молодежь своими глазами увидела, как тут все переменялось. А то ведь ребята и девчата нынче больно недоверчивые, все им надо пощупать да потрогать, только после этого они, возможно, сообразуют согласиться: да, нам не вдали.

— Что же они у вас тут «пощупали и потрогали»? — заинтересованно спросил Кудратов.

— Ну, я им все показал. И лучшей наглядной агитацией оказались квартиры в новых домах. В городе-то таких, пожалуй, нет. Просторно, светло, уютно, и все удобства к твоим услугам. Гости аж рты разинули. Иных из этих квартир еле вытащили... — Алексей Васильевич все больше увлекался. — Я предоставил «делегатов» самим себе, ничего им не подсказывал и не пытался выпытать их мнение. Они сами засыпали меня вопросами, особенно их поразило, что у нас растут фруктовые деревья и цветы, привезенные из Узбекистана. Правильная у вас поговорка: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Мои комментарии и не понадобились, гости сами сделали выводы.

— Уверен: правильные. И как думаете, многие захотят вернуться в родные места?

— А я не думаю, убежден: многие! Для рабочих совхоза у нас созданы все условия: только работай, не жалея сил! Мы еще не всех и примем в совхоз. Будем выбирать: кто нам нужнее. А мы сейчас больше всего нуждаемся в механизаторах, в технической интеллигенции. Нужны специалисты — в ясли и детсад, в школу, в поликлинику... Вот в этот Дворец культуры.

— Хм... Это не делегаты его забраковали?

— Забраковали? Да они остолбенели при виде этой-то красоты.

— Странно. А Байбеков принялся в набат бить: мол, не устраивает руководство совхоза наш Дворец.

— Верно: не устраивает. Объект, по нашему мнению, не готов к сдаче.

Кудратов был несколько озадачен твердостью директорского тона. Странно... Прежде, когда дело касалось

строительства силосных башен, фермы и других сельскохозяйственных объектов, Алексей Васильевич ни к чему не придирался; наоборот, от него часто можно было услышать: «Достраивайте скорей, с недоделками мы как-нибудь сами справимся». И Кудратову приходилось возражать: «Нет, мы не имеем права сдавать «незавершенку». Мы создаем совхоз, носящий название образцового, и все, что выходит из наших рук, должно быть прочным, добротным». И как ни торопил его Алексей Васильевич, Кудратов стоял на своем и неукоснительно выдерживал график работ.

А вот когда дошла очередь до приемки Дворца культуры, Алексей Васильевич сам уперся; он водил Кудратова по помещениям и ворчал:

— Разве это спортзал? Пройдитесь-ка по полу, слышите, как доски скрипят? Надо перестелить полы. Я намериваюсь тренировать здесь борцов для Олимпиады. Богатырей у нас немало; думаю, в ближайшее время их ряды пополнятся...

Кудратов достал свой неизменный блокнот, что-то черкнул в нем:

— Ладно. Перестелим. Какие еще претензии?

— Мне не нравится мебель в зале Счастья. Я видел «Дом счастья» в Джизаке, вот там обстановка! Не хуже, чем в городе, да нет, лучше! У нас должна быть такая же.

«Ну и аппетиты,— подумал Кудратов,— чувствуется в Алексее-ака требовательность настоящего хозяина. Как не пойти ему навстречу?»

— Кафе тоже надо обставить посовременней. Я хочу вскоре же справить здесь две свадьбы, пригласив на них гостями наших «эмигрантов».

— Кого-кого? — не понял Кудратов.

Алексей Васильевич засмеялся:

— Так я называю тех, кто удрал из деревни в город.

— Метко. Чего же вам не хватает в кафе?

— Например, сцены для оркестра. Оркестр в совхозе имеется, в нем талантливые ребята.

Кудратов, сделав очередную запись в блокноте, поднял на директора вопрошающий взгляд:

— Что еще?

Ему уже было ясно, что Алексей Васильевич и Дворец культуры вознамерился превратить в «магнит», который притягивал бы молодежь из города.

II

Больше всего споров между Алексеем Васильевичем и Кудратовым вызывали заливные луга, предназначенные к осушению. Там уже велись мелиоративные работы; техника с грохотом и лязгом наступала на сенокосные угодья, подготавливая фронт для дренажа, выкорчевывая пальчатку, запахивая осоку.

А на Кудратова — наступал Алексей Васильевич:

— Прошу вас, не трогайте выгоны! Разве нельзя освоить эти участки позднее? Что у вас, других дел мало? А у меня скотина может остаться без корма.

В этом тоже проявлялись «аппетиты» директора совхоза. Как только закончилось сооружение мясо-молочной фермы, Алексей Васильевич принялся закупать скот. За несколько месяцев поголовье коров и телят превысило цифру, предусмотренную планом, и стала ощущаться острая нехватка сена. Алексей Васильевич обвинял освоителей в том, что они, не успев полностью подготовить новые пастбища, с рвением, достойным лучшего применения, уничтожали старые, издавна использовавшиеся для выпаса скотины.

— Вы меня без ножа режете! — насканивал он на Кудратова. — У меня скотина голодная, а вы ее лишаете травы, которая может вырасти здесь весной.

— Но мы сдаем вам новые пастбища.

— Когда-то еще на них можно будет пустить скот?

Кудратов, раскрыв свой «дипломат», извлек оттуда план освоения земли, которая должна была отойти к совхозу «Гулистан»:

— Вот, Алексей Васильевич, мы с вами находимся сейчас в этом квадрате. Видите? По графику этот участок и подлежит сейчас освоению...

— Мне скотину кормить — вашим графиком?

— Ладно. Будь по-вашему. Мы оставим в покое этот участок, пока вы летом не накосите с него достаточно травы.

Они поспешили к месту, где трактор выкорчевывал пласты земли с корнями скошенных трав. Опережая Кудратова, Алексей Васильевич крикнул:

— Стойте! Прекратите работу!

То ли тракторист не услышал его за ревом мотора, то ли решил проигнорировать требование «постороннего» руководителя, — только машина продолжала продвигаться вперед.

Алексей Васильевич забежал перед трактором, жестиками показывая водителю, чтобы он остановился. Машина лишь замедлила ход. Пришлось вмешаться Кудратову: — Ты что, оглох? Тебе же сказано: прекратить работу.

Водитель затормозил, не выключая мотора.

— Срочно отыщи мне Рахманкулова, — приказал Кудратов.

Рахманкулов теперь возглавлял здесь бригаду основателей.

Прежде чем слезть, водитель оглянулся по сторонам и обрадованно воскликнул:

— Да вон он сам сюда идет!

К ним, действительно, торопливыми шагами приближался Рахманкулов. Поздоровавшись с Кудратовым и Алексеем Васильевичем, он накинулся на тракториста:

— Почему остановился? Не знаешь, у нас каждая минута на счету? Сроки жмут!

— Это мой приказ, — сказал Кудратов. — Снимай всю технику с этого участка и перебрасывай ее к водохранилищу.

— Да там техники и так навалом.

— Там и работы — навалом.

— Как же так? — Рахманкулов в растерянности смотрел на Кудратова. — Ведь это, по плану, мой объект, и я должен освоить его до зимы.

— Бывает, что некоторые дела ненадолго приходится откладывать. План — не догма. Если местные товарищи просят нас повременить с освоением этого участка, надо уважить их просьбу. Влетит мне, конечно, за эти коррективы от ташкентского руководства. Ничего, выдержу, постараюсь как-нибудь утрясти этот вопрос. Будем заботиться прежде всего о пользе дела.

Рахманкулову ничего не оставалось, как направить свои машины к водохранилищу.

Туда же покатила на своей «Волге» и Кудратов.

Водоохранилище сооружали на месте злосчастного болота, возле полуразрушенной церкви. Кудратов, выйдя из машины, чуть не оглох от стелившегося над землей гула, скрежета, рева машин. Техники сюда нагнали, действительно, более чем достаточно, Рахманкулов был прав. Его машинам у водохранилища нечего было делать. И когда к Кудратову подошел Рахманкулов и доложил, что его колонна стоит возле дороги, тот, заглянув в план, сказал:

— Стоит, говоришь. Ну так вот, пусть она разворачивается на сто восемьдесят градусов.

Да, сегодня Эргаш-ака словно задался целью: ставить в тупик своего подчиненного. Рахманкулов не мог скрыть своей озадаченности, на него столбняк напал, он только растерянно моргал глазами.

— Ты, я гляжу, малость ошарашен,— улыбнулся Кудратов. — По-твоему, начальство не может ошибаться? Но я ведь тоже человек. Признаюсь: с водохранилищем дал маху.

— Куда же нам теперь? Обратное?

— Э, нет! Те луга мы не будем трогать. Начинай корчевку кустарников в шестом квадрате.

Рахманкулов уже успел прийти в себя, и видно было, что он не согласен с Кудратовым. По плану шестой квадрат предстояло осваивать в последнюю очередь. Пожав плечами, Рахманкулов сказал с еле заметной иронией в голосе:

— Вы нас туда посылаете, чтобы занять хоть чем-нибудь?

— Не чем-нибудь, а делом. И немаловажным. Рано или поздно нам ведь все равно придется взяться за этот участок. Почему бы не пустить его в сельхозоборот пораньше, чем намечено планом? Уже к лету его можно будет превратить в отличное пастбище. Алексей Васильевич нам только спасибо скажет.

— А министерство?

— В министерстве сидят умные люди...

III

Где бы ни был, чем бы ни занимался Кудратов, его не оставляли думы о детях. С кем сейчас Атаджан? Как там малышка?

О том, чтобы немедленно уехать в Джизак, не могло быть и речи. Даже отъезд на поминки был под вопросом.

Кудратов успел сдать заказчикам многие объекты, а работы не убавлялось: что-то приходилось доделывать, утоляя возросшие аппетиты местных руководителей вроде Алексея Васильевича; еще не готово было водохранилище, там создавалась авральная обстановка; никак не удавалось покончить с браком на заводе железобетонных изделий, да и новый завод пора было вводить в строй... Вряд ли обком отпустит начальника треста в такой напряженный момент. Хотя, как знать. Может,

Кудимов и войдет в его положение. Только позволит ли совесть ему самому бросить все и улететь в Узбекистан?

И уехать нельзя, и не уехать нельзя. Вон Набиджан взял отпуск за свой счет и сейчас уже в Джизаке. Но то Набиджан... На плечах у него лишь одно подразделение треста. А он, Кудратов, ответственен за все работы, ведущиеся мелиораторами и строителями из Узбекистана. И дел невпроворот. И время горячее: на носу зима...

Так ни до чего и не додумавшись, Кудратов решил заглянуть в почтовое отделение, появившееся недавно на краю совхозного поселка. На здании, построенном «байбековцами», красовалась новенькая вывеска: «Почта. Телеграф. Телефон». Сам Кудратов был в Джизаке, когда открывалось почтовое отделение, но Алексей Васильевич расхваливал его на все лады: «Ей-богу, даже не верится, заказал Москву — через минуту Москва на проводе...»

Что ж, Кудратову выпал случай проверить, как работает «междугородка».

В отделении, откуда велись междугородные переговоры, молоденькая девушка, узнав Кудратова, высунула из окошка голову, приветливо улыбнулась:

- Хотите позвонить куда-нибудь, Эргаш Кудратович?
- Да. У вас есть связь с Джизаком?
- С городом или с совхозом?
- И с совхозом можно поговорить?

Лицо девушки приняло горделивое выражение:

— А как же! Набиджан Хакимович уже два раза звонил оттуда товарищу Байбекову. Из города тоже звонил.

— Мне нужен город, доченька.

— Придется немного подождать. Связь с Джизаком — через Москву.

Пока телефонистка вызывала Москву, Кудратов присел за столик, находившийся посередине помещения. Вдруг он услышал за спиной знакомый голос:

— Доченька, соедини меня с Приволжском. Вот номер.

Обернувшись, Кудратов узнал в говорившей «бабушку колонны». Поднявшись, он подошел к ней:

— Ие, Евдокия Порфирьевна?

— Ой, Кудратов! Сынок! — обрадовалась и женщина. — А я тебе вчера звонила. Нет, ты не подумай, что я опять с жалобой. Я о твоем горе услышала. У меня

прямо сердце разрывается. Как же ты теперь? А дети? Младшие-то совсем крохотули.

В это время Кудратова окликнула телефонистка:

— Эргаш Кудратович, Джизак на линии!

— Извините, матушка...

Он быстро прошел в переговорную кабину. В трубке, приглушенный расстоянием и помехами, слышался голос Набиджана, он старался говорить кратко:

— Мы вас ждем.

— Я, наверное, не смогу приехать. Загружен сверх головы. Как там дети? Что? Малышку привезли из роддома? А кто с ней? Сумбула? — Кудратов немного помолчал, осваиваясь с этой вестью, — Атаджан не шалит? Что? Ни на шаг от Нади не отходит? Это хорошо. Только не слишком его балуйте.

Набиджан еще что-то говорил, но расслышать его мешали далекие гудки, писк, шорохи. Пришлось повесить трубку.

Некоторое время Кудратов стоял в кабине, размышляя над тем, что сообщил ему шурик. Это, конечно, хорошо, что о новорожденной печется Сумбула. Малышка в верных руках. И Сумбуле теперь, естественно, не до Атаджана. Но и о нем нашлось кому позаботиться, на Надю можно положиться, а мальчик сам к ней потянулся... Можно сказать, младшие его детишки пристроены. На какое-то время...

Кудратов до того был погружен в свои мысли, что забыл даже поблагодарить телефонистку. Но она видела, что он не в себе, и проводила его участливым взглядом.

На улице его поджидала Евдокия Порфирьевна:

— Ну, как, сынок, поговорил со своими? С детьми-то все в порядке?

— Да, они там не одни.

— А как твои теща и теща?

— Слава богу, живы-здоровы. Они сейчас в моем доме. А у вас состоялся разговор с Приволжском?

— Поговорила, сынок, поговорила. Я своим знакомым звонила, тем, у кого поросят брала...

— Как же, помню. Откормили их?

— И откормила, и продала,— спасибо вашему Байбекову.

— А корова ваша цела?

Старуха поджала губы:

— Год мы с ней кое-как протянули. Только ума не

приложу, чем ее кормить. Алексей Васильевич всю траву нынче скашивает для совхозной скотины.

— Значит, отнимает корм у вашей буренки?

— Да я на него не в обиде: на ферме-то столько коров — и не сосчитать. До моей ли ему? Вот, договорилась со знакомыми, что они продадут мою корову. Себе телку оставляю.

Кудратов задумался, потом сказал:

— Подождите меня здесь, матушка, я сейчас.

Он вернулся на переговорный пункт и попросил телефонистку соединить его с Байбековым.

— Хорошо, я позволю по внутреннему телефону ему в контору, может, он у себя, — буквально через минуту девушка передала трубку Кудратову. — Говорите, у телефона Байбеков.

На вопрос Кудратова: почему он оставил своими заботами «бабушку колонны», Байбеков объяснил, что все ближние участки уже освоены и дали первые урожаи, свободных выгонов не осталось, кроме того, который отстоял для нужд своего совхоза Алексей Васильевич, а он, как известно, не жалуется хозяев, содержащих личный скот.

— Да, знаю, для него главное — совхоз. В принципе он, возможно, прав, но пока-то страну обеспечивают мясом и молоком не только колхозы и совхозы, но и отдельные граждане, которым несть числа. И нельзя это недооценивать. — После паузы Кудратов сказал: — Ладно. Свяжись с Рахманкуловым, я его послал в шестой квадрат. Там хороший травостой, немного травы, наверно, сохранилось, для буренок Евдокии Порфирьевны этого пока с лихвой хватит. Пусть он накосит сена и привезет его «бабушке колонны».

Заверив Евдокию Порфирьевну, что ее корову и телку обеспечат кормом, Кудратов распрощался с ней, но сам долго еще не трогался с места. Напротив почтового отделения находилось здание Детского комбината, оттуда доносились плач, звонкие детские голоса. По площадке, расположенной перед комбинатом, с криком и смехом носились дети постарше. За одним из окон слышалась песня.

Кудратов вздохнул. Как ему хотелось в эту минуту успокоить плачущих детишек, сказать ласковые слова тем, кто пел, играл, веселился. Они напоминали ему собственных детей... Как он скучал о всех семерых...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

I

Одним из важных объектов, которые строила ПМК Хакимова, был тоже Детский комбинат.

— Не забывай, что это кузница здоровья для будущего поколения, — внушал Хакимов Гуландом, — сооружайте его не на несколько лет—на века! Чтоб когда-нибудь туристы любовались комбинатом как историческим памятником.

Хамид Хакимович явно предпочитал качество — темпам. Гуландом тоже уделяла этому объекту особое внимание, требовала от строителей, чтобы они укладывали кирпич к кирпичу тщательно, не торопясь:

— Ведь мы этот комбинат для детей строим. А помните, кто-то сказал, что для детей все надо делать, как для взрослых, только лучше.

Гуландом запомнила, что слова эти относились к литературе, впрочем, какое это имело значение?

Гуландом хотелось, чтобы кирпичная кладка была под стать той, которой славились памятники узбекского зодчества. Для этого необходим был отборный кирпич — прочный, ровный, гладкий. Борясь за качество, строители браковали почти половину продукции, поставляемой кирпичным заводом. Порой Хамид Хакимович сам отправлялся на завод и пропускал через свои руки каждый кирпич, проверяя его на прочность.

— Не стыдно вам? — корил он рабочих. — Кирпичи, обожженные во времена Улугбека, до сих пор радуют взгляд, а посмотрите на ваши: тронь их — рассыпятся.

Когда кирпичи, отобранные Хакимовым, попадали к Гуландом, она измеряла их длину и ширину и многие возвращала на завод: не стандартны!

Сергеев одобрял эту требовательность строителей, Юлдашев возмущался:

— Ну чего вы копаетесь; такое впечатление, будто вы сооружаете не обыкновенный совхозный детсад, а по крайней мере гробницу Исмаила Самани¹. Ускорьте темп строительства!

¹ Уникальное сооружение в Бухаре, усыпальница Саманидов; Исмаил Самани — эмир из династии Саманидов, правитель Мавераннахра.

Ему обещали: ускорим, но продолжали работать с прежней упорной добросовестностью.

Как раз в это время нагрянула новая комиссия из Ташкента во главе с Баймухамедовым. Целью ее было проверить — как решались Узбекновгородстроем те «три проблемы», о которых в свое время писали в Министерство и Хакимов, и Юлдашев, постоянно конфликтовавший с Хамидом Хакимовичем и знавший, что у того не все ладится, считал, что приезд и этой комиссии на руку ему. И предложил Баймухамедову прежде всего ознакомиться с положением в хакимовской ПМК.

Баймухамедов искал ответа на главный вопрос: преодолены ли Хакимовым «три недуга»: текучесть кадров, бесхозяйственность, иждивенчество?

Он полагал, что с Хакимова тут особый спрос: ведь это он первый затеял бучу с «тремя недугами».

Хамид Хакимович, не скрывая ни трудностей, ни промахов, посвятил комиссию во все дела своей ПМК, он больше показывал, чем рассказывал, приводил убедительные цифры и факты.

— Вы сами видите, — сказал он Баймухамедову, — среди наших механизаторов нет сейчас ни одного, кто работал бы здесь меньше года. С весны и до весны машина находится в руках постоянного, а не временного работника. Результат налицо: техника в отличном состоянии. Просьбы о запчастях стали редким явлением. А значит, уменьшились расходы, выросла производительность труда. Поверьте, я отнюдь не склонен преувеличивать успехи нашей ПМК. Но факты говорят сами за себя. Конечно, есть в нашем хозяйстве и прорехи, и недоделки, однако в каждом деле важна ведь тенденция. Ухудшилось ли положение? Топчемся ли мы на месте? Или все-таки преобладают перемены к лучшему? Мне кажется, дела у нас поправились. А выводы делайте сами.

Юлдашев уже жалел, что направил комиссию в ПМК Хакимова. Как бы на фоне определенных успехов этой ПМК не бросились в глаза Баймухамедову огрехи на других участках? И Юлдашев ухватился за последний козырь: повел комиссию на строительную площадку детского комбината.

— Вот. полюбуйте, — проговорил он, показывая рукой на недостроенное здание. — Комбинат давно уж пора сдавать, а товарищ Хакимов все тянет... Больше того: расхолаживает строителей. — Он повернулся к

Хамиду Хакимовичу. — Когда вы, наконец, закончите строительство?

— Скоро.

— Нет, поглядите, как спокойно он это говорит? «Скоро»! Все сроки сдачи комбината уже прошли. А вы все возитесь тут...

— Если бы стройматериал был доброкачественный...

— А разве нельзя было соорудить комбинат из панелей? Это ведь более современно! — Нет, вам кирпич понадобился, да еще особенный, что удорожило строительство комбината. А ты ведь, дорогой, любишь толковать об экономии...

— На детях нельзя экономить, — тихо, но упрямо возразил Хакимов, — да и из сметы мы не выбились. Подводя общий баланс, надо учитывать и дешевизну местного сырья, из которого производится кирпич, и рост производительности труда.

— Мы раз в неделю проводим субботник или воскресник, — вмешалась Гуландом. — И строителям это не в тягость, ради детей они на все готовы.

Разговор был продолжен в кабинете Хакимова.

— Вот вы жалуетесь, что вся загвоздка в кирпиче, — сказал Баймухамедов, — но я слышал, что кирпич вам поставляют в избытке. Вы даже раздаете его направо и налево.

— Его берут у нас соседние участки. Там он идет в дело. А для нас не годится.

— Капризничаешь, Хамид Хакимович! — упрекнул его Юлдашев. — Сам же метал громы и молнии, обвиняя других в иждивенчестве, избалованности... А мне кажется, ты сам гробишь этой избалованностью.

— Нет вы ли его избаловали? — спросил Баймухамедов.

— Возможно. Я ответственности с себя не снимаю.

— Может, товарищ Юлдашев прав, а? Согласен, с текучестью и бесхозяйственностью вам удалось покопчить. А вот с избалованностью...

— И с самоуправством! — вставил Юлдашев. — Повторяю: если бы Хакимов использовал панели, комбинат был бы уже построен.

Он словно забыл, что в свое время сам ратовал за кирпич.

— Вот видите! — развел руками Баймухамедов. — Кстати, а почему вы принялись за этот объект, который сами считаете важнейшим, в последнюю очередь?

— Мы сдадим его к зиме.

— Но школу сдали еще летом? Или у вас дети школьного, а не детсадовского возраста?

Хамид Хакимович побледнел. Слова Баймухамедова ужалили его в самое сердце.

Юлдашев успел шепнуть Баймухамедову:

— У него нет детей...

На некоторое время воцарилась гнетущая пауза. Баймухамедов уже жалел о сказанном. Черт его знает, как подводит человека его язык! Он ведь вовсе не хотел уязвить Хакимова. Начальник ПМК ему определенно нравился. И видно же, что он любит детей! В конфликте с Юлдашевым правда на его стороне. Он и школу построил из кирпича, и, возводя детский комбинат, предпочел кирпич панелям. Правильно! Климат здесь суровый, и Хакимов хочет, чтобы детям и зимой было тепло. Конечно, если подойти к вопросу о строительстве комбината со всей строгостью, то Хакимова можно обвинить и в волевом решении, и нарушении финансовой дисциплины. Но разве его заботой о качестве не оправдываются некоторые излишние затраты?

Надо все хорошенько продумать, но, пожалуй, докладывая в Ташкенте о результатах проверки, которой занималась комиссия, он, как ее председатель, поддержит Хакимова. И очень подозрительно рвение Юлдашева, который готов навешать на начальника ПМК всех собак. Что это — зависть, раздражение, вызванное неуживчивостью Хакимова, месть за критику? Или попытка свалить все грехи с больной головы на здоровую?

В этом тоже следует разобраться.

Юлдашев, словно почувствовав перемену в настроении Баймухамедова, проговорил:

— Кстати, о школе. По вине товарища Хакимова узбекская школа лишилась лучшей своей учительницы...

Баймухамедов устремил на Юлдашева вопросительный взгляд, на лице Хакимова тоже читалось недоумение!

— Я-то при чем?

— Но ведь эта учительница — твоя жена. И, как я слышал, ей пришлось покинуть Старую Руссу и уехать в Джизак.

— Но... она поехала навестить свою мать. И в Джизаке умерла моя сестра...

Баймухамедов кивнул:

— Я знаю, и выражаю вам свое соболезнование.

А Юлдашев все не унимался:

— Когда я встретил ее в аэропорту, ей еще не было известно о смерти Дилафруз-апа. Однако на ней лица не было... Я и подумал: уж не произошла у нее ссора с мужем, не выгнал ли он ее из дома?

Это был уже запрещенный прием, и все неодобрительно посмотрели на Юлдашева, Баймухамедов, брезгливо поморщившись, сказал:

— Давайте не будем вмешиваться в чужие семейные дела. Мы обсуждаем здесь производственные вопросы.

— Но моральный облик работника...

— Повторяю, тут не место для сплетен.

Хамид Хакимович сидел, весь сжавшись, как от удара, подбородок трясся, губы были совсем белые.

И в это время послышался детский плач. Все оглянулись. На пороге, сияющая, с ребенком на руках, стояла... Сумбула.

II

В Джизаке у Сумбулы была одна забота, одна отрада: маленькая Лобар. Уж так она лелеяла малышку, так тряслась над ней, что все близкие радовались и за нее, и за Лобар, а незнакомые люди принимали ее за счастливую мать, которую судьба одарила младенцем уже в зрелом возрасте.

Малышка все перевернула в жизни Сумбулы, ей казалось, что к ней вернулась молодость, что теперь все у нее впереди, все хорошее, светлое только начинается.

Все огорчения, которые она до сих пор испытывала, фальшивое участие и досужие советы кумушек, любящих порыться в чужом белье, ссора с мужем, зависть к женщинам, прижимавшим к груди детей — все ушло в прошлое. Столько лет снилось ей по ночам, как она качает на руках ребенка, и в минуты тоски вдруг слышался детский лепет и плач, и Сумбула пугалась: уж не сходит ли она с ума. И вот, наконец, сбылись ее чаяния, и она была благодарна тем, кто пошел ей навстречу, когда она решила удочерить Лобар — Кудратову, свекру и свекрови, всей родне Дилафруз: дали согласие на то, чтобы Сумбула взяла малышку на вос-

питание. И теперь не было никого счастливее Сумбулы, Лобар стала светом ее глаз, частичкой ее сердца — что еще нужно ей от судьбы? Бывает, оказывается, и так, что любовь и судьба сливаются воедино.

Договорившись со стариками, Сумбула вместе с малышкой отправилась в Новгород.

Она послала мужу телеграмму, но тот, замороженный проверкой, которую производила комиссия из Ташкента, не получил ее вовремя. Информированный обо всем, что происходило на Новгородщине, во всей стране, даже за рубежом, он и ведать не ведал, что к нему возвращается жена, да не одна — с удочеренной девочкой!

Велики же были его изумление и радость, когда он увидел Сумбулу в дверях своего кабинета.

Хотя лицо Сумбулы сияло, но на душе у нее скребли кошки. Ее беспокоило, как-то отнесется муж к тому, что она приехала с дочкой. Примет ли Лобар в свои объятия или недовольно поморщится: что ж это, мол, ты сделала меня отцом, даже не посоветовавшись со мной? Всю дорогу думала Сумбула и о том, каково-то приходится Хамиду Хакимовичу, замученному проверками; она уже знала, что в Новгород из Ташкента послана комиссия.

Она застала в кабинете мужа незнакомых людей с хмурыми лицами, узнала среди них Баймухамедова, и у нее защемило сердце, Напугал ее и подавленный вид мужа.

Но когда все обернулись к двери, Хамид Хакимович с каким-то не то вскриком, не то всхлипом вскочил со стула и бросился к Сумбуле. Не стесняясь присутствия посторонних, он расцеловал жену, потом взял у нее из рук ребенка, пригляделся к нему, и лицо его расцвело в улыбке:

— Вылитая сестра! Молодец, женушка. Это нам — память о Дилафруз.

Малышка тарасилась на него, лопоча что-то... На глаза его навернулись слезы, он крепко прижал к себе девочку, и все повторял:

— Она наша теперь... Наша на всю жизнь.

Все тревоги и сомнения Сумбулы развеялись, как под порывом свежего теплого ветра.

— Да, да, ей будет хорошо у нас. Мы обережем ее от бед и горя.

Члены комиссии молча взирали на эту сцену, у многих от волнения запершило в горле. Баймухаме

дов кинул быстрый взгляд на Юлдашева, тот был багровый, как свекла.

— Товарищи, — сказал Баймухамедов. — Думается, мы все, что хотелось, увидели и узнали, все, что нужно, обсудили. Все ясно, не так ли?

Сумбула и Хамид Хакимович даже не заметили, как все разошлись, оставив в кабинете их одних. В глазах Сумбулы светилась нежность, муж ее не мог наглядеться на малышку... Первой опомнилась Сумбула:

— Что же мы тут стоим? Пойдемте домой. Мои вещи уже там.

— Нет, нет, сначала в универмаг. Это как раз по дороге.

Хамид Хакимович все не выпускал из рук девочку. Они зашли в новый универмаг — тоже детище его ПМК, где имелась секция товаров для новорожденных. Посетители эту секцию своим вниманием пока не баловали, и продавщица обрадованно и готовно разложила перед супругами на прилавке платица, сшитые как будто для кукол, распашонки, чепчики, пинетки... Как ни уверяла Сумбула мужа, что у Лобар все есть, он брал без разбора всю одежду, в двойном комплекте, к великому удовольствию продавщицы. Пока она упаковывала покупки, Хамид Хакимович появился перед женой с двумя колясками — красного и синего цвета:

— Какая красивее?

Сумбула положила Лобар в красную. Супруги с умилением склонились над девочкой:

— Коляску словно для нее сделали!

Однако прокатиться в коляске Лобар не довелось, ее нес Хамид Хакимович, а коляску, заполненную покупками, толкала перед собой Сумбула.

Лишь дома, «упаковав» девочку в одеяльце-конверт, ее опустили в коляску. Девочка тихо, сладко посапывала, и чтобы не мешать ее сну, супруги отошли в сторону. Им было о чем поговорить друг с другом. Сумбула, то и дело поглядывая на коляску, рассказала о своей поездке в Джизак, о том, как прошли похороны и поминки.

— А с кем остальные дети остались? — спросил Хамид Хакимович.

— Старшие уехали в Ташкент продолжать учебу в институтах. За младшими присматривают старики.

А Атаджана Эргаш-ака забрал все-таки в Иваново. Никому не захотел его доверить... Что ж, у мальчика в Иваново есть заботливая родня: Набиджан и Надя.

Горе и счастье полнили сердце Хамида Хакимовича.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

I

В тресте распространилась весть, что в Новгород собирается приехать Разыков. Юлдашев засуетился. Он теребил работников треста и колонн, заставляя их заново пересматривать и уточнять сводки, обобщать проделанное, подбивать цифры. Художник, приглашенный Юлдашевым из мастерских местного Художественного фонда, красочно оформил доску с брошкой надписью: «Итоги проведенной работы». Ее повесили на видном месте в вестибюле Управления. Была организована фотовыставка, где на увеличенных, отливающих глянцем снимках красовались восстановленные и построенные здания, поля с колосившейся рожью, появившиеся на месте бывших болот, горы картофеля и других овощей, собранных с земель, которые освоили мелиораторы Узбекистана, водные сооружения. В фотоателье приготовили альбом, дававший возможность проследить весь путь, пройденный освоителями почти за четыре года, начиная с торжественной встречи узбекских хашарчи в Новгородском аэропорту и кончая сегодняшним днем.

Юлдашев разложил альбом на журнальном столике в своем кабинете и стал медленно перелистывать его. Вот разбрелись по «гиблым» участкам почвоведы... Вот тракторы, вязнущие в болоте. Прорываются первые дренажные каналы. Закладывается первый кирпич в первое здание поселка совхоза «Чинар»... На одной странице «вагонный» городок, на другой новый поселок мелиораторов. Да, наглядная картина: как было — как стало. Правда, на многих снимках мелькала фигура самого Юлдашева, и он, было, подумал, не убрать ли их, но потом решил оставить все, как есть: из песни, как говорится, слова не выкинешь.

Конечно, в действительности все обстояло не так благополучно, как на фотографиях и на «Доске итогов». Налицо и мелкие, и серьезные недостатки, многое еще не исправлено, не завершено, не сделано. Но ведь и мясо без костей не бывает. На всякий случай Юлдашев попросил своих сотрудников приготовить справки, из которых было бы ясно, что недостатки порождены объективными причинами... Изъяны все равно не скроешь, наверняка доложил о них Баймухамедов.

В отдельной папочке находились материалы, которые могли бы бросить тень на главного возмутителя спокойствия в тресте — Хакимова. Разве его ПМК работала без сучка, без задоринки? Именно у него чаще всего выходила из строя техника. Правда, это случалось тогда, когда трактора наезжали на мины, или когда почва попадалась каменистая... Но так или иначе, а и Хакимов не без греха, и если он снова поднимет разговор о «трех недугах», то Юлдашев сумеет его осадить.

Наконец, из Ташкента сообщили, что Разыков и Баймухамедов вылетели в Новгород. Юлдашев забронировал для них номера в гостинице «Садко», велел накрыть стол в банкетном зале ресторана; из оранжереи принесли цветы; Юлдашев роздал их девушкам, которые должны были встречать гостей и преподнести им хлеб-соль.

Когда все приготовления были закончены, Юлдашев со своими ближайшими сотрудниками и руководителями ПМК отправился в аэропорт.

Но вот прибыли самолеты из Ленинграда и Москвы (московский с опозданием), а их среди пассажиров не было. Огорченный, вернулся Юлдашев домой, сказал жене:

— Сколько часов прождали, а товарищи так и не прилетели. Видимо, задержались в Москве или Ленинграде. Придется отложить встречу на завтра.

Жена удивленно взглянула на него:

— Как на завтра? Вы разве не знаете, что они уже здесь?

— Как здесь?

— Да, звонил Хамид Хакимович. Разыков и Баймухамедов в Старой Руссе.

Юлдашев вспомнил, что Хакимов уехал к себе сразу же после посадки самолета из Ленинграда, не дожи-

даясь других рейсов. И как в воду глядел! Всегда-то этот «везунчик» перебегает ему дорогу...

Вызвав машину, Юлдашев помчался в Старую Руссу.

II

У Юлдашева по дороге поломалась машина, и он приехал в Старую Руссу поздно вечером. В горкоме дежурный сказал ему, что Разыков остановился у Хакимова, а Баймухамедов в коттедже. Юлдашев поспешил к дому Хамида Хакимовича, но, увидев, что в окнах нет света, отправился в коттедж. Баймухамедов уже спал, сладко похрапывая. Видно, он сильно утомился за день, ужин на столе так и остался нетронутым. Юлдашеву тоже хотелось спать, но он боялся, что проснется поздно и опять упустит Разыкова. Он вышел на застекленную террасу, походил взад-вперед, прислушиваясь к монотонному шуршанию дождя. Присел на стоявший у стены мягкий диван, снова встал и принялся вышагивать по террасе. Рассвет, казалось, никогда не наступит. Тело ломило от усталости, Юлдашев опять опустился на диван, привалившись к спинке; он прилагал героические усилия, чтобы не задремать, но сон все же сморил его.

Когда ранним утром Разыков и Хакимов вошли в коттедж, то увидели Юлдашева, который, в одежде, клубочком свернулся на диване.

— Неужели в коттедже мест не было? — удивился Хамид Хакимович. — Там ведь несколько кроватей.

— Надо было позвать его к вам, — сказал Разыков. — Нашлось бы о чем поговорить всем вместе.

— Я не знал, что он уже в городе. Здесь его ждали, он, видно, припоздал.

Голоса разбудили Юлдашева, он открыл глаза: возле него стояли Разыков и Хакимов. Вскочив с дивана, он наскоро оправил помявшийся пиджак, поздоровался с обоими:

— Вы меня простите, что не смог вас встретить, — сказал Юлдашев. — Вчера вообще у меня был день невезения.

Он приготовился, было, к подробному рассказу, но Разыков мягко остановил его:

— Вы пока позавтракайте вместе с Баймухамедовым, потом мы осмотрим некоторые объекты. Сразу же

после его ухода появился Сергеев, и вскоре гости знакомились с первым объектом, интересовавшим их: недавно сооруженной автобазой. Строила ее ПМК Хакимова под неусыпным наблюдением Юлдашева, уделявшего этому объекту особое внимание. Автобаза имела важное значение для района. «Хакимовцам» помогали жители окрестных деревень, часто устраивавшие субботники. Строительство было закончено в рекордные сроки, о чем Юлдашев не забывал упомянуть в своих интервью газетчикам, и теперь он с самодовольным видом смотрел, как мощные КраЗы, ЗИЛы и другие машины въезжают в ворота автобазы и выезжают из них, и при этом исподволь косился на гостей, проверяя, какое это на них производит впечатление.

У строящегося животноводческого комплекса гостей встретила Гуландом, одетая в рабочую спецовку и теплую стеганку. На объекте велись монтажные и штукатурные работы. Строители коротко, не отрываясь от дела, отвечали на вопросы. Впрочем, о том, кто как трудится, красноречиво свидетельствовали Доска почета и «Боевой листок».

Разыков, дотошно все осмотрев, подумал: «Да, прав Сергеев, все тут слажено на совесть, объект можно принимать с закрытыми глазами».

Он спросил Гуландом, не нуждается ли в чем ее бригада, та категорическим тоном заявила:

— У нас все есть, что нужно.

Юлдашев не преминул заметить:

— Товарищ Хакимов проявляет об этой бригаде особую заботу.

— Иронизируете? — вскинулась Гуландом.

Юлдашев замахал руками:

— Упаси бог! Я лишь высказал объективное суждение. Вы же сами нахваливаете Хамида Хакимовича, мол, лучшего начальника во всех ПМК не найти...

Разыков сделал вид, что не слышал этого «обмена мнениями».

С той же дотошностью и внимательностью обследовал Разыков и детский комбинат, после чего сказал Сергееву:

— Добротное здание. Отличный подарок детям!

Юлдашев и тут не удержался от реплики:

— Бригада, товарищ Разыков, выбилась и из графика, и из сметы. Эта стройка гирей висит у нас на ногах.

Разыков вопросительно посмотрел на Баймухамедова:

— Вы ведь бывали здесь с комиссией, вам хорошо знакомо состояние дел.

— Я вам уже докладывал, — Баймухамедов был поставлен в затруднительное положение и выход видел лишь в том, чтобы говорить правду, в то же время не пороча Юлдашева. — Товарищ Юлдашев прав: график сорван. Но он был неправильно составлен — в расчете на спешку. А насчет сметы... Дополнительные суммы на стройку пока выделять не пришлось. Бригада работает в режиме строгой экономии, добровольно жертвуя выходными днями.

— Вы поверили тому, что наговорил вам Хамид Хакимович? — язвительно проговорил Юлдашев.

— Почему же? То же самое я слышал и от рабочих. Юлдашев только головой покачал:

— Это же несерьезно! Они, как попугаи, повторяют все, что скажет Хакимов.

Разыков резко обернулся к Юлдашеву:

— Это вы так о рабочих?

— Поймите меня правильно, товарищ Разыков. Хакимов панибратствует с работниками своей ПМК, стараясь завоевать дешевую популярность.

Разыкову припомнились слова о том, что Хакимов рабочим — настоящий друг, и они — локоть к локтю — делают одно дело.

Он осуждающе взглянул на Юлдашева:

— Чем же это плохо, когда руководитель и подчиненные — выступают союзниками, понимающими и защищающими друг друга?

Гуландом давно уж не терпелось высказаться; обращаясь к Разыкову, она просяще произнесла:

— Можно мне слово, товарищ Разыков?

— Говорите, дочка.

— Мы все считаем, — это не только мое мнение, — что нелады между нашими руководителями не на пользу делу.

— Решая большие задачи, споров трудно избежать.

— То — споры, а то — ссоры...

Юлдашев, как всегда, побагровел, Хамид Хакимович опустил голову.

Разыков не стал вершить суд, выяснять, кто прав, кто виноват, он только бросил:

— Мы разберемся.

Разыков побывал и в других ПМК, причем интересовался не столько их достижениями, сколько тем, что мешает им работать еще успешней.

Многие ПМК ограничивались лишь освоением земель, не стараясь вырастить на них первые урожаи и этим продемонстрировать их плодородность. Случалось, что участки, подготовленные мелиораторами к севу, некому было принять. Часто для того, чтобы засеять «новорожденные» поля и собрать с них урожай, недоставало ни рабочей силы, ни техники. Возникла опасность, что эти поля могут остаться «бесхозными». Юлдашев, нажимая на мелиорацию и добившись здесь неплохих показателей, выделял минимум средств на дальнейшую обработку освоенных земель: это, мол, дело колхозов и совхозов.

— И вы полагаете, что это хозяйский, государственный подход? — сердито спросил Разыков у Юлдашева. — Сами видите: колхозы тут слабые, а новые совхозы переживают период становления. И им надо помогать, а не устраивать дележ: это мое, это твое. Все — наше, общее. На Нечерноземье у Узбекистана и России — одна цель.

— Но у нас средства ограничены, их еле хватает на мелиоративные и строительные работы.

— Хорошо. Мы изыщем дополнительные средства. Но и вы старайтесь распределять их так, чтобы не страдали интересы новгородцев.

Разговор на эту тему состоялся и с руководством Новгородской области. К Разыкову обратились с настоятельной просьбой: увеличить объем земледелия на площадях, освоенных Узбекновгородстроем. Огромные массивы осваивались и силами новгородцев — их они сами и засевали; все это требовало немалых затрат.

Разыкова поражали масштабы уже проделанного, но он понимал, что еще более грандиозные свершения — впереди. Без мелиорации, без превращения бросовых земель в плодородные — не удовлетворить нужду страны в сельскохозяйственной продукции. Проблема освоения нечерноземных просторов из агротехнической выросла в общенародную, общепартийную, общегосударственную».

С этими мыслями он возвратился из обкома в Управление треста. Юлдашев поспешил ознакоми́ть Разыкова с наглядными материалами, подготовленными к его приезду. Умело подобранная документация, диаграммы, фотографии — все свидетельствовало о том, что он, Юлдашев, это время не сидел сложа руки.

— Об успехах треста сообщала и центральная пресса, и местная. Вот подшивка газет.

Разыков перелистал подшивку. С фотографий улыбались люди, которых он в эту свою поездку не встречал. Среди них были знатные механизаторы и строители, бригадиры и начальники передовых ПМК.

Он наугад показал на несколько снимков:

— Где сейчас эти герои?

— Уехали.

— Так... А почему так часто меняются у вас начальники колонн и бригадиры?

— Силой их здесь не удержишь.

— Что же их гонит отсюда?

— Прежде всего непривычные условия...

Этот довод Разыкову уже доводилось слышать, и он возразил:

— Хакимов работает в непривычных условиях уже третий год. Эльчи Марданов еще больше. А в Ивановской области — Байбеков, Рахманкулов...

Юлдашев только пожал плечами.

К вечеру, очутившись в своем номере в гостинице «Садко», Разыков позвал к себе Баймухамедова, спросил напрямик:

— Как по-вашему, Юлдашев на месте в должности руководителя треста?

— Конечно, он не без грехов. Но если мы ему поможем...

— И до каких пор мы будем его подпирать? Да, энергии ему не занимать, но часто он тратит ее на то, чтобы поскорее ввести в строй наиболее выгодные для него объекты. К серьезным же провалам в работе относится порой благодушно. От «трех недугов», о которых вы мне говорили, трест еще не излечился. А пора бы! И потом, что это за высокомерие по отношению к рабочим? Для него прочная спайка руководителя со своими работниками — «панибратство»! Нет, Хамид Хакимович следует по более верному пути.

Поразмыслив, Баймухамедов сказал:

— В свое время Хакимов был назначен заместителем управляющего трестом. Он бы справился и с должностью управляющего.

— Я в этом уверен. Но на Хамида Хакимовича другие виды. Мы пошлем его в Иваново. Там задачи не менее важные и сложные.

— А здесь... оставим Юлдашева?

— Нет. У меня такое впечатление, что он начал превращаться в чинушу. А руководство трестом — это живое дело. И не взять ли вам его на себя, а? Я над этим долго думал... Вы не раз бывали здесь; как представитель министерства курировали работу Узбекновгородстрой; знакомы с местными условиями...

Баймухамедов молчал.

— Молчание принимать как знак согласия?

— Мне пока трудно сказать: да.

— А «нет»?

Баймухамедов улыбнулся:

— Еще труднее.

— Соглашайтесь! — убеждающе произнес Разыков. — Тут перед вами развернутся такие перспективы! Ведь трест останется на Новогородщине и в одиннадцатой пятилетке. И мы его обеспечим «планов громадьем». Действуйте с размахом, смело, новаторски! Шире шаг, друг мой!

Не откладывая дела в долгий ящик, Разыков позвонил в Ташкент, согласовал свое предложение с руководством ЦК партии республики; потом договорился обо всем в обкоме партии и перед самым отъездом из Новгорода зашел в Управление.

Юлдашев разносил кого-то по телефону. При появлении Разыкова и Баймухамедова поспешно положил трубку. Выражение лица Баймухамедова говорило о том, что случилось нечто серьезное — и малоприятное для него, Юлдашева. Взгляд его сделался напряженным, выжидательным...

— Как вы посмотрите, товарищ Юлдашев, — осторожно начал Разыков, — если мы возьмем вас в аппарат министерства?

Юлдашев оторопело захлопал глазами:

— А как же... трест?

— Его возглавит товарищ Баймухамедов. Надеюсь, он не будет ссылаться на «непривычность условий». Он в курсе деятельности треста, ну, а на первых порах вы ему поможете, объясните — как, где и что...

Разыков подошел к карте, на которой проштрихованы были еще не освоенные земли.

— Видите, — сказал он Баймухамедову, — сколько еще здесь «бесперспективных» деревень и земельных площадей? Они занимают не меньше полутора миллионов гектаров. Их будущее — в ваших руках. Дерзайте! Если уж взбираться на гору, так на высокую.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

I

До Сумбулы дошел слух, что Кудратов уезжает из Иванова на другую работу, в родные места, поближе к детям. Но для нее была полной неожиданностью весть о том, что на его место назначен Хамид Хакимович. Значит, им придется лететь в Иваново, где они непременно встретятся с Эргашем-ака, и как знать, не заговорит ли в нем отцовское чувство, когда он увидит Лобар. Боже, что же ей делать? Сумбулу охватили беспокойство и страх, она уже ясно представляла себе, как Кудратов, взяв Лобар на руки, говорит: «Спасибо вам за ваши заботы, сестрица, но дочь должна быть с отцом...» От этих видений и тревожных мыслей у нее голова шла кругом, она еле дождалась, когда вернется с работы муж, и кинулась к нему с мольбой:

— Хамид-ака, зачем нам куда-то ехать? Разве нам здесь плохо? Остаемся на Новгородщине.

Хамид Хакимович мягко, как ребенка, погладил ее по голове:

— Вы же знаете: это невозможно.

— Я знаю, что вы не сработались с Юлдашевым, и его переводят в министерство. Но вы-то почему согласились покинуть Новгород?

— Руководству виднее, где мне работать.

Сумбула недоумевающе пожала плечами:

— Неужели же у Кудратова не было другого выхода, кроме как оставить свой пост в Иванове?

— Видимо, не было. Он сказал, что все время думает о детях, и это мешает ему работать. Когда они были с матерью, он был спокоен за них. А сейчас...

— Куда же его перевели?

— Директором нового джизакского совхоза. Очень крупного и перспективного. Там он будет рядом с домом, в окружении детей.

— И вместо него обязательно было назначить именно вас?

Хакимов засмеялся:

— А вы, я гляжу, начисто лишены тщеславия. Ведь вашему мужу оказано большое доверие...

В том, что муж ничего не боится, Сумбулу не надо было убеждать. Боялась она сама. Боялась, что Кудратов отнимет у нее Лобар. Муж недаром сказал: Эргаш-ака хочет быть в окружении детей... В эту фразу так легко вставлялось словечко «всех». Всех детей! А значит, и Лобар... Нет, она никому не отдаст свою дочь! В ней вся ее жизнь... И у нее помимо воли вырвалось:

— Лобар — наша дочь! Никто не заставит меня отвезти ее к Эргашу-ака! Ведь все же согласились, чтобы я ее воспитывала, и Эргаш-ака — тоже...

Она схватила Лобар, лежавшую в кроватке, ринулась с ней в спальню и захлопнула за собой дверь с такой поспешностью, будто ее преследовали, чтобы лишить дочери...

Хамид Хакимович тихонько постучал в дверь:

— Сумбула, как вам не стыдно? Вы что же, усомнились в благородстве и разумности Эргаша-ака? Именно из любви к дочери он и не подумает отнять ее у вас. Девочке нужна материнская ласка. И я ей не чужой: она родная моя племянница. Уверен, Эргаш-ака все это понимает. Разве ему не хочется, чтобы его дочь была счастлива?

— А если он женится на другой? — откликнулась Сумбула.

— Почему бы и нет? Не век же ему оставаться вдовцом. Но кто тогда решится отобрать девочку у женщины, к которой она привыкла, как к матери, чтобы отдать ее в руки мачехи?

— Все равно! — В голосе Сумбулы слышались слезы. — Я не поеду сейчас в Иваново!

Хакимову ничего не оставалось, как уступить жене. Он решил лететь в Иваново один, сказав Сумбуле на прощанье:

— Как только я приму дела у Кудратова и устроюсь на месте, тотчас вызову вас. А еще лучше —

пришлю за вами машину. Набиджан прокатит вас по Золотому кольцу.

Вся ПМК провожала Хамида Хакимовича до трапа самолета. Эльчи и Гуландом стояли рядом, но чувствовалась меж ними какая-то отчужденность.

Подозвав к себе Эльчи, Хакимов спросил:

— Вы что, поссорились?

— Да нет, с чего бы?

— Когда же свадьба?

Эльчи безнадежно махнул рукой:

— Какая там свадьба! Гуландом капризна, как осенняя погода: то солнышко проглянет, то снова тучи набегут.

— Жена говорила мне, что у вас, вроде, все наладилось. Гуландом расспрашивала ее о тебе — с обнадеживающей заинтересованностью!

— Я и сам уж однажды подумал, что небезразличен ей... Только когда это было! А теперь опять — тучки...

— Гуландом не повезло когда-то. Вот она теперь и боится...

Эльчи не дал Хакимову договорить:

— Знаю. Но мне от этого не легче.

— А ты не отступай! Гуландом ведь не из ломак, она серьезная девушка, и на серьезное чувство обязательно ответит...

Лицо Эльчи расплылось в задорной улыбке:

— Я и не собираюсь отступать. Мне, кроме нее, никого не надо!

* * *

Кудратов, встретив в аэропорту Хакимова, с некоторым недоумением спросил:

— А Сумбула не прилетела?

— Она позже приедет. У женщин на сборы уходит времени больше, чем у нас.

Хакимову пришлось слукавить, но Кудратов принял его объяснение за чистую монету и стал расспрашивать о Лобар:

— Как здоровье дочки? Выросла, наверно.

— За месяц-то? — хмыкнул Хамид Хакимович. — А насчет ее здоровья не волнуйтесь. Такая крепышка...

— У меня вообще за нее душа спокойна: ведь она с Сумбулой. Я так благодарен вашей жене...— И Кудратов слово в слово повторил то, что говорил Сумбуле Хакимов. — Девочке нужна материнская ласка. А Сумбула так любит детей.

II

Первыми Кудратов «сдавал» своему преемнику приречные земли, расположенные в Приволжском районе.

И, конечно, не упустил случая привести Хакимова на берег Волги. Она была здесь не так раздольна и могуча, как в среднем и нижнем течении, но достаточно широка. Ледостав еще не наступил; ветер, порывами налетая на реку, словно раскачивал ее воды, волны вздымались, бурля и разбрызгивая пену, обрушивались на берег, тут же опадали, откатывались назад, а потом, набрав силу, вновь бились о береговую обрыв. Грохот стоял такой, как будто совсем рядом мчалось несколько товарных составов. Небо заволокло хмурыми темными тучами, и вода в реке тоже казалась черной.

Зрелище было внушительное, и Кудратов поглядывал на Хамида Хакимовича так, словно не природа творила эту мрачно-мятежную красоту, а он сам.

— А видели бы вы Волгу во время весенней грозы! — проговорил он с гордостью в голосе. — Молнии строчат с высоты, как трассирующие пули, выпущенные из пулемета, и гаснут, не достигая воды и земли. Дождь льет как из ведра. Но вот грозовой фронт отступает, и от вспаханной земли, напитавшейся влагой, поднимается пар; он сливается с маревом, нависшим над землей, и в этом есть что-то фантастическое. Я не устаю любоваться Волгой и приволжскими лугами и полями. Вам тоже придется по душе здешние пейзажи, я в этом не сомневаюсь.

— Ну, у нас на Новгородщине виды не хуже! — обиделся за свою область Хакимов. — Одно Ильмень-озеро чего стоит.

Знакомясь с «хозяйством» Кудратова, Хакимов невольно сравнивал уголья, получившие новую жизнь, с теми, какие освоила его ПМК под Старой Руссой. И без зависти поделился своими выводами с Кудратовым:

— Хорошо вы здесь поработали. Плодородность по-

лей в совхозах «Гулистан» и «Дружба» повыше, чем в «Чинаре».

— Вам виднее. И если это так, то, по-видимому, вот из-за чего. Конечный результат, по которому оценивается труд наших мелиораторов, это урожай зерновых, овощей, кормовых культур, собранный с освоенных площадей. К тому же в здешних селах народ оседлый, молодежь в город не так уж рвется, наоборот, к родным очагам возвращаются и те, кто когда-то покинул их. Колхозники и рабочие совхозов обеспечиваются хлебом и мясом, в общем, в достаточной мере. Может, и потому, что в личных хозяйствах держат скот и птицу.

— А как в этих хозяйствах с кормами?

— Гм... Что греха таить, туговато. Руководители колхозов и совхозов в этом отношении прижимисты. Мне, к примеру, приходится воевать с Алексеем Васильевичем, директором «Гулистана»; если он и подбрасывает сена владельцам скота, так со скандалом. Есть тут солдатская вдова, Евдокия Порфирьевна, пришлось над ней взять шефство Байбекову. Ее даже называют: «бабушка колонны». И к вам просьба: не бросайте ее в беде...— Кудратов помолчал.— Но так или иначе, а люди заводят и коров, и свиней, и кур. И это весомый вклад в общенародную копилку. А вопрос с кормами, думаю, как-то решится в следующей пятилетке.

Разговор этот происходил возле чайханы «Жемчужина», являющейся гордостью Кудратова. Неожиданно полил дождь, перемешанный с мокрым снегом. Кудратов и Хакимов, подняв воротники пальто, поспешили укрыться под тополем с густо переплетенными ветвями.

III

Кудимов, ожидавший прихода Кудратова и Хакимова, встретил их в приемной и радушно сказал, сделав рукой приглашающий жест:

— Пожалуйста в кабинет, товарищи. По-узбекски, уртақлар, так?

Как обычно, он был бодр, жизнерадостен, приветлив.

Как только гости заняли свои места возле стола, за которым уселся Кудимов, секретарша принесла три

стакана горячего черного чая и блюдо с лимоном, нарезанным тонкими дольками.

— Угощайтесь,— предложил Кудимов, — крепкий чай — помощник сердечной беседе...— Он размешал ложкой сахар в стакане, отхлебнул из него.— Итак, одному из вас надо пожелать счастливого пути, а другому сказать: добро пожаловать, не так ли? Да вы пейте чай, не то остынет.

— Вот, хочу вам представить своего преемника,— сказал Кудратов, — Хамид Хакимович Хакимов, прошу любить и жаловать.

— Как же, наслышан о вас, Хамид-ака. «Ака» — я не ошибся?

— Скорее «ука» — младший брат,— улыбнулся Хакимов.

— Рад, что вы продолжите дело, начатое Эргашем Кудратовичем. Хотя, честно говоря, очень огорчен, что он от нас уезжает. Вот какие противоречивые чувства меня раздражают...

Все засмеялись.

— Я слышал, Хамид Хакимович, что вы уже осмотрели земли, предназначенные под освоение, готовые поля, совхозные поселки и службы? Что-то, наверно, вам понравилось, что-то вызвало критическое отношение. С удовольствием вас выслушаю.

— Критики — не будет,— Хакимов перешел на шуточный тон. — Все-таки Эргаш-ака — мой родственник.

— Копите критический заряд — про запас!

— Нет уж, позднее мне пришлось бы критиковать самого себя. Я принял эстафету от Кудратова, и с него теперь взяты гладки. А если серьезно — меня поразили объем работ, проделанных «Узбекивановостроем». Я уже говорил Эргашу-ака, что плодородность полей у вас — выше всяких похвал.

— Ну, тут мы еще устуаем Московской области.

Кудратов задумчиво смотрел на знакомую карту, распластанную на стене за спиной Кудимова. На ней уместилось все Нечерноземье. Вон и Ивановская область... Пространства, три года назад обведенные зеленой линией, теперь закрашены багрянцем, а зелеными линиями окаймлены новые площади — их освоением заниматься уже Хакимову. Да, многое сделано, и многое еще предстоит сделать.

Кудимов и Хамид Хакимович тоже взглянули на карту, и секретарь обкома сказал:

— Соберитесь с силами, дорогой Хамид Хакимович. Чтобы вот эти белые пятна на карте обрели багровый цвет, вам придется использовать весь опыт, накопленный мелиораторами из Узбекистана. Узбекистан и на будущие годы выделил достаточные средства для наступления на ивановскую целину. — Он улыбнулся. — Впрочем, что какой-то миллион рублей для республики, собравшей тонны «белого золота»? Мы победнее, так что выручить нас может только «хашар». Что ж, у вас есть хорошая поговорка: у тех, кто плывет на одном корабле — одна судьба. А нам вместе еще плыть и плыть... Учтите: плавание будет долгим. Мы вас так легко не отпустим отсюда.

— Поработаем вместе и в одиннадцатую пятилетку? — спросил Хакимов.

— Считайте, что и в двенадцатую. К концу девяностых годов число освоителей удвоится. Так что судьба будущих поколений, тех, кому жить в двадцать первом веке, — в наших руках. Такова наша программа. Таковы перспективы. Таков наш долг!

«Да, — думал Эргаш Кудратович, слушая Кудимова, — еще не освоенные, не введенные в сельхозоборот земли — это бескрайний резерв продовольственного изобилия. Это бесценный клад, который еще не открыт и никому пока не приносит пользы. Сколько тут работы! Самые горячие события только еще разворачиваются. А ты уезжаешь, покидаешь край, которому отдал столько энергии. Правильно ли ты поступаешь, Кудратов? Не сворачиваешь ли в сторону, не пройдя и половины пути?

IV

По календарю на дворе уже стояла зима, но вдоль кишлачных улиц разгуливали теплые ветерки, и солнце, хотя грело не сильно, но светило ярко, и застекленный айван, окна в комнате Кудратова, выходявшие на солнечную сторону, сверкали, как зеркала.

Кудратов, после возвращения в Джизак взявший месячный отпуск, никуда не выходил из дома. Его ни на шаг не отпускали от себя дети, да и родственники не давали ему скучать, и от гостей не было отбоя. Сам он блаженствовал, бродя по двору, подставляя лицо ветру и солнцу, и мечтая о том, как наступит весна,

окутав землю, поля и деревья свежей зеленью, а за ней знойное лето, а потом щедрая плодоносная осень. Как хорошо, славно в родных местах!

Правда, порой, когда он оставался один, ему начинало казаться, что вокруг темно, холодно, пусто... Ведь закатилось солнце его жизни — Дилафруз...

Взяв с собой детей, Кудратов наведалься на кладбище, где она была похоронена. Кладбище было обнесено бетонной оградой, как городская цитадель, и за ним начиналась Джизакская степь. В каждой из четырех стен прорублены ворота. Прежде этой ограды не было... О благоустройстве кладбища позаботился, видно, Халил Бахрамов, которого Кудратов должен был сменить на посту директора совхоза. Но кто бы это ни сделал, спасибо ему, удачи ему!

Могила Дилафруз находилась близ восточных ворот, в ряду других, древних и свежих. Кто-то обложил ее аккуратно обтесанными камнями. В изголовье лежали увядшие цветы. Дети убрали их, и Кудратов бережно положил на освободившееся место букетик гвоздик, выращенных в оранжерее совхоза «Гулистан» — Кудратов привез их из Иванова, чтобы подарить жене, дети рядком пристроились возле него. Когда он начал что-то шептать одними губами, они благоговейно затихли, лишь Атаджан вертелся, посматривая то на отца, то на могилу — он не знал, что там покоится его мать. Его уверили, что мать захворала, и ее увезли в одну из ташкентских больниц.

Кудратов решил, что мальчика нельзя больше обманывать, ведь рано или поздно все равно придется сказать ему правду. И, глядя сына по голове, он тихо проговорил:

— Атаджан, мы не хотели тебя огорчать и молчали... Но твоя мама спит вот здесь, под землей. Она умерла. И когда ты подрастешь, то будешь часто приходить к этой могиле с цветами. Это твой святой сыновний долг.

Мальчик мало что понял из слов отца. Почему его мама должна спать под землей, когда другие мамы спят дома, обняв своих детей? И, значит, он никогда ее больше не увидит? Лицо его жалобно сморщилось, и Кудратов, схватив сына на руки и крепко прижав к себе, зашагал, в окружении других детей, к воротам.

Кладбище напоминало бахчу с большими несор-

ванными дынями... Над иными могилами высились мрачные памятники, поблескивая под солнечными лучами.

Тут, рядом с Дилафруз, ты найдешь и свой последний приют,— почему-то подумалось Кудратову. У него было горько на душе...

* * *

Когда-то Кудратов мечтал создать в знойной Дживакской степи необыкновенный совхоз, не похожий на другие. Теперь ему предоставлялась возможность воплотить эту мечту в явь. Но он не торопился принимать дела у Бахрамова. И никто не требовал от него, чтобы он поскорее приступал к работе: зачем тревожить человека, если он в отпуске и проводит время в кругу детей, друзей, родни...

Оставшись одни, сидя за столом, Хаким-ата и Кудратов некоторое время молчали, вглядываясь друг в друга. «Да, зять сильно сдал,— думал старик. — Похудел, как, в чем еще душа держится? И то сказать, горе кого хочешь согнет...» Кудратову тоже показалось, что его тесть осунулся, глаза запали, кожа приобрела землистый оттенок — за последние недели он постарел на несколько лет.

Мало того, что он потерял дочь — все его дети разлетелись из родного гнезда кто куда. Ему приходилось довольствоваться лишь письмами от них да телефонными звонками.

— И знаете, что написал мне Эргаш? Мол, теперь не увидимся долго. А если соскучились по внукам, то приезжайте к нам, на БАМ, и я покажу вам, так он пишет, Дальний Восток, тайгу, Байкал, прокачу по новой железной дороге.

— А почему бы вам не поехать? — заметил Кудратов. — Развеетесь, мир посмотрите.

— Э, куда уж мне! — махнул рукой старик. — Жизнь на исходе, силы все убывают... Вон и Бурибай нас к себе приглашает, на КамАЗ, обещает свозить на Каспийское и Черное море. Соблазнительно, конечно. Да после смерти дочки старуха моя совсем захирела... Как ни хочется повидаться с детьми и внуками, а с места-то уж трудноато сдвинуться. Добро бы, они где-нибудь неподалеку устроились, а то вон ведь куда забрались: на Дальний Восток, в Африку, на Волгу. Манзу-

ра с зятем собираются, вроде, в Ирак. А там неспокойно... И на душе у меня нет покоя.

— Да, — сказал Кудратов, — я все хорошо понимаю. Вдали от детей я совсем извелся, ради них пришлось бросить и работу, и места, которые я любил. Обидно это — уезжать, не доведя дело до конца. Утешает лишь то, что заменил меня не чужой человек, а ваш сын, Хамиджан. В нем я уверен. И все-таки — такое ощущение, будто я упустил, потерял что-то очень важное, ценное.

— Но вам же предстоит здесь новый совхоз возглавить. Тоже ответственное дело.

— У этого совхоза уже есть крепкий хозяин: Халил Бахрамов. Молод он, правда, и опыт у него небольшой, но, если ему помочь, он вырастет в дельного, толкового руководителя. Энергии-то у него хоть отбавляй. В груди огонь, а не сердце, шагает — так искры летят из-под подошв. Нет, нельзя у него сейчас вышибать почву из-под ног.

— Но, наверно, все обдумали, прежде чем решили назначить вас на его место...

— Я тоже хорошо все продумал. Решение это — ошибочное, и я буду настаивать на своем мнении.

— А не поймут ли вас так, будто вы добиваетесь поста — повыше?

— А мне это безразлично. Главное, чтобы для дела польза была.

Наступила долгая пауза. Кудратов подпер кулаком подбородок, губы у него были плотно сжаты, он напряженно о чем-то раздумывал. Видно, тесть задал ему задачу...

Посочувствовав зятю, Хаким-ата поспешил перевести разговор на другое:

— Сынок, а не кажется вам, что в доме нужна хозяйка?

— Что? — Кудратов выпрямился на своем стуле. — Вы предлагаете мне жениться?

— Не сейчас, конечно...

— Об этом не может быть и речи, — отрезал Кудратов.

На том беседа и закончилась. Хаким-ата завел разговор о женитьбе, переживая за зятя и желая ему добра, но у того слишком еще свежа была душевная рана.

Меж тем отпуск у Кудратова подходил к концу. В

совхозе с нетерпением ждали, когда новый директор приступит к исполнению своих обязанностей. Бахрамов, готовясь сдать ему дела, не испытывал ни обиды, ни мук ущемленного самолюбия: для него авторитет Кудратова был незыблем.

Как только Эргаш Кудратович появился в совхозе, Бахрамов провел его по поселку, где большинство домов было построено совсем недавно, показал участки, освоенные этой весной, ирригационную систему, поделился планами на будущее: все было нацелено на то, чтобы сделать новый совхоз образцовым.

Осмотрев все и внимательно выслушав Бахрамова, Кудратов сказал:

— Что ж, начало положено доброе, и ваши идеи, планы не вызывают возражений. У совхоза большое будущее. У вашего совхоза, Халилджан. Вы начали, вам и продолжать.

Не заходя в контору, он простился с озадаченным Бахрамовым прямо на улице и на попутной машине уехал в райцентр.

Первый секретарь райкома принял его с почтительным уважением:

— Я рад, что мы будем работать вместе. О ваших успехах в Иванове у нас все знают. С совхозом уже ознакомились? Готовы его принять?

После некоторого молчания Кудратов проговорил:

— Не могу взять в толк, почему вы хотите освободить от должности талантливого, толкового, перспективного работника, который уже столько сил вложил в строительство совхоза?

— Да, вы правы, — кивнул секретарь райкома, — за короткое время Бахрамов уже многое успел сделать. Вы получаете отличного заместителя.

— Почему заместителя? Он вполне на месте в должности директора совхоза. Лишать его сейчас руководящего поста — все равно, что осадить на скачках коня, который идет первым.

У секретаря райкома отлегло от сердца. Для него было неожиданностью назначение руководителя такого масштаба, как Кудратов, директором совхоза, где дела и так шли неплохо. То, что Кудратова направили к ним, это, конечно, честь для района, однако секретарь райкома испытывал некоторую неловкость — по отношению и к Кудратову, и к Бахрамову. Своим твердым заявлением Кудратов выводил его из весьма

щекотливого положения. И он, с уважением взглянув на своего собеседника, сказал:

— Я вполне с вами согласен.— Но тут же в голосе его появилось сомнение.— Только что скажет область? Этот вопрос — в компетенции обкома.

В этот же день Кудратов побывал и в обкоме, высказав там свои соображения.

Ему не ответили ни «да», ни «нет», и посоветовали обратиться к Разыкову.

Кудратов не стал зря терять время и на другое же утро отправился в Ташкент.

* * *

Кудратов вернулся домой поздней ночью. Все спали. Лишь Атаджан ждал отца и, увидев его, повис у него на шее:

— Папочка! Я боялся, что ты уехал...

Эргаш Кудратович крепко прижал сына к себе:

— Без тебя я никуда не уеду.

— Правда?

— Да. Мы поедем вместе.

— Куда?

— Далек-далеко...

— А когда?

— Не раньше, чем через месяц.

Теперь Кудратову часто приходилось выезжать в Ташкент, готовить новый «десант», и каждый раз, когда он возвращался, Атаджан его спрашивал:

— Папочка, месяц еще не прошел?

Вскоре обстоятельства переменялись. Старший сын Кудратова, заканчивавший институт в Ташкенте, женился там и привез молодую в Джизак, в дом отца. Уже через несколько дней Атаджан души в ней не чаял; она была такой ласковой с ним, что мальчику начало казаться, будто ожила мать. Та, и правда, чем-то походила на Дилафруз в молодости.

И когда настало время собираться в дорогу, мальчик закапризничал. Его и с отцом тянуло поехать, и не хотелось расставаться с «тетей Лолой». Малыш, если ему всего три года, в женском внимании нуждается все-таки больше, чем в мужском.

На семейном совете порешили: пусть Атаджан, пока Кудратов не втянется в работу, не обустроится на но-

вом месте, побудет с молодой невесткой, а потом отец заберет его к себе...

В последний вечер перед отъездом, когда на землю опустились сумерки, Кудратов зашел на кладбище — попрощаться с Дилафруз. Могила была припорошена выпавшим недавно легким снежком. Стояла плотная тишина, лишь из дальней части кладбища доносились женские рыдания — то ли мать оплакивала сына, то ли вдова — мужа.

У Кудратова сердце разрывалось, но он сдержал наплывавшие слезы: мужчинам не положено плакать у могил своих близких. Он присел возле могилы на пень от срубленного дерева и мысленно обратился к жене: «Спи спокойно в своем последнем прибежище, пусть земля будет пухом, а память о тебе вечной. И знай: где бы я ни был, ты всегда в моем сердце. А о детях не беспокойся, с ними все в порядке, и они меньше всего похожи на сирот». Ему вдруг почудилось, что Дилафруз спросила о малышке, которую так и не довелось ей напоить материнским молоком... «Дочка наша в надежных руках; я, правда, до сих пор не видел ее, но постараюсь обязательно проведать».

* * *

К месту нового назначения Кудратов должен был проезжать через Старую Руссу, и у него мелькнула мысль: может, Сумбула с Лобархон еще там; не так давно он узнал от Хакима-ата, что малышка приболела, и Сумбуле пришлось задержаться на старой квартире. Если она так пока и не уехала, то он заглянет к ней по дороге и повидает, наконец, младшенькую.

В Старую Руссу он позвонил из Москвы, и когда попросил к телефону Сумбулу Хакимову, незнакомый женский голос ответил:

— Она с дочкой на днях переехала в Иваново, за ними заезжал на машине ее деверь.

Кудратов медленно повесил трубку на рычаг.

Деверь? Ах, да, речь, наверно, шла о Набиджане. Значит, они переехали. И опять ему не судьба свидеться с дочкой. Впрочем, женщина говорила о Лобар как о дочке Сумбулы, и так оно на самом деле и есть: Сумбула ей теперь мать, а Хамид Хакимович — отец. Важнее же всего, что Лобархон жива-здорова и согрета любовью и заботой приемных родителей. Ей хорошо. В этой семье

ей всегда будет хорошо. Что еще можно пожелать своему ребенку?

* * *

И снова — зима.

Кудратов стоит на дороге, вдоль которой тянутся луга, покрытые белым ковром снега. В холодной небесной синеве сверкает солнце. Снег блестит, переливчато вспыхивает серебряными искорками.

Вдали виден густой лес; из-под снега, лежащего пушистой ватой на ветвях деревьев, на еловых лапах, кое-где проглядывают зелень, и лес кажется исчерченным белыми и темными полосами.

Россия...

Кудратов глубоко вдыхает свежий морозный воздух, и на память ему приходят стихи Хамида Алимджана:

О, Россия, Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров,
Я твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости,
И пролить свою кровь за тебя я готов!

1981 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	37
Глава четвертая	70
Глава пятая	97
Глава шестая	122
Глава седьмая	145
Глава восьмая	151
Глава девятая	164
Глава десятая	184
Глава одиннадцатая	206
Глава двенадцатая	220
Глава тринадцатая	233
Глава четырнадцатая	247
Глава пятнадцатая	261
Глава шестнадцатая	274
Глава семнадцатая	289
Глава восемнадцатая	321
Глава девятнадцатая	332
Глава двадцатая	342
Глава двадцать первая	352
Глава двадцать вторая	359
Глава двадцать третья	367

Ибрагим Рахим

ДАРИЮ ТЕБЕ СОЛНЦЕ

Роман

Перевод с узбекского

Редактор А. Р. ЛИПКИНА

Художник К. И. ИШИН

Художественный редактор А. И. КИВА

Технический редактор В. Н. БАРСУКОВА

Корректор Л. В. ЛЕБЕДЕВА

ИБ № 3265

Сдано в набор 06. 05. 86. Подписано в печать 05. 05. 87.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Литературная гарнитура. Высокая печать Усл. печ.
л. 20.16±0.42 вкл. Усл. кр.-оттисков 21,21. Уч.-изд. л.
22,03±0,67 вкл. Тираж 30 000. Заказ № 1061. Цена 1 р. 50 к.
Договор № 38—83

Издательство литературы и искусства имени Гафура
Гуляма, 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии издательства
«Таврида» Крымского ОК КП Украины, 333700, г. Сим-
ферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

ГП ТПНО «Матбуот» Государственного комитета
УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Ташкент — 700129, ул. Навои, 30.

Рахим, Ибрагим.

Дарю тебе солнце: Роман /Авториз. пер. с узб.
Ю. Карасева.—Т.: Изд-во лит. и искусства. 1987.—384 с.

Роман Ибрагима Рахима посвящен грузеникам Нечерноземья, где с представителями разных национальностей посланцы узбекской земли — опытные мелиораторы, строители помогают создавать образцовые совхозы. Автор пишет об интернациональной дружбе, показывает истоки трудового героизма.

Уз2